

non-fiction

Майкл Вуд

ТРОЯ

В ПОИСКАХ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

63.3(0)31

В 881

Michael Wood

Майкл Вуд

IN SEARCH OF THE
TROJAN WAR

ТРОЯ
В ПОИСКАХ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

*Перевод с английского
Виктора Шарпова*

МОСКВА 2007

УДК 94(392)«-2»
ББК 63.3(0)313.31
В88

Michael Wood
In Search of the Trojan War

Настоящий перевод книги «Троя: В поисках Троянской войны», впервые опубликованной в 1985 году BBC Worldwide Limited под названием *In Search of the Trojan War*, осуществлен по лицензии, выданной BBC Worldwide Limited.

Вуд, Майкл.

В88 Троя: В поисках Троянской войны/Майкл Вуд; пер. с англ. Виктора Шарапова— М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007. — 400 с. — (Non-fiction).

ISBN 978-5-98132-096-5 (рус.)
ISBN 0-563-52265-8 (англ.)

На протяжении тысячелетий людей манили сказания о Трое. Ахилл и Гектор, Парис и знаменитая красавица Елена до сих пор остаются любимыми персонажами искусства и литературы. Но действительно ли эти необыкновенные люди ходили по нашей земле? Была ли на самом деле осада Трои?

В глубоком исследовании комплекса археологических, литературных и исторических данных историк Майкл Вуд принимает в расчет последние важнейшие достижения в поисках легендарного места. Рассказывая об обнаружении в Москве так называемых «сокровищ Елены» и проводимых повторных раскопках Трои, дарящих нам новые сведения об историческом городе, книга предлагает по-новому взглянуть на одни из самых волнующих открытий в археологии.

УДК 94(392)«-2»
ББК 63.3(0)313.31

ISBN 978-5-98132-096-5 (рус.)
ISBN 0-563-52265-8 (англ.)

© Michael Wood, 1985, 1996, 2005
© В. Шарапов, перевод, 2007
© 000 «Издательство СТОЛИЦА-ПРИНТ», 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7
Благодарности 13
Пролог 17

Глава *первая*
ПОИСКИ ТРОИ 27

Глава *вторая*
ГЕНРИХ ШЛИМАН 69

Глава *третья*
ПРИХОД ГРЕКОВ 123

Глава *четвертая*
ГОМЕР: ПЕВЕЦ СКАЗАНИЙ 163

Глава *пятая*
ЦАРСТВО АГАМЕМНОНА 199

Глава *шестая*
ЗАБЫТАЯ ИМПЕРИЯ: ХЕТТЫ И ГРЕКИ 237

Глава *седьмая*
«НАРОДЫ МОРЯ» 277

Глава *восьмая*
КОНЕЦ БРОНЗОВОГО ВЕКА 331

Постскрипtum: Троянская война открыта еще раз? 367
Библиография 388
Благодарности за иллюстрации 394
Указатель 395

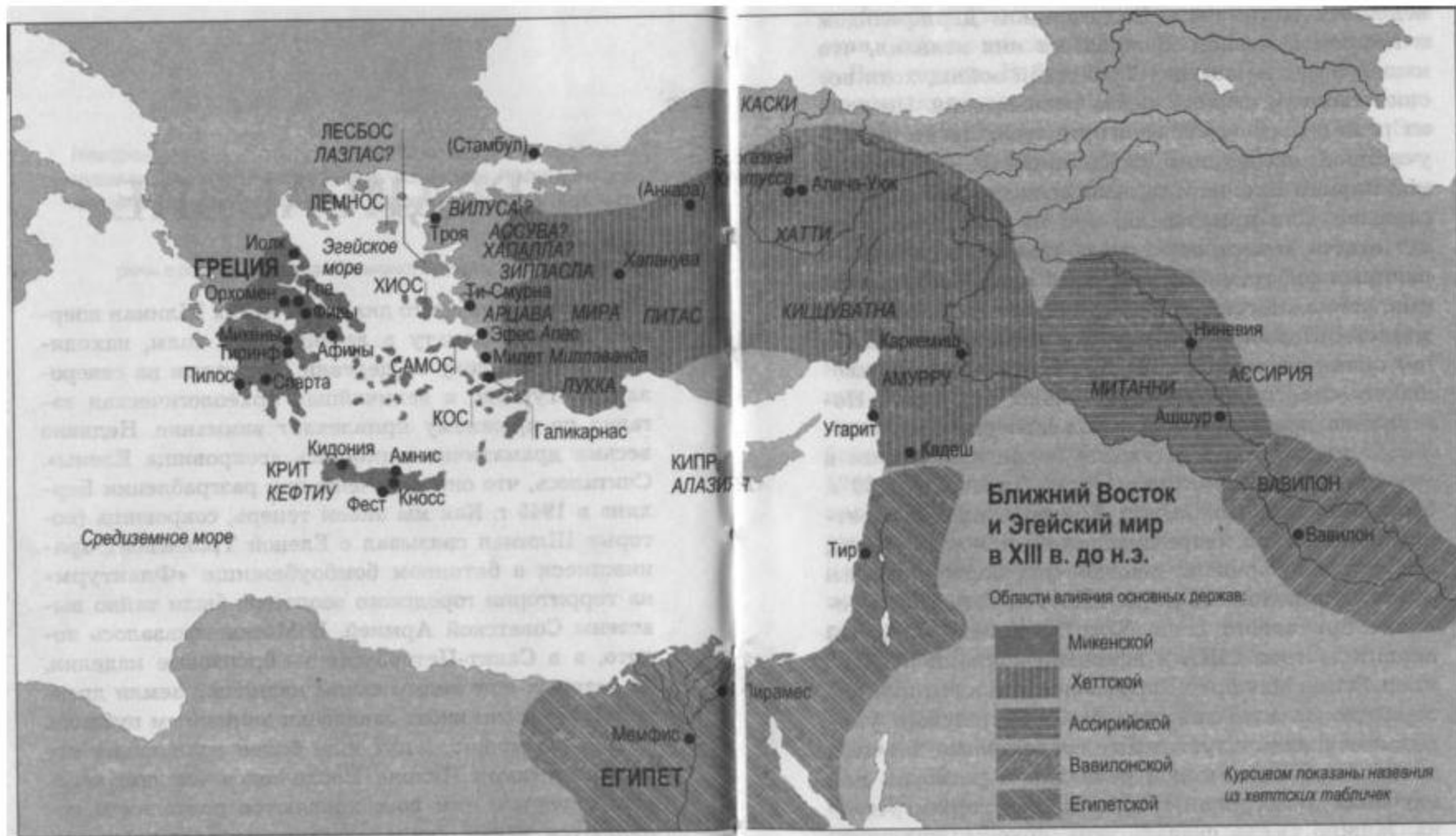
Неважно, сколько столетий отделяют нас от времен минувших. Значение имеет лишь важность прошлого для нашего интеллектуального и духовного существования.

Эрнст Курциус,
речь в память Генриха Шлимана, Берлин, 1 марта 1891 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прошло 135 лет с того дня, как Генрих Шлиман впервые воткнул лопату в легендарный холм, находящийся неподалеку от деревни Гиссарлык на северо-западе Турции, а величайшая археологическая загадка по-прежнему привлекает внимание. Недавно весьма драматично вернулись «сокровища Елены». Считалось, что они утрачены при разграблении Берлина в 1945 г. Как мы знаем теперь, сокровища (которые Шлиман связывал с Еленой Троянской), хранившиеся в бетонном бомбоубежище «Флактурм» на территории городского зоопарка, были тайно вывезены Советской Армией. В Москве оказалось золото, а в Санкт-Петербурге — бронзовые изделия, на которых еще видны следы налипшей земли древней Трои, и они вновь завладели вниманием публики.

Нас, возможно, ждут еще более волнующие открытия в самом Илионе. После более чем полувекового перерыва там возобновляются раскопки и появляются новые свидетельства, подтверждающие, что Гиссарлыкский холм, называемый нами Троей, действительно то место, где стоял город из греческого эпоса «Илиада», город Приама и Гектора.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В первом издании этой книги рассказывалась история трех великих раскопок на месте Трои, проведенных Шлиманом, Вильгельмом Дёрпфелем и Карлом Блегеном. Каждый из них заявлял, что нашел ответ на загадку Троянской войны, хотя все они находили свидетельства разных войн. Ни одна из разгадок не стала общепринятой. Летом 1938 г. участники экспедиции из Цинциннати, возглавляемой Карлом Блегеном, зарыли свои траншеи на Гиссарлыке. Они признавали, что на многие вопросы нет ответа, в частности, из-за ущерба, нанесенного ранними работами Шлимана, и ввиду ограниченных возможностей археологической техники того времени. Подобно большинству специалистов, Блеген пришел к выводу, что на столь выбранной площадке уже трудно ожидать новых открытий. Поэтому на протяжении длительного времени казалось, что его отчет останется последним словом в археологической истории Трои. Однако в 1988 г. было объявлено о планах крупных двадцатилетних раскопок на месте цитадели и нижнего города, где, как подозревали многие, под более поздним римским городом могло находиться большое поселение бронзового века. Хорошо финансируемый правительством США и немецкой компанией «Даймлер-Бенц» Манфред Корфман, возглавляющий интернациональную команду из Тюбингенского университета, использует самые современные научные методы археологической разведки и раскопок для изучения культурной и природной истории региона. Можно смело сказать, что, похоже, получены ответы на большинство вопросов, связанных с Троей. Полученные результаты обобщены в заключительной главе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Так как же обстоят дела с историей Трои и Троянской войны? Повторим вывод первого издания этой книги. Гиссарлыкский холм — это место, где стоял город, впоследствии разграбленный греками в Век героев. В бронзовом веке Гиссарлык, возможно, являлся столицей одного из мощных государств западной Анатолии (Эгейской Турции). Это известно из дипломатической переписки на глиняных табличках, найденных в большом количестве в Турции. Троя входила в состав Хеттского царства, одного из самых могущественных государств того времени на Ближнем Востоке, и была причиной вражды между греками и хеттами в середине XIII в. до н.э. Кроме того, я доказывал, что больше нельзя придерживаться общепринятого датирования Троянской войны, предложенного Карлом Блегеном, и что разрушение Трои следует отнести к более раннему периоду XIII в. до н.э. (около 1275—1260 гг.), когда греческая микенская культура находилась на самом подъеме и хетты во что бы то ни стало стремились удержать свое ненадежное владычество в западной Анатолии. Это и явилось истинной причиной Троянской войны, что можно доказать первоисточниками — дипломатическими архивами Хеттского царства, содержащими свидетельства сношений хеттов с могущественным «Великим царем» ахейского государства, которого можно отождествить с греческим материковым царем царей, каким описывается в легендах Агамемнон. То есть основные факты повествования Гомера — город, расположение Дарданелл, греческая экспедиция, война — правдивы.

Спустя 20 лет и с чувством облегчения я могу сказать, что логические заключения первого изда-

ния этой книги не были опровергнуты новыми открытиями. В то время среди многих ученых существовало неприятие идеи того, что эпос имеет реальную связь с историческими событиями XIII в. до н.э. Было широко распространено мнение, что Троянская война — просто миф, не имеющий никакой связи с историей. Когда вышло в свет первое издание книги, для меня было честью оказаться объектом энергичной атаки главы троянских скептиков, ныне покойного сэра Мозеса Финли. С другой стороны, Дональд Истон посвятил этому вопросу несколько страниц в периодическом издании «Antiquity» и склонился в пользу моих заключений. С тех пор новые археологические открытия, дипломатическая переписка и достижения лингвистики продолжают подкреплять теорию историчности Троянской войны, и они уже дали новые важные сведения о городе у Дарданелл, являющимся по-прежнему самым выдающимся доисторическим местом во всей западной Анатолии. Сейчас исторические основы сказания о Трое представляются более прочными, чем когда-либо за все 135 лет ее исследования.

В новом издании «Трои» я добавил заключительную главу, обобщающую последние открытия, уделив особое внимание раскопкам, ведущимся на Гиссарлыке. Кроме того, я обновил библиографию. Приношу свою благодарность д-ру Элизабет Френч за ее неиссякаемую щедрость в ответах на мои запросы и за разрешение опубликовать письмо Карла Блегена своему отцу, Алану Уэйсу. Благодарю профессора Манфреда Корфмана за дополнительные сведения и поправки в отношении его находок в Бешик-тепе и в самой Трое.

Майкл Вуд

БЛАГОДАРНОСТИ

«Я скорей бы отправился на поиски Утопии или карибского острова Робинзона Крузо и его лачуги, и вернулся бы с равным успехом», — сказал distinguished Джейкоб Брайант о поисках Трои, которую он считал никогда не существовавшей (1799). И если я вернулся из своей одиссеи с каким-то успехом, то это в значительной мере заслуга многих ученых и моих друзей, весьма и весьма пополнивших меня знаниями.

Я приношу благодарность своим друзьям, снявшим фильм, сопровождающий эту книгу: Биллу Лайонсу, продюсировавшему и режиссировавшему фильм с великим мастерством и троянской стойкостью; Аннетте Штайнхильбер, придававшей нам силы; Ричарду Ганниклифту, Денису Картрайту и Алану Паркеру, бывшим неисчерпаемым источником поддержки и доброго юмора; Колину Адамсу, исполнительному продюсеру, за его неоценимое терпение и советы при создании и редактировании серий. Должен поблагодарить Дэвида Джексона, Грэма Виверса и Терри Бартлета, Пата Хагерти и Роя Ньютона, прекрасных редакторов. Мордо и

БЛАГОДАРНОСТИ

Севим Беркеро́в за их безграничное гостеприимство в Турции. В Греции — Марию Кумариану-Пауэлл. Шейла Аблеман невозмутимо редактировала книгу, Вив Брирли прокладывала путь по «лабиринтам» рукописей — им мое огромное спасибо.

Я в большом долгу перед профессиональными учеными в этой области. Мне хотелось бы поблагодарить профессоров Джорджа Хаксли, Кевина О'Нолана, Джона Дэвиса, Леонарда Палмера, Оливера Гэрни, Питера Уоррена, Колина Ренфрю, Джеймса Хукера и сэра Мозеса Финли, докторов Оливера Дикенсона, Криса Ми, Мервина Пофама, Нэнси Сандарс, Дэвида Хокинса, Джона Лейзенби, Джима Макквина, Джона Киллена, Ливию Морган, Брайана Хейнсуорта, Джеймса Джексона, лорда Вильяма Тейлора и генерала сэра Джона Хакета. Все они были добры, пожертвовав время для обсуждения со мной различных вопросов. Особая благодарность профессору Джоффри Кирку, профессору Р. Х. Кроссланду и доктору Джону Чедвику за их помощь и советы, а также докторам Джону Бинтлиффу, Джеймсу Мелларту, Дональду Трейлу и профессору Гансу Гютербоку, разрешившим мне воспользоваться неопубликованными материалами. Лесли Фиттон любезно разыскал для меня в Британском музее письма Калверта и Шлимана. Доктор Кен Китчен обеспечил меня самыми труднодоступными материалами и моральной поддержкой. Дональд Истон щедро тратил свое время на обсуждения со мной проблемы Трои в свете его исследований записей Шлимана, позволив использовать свои неопубликованные материалы при вычерчивании планов: все его приверженцы будут с нетерпением ждать публикации его работы. Хотел бы также поблагодарить Джеймса Канди, поделив-

БЛАГОДАРНОСТИ

шегося своими воспоминаниями о сэре Артуре Эвансе. Приятным долгом будет для меня выразить благодарность Сэнди Макджайливри, Синклеру Худу и Вильяму Тейлору за памятный вечер в таверне в Кноссе при обсуждении ключевых проблем. В Греции мне очень помогли профессора Катерина Кумариану, К. Думас и Спиро Яковидес и доктора И. Сакеллеракис и Александра Карецу. А профессору Георге Милонасу я обязан незабываемым днем в Микенах. Рад поблагодарить Германские школы в Афинах и Стамбуле за проявленную любезность и особенно Клауса Килиана, щедро делившегося со мной в Тиринфе своим временем и материалами. В Афинах Джером Сперлинг поделился своими волнующими воспоминаниями о раскопках группы из Цинциннати в Трое. В Турции мне оказали поддержку профессора Экрем Акургал и Т. Осгюк, доктор Седат Альп и Мустафа Гюзен Севинг, директор Троянской археологической площадки. Я выражаю благодарность Турецкому историческому обществу и Сереф Таслевой и самодельным бардам из Карса, продемонстрировавшим мне старинные приемы певцов преданий. Далеко на западе Европы Джон Генри и жители Килгаллигана в графстве Майо, благодаря Симусу О'Катойну, позволили мне соприкоснуться с последними мастерами этого искусства на Британских островах. Наконец, я хотел бы поблагодарить профессора Джона Льюса, прочитавшего мой текст и предложившего поправки, и доктора Элизабет Френч, которой не посчастливилось оказаться моей соседкой и пришлось терпеть мои бесконечные вопросы с неослабевающим терпением: ее критическому взгляду я обязан в большей мере, нежели она думает. Обычное предостережение, особо не-

обходимое в этой книге: настоятельно предупреждаю, что никто из вышеперечисленных ученых не несет ответственности за какие-либо фактические ошибки или неверные интерпретации, представленные в данной книге. В компилятивной работе невозможно добиться справедливости в представлении различающихся и жестко конкурирующих теорий — кто-то сказал, что историки зарабатывают на сомнениях, а журналисты — на фактах! Я надеюсь, по крайней мере, что остается справедливым то, что писал Гладстон о Гомере более ста лет назад: «Никакие усилия, потраченные ради великой мировой классики, сопровождаемые хотя бы каким-то реальным результатом, не пропадают зря. Лучше написать одно слово на скале, чем тысячу на воде или песке» («О Гомере»).

ПРОЛОГ

На протяжении значительного времени Илион был для языческого мира тем же, чем является сейчас Иерусалим для христиан, — «священным» городом, привлекающим паломников славой своих войн и своих скорбей и падающим на него отсветом древней святости. Безо всякого преувеличения мы можем сказать, что голоса, звучащие с этого холма, три тысячи лет назад обращались ко всему древнему миру, и их эхо отдается еще и сейчас.

Чарльз Макларен,
«Диссертация о топографии Троянской войны» (1863)

Автомобильный паром через «быстротекущий Гелеспонт» описывает огромную дугу вверх по течению, так силен поток воды, мчащейся по Дарданеллам. Бирюзовые волны бьются о борт парома, а ветер разбивает их на тысячи сверкающих брызг. В этой теснине, где лорд Байрон переплывал пролив, а Ксеркс строил понтонный мост, расстояние между берегами меньше мили. Позади нас остался полуостров Галлиполи и воспоминания о войне, которая была много позже. Впереди азиатский берег, минареты Чанакале. Здесь с доисторических времен переправлялись армии, купцы и переселявшиеся народы. И здесь лежит путь к Трое.

Путь к Трое! Есть ли другое название, пробудившее столько чувств у множества людей? В историях, рассказанных и записанных за время существования человечества, есть ли столь прославленное место?

От булыжных мостовых Чанакале современное асфальтированное шоссе идет вдоль прибрежной полосы на юг, мимо того места, где стоял древний Дардан. Теперь это просто невзрачный гребень над морем, усыпанный черепками. По правую сторону к берегу сбегают сосновые леса, слева — череда невысоких холмов. Видны корабли, идущие вверх по течению к Черному морю или вниз, к Средиземному, — греческий торговый корабль, русский крейсер и крошечные рыбацкие лодки, собравшиеся на лов скумбрии и тунца — так же, как они собирались и в бронзовом веке. Примерно через 10 миль дорога уходит от берега и спускается от Эренкоя (Интеле) в плодородную равнину, покрытую полями хлопка, подсолнечника, крупночешуйчатого дуба и пшеницы. Мы видим пастбища, белые тополя и ивы по берегам речек и ирригационных каналов, верблюдов с вьюками табака и с притороченными поверх ярких попон древнего вида кувшинами. Это долина Дюмрека, древнего Симоиса. Впереди простирается длинная лесистая гряда, возвышающаяся примерно на 100 футов над равниной. Дорога круто взбирается на нее, и на вершине стоит знак, указывающий, что справа «Truva» — Троя.

Мы сворачиваем на узкую проселочную дорогу и едем вдоль гряды на запад, к морю. Если на развилке свернуть налево, то попадешь в деревню Чиплак: грязные закоулки, деревянные анатолийские дома с выступающими верхними этажами и осы-

пающей штукатуркой, обнажающей дранку. На дороге коровы, мальчонка загоняет их во двор длинным прутом. Гогочут гуси. Именно здесь сначала жил Генрих Шлиман, приступивший в 1870 г. к раскопкам. Тогда это была деревня «диких» турок, появившаяся, вероятно, в XV или XVI в., когда в близлежащем Новом Илионе окончательно замерла жизнь. В 1816 г. путешественники вспоминали, что деревня была построена на развалинах города, и действительно, Шлиман пишет, что в 1873 г. новую мечеть с минаретом строили из камней, взятых из его раскопок. Дальше, дальше — минуем деревню Тевфикийе с сувенирными лавками и фальшивым «домом Шлимана». Весь материал для постройки деревни также добыт из шлимановского котлована. К западу от Тевфикийе засеянные поля усыпаны камнями, черепками и обломками мрамора с розовыми прожилками. На этом плато находился античный город Новый Илион, «Новая Троя», просуществовавший с 700 г. до н.э. до 500 г. н.э. В давние времена считалось, что он стоял на месте города, разграбленного в Троянскую войну. Дует яростный ветер, вздымая столбы пыли и сгибая ветви дубов, растущих вокруг места раскопок. За деревьями высится деревянный конь, поставленный для туристической забавы — сфотографироваться на фоне «свирепого зверя аргивян», из коего чрева вышли ночью могучие греческие герои, дабы «нализаться крови принцев». И этот ветер! Холодный, сильный — разве не сказал Гомер, что Троя была «ветристой»?

Идем вокруг музейного раскопа, по просеке между сосен, через аккуратный садик с рядами урн, желобчатых барабанов колонн и постаментов с над-

писями, высеченными прописными буквами, — отрывочными фразами о чувствах, объединявших античный мир: «Мелеагр приветствует консула и народ Илиона... побуждаемый его благоговением перед храмом и его чувством дружбы к вашему городу...» (Определение понятия «цивилизация» — «жизнь в городе». Римлянин Сенека писал: «Спросите меня об истинном образе человеческого бытия, и я покажу вам разграбление большого города»).

Вот и сама археологическая площадка, холм под названием Гиссарлык. На севере и на западе земля резко уходит вниз, к яркой зелени равнины, — город стоял на возвышенности, и если не «нависал», как писал Гомер, то, во всяком случае, возвышался над равниной. На юго-западе, позади Сигейонской гряды, отчетливо виден небольшой островок Тенедос, где, по словам Гомера, стояли греки на протяжении долгих 10 лет осады. На северо-западе в ясную безоблачную погоду (что здесь нечасто) у горизонта можно разглядеть Эгейское море и уходящий вдаль выступ. Это остров Имброс, а над ним гора, называемая Фенгари Самофракийская, стоит примерно в 50 милях отсюда. Именно с Фенгари, «лесистой вершины Фракийского Самоса», бог Посейдон наблюдал за Троянской войной. Так описал ее в 1810 г. путешественник Эдвард Кларк:

...препятствуя любым попыткам ее изобразить, она поднимается с поразительным величием. И когда ее эфирная вершина неопишимо ярко блистает в безоблачном небе, кажется, несмотря на ее удаленное расположение, что громада горы подавит всю Трою, если землетрясение сдвинет ее с основания.

У наших ног Троя. Если вы ожидали большего, чего-то напоминающего «высокие безмерно башни Илиона», быть может, средневековый замок или циклопические стены Греции, вы будете разочарованы. Площадка невелика, 200 на 150 ярдов. Перед нами превосходно выстроенные стены, а за ними — лабиринт из груд камней от строений разных веков, путаница канав и рвов, заполненных булыжником и поросших кустами.

Руины расположены на нескольких уровнях, здесь не единственная Троя. И добавляются трудности: как различить различные фазы Трои, как увидеть, где совмещаются сохранившиеся остатки. Цельной картины нет. Для начала скажем, что большая часть древнего поселения утрачена: античные строители, возводя новый центр, сравняли холм, уничтожив большую часть предыдущих городов. Археологи завершили эту работу. В силу необходимости археология ликвидирует то, что исследует, ибо, выявляя факты, извлекает из земли их свидетельства. Потому лишь несколько зубчатых башенок дают представление о высоте холма до начала раскопок в 1870 г. Раскопки проводили: Генрих Шлиман — шесть кампаний между 1870 и 1890 гг.; Вильгельм Дёрпфельд — в 1893 и 1894 гг. и американец Карл Блеген — между 1932 и 1938 гг. Эти башенки да небольшой нетронутый участок на южной стороне — все, что осталось для будущих поколений, реши они проверить работу своих предшественников.

Из цитадели вряд ли уже появятся новые свидетельства. Большая часть, к сожалению, была уничтожена раньше, чем начали применять методы, позволяющие распознавать уровни сложного строения и точного датирования стилей гончарных изделий.

Наше видение Трои — плод кропотливого труда Шлимана, Дёрпфельда и Блегена и их интерпретации результатов раскопок. Выкрашенные в желтый цвет знаки с номерами «Троя I-IX», обозначающие девять основных фаз существования города с 3000 г. до н.э. до падения Римской империи, — также итог их работы. Значение данного археологического объекта столь велико, что, если бы и не существовало легенды о Трое, все равно он стал бы ключевым в изучении Средиземноморья.

Следует помнить, что Троя (если этот город и в самом деле носил такое имя) была царской цитаделью, то есть домом для царских семей и их слуг, служившим убежищем для нескольких сотен человек и, возможно, еще около тысячи живших вокруг. Да, в пору расцвета этот небольшой холм всего лишь был обнесен стеной дворцом. Это позже станет он акрополем античного Нового Илиона, маленького провинциального городка «в углу» Римской империи. И никогда он не был процветающим городом. Театр вмещал всего 6000 зрителей, а население можно установить довольно точно по надписи (III или II вв. до н.э.), гласящей, что на одном из городских праздников накормлено 3000 человек.

Обозначения Троя I-IX разбиты на 47 промежуточных фаз. Эти слои человеческой жизни формировались постоянными перестройками, все еще практикуемыми в Анатолии (появление современной нам мебели оказалось столь разрушительным, что глинобитные полы приходится перекладывать через пару лет), сносом (обычная судьба городов древнего Средиземноморья), землетрясениями и просто тем, что жители покидали город. Выжившие в катастрофах или вновь пришедшие строили го-

род поверх старого, заравнивая его остатки, скрывая мусор, пищевые отбросы, кости, золу под свежим слоем земли, возводя стены из кирпича-сырца. Все начиналось сначала. Гиссарлыкский холм расширялся, рос, набрав 50 футов наслоений. Для сравнения: Лондон за свои 1900 лет поднялся на 20 футов, в которых современные археологи распознали не только общую историю его развития, но и важнейшие события — например, разграбление Лондона в 61 г. во время восстания Боудики, великие пожары 764, 1077 и 1666 гг., бомбежки в 1940 г. и т. д.

Курганы, подобные Троянскому, — наглядный пример человеческой истории: начало и конец новых рас и цивилизаций, разрушений и восстановлений, доказывающих упорную жизнестойкость человека.

Сегодня посетитель может пройти над великими стенами города — современника микенской эпохи в Греции, раскопанного Дёрпфельдом в 1893—1894 гг., чей насильственный конец он принял за гибель гомеровской Трои. Тут же стены и театр римского Илиона (Троя IX), города, знавшего христианских апостолов. Если идти вверх по улице от главных ворот, то видны остатки лачуг Троя VIIa и следы огня, уничтожившего их (которые Бlegen посчитал отметинами разграбления гомеровской Трои). От верхней части улицы можно пройти над стенами Троя II (2500 г. до н.э.), постоять у наклонного съезда, где в 1873 г. под слоем пепла Шлиман нашел вызывающие многочисленные споры «сокровища Елены». Пожар он приписал ко времени разграбления Трои. Так, за две-три минуты вы сможете пройти от времен микенских царей до времен Иисуса, от времен Александра Македонского до времен

ПРОЛОГ

строительства Великих пирамид. Здесь разные Трои и разные войны.

Стоя в жуткой заброшенной траншее с отвесными краями, которую Шлиман прокопал по северной части холма, возле разбитых стен, посетителю трудно вызвать в памяти эпические строки. Неужели это то самое место, которое воспел древний поэт? Если да, то оно было «раскопано мотыгой Зевса», как говорит Эсхил в «Агамемноне», истреблено «гибельным вихрем» — город, «стертый в пыль».

И все же это Троя, память о которой переживет последние следы ее физического существования. При ознакомлении с археологическими находками она предстает просто небольшим средиземноморским городком, одним из тысяч центров, объединявших людей, которые жили здесь, начиная с каменного века, и живут по сей день. Город, символизирующий *все* города. В западной культуре, в языках и памяти тех, кого мы называем индоевропейской расой, Троя, пожалуй, наиболее знаменита. И все из-за истории ее осады и разрушения, смерти ее героев, включая Гектора от руки Агамемнона, Ахилла и ахейских греков — ради Елены, «лица, что отправило в путь тысячи кораблей». Это сказание лежит в основании западной культуры. От Гомера до Вергилия, Чосера и Шекспира, Берлиоза, Йитса и других; оно уже стало метафоричным. Троянский конь, ахиллесова пята, одиссея — риторические фигуры многих языков. «Работает, как троянец», — по-прежнему говорят про заслуживающего похвалы. От Ксеркса и Александра Македонского до Мехмета Турецкого Троя была политическим и расовым при-

ПРОЛОГ

мером для подражания, корнями, как считал Геродот, «антагонизма между Европой и Азией». Это предание столь универсально, что использовалось французскими драматургами во избежание цензуры при передаче посланий в оккупированном фашистами Париже. Не мог мимо этого мотива пройти и Голливуд, выпустивший фильмы «Одиссей» и «Елена Троянская». Забавно тема высмеяна на телевидении в «невмешательстве» «Звездного пути» (где капитан Кирк с сожалением оставляет троянцев на произвол судьбы) и во «вмешательстве» «Доктора Кто» (где добрый доктор, не испытывающий подобных сомнений, оказывается одним из тех, кто побрасывает грекам идею построить деревянного коня!).

Итак: «В Трое, вот где сцена», — говорил Шекспир. Непреходящая притягательность сказаний об Ахилле, Гекторе, Елене более трех тысячелетий вела паломников в Троаду, окрестности Трои. Однако была ли в действительности Троянская война? Если да, то где стояла Троя? На том ли месте, которое мы так называем сегодня? Кем были гомеровские ахейцы и троянцы и почему они сражались друг с другом? Существовала ли Елена Прекрасная? И существовал ли на самом деле деревянный конь? Кроме того, почему это место так усердно и так долго искали? Откуда одержимость этой историей? И как Шлиман, Дёрпфельд и остальные приходили к тем выводам, которые они делали? В название книги вынесено слово «поиски», потому что я начинал ее писать, не имея ответов на такие вопросы, считая всю эту историю мифом, а вовсе не предметом для серьезного исторического исследования. Но я был убежден, что по-

иски сами по себе — стоящее дело, и если предстоит долгий путь, как писал Константинос Каватис в поэме «Итака», он будет «полон приключений и учения». Надеюсь, эти приключения и учение не оставят читателя равнодушным.

Глава первая

ПОИСКИ ТРОИ

От истинной и славной Трои в веках не осталось следов: не осталось и камня, чтобы удостовериться, где она стояла. Ее искали без особых успехов еще со времен Страбона. И Лукан, упоминая, что ее тщетно искали еще во времена Юлия Цезаря, заключает свой рассказ меланхолическим наблюдением о судьбе этого прославленного города: «даже руины его были уничтожены».

Роберт Вуд,
«Эссе о подлинном гении и творениях Гомера» (1769)

ПОЭМА ГОМЕРА

Начнем со сказания. Отправной его точкой является Гомер, его «Илиада» и «Одиссея». Однако необходимо пояснить, что и он использовал обширный цикл повествований, имевших отношение к Троянской войне. В «Илиаде» на самом деле описывается только один эпизод, занимающий несколько недель последнего, десятого, года войны. В античные времена существовали произведения, ныне утерянные или сохранившиеся в отрывках, рассказывающие о событиях, игнорируемых созданными раньше гомеровскими поэмами. Некоторые, как, например, известные под названиями «Киприя» и «Взятие Илио-

на», отличались большим размахом и мощью и были составлены вскоре после Гомера. Если Гомер жил в конце VIII в. до н.э., то его последователи трудились, вероятно, около 700 г. до н.э. или чуть позже, когда сочинительство стало в Греции весьма распространенным делом. Из дошедших до нас отрывков видно, что они, подобно Гомеру, в большой степени использовали старые устные предания.

Согласно греческим преданиям, Троя стояла вблизи Дарданелл. О ее общем местоположении никогда не возникало споров. Все топографические ориентиры хорошо знакомы: Дарданеллы, острова Имброс, Самофракия и маленький Тенедос, гора Ида на юго-востоке, сама равнина и река Скамандр, которая течет у подножия Иды. То был древний город, жители его известны как тевкры или дарданцы (по именам легендарных родоначальников), а также троянцы либо илионцы. Согласно легендам, так они назывались по именам героев — Троса и его дяди Ила, но другие источники сообщают, что первоначально Троя и Илион — два отдельных поселения (и действительно, упорное использование Гомером двух названий никогда не было удовлетворительно объяснено). Ил был отцом Лаомедонта, важной фигуры в легендах о Трое, потому что именно он построил несокрушимые стены, упоминаемые в предании. В этом ему помогали боги Аполлон и Посейдон, но он попытался надуть их при расплате, что и привело к первому падению Трои. Лаомедонт не отдал бессмертных снежно-белых коней Гераклу (Геркулесу) за помощь в уничтожении морского чудовища, насланного Посейдоном. Геракл набрал на Пелопоннесе небольшую армию — по Гомеру, всего шесть кораблей, — подплыл к Троаде

и напал на город, проломив стену в самом слабом месте, там, где богам помогал смертный герой Эак. Во время разграбления города Лаомедонта и его сыновей убили. В живых остался только самый младший, Подарк, поскольку только он считал, что следует отдать Гераклу причитающееся вознаграждение. Подарк был освобожден и получил новое имя — Приам, означающее «выкупленный», — пророческое в действительности имя. Геракл поставил Приама царем, а Троя была восстановлена внутри тех же стен.

За время своего долгого и успешного царствования, охватившего три поколения, Приам вознес Троию до былого могущества. У него было 50 сыновей и 20 дочерей. Старший сын — великий воин Гектор, следующий — Парис (носивший также имя Александр), и именно ему роковым образом суждено было стать источником всех бед.

Для древних Троя была реальным местом, и в гомеровском эпосе существует множество указаний на то, как она выглядела при правлении Приама. Большинство эпитетов у Гомера чисто поэтические, и их нельзя принимать всерьез, но отдельные следует запомнить. Гомеровская Троя «крепостенная», это «обширный город», «высоковоротный», с «высокими башнями» и «широкими стогнами [улицами]». Некоторые эпитеты относятся только к Илиону¹: «святой», «священный», «крутой», «высо-

¹ В русском переводе Н. Гнедича большинство эпитетов прилагается как раз к Трое. Вообще, в отличие от английского, для русского перевода характерно применение по отношению к Трое (городу?) конкретных эпитетов (высокотвердынная, ветристая и т. п.), а к Илиону (местности? государству?) — общих (святой, священный и т. п.). — *Прим. перев.*

кий», «красивый», но «ветристый». Подобно Трое, он «хорошо построен», «конями богатый» — народ Трои Гомер называет «конеборцами» или «имеющими отличных жеребят». Только о них так сказал Гомер. Может, коневодство было их характерной чертой, и предание это сохранило? Что же касается планировки города, то Гомер описывает большой, с прочными стенами, достаточно обширный город. В верхней части акрополя возвышался дворец Приама с парадными и тронными залами, пятьюдесятью мраморными палатами для его сыновей и отдельными царскими залами Гектора и Париса. По рассказам Гомера, была в городе агора, где собирались горожане, «Пергам» Приама, храм Афины в верхнем городе и храм Аполлона в цитадели. Очевидно, имелось, по меньшей мере, четверо ворот, включая Скейские и Дарданские, и у одних стояла «великая башня Илиона». Конечно, к описаниям нельзя относиться чересчур серьезно, перед нами предстает сказочный город, нарисованный воображением (поскольку в реальности он плохо вяжется с раскопанными поселениями гомеровской эпохи). Он куда грандиозней, чем появившаяся позже эолийская колония Илион времен Гомера, имеющая 200 ярдов в поперечнике. Даже крупный ионийский город VIII в. до н.э. Смирна имел всего 300 на 150 ярдов. Троя Гомера явно имела акрополь больших размеров и нижний, окруженный стеной, город с населением в несколько тысяч человек.

В материковой Греции ко времени старости Приама самым могущественным царем был Агамемнон, правивший в Микенах. В те времена обитатели Греции называли себя не греками или эллинами, а ахейцами, данайцами или аргивянами. Род Агамем-

нона происходил из Лидии — западной части Малой Азии (современная Турция). Сочетавшись браками с Персеидской династией в Микенах, они контролировали Аргolidу с ее главными крепостями в Тиринфе и Мидее. Во многом благодаря выгодным династическим бракам их влияние распространилось на всю Южную Грецию. Сам Агамемнон был женат на Клитемнестре, дочери Тиндарея из Спарты и сестре Елены, считавшейся самой красивой женщиной. Когда Елена достигла брачного возраста, множество женихов Греции искали ее руки, но она предпочла брата Агамемнона, Менелая, ставшего царем Лаконии. Братья обрели огромное могущество в Южной Греции.

В вопросе, *почему* началась Троянская война, легенды и Гомер не совпадают, но знаменитый миф повествует, *как* она началась. Эрида — богиня раздора — подбросила на свадьбе Пелея и Фетиды золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Зевс, царь богов, отказался быть судьей в разгоревшемся споре между его женой Герой, богиней мудрости Афиной и Афродитой, богиней любви. Гермес привел богинь на склон троянской горы Иды, где сын Приама, Парис, должен был решить, кто из них прекраснейшая. Гера обещала ему владычество над всей Азией и несметные богатства, Афина — военную славу и великую мудрость, а Афродита — самую прекрасную из смертных женщин Елену Спартакскую. Так что Парис немедленно отдал яблоко именно ей.

Гомер не задерживался на суде Париса, столь излюбленной теме последующих произведений искусств. Его рассказ прост и реалистичен. Парис отправляется с визитом в Спарту, где в его честь

Менелай устраивает пир в своем богато украшенном дворце в Амиклах. На десятый день празднований Менелай был вынужден отплыть на Крит, повидать Идоменея, царя Кносса. Как и обещала Афродита, Елена, пленившись красотой и нежными речами Париса, сбежала с ним. Существуют и другие версии легенды: Парис похитил Елену силой, и похищение было в действительности результатом рейда троянцев на Лаконию с целью захвата сокровищ и женщин (и Гомер соглашается, что Елена пропала вместе с дворцовыми сокровищами). Еще одна версия — были захвачены и другие царские женщины и рабы, а Парис учинил попросту грабеж на Эгейских островах, прежде чем вернуться в Трою.

Когда плохие вести достигли Менелая на Крите, он поспешил в Микены и предложил своему брату Агамемнону повести армию на Трою для отмщения. Царь согласился, хотя и отправил в Трою послов с требованием возвращения Елены и компенсации. Послы вернулись с пустыми руками. Менелай и его союзник, старый царь Пилоса, Нестор, отправились уговаривать независимых греческих царей присоединиться к экспедиции. Ахейская армия собралась в Авлиде, в защищенном от стихий заливе между островом Эвбея и материком, «где приливы приходят вместе» (что они делают и сейчас). Главными воинами-героями легенды были Ахилл, Одиссей (Улисс) и Аякс, но их царства были невелики; основные силы пришли с Пелопоннеса (Пилос, Спарта, Тиринф и Микены) и Крита (Кносс). В гомеровской «Илиаде» сохранился удивительный перечень из 164 мест Греции, откуда, как сказано, были посланы войска под Трою.

Поскольку Агамемнон считался сильнейшим греческим царем, он и стал предводителем.

В Авлиде оракул предсказал падение Трои на десятый год. Греки отплыли к Малой Азии и по ошибке напали на Тевфранию в Мизии, напротив Лесбоса, опустошив окрестности, — они приняли эти места за Троянскую территорию. После битвы на равнине возле устья реки Каик войска Агамемнона отбросили к кораблям, где Телеф, царь Мизии, обратил их «в позорное бегство». Греки вернулись к родным берегам. Из преданий не ясно, сколько прошло времени между этим неудавшимся походом и вторым, знаменитым, хотя существует мнение, что восемь лет. Легенда настаивает на том, что все долгие десять лет греки провели под стенами Трои.

Собравшись вновь в Авлиде, греки не могли отплыть из-за встречного ветра. Эсхил сообщает в «Агамемноне»: «Ветры, что дули от Стримона, принесли отсрочку, голод, дурную стоянку в порту, безумие людей, гниение кораблей и снастей... губили лучших из аргивян». Наконец вещий прорицатель Калхас объявил: все неудачи оттого, что Агамемнон нанес обиду богине Артемиде, и не смогут отплыть корабли, пока не принесет Агамемнон в жертву свою дочь, дабы умиловать богиню. Хотя более позднее предание гласит, что Ифигения (или Ифианасса, как называет ее Гомер) спаслась, ранние источники настаивают на том, что жертвоприношение состоялось.

Ветер переменился, и флот вышел в море. Греки высадились на острове Лесбос, потом на Тенедосе, видимом из Трои и которым правила династия, связанная родственными узами с троянцами. Греки

опустошили и ограбили остров. Вытащив корабли на берег в широком заливе между двух мысов, устроили лагерь, защищенный с суши стеной из земли, бревен и камней. В нем, согласно Гомеру, они провели все годы войны. Союзники в различных областях Малой Азии и Фракии имелись и у троянцев. Так что борьба шла с переменным успехом. Обе стороны использовали в битвах колесницы, но сражались также и врукопашную, вооруженные бронзовыми мечами и копьями, под защитой щитов и бронзовых доспехов. Некоторые фрагменты повествования позволяют предположить, что Троя была не единственной целью греков. Ахилл, например, совершил набег с большим отрядом в южном направлении, разграбив несколько городов на материке и на островах Лесбос, Скирос и Тенедос. По Гомеру, он вернулся не только с награбленным добром, но и с «женщинами-мастерицами», часть которых отдал Агамемнону, но самую красивую оставил себе. Аякс также занимался грабежами в Тевфрании, забирал женщин, скот, драгоценности, а захваченную царскую дочь сделал своей наложницей.

На десятый год войны (на который было предсказано падение Трои) греки, прекратив набеги на Малую Азию, всерьез перешли к осаде Трои. Троянцы получили подкрепление союзников из юго-западной Анатолии. Великий троянский воин Гектор пал в схватке с Ахиллом, одним из величайших греческих воинов (это событие и является сюжетом гомеровской «Илиады»). Сошлись герои в поединке после смерти любимого друга Ахилла, Патрокла, мстя за которого, Ахилл принес в жертву на его погребальном костре двенадцать знатных троянских пленников. Конец был близок, но не

конец страданиям греков, «несчастья стократные пали на ахейцев, брошенных во множестве в царство Аида», — пел Гомер. После смерти союзника троянцев, Мемнона, в битве у Скейских ворот Парис поразил Ахилла выстрелом из лука в пяту — единственное уязвимое место (до сих пор мы говорим: «ахиллесова пята»). Могучий греческий герой был сожжен, а его пепел захоронен на мысе, возвышающемся над Геллеспонтом. Худшее было еще впереди. Доведенный до безумия, Аякс совершил самоубийство «среброгвоздным» мечом, полученным от Гектора в знак уважения. Сын Приама, несчастный Парис, был убит Филоктетом, однако троянцы отказывались выдать Елену. Тогда был задуман план постройки огромного деревянного коня, в котором спрятались бы вооруженные греки, среди них хитроумный Одиссей с Итаки и сам Менелай. Конь должен был остаться в качестве дара Афине. Греки же сожгли свой лагерь и вышли на кораблях в море, то есть якобы признали свое поражение, и недалеко от острова Тенедос ждали условного знака — костра.

На рассвете троянцы, обнаружив пепел на месте лагеря и удивительного коня, с ликованием потащили его в город. Ночью, после обильного празднования, они крепко спали, а греческий флот скрытно вернулся к берегу. «Была полночь, — говорится в отрывке из эпоса, известном как «Малая Илиада», — и поднялась полная луна». Герои вышли из коня, перебили стражу и открыли ворота Трои. Греки хлынули на улицы, врываясь в дома и убивая жителей, не щадя никого из мужского пола. Они продвинулись вверх до Пергама, дворца на вершине холма, и там Неоптолем, юный сын Ахил-

ла, убил старого Приама на пороге его дома. Погиб Приам, чья жизнь объяла четыре поколения, начиная с разграбления Геракла, ставший свидетелем гибели всех своих сыновей. Жеифоб, женившийся на Елене после смерти Париса, был убит Менелаем. Что касается самой Елены, причины и цели похода, то Арктин Милетский, автор «Киприи», рассказывает в своем «Взятии Илиона», что Менелай был намерен убить и ее, но вновь потрясенный ее красотой, отбросил меч. Мальчики, дети троянских героев, были убиты (маленького сына Гектора, Астианакса, сбросили со стены), женщины взяты в рабство и увезены в Грецию — кто чтоб стать наложницами, кто — чесать лен или носить воду.

Войско Агамемнона ограбило и сожгло Трою, сровняло с землей ее стены. Как писал Эсхил: «Мертвый пепел разнес по воздуху жирный запах богатства». В довершение дочь Приама Поликсена была принесена в жертву на могиле Ахилла. Династия Приама закончилась. Поделив добычу и женщин, греки покинули Трою. Истории их возвращения вошли во множество сказаний, а главное — в «Одиссею». Жестокая победа и отсутствие уважения к троянским богам принесли победителям только страдания. Корабли их были разобщены насланными богами штормами. Источники повествуют об их скитаниях в Ахияве, на Крите, в Египте, других местах. Некоторым, как Менелаю и Одиссею, понадобилось целых десять лет, чтобы вернуться домой. Некоторые, подобно младшему вождю Мопсу, ушли в Анатолию и обосновались там. Кто-то занялся пиратством. Другие же, как Агамемнон, вернувшись, застали дворцовые перевороты и покушения. Агамемнона убила жена со своим

любовником, принадлежавшим к другой ветви рода. Филоктет был изгнан из Фессалии. Лишь старый Нестор умер покойно — последнее звено, связующее с миром героев, золотым веком, разбитым вдребезги Троянской войной. Греческая традиция датирует крушение века героев одним или двумя поколениями после войны (восемьдесят лет, считал историк Фукидид) и рассказывает о «постоянных переселениях», борьбе различных группировок, масштабных миграциях — о героях Диомеде, Филоктете и Идомеене, нашедших новые земли в Италии, на Сицилии и в западной Анатолии. В конце концов в Грецию хлынули грекоговорящие земледельцы с севера, дорийцы, их приход обозначил конец мира Агамемнона. В конце последовавших так называемых «темных веков» поэт Гесиод, оборотившись, взглянул на прошлое — на великие битвы, разрушившие героический век и уничтожившие «ту богоподобную расу героев», что жили между бронзовым веком и его, Гесиода, мрачным веком железа: «Бесчестная война и ужасный грохот битвы уничтожили их... когда война принесла их через моря огромный залив к Трое ради пышнокозой Елены».

Необыкновенна концовка этой легенды. Один из героев, Аякс Локридский, осквернил алтарь Афины в Трое во время разграбления — разбил статую богини — и навлек на себя ее великий гнев. Вера в это предание была столь сильна среди населения Локриды, что приблизительно с 700 г. до н.э. они каждый год отправляли своих лучших дочерей для служения богине в ее храм в Трое. Терпеливо переносили девы оскорбления, рисковали жизнью, лишь бы искупить грех предка. Некоторые, а вначале, может быть, и все, оставались там до старости, уби-

рая прилегающую к храму территорию, стриженные, босые, лишенные свободы, в крайней нищете. Обычай сохранялся до I в. н.э. — удивительное свидетельство могущества легенды в эллинском обществе.

История или выдумка? Точка зрения древних

Часто говорят, что греки были первым народом, который стал рассматривать события прошлого на научный манер, но очевидно, что история была куда больше сохранена так называемыми варварами, чем самими греками... Египтяне, вавилоняне и финикийцы, по общему признанию, сохранили подробные изложения самых древних и устойчивых преданий человечества.

Иосиф Флавий,
«Иудейские древности»

В древнем мире бытовало почти непререкаемое мнение, что Троянская война — историческое событие; философ Анаксагор был одним из немногих, кто сомневался в этом на основании отсутствия *доказательств*. Тогда, как и сейчас, все знали, что первоисточников, свидетельствующих о войне, нет, и в то же время *знали*, что она произошла! Парадокс в историографии. Когда «отец истории» Геродот, живший в V в. до н.э., спрашивал египетских жрецов о правдивости греческой легенды, то он просто осведомлялся, имеют ли они какие-либо другие записи о ней, поскольку *письменных* источников, предшествующих записям сказаний Гомера, что случилось, вероятно, лишь в конце VI в. до н.э., нет. У историков V в. до н.э. вообще не было документальных источников. Любопытно, что все они

выражали полное доверие основным моментам сказания Гомера. Кроме Гомера, изумительное резюме «доисторической» Греции составил Фукидид (около 400 г. до н.э.). Это одно из наиболее сбалансированных и правдоподобных повествований о том, как могла начаться война, хотя мы и не можем знать точно, что подсказала ему интуиция на основе «археологических» изысканий и выводов из гомеровской поэмы, что он почерпнул из неизвестных нам источников (большинство специалистов исключает последнюю возможность). В любом случае, Фукидид считал, что сказание о Троянской войне правдиво, а «имперская» власть Микен была реальностью:

У нас нет записей о каких-либо действиях, предпринятых Элладой как целым, до Троянской войны. На мой взгляд, в то время вся страна еще даже не называлась Элладой... Лучшее свидетельство тому можно найти у Гомера, который, хотя и родился намного позже времен Троянской войны, нигде не использует название «эллинская» для всей армии.

Фукидид рассматривает возросшие познания в морском деле у ахейцев, появление «капитальных резервов», постепенное строительство городов, защищенных стенами, накопление богатств, налаженную жизнь. Все эти факты он считает предпосылками для совместного похода, который описывает Гомер:

Кто-то, пользуясь мощью своих новых богатств, строил стены вокруг своих городов, более слабые смирялись с покровительством более сильных, а те, кто добился высшей вла-

сти, обретя важнейшие средства, взяли меньшие города под свой контроль. Эллада уже развилась так, когда был совершен поход на Трои. Агамемнон, как кажется, должен был являться наиболее могущественным из правителей тех дней: вот почему он смог поднять армию против Трои... в то время он имел сильнейший флот; так, по моему мнению, страх сыграл большую роль, чем верность, в организации экспедиции против Трои. Микены, несомненно, были небольшим поселением, и многие города того периода не кажутся нам сегодня особо впечатляющими. И все же это не достаточное основание для того, чтобы отбрасывать то, что поэты и общая традиция говорят о размере экспедиции... поэтому у нас нет права судить о городах более по их облику, чем по их реальной мощи, и нет причин, по которым мы не должны верить, что Троянский поход был величайшим из всех, когда-либо случившихся.

Так писал Фукидид в V в. до н.э., то есть столь же удаленный по времени от легендарной даты разграбления Трои, как подписание Великой хартии вольностей Средних веков отстоит от наших дней. Нужно, однако, сказать, что ничто в его интерпретации событий не опровергнуто современной археологией и анализом текстов. Такая трактовка по-прежнему остается *правдоподобной* моделью, несмотря на то что многие ученые сегодня сомневаются в существовании Микенской «империи», Троянской войны и даже самой Трои. Правдоподобной, но все еще недоказанной.

Как древние создавали хронологию своего «доисторического» прошлого? Как они установили дату Троянской войны? В античной Греции подробная хронология начиналась с первой Олимпиады 776 г. до н.э. Эта дата, как мы знаем, довольно точно соответствует принятию греками алфавита. Поэтому мы вправе думать, что принятие исторической хронологии произошло одновременно с появлением письменных записей. Как следствие, великая «История Греции» Джорджа Грота, написанная в 1840—1850-х гг., также начинается с первой Олимпиады. Остальное Гроту недоступно — археология еще «не прорубила окно» в древнюю историю. Однако Грот признавал, что у древних греков было много легенд, преданий, генеалогий и т. д., связанных с доантичным миром, и что греки считали их связанными с реальными событиями в такой же мере, как думал о них Гомер. То были «общие предания», упоминавшиеся Фукидидом, и сохранялись они в устной форме. Они часто содержали подробные хронологические связи: всякий, к примеру, «знал», что разграбление Фив случилось до Троянской войны, что Троянская война предшествовала вторжению дорийцев в Грецию и так далее. Еще до Геродота историки пытались составить хронологию этих событий. Позднее Диодор Сицилийский скажет, как мучительно писать труд о «доисторических временах», поскольку сложно найти надежный набор дат, относящихся к периоду до Троянской войны. Фукидид также ограничился общим предположением, что до эпохи доминирования Микен критяне из Кносса обладали гегемонией в Эгейском мире. Что касается собственно даты войны, то большинство вычислений колеблется в пределах между 1250 г. до н.э. у Геродота и

1135 г. до н.э. у Эфора. Самую раннюю, 1334 г. до н.э., дает Дурис Самосский, наиболее авторитетно указание александрийского библиотекаря Эратосфена (1184—1183 гг. до н.э.). Даты, обозначенные как «за столько до первой Олимпиады», рассчитывались по генеалогиям, с сопоставлением продолжительности жизни поколений, особенно старых дорийских царских фамилий в Спарте. Насколько точны могут оказаться такие записи, показывает найденный в маленькой деревенской церкви на Хиосе семейный могильный камень, где перечислены имена 14 поколений, уводящие нас от V в. до н.э. в X в. до н.э. По крайней мере, есть *вероятность* того, что такие материалы могут сохраняться на протяжении веков.

Самое точное датирование Троянской войны обнаружено на Паросском мраморе — хронике событий, воображаемых или реальных, рассчитанной по легендарным генеалогиям афинских царей, уходящим до середины III в. до н.э. Высеченная на огромном куске мрамора с острова Парос, она была куплена в Смирне английским послом короля Карла I при османском дворе и вывезена в Англию, где стала частью коллекции графа Арунделя. Мрамор повредили во время гражданской войны, тогда и была утрачена доисторическая часть, но, к счастью, антиквар Джон Селден успел сделать копию. Таким образом, мы знаем, что хроники датируют зарождение культа Элевсина началом XIV в. до н.э., разграбление Фив — 1251 г., основание Саламина на Кипре — 1202 г., первые греческие поселения в Ионии — 1087 г., гомеровский *floruit*¹ — 907 г., а

¹ Лат. слово, используемое для обозначения периода деятельности, когда даты рождения и смерти неизвестны. — *Прим. перев.*

разграбление Трои — 5 июня 1209 г. до н.э.! К сожалению, интригующая точность в определении месяца и дня появилась вследствие астрономических расчетов, опиравшихся на неверное толкование строчки из «Малой Илиады»: «была полночь и поднялась яркая луна». Что было истолковано как полнолуние, а ближайшее к полуночи полнолуние происходит в последнем лунном месяце перед летним солнцестоянием!

Из всего этого становится ясно, что заметки иудейского историка Иосифа Флавия о греческой историографии, написанные в I в. н.э., были верны: древние греки не имели надежного источника сведений о своем доисторическом прошлом. Устные предания, особенно в передаче Гомера, — вот и все, на что они могли опираться, и, как отмечает Иосиф Флавий в предисловии к своей «Иудейской войне», «слишком поздно и с трудом, они пришли к буквам, которыми пользуются сейчас». В «археологии» греки тоже слабо ощущали прошлое: «Что касается тех мест, где они обитают, то десятки тысяч разрушений случались там, которые стерли память о прошлых деяниях, так что они каждый раз начинали жить заново». В древнем мире, конечно, велись «археологические» раскопки — люди всегда искали «остатки», и они знали названия городов, пославших, по словам Гомера, войска в Троию. В таких местах в VII—VIII вв. до н.э. находили много микенских могил, которые связывали с гомеровским веком героев и потому там оставляли приношения; такой обычай сохранялся и в античные времена. Но то, как интерпретировались подобные находки, показывает: у древних не было понятия того, что мы теперь называем историей бронзового века.

Проблема историчности Троянской войны не изменилась со времен Фукидида: Гомер и мифы излагают определенные события; названные места существовали, существуют и сейчас, некоторые из них когда-то явно обладали могуществом, иные были малозначашими; в центре других мифов тоже поселения бронзового века — Немея, Иолк, Фивы. Если, как считал Фукидид, греческие мифы действительно основаны на реальной истории бронзового века, то как мы можем это доказать? Последние 100 лет новая наука, археология, пыталась ответить на эти вопросы. Но прежде чем мы обратимся к этим попыткам, надо понять, *почему* сказание о Трое так захватило воображение людей нашей культуры и сама археология не избежала того. Уже при Фукидиде предание о Трое было великим национальным мифом Греции, но что это по сравнению с произошедшим с ним за последующие две с половиной тысячи лет.

«Паломники» древнего мира

Такой была сила этого мифа, что целая процессия завоевателей почувствовала необходимость поглазеть на поле, где сражались Ахилл и Гектор. К тому времени на Гиссарлыке, на заросших развалинах, была основана небольшая греческая колония. Согласно преданию, именно здесь шла Троянская война, и с верой в это колонисты около 700 г. до н.э. назвали свое поселение Илионом. Геродот рассказывает: когда персидский царь Ксеркс в 480 г. до н.э. раздумывал, пересекать ли ему Геллеспонт на пути из Азии в Европу, то

ПОИСКИ ТРОИ

у него возникло сильное желание увидеть Трою. Он вошел в цитадель [имеется в виду город Илион] и, осмотревшись и выслушав местных жителей, пожертвовал тысячу быков троянской Афине, а маги совершили возлияния в честь великих людей прошлого.

Сто пятьдесят лет спустя, пересекая Дарданеллы из Европы в Азию, Александр Македонский, легко поддающийся внушению, возможно, вообразил себя одним из героев Троянской войны. Александр был очарован миром богов и героев, какими их изображал его любимый Гомер (он всегда носил «Илиаду» с собой и клал под подушку, ложась спать). Направляя флотилию к Троаде, Александр посередине пролива принес жертву Посейдону (столь враждебному грекам в Троянской войне) и был первым, кто спрыгнул на троянский берег, вонзив в землю копье, чтобы придать силу своему заявлению, что Азия — его, она «завоевана копьем» и «дарована богами». Затем, взойдя на стены Илиона, посвятил свои доспехи Афине Троянской и взял из ее храма старинное оружие и щит, которые (как утверждалось) сохранились с Троянской войны. Покинув Трою, он возложил венок на могилу Ахилла, «назвав его счастливым человеком, которого воспел Гомер, дабы превознести его деяния и сохранить память о нем».

Преемники Александра обнесли маленький Илион городской стеной, хотя он и не мог состязаться с Александрией Троадской, основанной на берегу моря. Во времена Римской империи городок, ныне известный как Илион, был наполовину заброшен. Но появился человек, почитавший гомеровский

«священный Илион». Юлий Цезарь, точно так же, как Александр, веривший в свое происхождение от греческого героя Ахилла, своим предком называл троянца Энея и, согласно «Фарсалии» Лукана, написанной в I в. н.э., удостоил посещением мыс Сигейон и реку Симоис, «где пало так много героев» и где теперь «нет камней безымянных». «Он шел вокруг того, что было Троей, от которой осталось лишь имя, и искал следы великой стены, построенной богом Аполлоном. Но нашел только холм, покрытый колючим кустарником и сгнившими деревьями, чьи старые корни вплетались в фундамент». («Будь осторожен, как бы тебе не наступить на дух Гектора», — предупредил его местный житель). Но «даже руины были уничтожены». Разочарование Цезаря испытают многие исследователи, которые придут сюда после него! Лукан пользуется случаем поразмышлять о бессмертии, даруемом поэтами тем, кто страдает манией величия: «Все же Цезарю не было нужды завидовать героям, которых обессмертил Гомер, потому что если у латинской поэзии есть какое-то будущее, то поэму Лукана будут помнить столь же долго, как и гомеровские». Последующие поколения, к счастью, не были об этой поэме столь высокого мнения, как сам автор, но в ней содержится обещание Цезаря перестроить Трою под Римскую столицу, о чем Гораций говорил в своих «Одах»: «...возвести новую крышу над домом предков».

Заигрывания Рима с Троей достигли своего апофеоза в «Энеиде» Вергилия, написанной в 30—19 гг. до н.э., где вновь провозглашено происхождение римлян от Энея и троянцев. Заигрывания имели странные последствия в IV в., когда Константин

Великий попытался основать новую столицу Римской империи возле Трои на Сигейонской гряде, прежде чем обратил внимание на Константинополь. Как рассказывали, ворота города, до сих пор именуемого Енисехир («Новый Город»), спустя столетие после смерти Константина были видны мореплавателям, приближавшимся к Дарданеллам, а остатки стен видели путешественники и елизаветинских времен. Сегодня от города ничего не осталось. Место это столь же богато естественными красотами, как Константинополь, и было более удобным. Причина, по которой оно было покинуто после возведения огромных зданий, проста: к тому времени большая бухта, являвшаяся фактором существования Трои на протяжении более 3000 лет, заилилась, обмелела и Троя лишилась гавани.

Последний сюжет о Трое античного периода основан на письме императора Юлиана, написанном до его восхождения на трон. Как известно, Юлиан поклонялся языческому пантеону, несмотря на то что его дядя, Константин, в начале века принял христианство как официальную государственную религию. Юлиан питал надежду, что от ненавистного «галилеянина» (как он называл Иисуса), в конце концов, отвернутся. И чтобы это ускорить, готовился предпринять определенные меры, когда станет императором.

Зимой 355 г. корабль Юлиана вошел в гавань Александрии Троадской напротив Тенедоса. Будучи пылким эллинистом, «влюбленным до безумия в Гомера», Юлиан воспользовался возможностью посетить Трою, Новый Илион, хотя друзья мрачно предсказывали ему, что он найдет храм, оскверненный христианами, и изгаженную могилу Ахил-

ла. В склепе Гектора Юлиан с удивлением обнаружил горящий огонь в алтаре и культовую статую, блестящую от помазаний. «Что это? Разве жители Илиона по-прежнему совершают жертвоприношения?» — спросил он христианского епископа. Тот ответил: «Почему тебя удивляет то, что они выказывают почтение своим выдающимся согражданам так же, как мы выказываем его нашим мученикам?» Прошли в храм Афины, и вновь Юлиан увидел приношения. Он отметил, что епископ не положил крестного знамени, которое христиане кладут «на свои нечестивые лбы», и не прошипел сквозь зубы, отгоняя злых духов, обитавших в подобных местах. Могила Ахилла также была не тронута. Скоро до Юлиана дошло, что епископ-то и поддерживает огонь в алтаре. Они обошли город и побеседовали о его древностях и былой славе, обмениваясь (кто бы подумал!) цитатами из Гомера. Когда Юлиан вернулся на корабль, им овладело чувство глубокого облегчения и едва сдерживаемой радости: старый мир был не тронут, память о нем жива, и соблюдались все обряды.

Конечно, старый мир близился к своему концу. Римская империя на западе была на грани распада, и новое поколение не находило нужной моральной поддержки в поэзии Гомера: *их* Библия была христианской. Юный Августин Гиппонский (будущий святой), родившийся в год путешествия Юлиана в Илион, признавался, что Гомер его утомляет (и в самом деле, он так и не побеспокоился выучить греческий язык): в христианском северо-африканском Тагасте в IV в. эллинизм явно уходил со сцены. Христианский отец Василий, старший современник Августина, сомневался, была ли во-

обще Троянская война. Может, это просто языческие сказки? В Византии V в. еще сохранились, конечно, ученые гомеровской школы, но их исследования были устремлены в новом направлении: императрица Евдоксия, жена Феодосия II, например, писала «Жизнь Иисуса» гомеровским стихом!

Бросить прощальный взгляд на необычайную привлекательность Гомера для античных представлений, удерживавшуюся в течение тысячи лет, нам позволяет последнее замечательное свидетельство цивилизованного эллинизма — «Сатурналия» Макробия (начало V в. н.э.), где изображены римляне, знающие аттический греческий язык и проводящие обед за обсуждением параллелей между интерпретацией истории Трои у Гомера и Вергилия. До самого конца интеллигенция и политическая элита древнего мира жили Гомером: участники обеда у Макробия читали наизусть огромные куски из поэм.

Раннее Средневековье предложило строгую диету христианских толкований, отвергавших Гомера как дьявольский соблазн. На православном Востоке Византия (христианская империя) была врагом эллинизма и относила Гомера к язычеству с его многобожием. На Западе почти исчезло знание греческого языка, и лишь в XIX в. вернулось подобие того фанатичного внедрения Гомера в культуру, которое одобрили бы Юлиан и Макробий. Но интерес к истории Трои, в какой бы форме ни проявлялся, не затухал никогда.

Как передавалась легенда — от саксонских преданий и тюдоровского мифа до поэтов времен Первой мировой войны

За 430 зим до основания Рима [т. е. в 1183 г. до н.э.] случилось так, что Александр, сын Приама, царя бурха [burch], похитил Елену, жену царя Менелая, из Лакедемонии, греческого города. Из-за нее и началась великая и славная война между греками и троянцами. Угреков была тысяча кораблей, таких, которые мы называем большими и длинными, и воины дали клятву друг другу, что не вернуться на родную землю, пока не отомстят за обман. И десять лет осаждали город и сражались вокруг него. Кто скажет, сколько было убито с каждой стороны, о ком бард Гомер рассказал! Нет нужды рассказывать эту историю, говорит Орозий, потому что она длинная и, в любом случае, всякий ее знает. Если же кто пожелает узнать подробнее о том, какое творилось зло и сколь многие погибли в битвах, от голода, кораблекрушений и различных злодеяний, пусть обратится к его книгам. И подумает о тех временах и о нынешних, когда жизнь так прекрасна!

Англо-саксонский рассказ о Троянской войне, из перевода Орозия, сделанного им около 895 г. в кругу Альфреда Великого

История Трои не теряла своей привлекательности в течение тысячелетия — со времени падения Рима до Возрождения. Она восхищала танов Альфреда Великого, собиравшихся у каминов Уэссекса эпохи викингов, и с добавлением любовной интриги была излюбленным сказом в аристократических салонах Европы XII в. Именно в то время просторечная поэтическая версия была создана Бенуа де Сен-Мором, англо-норманским трубадуром при дворе Генриха II («Roman de Troie», около 1160 г.). Предание смешалось с рыцарским миром — миром *vallants chevaliers* и *bons vassaux*¹. Между прочим, пере-

¹ Смелых рыцарей и добрых вассалов (фр.).

менчивая Бризеида Бенуа стала моделью для «неверной Крессиды» Шекспира благодаря английскому переводу Какстона «Recuyell of the Historyes of Troye» (около 1475 г.) — прозаической версии поэмы Бенуа, сделанной на основе французского варианта Рауля ле Февра. Бенуа, в свою очередь, при создании поэмы использовал поздние римские произведения Дареса и Диктиса. Одно якобы представляло собой перевод более старого, чем гомеровский, варианта «Илиады», другое полагали обнаруженным в Кноссе времен Нерона. Историографическим курьезом следует считать то, что эти собрания выдумок являлись тогда авторитетными источниками сведений о Троянской войне, собранных, как считали, подлинными очевидцами событий. Благодаря Вергилию многие народы Запада усмотрели свое происхождение от Энея и троянцев, избежавших гибели при взятии Трои и бежавших в Италию и дальше на запад. Странно, что именно в Британии троянская тема была особенно актуальна.

Незадолго до падения Рима историк Аммиан Марцеллин поведал, что беглые троянцы обосновались в Галлии (нынешняя Франция), и довольно скоро это утверждение стали использовать в политических целях. Около 550 г. н.э. в «Истории готов» Кассиодора было объявлено о троянском происхождении остготского короля Италии Теодориха. Франки придумали себе мифического предка, давшего их народу имя, — Франка Троянского. Поветрие достигло Британии. В Уэльсе эпохи «темных веков», как сообщает Ненний, распространились слухи, что основателем Британии был некто Брут, ведущий свой род от «Ила», который «первым основал Илион, то есть Трою». Их поддержал

Джоффри Монмутский в своей повести о возникновении Лондона как *Troynovant*, Новой Трои. Хотя и отвергнутая историком Полидором Вергилием, версия была принята как часть «тюдоровского мифа» и прочно вошла в образ мышления поэтов елизаветинских времен. Доказывалось, что Тюдоры имели валлийское или древнебританское происхождение, и когда взошли на английский трон после битвы у Босуорта в 1485 г., то, как гласил миф, древний трояно-британский монархический род вновь обрел имперскую власть и ввел нацию в золотой век. Соответственно, в год победы над Армадой появилась возможность приветствовать Елизавету как «сладостную частицу державы Приама, эту надежду на рассвет Трои», а на знаменитой картине 1569 г. в Хэмптон-корте она, а не Афина, Афродита или Гера, получает золотое яблоко на суде Париса! Когда в шекспировском «Генрихе V» Пистоль говорит валлийцу Флюэллену: «Base Trojan, thou shalt die», то он полагает, что публика знакома с древним сказанием. Еще одно забавное эхо легенды о Трое!

Место, которое легенда о Трое занимала в «тюдоровском мифе», способно, видимо, объяснить количество переводов «Илиады» в Англии в XVI в., когда оригинальный текст изучали по ранним рукописям. Версия Холла из 10 книг появилась в 1581 г., знаменитый перевод Чепмена — в 1598 г. Интересно, что при этом оставался популярным какстоновский «Rescuell», выдержавший до 1600 г. пять изданий. Им пользовался Шекспир как источником «Троила и Крессиды», и спрос на него сохранялся вплоть до Попа. Труды Чепмена и Попа всегда рассматри-

¹ «Подлый троянец, ты должен умереть» (англ.).

вались как величайшие английские переводы Гомера. Перевод Попа и сейчас остается классическим («...Никакая эпоха или нация ему не противопоставят равного», — сказал Сэмюел Джонсон, на что ученый Ричард Бентли заявил: «...чудесная поэма, но не следует называть ее гомеровской»).

В XIX в., когда Гомер получил признание популярного «классика», самыми значительными оказались «Одиссея» Уильяма Морриса (1887) — отчасти норвежская сага и отчасти Теннисон, а также имевшая необычный успех созданная в поздневикторианский период «Илиада» Эндрю Ланга, переиздававшаяся 18 раз между 1882 и 1914 гг.

Неоспоримая популярность Гомера в конце правления Виктории и при Эдуарде, возможно, отражает роль «Илиады» в английской системе государственного образования. С высот Британской империи Гомер, видимо, воспринимался как поэт, вызывавший наиболее сильные эмоции у британских империалистов, благодаря его «джентльменству» и его «твердо сжатым губам» перед лицом смерти. Было ли это в южноафриканском вельде, в окопах Фландрии или в небе над Пикардией, Гомер вызывал в памяти картины героизма. Во время Первой мировой войны Морис Баринг писал:

*Такие бои, что Гомер не воспел,
И Гектор с Ахиллом знать не могли.
В небе пустом, далеко от земли.*

Неизбежным было то, что именно в Галлиполи, где Троя и мыс Геллес¹ смотрят друг на друга через

¹ Современное турецкое название — мыс Ильясабаба. — Прим. перев.

Дарданеллы, Гомер привлекал наибольшее внимание. Юных поэтов и писателей Британской империи вдохновляли герои «Илиады», как и француза Жана Жироду, тяжело раненного в бою. В его поэме «Троянская войны не будет» Гектор вопрошает: «Почему против нас? Троя знаменита своим искусством, своим правосудием, своим гуманизмом». Руперт Брук умер раньше, чем услышал грохот пушек. «Ветры истории будут следовать с нами на всем нашем пути», — писал он. И так себе это представлял:

*И вот, Ахиллес шевелится в гробу...
Приам пробудился, заслыша пальбу,
Сотрясую Троию опять.*

Патрик Шо-Стюарт, перечитавший «Илиаду» на пути в Галлиполи, ощутил ужасное чувство *deja vu* при виде Имброса, Трои и этих «ассоциациями насыщенных мест»:

*Ад кораблей и городов,
Ад людей, подобных мне.
Злосчастная вторая Елена,
Зачем я должен следовать к тебе?*

*Ахилл пришел на землю Трои,
А я на Херсонес,
Он направился на битву с гневом,
Я — из трехдневной тишины.*

*Неужто это было тяжело, Ахилл?
Так трудно было умирать?
Ты знаешь, а я — нет,
Что ж, я счастливее тебя.*

*Я вернусь этим утром
С Имброса по морю.
Останься в окопе, Ахилл,
Огнем накрытый, сражайся за меня.*

Для вчерашних школьников, высадившихся на Галлиполи, — «юношей, принесших на поле боя свои школьные чувства», по острому определению Байрона, — вид этих мест вызывал неодолимую ностальгию: острова, равнина, холм «священного Илиона». Возможно, военный опыт все это разрушил. После 1915 г. пришли воспоминания о более страшной войне, о павших солдатах из «широкопроспектного Ливерпуля» и «стовратного Лидса» (следует помнить, что мир Гомера преимущественно аристократический). И сейчас, 90 лет спустя, активное отождествление английского правящего класса с суровой моралью Гомера поражает своей странной одержимостью. В пролетарской среде начала XXI в. не отрицается, однако, притягательность, которую имела легенда для поколений британцев, американцев, немцев, греков и других народов, воспитанных на идеях эллинизма. Миф пробудил веру в его историчность — сказание так увлекает нас, что кажется правдой.

Я попытался кратко обобщить влияние Гомера на английскую культуру. Потребовалась бы целая книга — и большая, чтобы просто очертить его влияние на другие языки и культуры. В заключение позвольте упомянуть одну из последних версий, гэльскую, созданную Джоном Макхейлом, прима-сом Ирландии в середине XIX в. Это уподобление легенды о Трое древним героическим преданиям кельтского эпоса (здесь Агамемнон — *ard-ri*, а ахей-

цы — *Геанна*) напоминает нам, что гомеровский эпос был первым большим европейским литературным произведением, созданным на языке, чьи корни являются общими для языков кельтских и германских народов. Индоевропейские народы пришли в Европу в начале II тысячелетия до нашей эры, в то же время греки двинулись на юг и на Балканы. Тексты Гомера — отзвук тех событий. На греческом, который вы слышите сегодня в тавернах Корфу или Крита, писали в бронзовом веке во дворцах Микен и Кносса. Ни на одном другом европейском языке не было написано текстов, столь древних. В этом смысле гомеровский эпос — основа всей западной культуры.

Искатели

В средневековой Европе не только рьяно культивировали легенду о Троянской войне, но не забывали и о самом городе. Дошедшие до нас отчеты многих путешественников того времени утверждают, что античные Новый Илион и Александрия Троадская располагались там же, где стоял и гомеровский город. С борта лодки, которая несла англо-саксонского пилигрима Зевульфа из Хиоса в Константинополь (примерно через поколение после завоевания Британии норманнами), греки показывали «очень древний и славный город Тройю» на берегу возле Тенедоса: «вы можете еще видеть руины, простирающиеся на многие мили» (возможно, это была Александрия Троадская?). Испанский посол, Руй Гонсалес де Клавихо, на пути к Тамерлану в октябре 1403 г. тоже видел руины и равнину, расстилавшуюся до предгорий Иды.

Он писал по этому поводу, что «окрестности Трои идут на многие мили, а в одной точке над древним городом поднимается высокий отвесный холм, на вершине которого стоял замок, известный как Илион». В Кумкале, на Дарданеллах, писал Клавихо, «был разбит греческий лагерь. Кроме того, они вырыли огромные рвы, чтобы помешать нападениям троянцев на корабли. Эти рвы видны в числе трех и лежат один позади другого». Более скептический путешественник, испанец Перо Тафур, в дневнике своих приключений пишет о греках с Тенедоса, которые могли бы рассказать о Трое. После кораблекрушения в Хиосской гавани под Рождество 1435 г. он нанял проводника и лошадей и отправился на север к Трое. Путешествие Тафура (как и многие последующие) завершилось разочарованием:

Так много разрушенных зданий, так много мрамора и камней... а большой холм, кажется, образовался при падении какого-то огромного здания. Более я ничего узнать не сумел и вернулся в Хиос.

Похоже, Тафур видел развалины Александрии Троадской.

Тафур побывал там незадолго до Кириака из Анконы, одного из наиболее примечательных путешественников и собирателей древностей той поры. Странствующий антиквар времен раннего Возрождения, он, возможно, более чем кто другой, заслужил звание первого археолога, хотя само это слово появится лишь через 400 лет.

В октябре 1444 г. Кириак отплыл к Имбросу и увидел торчащий над ним остров Самофракия, как

и писал Гомер. Так что знаменитый писатель и путешественник XIX в. Александер Кинглейк был не первым, кто заметил, что Гомер говорит о подлинных вешах: «Вверху над Имбросом — вверху в далеких небесах — Самофракия, сторожевая башня Нептуна, так определил ее место Гомер, и вот она здесь». Наблюдение Кириака записано на его экземпляре трудов античного географа Страбона. Уходя из окрестностей Трои, Кириак вспомнил эпизод «Илиады», где Посейдон наблюдает битву греков с троянцами с «высочайшей вершины лесистой Самофракии». Гомер говорил правду!

Бывший судовой клерк, прославленный путешественник-купец и неофициальный политический советник, Кириак полвека бродил по восточному Средиземноморью, карабкаясь по руинам, делая зарисовки монументов, копируя высеченные надписи, выступая перед жителями сонных средиземноморских городков с просьбами спасти их «полупогребенную славу», связать порванную нить с античным миром — «сынов Греции» и «сынов Трои».

Надежды Кириака на «сынов Греции и Трои» напоминают нам, как своеобразно история археологии в Греции соединена со вторым рождением эллинизма и идеей греческой государственности. Византийцы, правившие Восточной Римской империей до падения Константинополя, не называли себя эллинами, словом, которым для самоописания сегодня пользуются греки (как делал это и Фукидид). Они были «римлянами» и, более того, на протяжении всей своей истории относились враждебно к тому, что известно под названием «эллинизм» — философским, моральным и религиозным концепциям Древней Греции. Для них это было языче-

ство и политеизм: в XI в., сообщает Михаил Пселл, греческие монахи крестились при имени Платона, этого «эллинского Сатаны».

Эллинистское движение созрело в первой половине XV в., в годы, непосредственно предшествовавшие падению Константинополя. Обитатели Пелопоннеса, прилегающих островов и материка объявили себя прямыми потомками древних греков и заявили о необходимости восстановления национального государства на землях, которые когда-то занимали их далекие предки. Вот в таком политическом климате люди, подобные Кириаку Анконскому, собирали и регистрировали археологические свидетельства эллинской цивилизации. Особое значение придавалось Троянской войне, потому что, как сказал Фукидид, это было первое записанное действие *объединенных* эллинских государств. Но в 1453 г. турки под командованием Мехмета II взяли Константинополь, а вскоре за ним в 1456 г. — Афины, в 1460 г. — Морею. Мечта, мелькнувшая на миг, испарилась.

Мистическое стремление Кириака совместить древность с современностью, желание заставить легенду о Трое послужить нынешним политическим целям получили комичное завершение. В 1462 г. его друг Мехмет II посетил место, где стояла «Троя». Грек Критобулос Имбросский, который, как и многие греки, поддерживал Мехмета из-за ненависти к «латинянам», католической церкви, пишет:

Мехмет осмотрел руины, увидел топографические преимущества города и его благоприятное расположение рядом с морем и противоположащим континентом. Затем по-

просил показать могилы Ахилла, Гектора и Аякса и, подобно другим великим завоевателям, сделал приношения к могиле Ахилла, произнес речь о его великих деяниях и что нашелся поэт Гомер, восславивший героя. Затем произнес следующие слова: «И меня избрал Аллах, чтобы отомстить за этот город и его народ: я победил их врагов, опустрился их города и отдал мизийцам их богатства. Ведь именно греки уничтожили город, это их потомки уплатили долги — нам, народам Азии.

Разграбив Константинополь, Мехмет отомстил за падение Трои. Колесо истории сделало полный оборот: даже если бы Мехмет не сказал таких слов, то, подражая Александру Македонскому, он должен был их сказать!

В XV—XVI вв. Турция и христианский мир противостояли друг другу, и путешествия были делом трудным и опасным. Но с развитием коммерческих отношений между Востоком и Западом наметились перемены. Вновь возник интерес к Трое, а книгопечатание способствовало распространению переводов Гомера, затем и путевых записок путешественников, в большинстве своем — англичан. Когда в 1602 г. Уильям Шекспир принялся за «Троила и Кассиду», рисуя в своем воображении «Дарданские равнины» и «мощные стены» Трои, «шестивратного города Приама», он не просто копировал топографические сведения о Трое и ее окрестностях, пользуясь книгой Какстона «Rescuell». Как раз при его жизни английские путешественники впервые приступили к реальным поискам Трои. С XVI в. английские и фран-

цузские купцы заменили венецианских и генуэзских при дворах Османской Турции. Первый коммерческий договор и дипломатические отношения между Англией и Турцией были заключены в 1580 г. Посол Елизаветы, Джон Сандерсон, дважды «направлялся к Трое», в 1584 и 1591 гг., а Ричард Рэгг в 1594 г. видел два больших кургана на мысе Енисехир: «Не похоже на могилы Ахилла и Аякса». Затем Томас Даллам, органный мастер, при доставке усовершенствованного гидравлического органа султану, направился туда же и видел руины, приняв их за Трою (возможно, фундаменты покинутого города Константина на Сигейонской гряде). А зимой 1609/10 г. Уильяму Литгоу греческий проводник показал развалины в Троаде. Уильям Биддалф в 1600 г. и Томас Кориет в 1603 г. опубликовали свои записки, причем отчет Кориета стал первым современным подробным описанием данной равнины. Однако же большинство из них ошибочно считали, что местом, где стояла гомеровская Троя, были Александрия Троадская или руины Сигейона, хотя даже в начале XVII в., как писал Джордж Сандис, проблема местоположения Илиона, «славы Азии», «предоставила редчайшим умам столь обильное обсуждение». В 1627 г. Сандис был первым, кто отождествил реки Скамандр и Симоис с Мендересом и Дюмреком. К тому времени стало ясно, что от Нового Илиона мало что осталось, оттого его и игнорировали все ранние путешественники.

Лишь в XVIII в. были предприняты первые научные попытки определить точное место города Гомера и событий «Илиады». В ходе двух своих поездок, в 1742 г. и 1750 г., когда путешествия в кишащей бандитами Малой Азии были еще делом

опасным, Роберт Вуд заложил фундамент современных топографических исследований троянской проблемы. Вуд имеет право считаться первым «паломником» в Грецию. Его книга «Эссе... о подлинном гении Гомера», опубликованная в 1769 г., не содержит вывода о точном местоположении города (он думал, что город полностью уничтожен), но в ней даны заключения о топографии равнины, которая, по его мнению, очень изменилась со времен Гомера. Вуд считал, что «огромная часть» равнины образована речным илом со времен античности (он сравнивал ее с устьем реки Меандр у Милета, когда-то большого порта, расположенного теперь высоко и далеко от воды), что во времена войны перед Троей была широкая бухта, «на несколько миль» ближе к городу, чем сейчас, и что русла рек значительно сместились за прошедшие столетия. Эти заключения отвергались большинством ученых вплоть до наших времен, но теперь мы знаем, что они верны. Другим важным утверждением Вуда было то, что сказание Гомера не составлено в письменном виде, а «спето и сохранено в памяти». Основное предположение Вуда, что местоположение Трои и историчность Троянской войны можно установить терпеливыми полевыми исследованиями, задавало тон будущим работам, а его книга обозначила начало знаменитого спора, которому не видно конца. Книга издавалась пять раз и переведена на четыре языка.

С книгой Вуда в руке (и «Илиадой», конечно, тоже) в 1785 г. в Троаду прибыл француз Жан Батист Лешевалье, и с ним в Троаде начались научные топографические изыскания. За три своих визита он прошагал от Иды до Дарданелл и убедил-

ся, что Троада точно соответствует описаниям Гомера. Сам город, считал Лешевалье, стоял не вблизи моря, а вверх по долине реки Скамандр (Мендерес) в местечке под названием Бунарбаши, у подножия похожего на акрополь холма рядом с местной достопримечательностью — источниками «Сорок глаз», которые Лешевалье отождествил с гомеровскими горячими и холодными ключами возле Трои.

Изгнанный с родины революцией, Лешевалье впервые огласил свою теорию в лекции в Эдинбургском Королевском обществе в феврале 1791 г. и опубликовал на английском языке в том же году. Троянская война, считал он,

не поэтическая выдумка, а исторический факт... На протяжении десяти лет греки опустошали берега Азии и близлежащих островов. Троя не всегда была их главным объектом... не похоже, что они атаквали ее в полную силу до десятого года войны. Была ли она действительно взята или... свела на нет все усилия греков, я не могу дать ответ на этот вопрос.

Началась полемика, при этом некоторые ученые, такие как Джейкоб Брайант, не только отрицали, что война имела место, но и неистово доказывали, что и сама Троя никогда не существовала. Кабинетные критики жарко спорили из-за пустяков — расположения греческих кораблей и даже вероятного числа детей, рожденных лагерными шлюхами за десять лет.

В разгар этого горячего диспута лорд Байрон провел в 1810 г. 17 дней у Троады и прогулялся по

равнине, которую нашел «отличным полем для домыслов и дупелиной охоты». Однако романтические ассоциации оказались слишком сильны для Байрона, и он полностью отверг «неверующих» из-за их педантизма. Позднее, в «Дон Жуане», он осмеял Брайанта с его сторонниками и красноречиво поведал о сильном ощущении прошлого, которое там испытал, о его безвозвратности:

*Равнины невозделанный простор,
Курганы без надгробий, без названья,
Вершина Иды над цепями гор
И берегов Скамандра очертанья;*

*Здесь обитала Слава с давних пор,
Здесь древности покоются преданья.
Но кто тревожит Илиона прах?
Стада овец и сонных черепах!*

Песнь IV, 77 (перевод Т. Гнедич)

«Одно дело читать «Илиаду», когда над тобой вышася Ида, — писал он (с примесью самодовольства — он действительно провел на равнине больше времени, чем большинство ученых до и после него!), — и другое — поправлять над ней свечку в уютной библиотеке. Вот это я знаю». Элегическое отступление Байрона в «Дон Жуане» приобретает черты религиозной лихорадки истинного гомериста:

*Ахилл зарыт, и Троя сожжена,
И будущего новые герои
Забудут Рим, как мы забыли Троию.*

Песнь IV, 101 (перевод Т. Гнедич)

Годы спустя после его визита в Троаду и незадолго до смерти, сражаясь за тот самый романтический эллинизм, Байрон вернулся к великой теме в 1821 г. в своем дневнике: «Нас в самом деле беспокоит подлинность сказания о Трое... Я благоговею перед великим оригиналом, как перед *правдой истории*... и места. В противном случае он не доставлял бы мне наслаждения». Байроновская ремарка объясняет, зачем нам *нужно* знать, существовали ли Троя?

Фрэнк Калверт — открыватель Трои?

А нужно было это знать и англичанину Фрэнку Калверту, которого называют открывателем Трои. Загадка Трои была чем-то вроде навязчивой идеи в семье Калвертов. Они жили в Троаде с байроновских времен и не покидали ее вплоть до начала Второй мировой войны. Историей Трои интересовались трое братьев Калвертов: Фредерик, бывший в 1846—1862 гг. британским консулом на Дарданеллах, Джеймс, бывший в то же время американским консулом, и Фрэнк, получивший этот пост позднее. Члены семейства занимались коммерческими махинациями на феодальный манер в местном бизнесе, но были отзывчивы и помогали путешественникам советами, лекарствами и деньгами. Все трое были увлечены троянской проблемой. Особенно Фрэнк, занимавшийся изысканиями с ранних лет и знавший Троаду лучше кого-либо до или после него. Шлиман, обративший собственную жизнь в спутанный клубок фантазий и истин, неоднократно упоминает о заслугах юного Фрэнка в изучении истории Трои.

В 1850-е гг. Фрэнк поддерживает теорию, согласно которой Троя находилась в Бунарбаши, но неопубликованные письма, хранящиеся в Британском музее, показывают, что еще до 1864 г. он отдал предпочтение Гиссарлыку. Другие исследователи думали так же. Фрэнк знал, например, о «Диссертации о топографии Троянской войны» Чарльза Макларена, доказывавшего, что Троя должна находиться в Новом Илионе, но эта теория оставалась незамеченной на протяжении многих лет.

Чарльз Ньютон, ставший позднее одним из известнейших хранителей Британского музея, был прикомандирован к консульской службе для содействия осуществлению интересов музея в Малой Азии и в 1853 г. прибыл в Троаду, где консультировал Калверта. Калверт отвез Ньютона в Бунарбаши, и, осмотревшись, они отвергли его как место нахождения Трои. Основанием послужило то, что здесь на поверхности земли не было глиняных черепков, в отличие от Микен или Тиринфа, где они буквально валялись под ногами. В Гиссарлыке Калверт показал Ньютому руины, укрытые слоем почвы. Позже они переписывались. «Я завершаю древнюю географию Троады и идентифицировал многие места», — писал Калверт в 1863 г. К этому времени, при поддержке Ньютона, Калверт составил для Британского музея планы раскопок Нового Илиона. Ньютон рекомендовал, чтобы Калверту были высланы 100 фунтов стерлингов для предварительных работ, однако музейная комиссия колебалась и просила дополнительной информации. Калверт был разочарован: «Мне будет очень жаль, если мое предложение не будет благополучно принято, поскольку другую такую благоприятную воз-

можность провести раскопки в Новом Илионе можно будет найти лишь с большим трудом». Озабоченность его была столь велика, что, услышав ночью 11 декабря 1863 г., что Ньютон находится на французском корабле в Дарданеллах, он подгреб к кораблю на лодке и взобрался на борт, где встретил категорический отказ неприветливого капитана будить пассажиров.

Таким образом, я был лишен удовольствия побеседовать с Вами на археологические темы и обсудить мои предложения Британскому музею по раскопкам Нового Илиона. Буду Вам премного обязан, если Вы дадите мне знать в письме о решении Британского музея по вопросу раскопок, а также о том, чтобы дать мне возможность выполнить мои планы соответствующим образом.

Поверьте мне, дорогой сэр,
весьма искренне Ваш, Фрэнк Калверт.

Шанс был упущен. Тем временем немецкие раскопки в Бунарбаши в 1864 г. подтвердили правоту Калверта и Ньютона в том, что гомеровской Трои там не было. В следующем, 1865 г. Калверт провел пробные раскопки в северной части Гиссарлыка и натолкнулся на остатки античного храма Афины и эллинскую городскую стену, возведенную Лисимахом, одним из полководцев Александра Македонского. Он продвинулся внутрь огромного северо-восточного бастиона, который мы теперь называем Троей VI, а на юге обнаружил часть стены, считав ее античной. На севере он вскрыл уровни бронзового века, расположенные ниже храма Афины,

хотя античные строители и снесли стены древних городов за исключением фундаментов. И все же раскопки завершились несомненным успехом. Калверт понял, что курган имеет глубокое слоистое строение, но раскопки требуемых масштабов ему не по карману. Калверт чувствовал, что Гиссарлык — место легендарных событий, и археологические изыскания смогут «ответить на фундаментальный вопрос *«ubi Troja fuit»*... Все древние авторы (после Гомера) помещали Трою в Новый Илион вплоть до времен Страбона», — писал он в 1868 г.

Вся слава была оставлена Генриху Шлиману.

Глава вторая

ГЕНРИХ ШЛИМАН

Воображение — очень важное качество, которым должен обладать археолог... но пропорционально силе этой способности необходим противовес рассудительности, иначе воображение выходит из-под контроля и становится необузданным. Д-р Шлиман, несомненно, способный человек, но он должен быть одарен немалым количеством такого сорта несбалансированного воображения, чтобы объяснить измышления, которые явились плодом его изысканий на Гиссарлыке.

УИЛЬЯМ Борлейс, Fraser's Review (1878)

Летом 1868 г., а точнее — в 5 утра 14 августа, непривлекательного вида человек осторожно ехал верхом через болотистые заросли вдоль реки Мендерес. Он был мал ростом, с круглой головой (как описывали его друзья), весьма скудной шевелюрой, багровым лицом и очками на носу. «Круглоголовый, круглолицый, круглошляпый очкарик», — как говорили другие. В 10 часов утра он добрался до обширного, усыпанного булыжником плато, прошел по его полуторамильному периметру, отмечая следы городской стены, и взобрался на холм Гиссарлык. Здесь он осмотрел раскопы, обнажившие часть подиума храма. Это место, писал он позднее,

полностью соответствовало описанию Илиона, которое дает Гомер, и добавлю, что стоит ступить на Троянскую равнину, как сразу охватывает восторг от чудесного вида холма Гиссарлык. Этот холм кажется предназначенным природой, чтобы нести на себе великий город... во всех окрестностях нет места, сравнимого с этим.

Когда дневное солнце стало опускаться в Дарданеллы, человек, устало тащась по болотистой низине, направился к берегу, чтобы найти пристанище на ночь.

Оставив Гиссарлык, я переехал в город Ени-чери на мысе Сигейон... отсюда открывается великолепная панорама всей Троянской равнины. Когда, с «Илиадой» в руке, я сидел на крыше дома и смотрел вокруг, то воображал, что вижу внизу флот, лагерь и отряды греков, Троию и ее крепость Пергам на плато Гиссарлык, войска, марширующие в разных направлениях и сражающиеся друг с другом в низине между городом и лагерем. За два часа все главные события «Илиады» прошли перед моими глазами, пока темнота и сильный голод не заставили меня слезть с крыши... Я окончательно убедился, что именно здесь стояла древняя Троя.

Этот рассказ, который, как мы теперь знаем, во многом является выдумкой, был написан той осенью в Париже. Он знаменует начало самой поразительной истории в археологии.

Биографическая проблема

Говорят, что мы так много сегодня знаем о Трое благодаря одержимости одного человека. Так оно и есть. История Шлимана — самая романтическая в археологии, и ее следует читать в его собственном изложении. Но к его книгам «Илион», «Микены», «Тириинф» следует относиться с изрядной долей осторожности: в них не всегда можно отличить миф от реальности. Материалы о жизни Шлимана обширны. Имеются 11 книг автобиографии, восемнадцать путевых дневников, двадцать тысяч листов документов, шестьдесят тысяч писем, деловые записи, почтовые открытки, телеграммы и все виды прочей переписки. А также 175 томов журналов раскопок, при том, что 46 утеряны, включая важные отчеты из Трои, Орхомена и Тириинфа (несколько лет назад в руки афинских букинистов попали три утерянных альбома с планами, рисунками и фотографиями из Микен). Добавьте ко всему этому множество аналогичных материалов, оставленных учеными, знавшими его, работавшими с ним, подшивки газет, новые находки (пять писем, найденных в 1982 г. в Белфасте), и вы получите представление о масштабах задачи при попытке отделить факты жизни Шлимана от домыслов. Шлиман был человеком колоссальной энергии. О нем написано много книг, но и по сей день нет его достоверной биографии. Поэтому читателю, восхищающемуся замечательной историей одного из самых необычайных людей XIX в. — гения, и пусть в этом никто не сомневается, — нужно с осторожностью отнестись к мифу, сочиненному Шлиманом о себе, который так охотно принял весь мир. Он признавал, «мой

самый большой недостаток, что я хвастун и обманщик... давал бесчисленные преимущества». Склонный к гиперболе, бахвальству и часто явной лжи, Шлиман являет нам удивительный парадокс существования в одном лице «отца археологии» и рассказчика небылиц.

Мы не можем быть уверены в правдивости его повествования о своем детстве. В восемь лет, говорит он в «Илионе», опубликованном в 1880 г., отец подарил ему на Рождество «Всеобщую историю» Джерера с гравюрой, где Эней убегает от горящих башен Трои.

«Папа, Джерер наверняка видел Трою, иначе не смог бы ее нарисовать».

«Сынок, — ответил он, — это просто сказочная картинка»...

«Папа! — возразил я, — если такие стены когда-то существовали, их нельзя было уничтожить полностью: должны остаться развалины, скрытые под пылью веков»...

В конце концов мы оба согласились, что я когда-нибудь обязательно раскопаю Трою.

Этот рассказ появился в печати в 1868 г., когда Шлиману было сорок шесть. В нем впервые говорится о том, что раскопать Трою и доказать правдивость поэмы Гомера было целью всей его жизни. Но так ли это? В декабре 1868 г. он пишет своему восьмидесятивосьмилетнему отцу:

В предисловии дал свою биографию. Я написал, что в 10 лет... услышал от тебя рассказ о Троянской войне... Я написал, что

ты часто говорил мне о героях Гомера и это первое детское впечатление оставалось со мной всю жизнь.

Скептики могут заключить, что именно отсюда старый Шлиман узнал об этом эпизоде, и действительно, холодный взгляд на переписку его сына заставляет полагать, что рассказ о цели жизни Шлимана — выдумка. Проведя детство в Мекленбурге, он становится преуспевающим бизнесменом, ведет дела в Санкт-Петербурге и в США, частенько оказывается замешанным в сомнительных операциях. В Крымскую войну Шлиман завладел рынком пороховой селитры, подкупал золотоискателей во время «золотой лихорадки» в Калифорнии и вел дела с хлопком в годы Гражданской войны в Америке — по крайней мере, так рассказывает он сам. В конце 50-х годов ему, похоже, захотелось переключиться с деловой карьеры на более интеллектуальные цели, чтобы добиться респектабельности. Вначале он надеялся посвятить себя сельскому хозяйству. Когда ничего не получилось, Шлиман пожелал обратиться к иному сорта деятельности, возможно, в области филологии, но вскоре был обескуражен. «Слишком поздно для меня начинать научную карьеру», — писал он. Подобно многим европейцам XIX в., Шлиман знал Гомера и любил его поэмы, но, вероятно, лишь посещение Греции и Трои летом 1868 г. — и встреча с Фрэнком Калвертом — воодушевили его заняться археологией.

Критические исследования текстов выявили и другие сомнительные моменты в биографии Шлимана: к примеру, его рассказ о пожаре в Сан-Франциско (свидетелем которого, по словам Шлимана,

он был), его, не внушающая доверия, встреча с президентом Филмором, а ныне и находка в Трое так называемых «сокровищ Елены». Шлимана обвиняют в том, что он подделал их или купил на черном рынке и подложил на место раскопок. Эти сомнения достигли такого размаха, что в 1983 г. Национальному музею в Афинах было предложено исследовать золото одной из масок, найденных Шлиманом в Микенах, выдвигая предположение, что некоторые микенские сокровища были также фальшивыми. Следует сказать, что подобные обвинения не новы: еще при жизни Шлимана его обвиняли в «подстраивании» находок. Поэт Мэтью Арнольд считал его «сбившимся с пути», французский дипломат Гобино назвал Шлимана «шарлатаном», а Эрнст Курциус, руководитель раскопок в Олимпии, — «жуликом». Однако эта критика не всегда справедлива, как в случае с «сокровищами Елены», обстоятельства находки которых можно вполне убедительно установить. Но есть другие серьезные нестыковки, и биография Шлимана нуждается в более тщательном составлении. Например, современник Шлимана, Уильям Борлейс, отрицал, что София Шлиман присутствовала, как утверждал ее муж, при обнаружении «сокровищ Приама». Ее даже не было в Турции! Если Шлиман лгал (или фантазировал), говоря, что «подключил жену ради поощрения ее интереса к археологии», — не могли он лгать и о самих находках? Мы достаточно знаем о Шлимане: жульничал и обманывал, был скрытен и коварен. Иногда вел раскопки в тайне и воровал материалы. Контрабандой вывез найденные троянские сокровища за рубеж, а не передал их туркам. Страстно желал, чтобы академический

мир признал его серьезным ученым и археологом. Тем не менее, как мы знаем теперь, не гнушался прямой ложью. Все это известно и заслуживает осуждения. Но на другой чаше весов — сообщения о находках в книгах и журналах, блестящие письма в «Таймс» и, конечно же, сами эти находки, хранящиеся в Микенском зале Афинского музея. Свое нравный, наивный, деятельный, романтичный, ранимый и стремящийся учиться, Шлиман был ступком противоречий. Судить о нем следует по его делам. Удача — или умение — привела его к величайшим археологическим открытиям, когда-либо сделанным одним человеком. Но прежде чем мы вернемся к рассказу о невероятных находках Шлимана, нам придется задаться еще одним вопросом: почему он обратился к археологии, а, скажем, не к филологии?

Археология: становление новой науки

Во времена Шлимана само понятие «археология» лишь начали использовать в его современном значении. Понадобилась бы целая книга, чтобы обрисовать интеллектуальные основы изучения древнего мира в середине XIX в. Без точной биографии Шлимана мы не можем сказать точно, сколько современных научных дисциплин он освоил. Что он читал в Париже, когда в 60-е гг. был там «взрослым студентом»? Позже он демонстрировал удивительный кругозор, но особенно хорошо знал лингвистику и сравнительную этнологию. Он посещал все крупные музейные коллекции с целью их сравнения с часто озадачивающими находками в Трое.

Если ему и не хватало свойственной настоящим ученым самодисциплины («прилежный», но не «светлая голова», говорил его школьный учитель), а его теории бывали притянутыми за уши, то мысль работала в правильном направлении. Его идеи становились яснее по мере развития его научной карьеры, поскольку он прибегал к помощи специалистов — Вирхова, Сэйса, Мюллера, Дёрпфельда и других, многие из которых были выдающимися учеными в своей области. Сегодня стало привычным осмеивать археологические методы Шлимана, как и его характер. Лучше вспомнить, что, в рамках общих исследований прошлого, период с 1850 по 1890 г. был, пожалуй, самым революционным в истории науки. В 1859 г. Чарльз Дарвин опубликовал «Происхождение видов» и создал совершенно новый климат для изучения истории и развития цивилизации. (Любопытно, что одним из первых ученых, публично похваливших работы Дарвина, был английский антиквар Джон Эванс, отец организатора раскопок в Кноссе.) Описание доисторической эпохи только-только обретало язык науки. Да и термин — доисторический — стал общеупотребительным в Европе с публикацией работ Даниела Вильсона «Prehistoric Annals [Доисторические анналы]» в 1851 г. и Джона Лаббока «Prehistoric Times [Доисторические времена]» в 1865 г. Именно Лаббок ввел в обиход слова «палеолит» и «неолит». Главный его труд «The Origin of Civilization [Происхождение цивилизации]» (название созвучно дарвиновскому) вышел в свет в 1870 г., за шесть лет до того, как раскопки Шлимана в Микенах навсегда изменили наши представления об истоках европейской и особенно эгейской цивилизаций.

В зрелые годы Шлимана, перед началом раскопок Трои, большинство западных интеллектуалов воспринимали слово «цивилизация» как обозначение их собственной культуры: христианство, все западное, капитализм, буржуазная демократия. Они читали античных авторов и Библию, а такие империи, как Британская и Германская, казались им логической кульминацией античной культуры, очагами которой были Рим (форма правления и законы), Израиль (религия и мораль) и Греция (интеллектуальные, художественные и демократические идеалы). Такой была «цивилизация», и, следовательно, под «историей» понималось простое формирование западных традиций на базе древнегреческих, римских и древнееврейских идей. Но с середины столетия археология начинает открывать богатства цивилизаций куда более древних — египетской, ассирийской, вавилонской и шумерской. Когда их языки были расшифрованы, выяснилось, что эти культуры оказали огромное влияние на развитие «молодых» цивилизаций Средиземноморья. Открытия в Месопотамии и Египте, изучение хеттской и минойской культур стали важными первыми шагами, за которыми последовали исследования незападных цивилизаций Индии, Китая и доколумбовой Америки. Так родилась наука археология. В XVII в. этим словом называли изучение истории вообще. А современное значение — научное изучение материальных остатков древней истории, дал ей в 1851 г. Вильсон в работе «Prehistoric Annals». Всего лишь 30 лет спустя в 1880 г. Р. Докинс написал в «Early Man [Древний человек]»: «Археологи возвели изучение древностей в ранг науки». Это было во многом достижением Шлима-

на. Немецкий патолог Рудольф Вирхов писал: «Сегодня бесполезно спрашивать, с правильных или ложных посылок Шлиман начинал свои исследования. Не только успех решил исход дела в его пользу, но также и его научный метод».

Шлиман и романтизм

Со стремлением Шлимана стать серьезным ученым соседствует другой аспект его интеллектуального и нравственного облика, заслуживающий упоминания. Если мы понимаем его правильно, то важнейшей побудительной чертой его натуры был романтический филэллизм, любовь ко всему греческому. Детство и юность Шлимана совпали с событием, которое оказало огромное влияние на многих европейских художников и мыслителей — с войной греков за независимость.

Между тем днем 1453 г., когда Кириак Анконский въехал рядом с Мехметом II в захваченный турками Константинополь, и днем, когда лорд Байрон умер в малярийных болотах Миссолонги, западноевропейская культура бурно развивалась, что мы ощущаем и сейчас. Повторное открытие античной греческой культуры в эпоху Ренессанса стало сильным потрясением для Европы, и именно в тот период, когда в Греции возникли идеи возрождения эллинской нации, она была поработана Османской империей, стала одной из самых нищих провинций, ее экономика и культура пали. Война за независимость и возрождение Эллады поддерживалась из-за рубежа. Освободительной войне 1820-х гг. предшествовал мощный поток книг западных эл-

линистов, посвященных истории и культуре Древней Греции. Как и полагали в XV в. Плетон и Кириак, национализм и археология шли рука об руку. Люди искусства того времени — поэт Байрон или, чуть позже, музыкант Берлиоз, автор «Троянцев», были проникнуты романтическим филэллизмом, который, очевидно, и воодушевил самоучку Шлимана. «Возвращение к жизни моей любимой Греции», как говорил он, было общей целью интеллигенции XIX в., и новая наука, археология, не могла оказаться в стороне. В каком-то смысле это самая романтическая из всех наук, занимающаяся подлинным физическим восстановлением утерянного прошлого. До известной степени физическое возрождение Древней Греции, которое началось с раскопок античных поселений в Олимпии и на Самофракии в 1860-е гг. и продолжалось под руководством Шлимана в 70-х гг. в Трое, Микенах и других местах, стало логической кульминацией филэллизма XIX в. Только этим можно объяснить подлинное, по-видимому, стремление Шлимана «доказать правдивость» древних сказаний, даже более сильное, чем желание найти сокровища. Его эпоха была очень беспокойной, пораженной проказой революций и захватнических войн. Ее апофеозом стала страшная франко-прусская война 1870—1871 гг. (непосредственным свидетелем которой оказался Шлиман — соседние дома на его улице в Париже были разрушены артиллерийским огнем). Великие достижения «цивилизации» XIX в. в глазах многих поблекли, будущее представлялось ужасным. Что могло быть заманчивей идеи восстановления истории минувших времен? Назад, к культуре благородных стремлений, морального ве-

личия! «Я прожил свою жизнь среди полубогов. Я знаю их так хорошо, что чувствую, что и они должны были узнать меня», — писал Берлиоз о гомеровских героях.

Несомненно, и Шлиман чувствовал то же.

Где была гомеровская Троя?

Там нет камней безымянных.

Лукан

Античный Илион (по латыни: *Ilium Nopum*) занимал северо-западный угол низкого плато между реками Мендерис (античный Скамандр) и Дюмрек (Симоис). Этот греко-римский город был довольно обширным: его стены охватывали участок площадью примерно 1200 на 800 ярдов. Но на его северо-западной оконечности возвышался холм, который резко обрывался к равнине. Холм поднимался примерно на 30 футов над плато и на 130 — над равниной. Вполне вероятно, что он был выше и круче в бронзовом веке, прежде чем его подровняли древние строители. На этом холме, известном под названием Гиссарлык («место крепости»), располагался акрополь античного города с общественными зданиями и храмом Афины. В спорах об утерянной гомеровской Трое ему никто не уделял внимания. Часть круглой стены, построенной при Александре Македонском, еще была еле видна в зарослях подлеска и олив в 1740-х гг. К 1801 г., когда сюда пришел Эдвард Кларк, фундаментные блоки вовсю разворовывались местными турками. К середине XIX в. их вообще не осталось, и сейчас трудно просле-

дить даже линию периметра. Тем не менее по оставшимся следам и монетам Кларк справедливо заключил, что эта «древняя цитадель на высшей точке поверхности, окруженная со всех сторон плоской равниной», была «явно остатками Нового Илиона». Но, несмотря на то что некоторые ученые согласились с предположением кабинетного топографа Макларена, сделанным в 1822 г., что здесь же находилась гомеровская Троя, до Фрэнка Калверта и Шлимана не было предпринято никаких попыток проверить гипотезу.

Такими скудными были сведения об этом знаменитом месте до начала раскопок Калверта. В то время по-прежнему удерживала свои позиции теория Трои в Бунарбаши. После проведенных там в 1864 г. безрезультатных поисков Фрэнк Калверт обратился к Гиссарлыку. Эти места он знал с детства и приобрел у местного фермера поле, захватывающее северную часть холма. Начав раскопки в 1865 г., он сразу обнаружил остатки храма Афины и античной городской стены Лисимаха, снесенной позднее Шлиманом. Зацепив уровни бронзового века, Калверт понял — Гиссарлык имеет глубокое слоистое строение, и наносных пород местами накопилось до 40—50 футов.

Шлиман впервые посетил Троаду в августе 1868 г. Из писем Калверта мы знаем, что в то время Шлиман поддерживал теорию Лешевалье о Трое в Бунарбаши. Гиссарлык явно не произвел на него впечатления — вопреки его позднейшей выдумке. И только встретившись с Калвертом в Чанакаале на обратном пути в Константинополь, он узнал подробности о раскопках Калверта и его давнюю теорию о том, что Гиссарлык — искусственный курган

с «руинами и обломками храмов и дворцов, наслаивавшихся друг на друга на протяжении столетий». Калверт убедил Шлимана, что именно здесь и стояла гомеровская Троя. Шлиман писал в своей первой книге, вышедшей на следующий год на французском языке: «После тщательного двукратного изучения троянской равнины я полностью согласился с доводами этого *savant* [ученого — *фр.*], что высокое плато Гиссарлык и есть место нахождения древней Трои и что этот холм — место, где находился Пергам». На самом деле, Шлиман полностью обязан данной идеей Калверту, и письмо, посланное Калверту из Парижа в октябре того же года, доказывает, что Шлиман сохранил весьма смутные представления о том, как вообще *выглядит* Гиссарлык! Настолько его внимание было сосредоточено на Бунарбаши. Мимоходом он расспрашивал Калверта обо всем, начиная с того, почему тот считает, что холм искусственный, и кончая тем, какого образца шляпу лучше носить. «Следует ли мне взять с собой металлическую койку и подушку?» Позднее Шлиман будет отрицать инициативу и помощь Калверта, и в 1875 г. в письме в «Манчестер Гардиан» Калверт будет вынужден привести цитату из Шлимана: «Если бы кто-то еще предложил мне срыть холм за мой счет, я не стал бы его даже слушать!» Поэтому Калверт оказался только «прародителем» идеи — Шлиман не желал ни с кем делить славу.

Возникла проблема получения разрешения. Турецкое правительство все больше интересовалось сохранностью своих древностей, но умеющий убеждать Шлиман без особого труда получил фирман — разрешение на раскопки. Однако условия были сформулированы четко: половина находок пойдет

в археологический музей Турции; развалины должны оставаться в том же состоянии, как выглядели на момент обнаружения, существующие строения не должны уничтожаться. И, наконец, Шлиман должен оплатить все расходы. Последнее условие было единственным, которое он выполнил. Как ему было отказаться от привычки быстро проворачивать дела и обманом добиваться цели! Многочисленные разрушения на раскопе и особенно кража найденных сокровищ вызвали в Турции долговременное недоверие и неприязнь к иностранным археологам.

Предварительные раскопки Шлиман начал в апреле 1870 г. и в течение 1871—1873 гг. провел три кампании с общей продолжительностью работ более 9 месяцев. Ежедневно на площадке трудилось от 80 до 160 рабочих. Хотя Калверт советовал рыть сеть небольших траншей, а не огромные котлованы, Шлиман повел через холм широкие траншеи, вынимая сотни тонн земли и камней, сметая более поздние постройки. Среди стен, исчезнувших навсегда, были участки известняковой городской стены Лисимаха и более поздняя стена из прекрасно обработанных известняковых блоков, которую Шлиман посчитал чересчур красивой для того, чтобы быть древней. На самом же деле, как мы теперь знаем, Шлиман невольно пробил часть стены, которая, возможно даже, была стеной гомеровской Трои.

Последствия первоначального шлимановского мародерства можно увидеть и сегодня. То, что осталось, — это развалины руин. К 1872 г. Калверт отозвал свое согласие на раскопки Шлиманом его части холма, и они на время поссорились. Нетрудно понять, почему.

Шлиман же был совершенно ошеломлен сложным строением холма и сбит с толку его стратификацией. К счастью, у него хватило благоразумия последовать совету. «Только точное местонахождение объекта в раскопе может точно указывать эпоху. Обращайте на это пристальное внимание!» — писал ему в 1872 г. французский архитектор Бюрнуф. Шлиману пришлось учиться методам раскопок по ходу работ. Бессмысленно его за это осуждать: другие археологи того времени вели раскопки в более простых местах, например на Самофракии, либо «копали картошку», как сказал Мюллер о британских раскопках 1878—1881 гг. в Каркемише, вблизи сирийской границы. Тем не менее постепенно, на протяжении трех сезонов, Шлиман сумел идентифицировать четыре последовательных слоя или «города» ниже античного Илиона и прийти к заключению, что гомеровская Троя — второй слой ото дна и уничтожена она была сильнейшим пожаром. Заявление Шлимана, что эта крошечная площадка — 100 ярдов в поперечнике — гомеровский Илион с его башнями и «высокими стенами», особенно доверия не вызвало. Особенно Шлиман был взбешен статьей Фрэнка Калверта в «Levant Herald» (4 февраля 1873 г.), где тот признавал наличие шлимановского доисторического слоя ниже римского, но отмечал, что «отсутствует важнейшее звено между 1800 и 700 гг. до н.э., более чем тысячелетний пробел, захватывающий даты Троянской войны 1193—1184 гг. до н.э. До сих пор не обнаружено никаких следов между эпохами каменных орудий и гончарных изделий архаичного стиля». Другими словами, нашел не то! Не вникая в смысл доводов, Шлиман обвинил Калверта в коварном ударе в спину, а поз-

же даже назвал его «подлым злодеем... пасквилянтом и лжецом». Однако спустя несколько недель Шлиман отыскал свой аргумент. В самом конце последнего сезона, вероятно, 31 мая 1873 г., Шлиман наткнулся на первую и самую спорную свою находку — так называемые «сокровища Приама».

Я натолкнулся на большое медное изделие весьма замечательной формы, которое привлекло мое внимание больше всех, и мне показалось, что за ним я вижу золото... Я выковырял сокровища большим ножом, что было невозможно сделать без самого величайшего напряжения и страшнейшего риска для моей жизни, поскольку огромная крепостная стена, под которой я вел раскопки, угрожала в любой момент на меня обрушиться. Но вид столь многих объектов, каждый из которых был бесценен для археологии, сделал меня безрассудно храбрым, и я нисколько не думал об опасности. Однако я не смог бы вытащить сокровища без помощи моей дорогой жены, которая стояла рядом, готовая упаковать вырытые мной сокровища в свою шаль и унести их прочь.

«Сокровища», как утверждает Шлиман, состояли из медных подносов и котлов, внутри которых находились чаши из золота, серебра, сплава золота и серебра («электрона») и бронзы, золотого «соусника», ваз, тринадцати медных наконечников копий, а самой замечательной частью клада были несколько тысяч золотых колец и украшений из золота — браслеты, наголовный обруч, четыре сережки и две

роскошных диадемы, одна из которых состояла из более чем 16 000 крохотных золотых деталек, соединенных золотой нитью. Последнее украшение, ставшее известным под названием «сокровища Елены», украсило голову Софии Шлиман — снимок, ставший одним из самых знаменитых в XIX в.

Находка вызвала сенсацию. Она способствовала тому, что заявления Шлимана стали принимать всерьез. Но теперь-то мы знаем, что Шлиман, в лучшем случае, все сильно приукрасил. Недавно ученые даже пытались доказать, что клад сфабрикован и подброшен в раскопки, но последние исследования позволяют предположить, что это была могила, прорытая из слоя Трои III в слой Трои II, хотя отчет Шлимана слишком неточен, чтобы это уверенно утверждать. Кроме того, золото периодически находили в том году и раньше в этом слое, включая крупную находку ювелирных изделий при самостоятельных раскопках рабочих. В 1930-х гг. американцы вновь обнаруживали отдельные золотые предметы почти в каждом помещении, словно жители Трои II в панике бежали во время захлестнувших город убийств. Потому Троя II остается вероятным местом нахождения «сокровищ Елены». Есть основания верить Шлиману, но находил он эти чудесные вещи, скорее, в течение нескольких недель, а не за один сенсационный день. Он хранил находки в секрете, желая контрабандой вывезти из Турции, написал же о кладе только в Афинах. Поставленная задним числом дата в его журнале и привела современных исследователей к мысли о жульничестве. Что касается помощи жены, то она была в это время в Афинах, в чем Шлиман признался приехавшему из Англии Борлейсу, но эта невинная ложь не

должна (по крайней мере, я так думаю) умалять достоинства находки в целом. К несчастью, сами сокровища, которые могли бы дать больше ответов, пропали в Берлине в 1945 г. От золота Трои остались лишь сухие пустяки: пара сережек, ожерелье, кольца и булавки, часть находок, сделанных Шлиманом в 1878 г. и 1882 г. Их по-прежнему можно видеть в Стамбульском музее рядом с бесформенными золотыми слитками — остатками бесценных сокровищ третьего тысячелетия до нашей эры. Часть золотых находок 1870-х гг. была, несомненно, переплавлена в деревнях вблизи Гиссарлыка. Та же судьба, надо полагать, постигла берлинские драгоценности — «сокровища Елены» и остальные. Грустно сознавать, но если бы Британский музей раскошелился на 100 фунтов Калверту, то все сокровища лежали бы в безопасности в Блумсбери!

Вернувшийся в Афины с турецкими агентами «на хвосте», Шлиман торжествовал. Сокровища — удивительная удача, он убедит ученый мир, что его дорогостоящая идея хорошо обоснована, он нашел эпоху героев, и она действительно имела высокоразвитую материальную культуру — и золото. Все, как говорил Гомер. Стена, под которой лежали сокровища, была для Шлимана несомненной стеной Примова дворца, а драгоценности «были спешно упрятаны в сундук кем-то из семьи царя Приама». Он не мог удержаться, чтобы не кинуть камушек в огород сомневающихся: «Эти сокровища *предполагаемого мифического* царя Приама, жившего в *мифическом* веке героев, которые я обнаружил на огромной глубине в развалинах *предполагаемой мифической* Трои, в любом случае — событие, которое стоит особняком в археологии».

В письме на английском Ньютону Шлиман более осторожен:

*Троя невелика. Но Гомер был эпическим поэтом, а не историком. Он никогда не видел ни великой башни Илиона, ни дивной стены, ни дворца Приама, потому что, когда он посетил Трою через 300 лет после ее разрушения, все эти памятники были укрыты десятью футами толстых слоев пепла и руин Трои, и другой город стоял на этом слое, город, который, в свою очередь, должно быть, испытал великие потрясения и значительно увеличил этот слой. Гомер не проводил раскопок, чтобы обнаружить эти памятники, но он знал о них по сказаниям, потому что трагическая судьба Трои с самого ее разрушения была на устах рапсодов. У древней Трои не было акрополя, и **Пергам** — чистая выдумка поэта.* (Выделение мое.)

Совсем другие впечатления почерпнет публика из книги Шлимана.

Его по-прежнему мучил вопрос: действительно ли это была гомеровская Троя? Во-первых, размеры доисторического поселения — 100 на 80 ярдов максимум — слишком малы для великого города, изображаемого Гомером. Где описываемые им широкие улицы, башни и ворота? Более того, никаких признаков, что границы поселения заходили на плато, как ожидали они с Калвертом. Во-вторых, даже на глубине доисторические слои «выдавали» малоопытные и чересчур примитивные для века героев

гончарные изделия. Где искусно сделанные украшения дворца, упоминаемые Гомером? Конечно, многое существовало лишь в воображении Гомера, но Шлиману еще и не везло. Большая часть, если не вся, вершины холма, с ее слоями бронзового века, была в древности срезана строителями *Pium Novum*. Поэтому, наступая с севера, Шлиман практически не имел шансов найти микенский «материал», который дал бы ему «точку отсчета» при сравнении с ранее найденными на Родосе и в Аттике гончарными изделиями. Он был сбит с толку до такой степени, что в 1871 г. принял заявление группы видных немецких ученых о том, что гомеровская Троя все-таки в Бунарбаши, и стал сомневаться в своей интуиции. Той осенью он записал в своем журнале: «Оставил всякую надежду найти Трою». В ноябре он даже начал раскопки в Акчакее, на месте, предложенном братом Фрэнка, Фредериком. Гиссарлык «с каждым днем сбивает меня с толку все больше и больше, — писал он Джеймсу Калверту. — Я смогу копать там [в Акче] и дальше будущей весной, чтобы посмотреть, не там ли Троя, если не удастся найти ее на Гиссарлыке».

Многое из найденного Шлиманом было новым для науки вообще, так что его замешательство вполне понятно. Первая крупная публикация Шлимана об открытиях 1871 г. состояла из полевых дневников и большого несброшюрованного альбома, содержащего более 200 зарисовок, планов и фотографий, — «в надежде, что мои коллеги смогут объяснить темные для меня моменты... поскольку все это выглядит для меня странным и загадочным». А были еще и иные реалии: скорпионы и прочие насекомые, лихорадка, дожди и свирепый северный ветер, ко-

торый «забивал пылью глаза», дул в щели барака. И он, и София часто чувствовали себя настолько плохо, что «не могли осуществлять руководство [раскопками] на протяжении целого дня при ужасной жаре». Таких трудностей нет в современной археологии, а Шлиман их терпел двенадцать сезонов на протяжении двадцати лет, тратя огромные личные средства. Мотивом вряд ли была слава. Или золото.

Он рассматривал сезон 1873 г. как последний на данной площадке. Сознавая, что удовлетворительного ответа на вопросы так для себя и не нашел, он начал переговоры о новом разрешении раскопок на Гиссарлыке. И, естественно, получил отказ. Когда же в 1876 г. он наконец получил разрешение (с уплатой большой суммы наличными), мысли его занимало уже другое место. Шлиман решил раскапывать оплот Агамемнона, предводителя греческой армии под Троей, — Микены.

Златообильные Микены

Хотя минуло более двух тысяч лет, как Микены были покинуты, о них никогда не забывали. Их развалины посетил Фукидид, согласившись с Гомером о первенстве Микен в Троянской войне как «столицы» Микенской «империи». В древнем мире считалось, что это то самое место, куда вернулся Агамемнон после разграбления Трои и был убит, что он и цари династии Атридов похоронены там. В Микенах, покинутых после разрушения города аргивянами в 468 г. до н.э., сохранились впечатляющие руины: циклопические стены, купольные гробницы, или

толосы¹, считавшиеся местами захоронения древних царей. Во II в. н.э. греческий путешественник Павсаний составил описания Львиных ворот и гробниц, как думалось, Атрея и Агамемнона. Но, в отличие от Трои и других поселений Греции и Крита, путешественники послеантичных времен не посещали Микены, и, похоже, нет ни одного описания Микен за длительный период — между Павсанием и французом Фовелом в конце XVIII столетия.

Джон Моррит, друг Вальтера Скотта, прибыл сюда в начале 1795 г. после посещения Трояды, где участвовал в брайантовском диспуте. Именно он сделал первое подробное описание со времен Павсания (пользуясь его записками как путеводителем!). Моррит был увлеченным путешественником, пренебрегавшим встречающимися трудностями. Добравшись до Львиных ворот, он был восхищен «грубо высеченными барельефами». Микены, почитал Моррит, мало могли измениться со времен Павсания, и в этом он был, вероятно, прав. Моррит пробрался в засыпанную обломками «Сокровищницу Атрея» и описал массивную плиту перекрытия («нечто, нами не виданное»), которую сравнил с перекрытием в Орхомене, еще одной купольной гробницей гомеровской эпохи.

Дневник Моррита был доступен большому числу ученых, отправлявшихся в Микены в последующие 30 лет. Самым склонным к полемике был Томас Брюс, лорд Элджин, ныне печально известный тем, что вывез «Элджинский мрамор». Летом 1802 г., пока мрамор спускали из афинского Парфенона, Элд-

¹ Толос — монументальное, круглое в плане здание.

жин совершил поездку по Греции в поисках и других древностей. Микены его так впечатлили, что он немедленно начал раскопки под прикрытием разрешения от турецкого правительства, правившего тогда Грецией. В полузаблокированном входе в «Сокровищницу Атрея» лорд откопал большое число обломков красных и зеленых мраморных фризов, обвалившихся с фасада гробницы. Кроме того, отыскал (возможно, в какой-то другой купольной гробнице) два массивных монументальных фрагмента рельефа из твердого черного известняка с изображением быка, которые сегодня можно увидеть в Британском музее. Эджин увез и значительную часть зеленого мрамора, украшавшего зигзагообразные пилястры, которые в 1802 г. еще обрамляли двери гробницы. Остальное забрал маркиз Слитто в 1810 г. и установил в Уэстпорт-хаусе в графстве Майо, откуда в 1905 г. мрамор был передан Британскому музею. Устремив свой алчный взор на великолепный барельеф Львиных ворот, Эджин с большой неохотой решил, что он тяжел и неудобен для транспортировки — слишком далеко от моря.

Прочие ученые, в частности английские, исследовали, обмеряли, зарисовывали «Сокровищницу» и Львиные ворота. Приезжали туда Эдвард Кларк и Уильям Лейк, который в своих «Travels in the Moëa [Путешествия в Морею]» устанавливает стандарты классической топографии XIX в. и приводит одно из лучших описаний этого участка. Небольшие раскопки снаружи крыши «Сокровищницы Атрея» произвел Чарльз Кокерел, дабы определить природу его «ульеподобной конструкции». Эдвард Додвелл попытался охарактеризовать циклопическую архитектуру в обширном томе, в ко-

торый вошли первые иллюстрации с изображениями стен и толосов Микен и Тиринфа. То были важные шаги в понимании микенской цивилизации. Некоторых из этих авторов, например Лейка и Кларка, стоит почитать — это путевые записки очень наблюдательных людей, а книга Лейка вообще один из лучших в мире путевых археологических дневников. Именно благодаря им с самого начала археологических исследований развалины Микен было принято датировать доисторическим, «героическим» веком Греции, и тогда уже был достигнут прогресс в обобщении теорий о стиле «циклопической» архитектуры. Дорога была проложена, и Шлиман тщательно все изучил.

Остановим, однако, свое внимание еще на двух ученых, поскольку их открытия имели принципиальное значение в исследованиях Микен. В 1809 г. Томас Бергон исследовал «юг самого южного угла стены акрополя» и нашел несколько фрагментов микенской керамики, сведения он опубликовал, приложив цветную гравюру, в 1847 г. под заголовком «Попытка обратить внимание на вазы, присущие Греции, которые принадлежат героической и гомеровской эпохам». Именно эту простую, но революционную статью имел в виду Чарльз Ньютон:

Если этот холм был когда-то акрополем, то мы можем ожидать, что найдем такие фрагменты самых ранних гончарных изделий, которые, как впервые отметил покойный г-н Бергон, в изобилии присутствуют на гомеровских участках Микен и Тиринфа. Таких изделий я видел немало...

Наблюдения Бергона и Ньютона легли в основу всех современных исследований хронологии микенской культуры. Увидев посуду, найденную Шлиманом в Микенах, Ньютон получил возможность предложить хотя и грубую, но *абсолютную* хронологию героического века в Микенах простым методом сравнения с аналогичной посудой, найденной в Египте, которая могла датироваться приблизительно 1375 г. до н.э. Именно беседы с Ньютоном заставили Шлимана отстаивать привязку находок к гончарному датированию (например, в книге «Микены», 1880 г.).

Основное внимание всех исследователей XIX в. (как и Павсания) привлекали Львиные ворота и «Сокровищница Атрея». Именно внутри цитадели наиболее вероятно было найти сведения о ранней истории Микен, а до Шлимана она не вызвала особого интереса. Мало кто из путешественников раньше утруждался даже ее наружным осмотром; правда, Лейк составил приблизительную карту и описал заросшие склоны за воротами со следами террас и стен. На гравюре Додвелла все заросшее и никаких строений не видно. На акварели, сделанной в 1834 г., Львиные ворота завалены камнями, поросли кустарником, а укрепления по обеим сторонам разрушены и покрыты слоем земли. Так вот что увидел Шлиман, когда в 1868 г. впервые взглянул на легендарный оплот Агамемнона, «златообильный», по словам Гомера, город. Нанятые в Коринфе проводники никогда не слышали о Микенах, только крестьянский мальчик из Чарвати, приведший его к цитадели, называл ее «крепостью Агамемнона», а будущую «Сокровищницу Атрея» — «могилой Агамемнона». Для Шлимана это было подтверждением правдивости античных мифов. Веч-

ный романтик Шлиман отреагировал примерно так же, как его современник, художник фон Штакельберг, приехавший на зарисовки в Микены:

Я сидел часами в торжественном одиночестве перед гигантскими руинами и, пока мой карандаш воспроизводил их четкие линии, думал о гигантских фигурах греческих героев в этом памятном месте, героях, которые, убивающие и убитые, были принесены в жертву своей неумолимой судьбе.

Маска Агамемнона

Невероятный успех Шлимана в Микенах был достигнут благодаря анализу книги Павсания, давшего описание могил Агамемнона и его сподвижников. Согласно этому тексту, вероятность расположения могил внутри стен была выше, чем за ними. Ученые полагали, что Павсаний имел в виду огромные купольные гробницы, включая и ту, которую мы называем «Сокровищницей Атрея», и, соответственно, упомянутые стены — это внешний контур, расположенный далеко от цитадели. Шлиман был уверен в ошибке ученых. Он настаивал, что Павсаний подразумевал огромные циклопические стены цитадели и что герои Троянской войны лежат за Львиными воротами. «Абсурд», — отвечали ученые, ибо где найти место кладбищу внутри такой небольшой цитадели на крутом холме? Да и вообще, с каких это пор древние стали хоронить покойников внутри города? В начале сентября 1876 г., с разрешения греческого правительства, Шлиман начал

раскопки прямо за Львиными воротами, пробиваясь сквозь упавшие или смытые с холма обломки. До сих пор у подножия лестницы, начинающейся сразу за воротами, различим в виде полукруглой выемки конец траншеи. Шлиман повел ее на запад через небольшой участок с плоскими террасами внутри циклопических стен. Там он обнаружил остатки ряда вертикальных каменных знаков, образующих круг диаметром примерно 90 футов. Площадка явно была тщательно выровнена еще в древности, а внутри круга Шлиман нашел резной вертикальный камень, напоминающий могильный памятник. Следом обнаружили и другие камни с отчетливо различимыми изображениями воинов на колесницах. Сенсационные открытия стали частью археологической легенды, но волнение открытия до сих пор ощущается в письмах Шлимана в «Таймс» (перепечатанных на английском в «Briefwechsel II») и в его книге «Микены».

Ноябрьские дожди превратили траншеи в грязные канавы, но, дойдя до скального основания, Шлиман обнаружил высеченную в скале шахту. Это была первая из пяти прямоугольных могильных шахт, в которых он нашел останки девятнадцати мужчин и женщин и двух детей. Они были буквально усыпаны золотом. Лица мужчин закрывали изумительные золотые маски со столь отчетливыми чертами, что возникала мысль о портретном сходстве. На груди лежали великолепно украшенные «солнца» из толстого золотого листа с вдавленными розетками. У двух женщины были налобные украшения, а у одной из них — диадема. Возле тел лежали бронзовые мечи и кинжалы с золотыми эфесами и искусными инкрустациями на эфе-

сах и клинках, в двух случаях инкрустация золотом, серебром и ляпис-лазурью по краям лезвий передавала удивительно яркие сцены охоты и боевых сражений. Были там золотые и серебряные чаши для питья, золотые шкатулки, сосуды и тарелки из слоновой кости и сотни золотых дисков, украшенных розетками, спиралями, изображениями животных и рыб. Возможно, они были нашиты на одежду и саваны. Художественное исполнение было просто ослепительным.

Шлиман не сомневался: это мир Гомера, «Илиады», и это могилы Агамемнона и его товарищей. Павсаний писал о пяти могилах — Шлиман и нашел пять. Легенда утверждала, что Кассандра родила двойню, их убили вместе с ней — и в одной из шахт две детских могилы! Но только в пятой могиле Шлиман нашел то, к чему так страстно стремился: три мужских тела в богато украшенном инкрустацией военном снаряжении, с золотыми покровами на груди и золотыми масками на лицах. Два черепа сохранить было невозможно, но третий

чудесно сохранился под массивной золотой маской... отлично видны оба глаза, а также рот, который благодаря огромному весу, давящему на него, широко открыт и показывает 32 прекрасных зуба... мужчина, должно быть, умер в возрасте тридцати пяти лет... Новость о том, что найдено довольно хорошо сохранившееся тело мужчины мифического героического века... распространилась по Арголиде, как лесной пожар, и люди приходили тысячами из Аргоса, Навплии и деревень, чтобы поглядеть на чудо.

Так написано в очерке Шлимана, опубликованном в 1880 г. в «Микенах». И, как обычно, вероятно, приукрашенном. Сообщение для «Таймс» от 25 ноября 1876 г. звучит прозаичней: «В одной из них [золотых масок] сохранилась значительная часть черепа». И ничего больше! Что касается знаменитой истории о том, как Шлиман отправил греческому королю телеграмму со словами: «Я взирал на лик Агамемнона», то мы можем сказать, что сентиментальность была в его характере. (Шлиман предпринял усилия сохранить тело, поливая его спиртом с растворенным каучуком, но попытка оказалась неудачной. Однако недавно в одном из ранее считавшихся утерянных альбомов Шлимана найдены зарисовки местного художника.)

Со своей стороны, — говорил Шлиман, — я всегда твердо верил в Троянскую войну. Мою веру в древнее сказание не могли поколебать ни мода, ни критика, и этой вере я обязан своим открытием Трои и ее сокровищ... Твердая вера в сказания заставила меня предпринять последние раскопки в акрополе [Микен] и привела к обнаружению пяти могил с их необъятными сокровищами... У меня не было ни малейшего сомнения при допущении того, что сказание, приписывающее могилы Агамемнону и людям из его окружения, совершенно справедливо.

Нужно ли говорить, что находки в Микенах вызвали сенсацию, а Шлиману принесли мировую славу. Его приветствовали в высшем европейском обществе. Британский премьер-министр Гладстон, сам

изучавший античность, написал предисловие к английскому изданию «Микен». Шлиман читал лекции в ученых обществах по всей Европе. Конечно, было много и критиков: одни заявляли, что это послеримские могилы, варварское кладбище со «скифскими» масками; другие, что могилы — христианские, византийские. Но большинство согласилось — «гомеровские», то есть принадлежащие миру героев бронзового века. Разве не нашел Шлиман изображений шлемов из клыков вепря, как описывает Гомер? На инкрустированных лезвиях кинжалов не изображены ли «башенные щиты», подобные тому, что носил Аякс в «Илиаде»? А «среброгвоздные» мечи, такие, какой подарил Гектор тому же Аяксу? Наконец, новая наука археология сделала то, что прежде было невозможно: продемонстрировала связь между мифом Гомера и реальной историей. Шлиманом больше нельзя было пренебрегать. И кто бы теперь посчитал его обычным чудаком? Великий оксфордский исследователь санскрита Макс Мюллер писал:

Рад был услышать о Вашем успехе, Вы его полностью заслужили. Не обращайте внимания на нападки прессы в Германии... Ваши результаты открыты для различных интерпретаций — Вы знаете, насколько моя интерпретация отличается от Вашей и еще более от гладстоновской. Но это не влияет на мою признательность Вам за Ваше неослабевающее упорство. Я восхищаюсь самим по себе энтузиазмом, и будьте уверены, большинство людей в мире делают то же самое. Вам завидуют — вот и все, и меня это не удивляет.

Действительно ли Шлиман нашел Агамемнона? Увы! Здесь не место для анализа его находок и их реального датирования. Достаточно сказать, что шахтовые гробницы датируются XVI в. до н.э. Они появились задолго до возможной даты Троянской войны (XIII—XII вв. до н.э.). Нет даже уверенности, что они принадлежат той же династии, что и династия Агамемнона (если он существовал, хотя такое и возможно). И не все шесть гробниц (шестую нашел Статакис в 1877 г.) относятся к одному периоду, как думал Шлиман. Более того, они пополнялись на протяжении ряда поколений. (Второй могильный круг с такими же сказочными сокровищами был найден в 1950 г.) Теперь мы знаем, что великие архитектурные достижения микенского периода — Львиные ворота, циклопические стены и баснословные «сокровищницы» Атрея и Клитемнестры — датируются XIII в. до н.э., что именно в то время участок древних царских захоронений в шахтовых гробницах был приведен в порядок и огорожен для всеобщего поклонения. Некоторые упущения Шлимана были очевидны и в то время. Чарльз Ньютон справедливо обратил его внимание на тысячи фрагментов стремянных кувшинов — наиболее типичных гончарных изделий Микен, — найденных Шлиманом в 1876 г. Их можно было бы сравнить с гончарными изделиями, обнаруженными Ялисом на Родосе, которые по аналогии с египетским материалом можно датировать началом XIV в. до н.э., то есть достаточно близко к традиционной дате Троянской войны. В публикации о находках Шлиман полно и весьма достойно изложил результаты сравнения с родосским материалом. Но, как только речь зашла о связях между его находками в Микенах и Трое, все, что он смог

указать, свелось к «бокалу для шампанского» такого типа, что он нашел здесь и видел в Тиринфе, и кубкам, «найденным мной в Трое на глубине 50 футов». Чем больше находок он делал, тем более древней и странно изолированной становилась его «гомеровская Троя».

ЗОЛОТОЙ Орхомен

Из сотен мест, упоминаемых в «Илиаде», Гомер выделяет лишь три как «златообильные». Для Шлимана два из них, Троя и Микены, оказались достойными такого эпитета. То, что его теперь потянет к третьему «золотому городу», было неизбежно, и с разрешения греческого правительства он предпринял небольшие раскопки в Орхомене, развалинах в центральной Греции над озером Копайда. Согласно легендам, жители Орхомена, минийцы, построили систему плотин; чтобы осушить это озеро. Орхомен был богатым городом и некогда правил даже могущественными Фивами, городом Эдипа. Его богатство вошло в поговорку: «ни за какие богатства Орхомена!» Павсаний свидетельствовал, что там есть огромные купольные гробницы:

«Сокровищница Миния» — одно из величайших чудес света и Греции. Она круглая по форме, построена из камня... и говорят, что самый верхний камень — это ключ, удерживающий все здание. Греки весьма склонны экзотическими изделиями за счет своих выдающиеся историки... истолковали пирамиды Египта в мельчайших подробностях и не

оставили ни малейшего упоминания о «Сокровищнице Миния» или стенах Тиринфа, которые ни в коем случае не менее чудесны!

Место, где стоял Орхомен, не забывалось, так же как и его имя: мы находим его в дневнике Кириака Анконского, обнюхавшего все вокруг в 1440-х гг. Позднее это место, в пяти часах верхом от Афин вдоль малярийной низины Копаиды, изучали Джелл, Мюррит и Лейк. Приезжал и лорд Элджин в поисках *objet d'art 1*.

Как и его предшественники, Шлиман обнаружил, что огромный толос обрушился, но достаточно хорошо сохранился, чтобы видеть, каким шедевром он был. Практически идентичный по размерам микенской «Сокровищнице Атрея», он вполне мог быть спроектирован тем же архитектором (эту мысль высказал Шлиману в Орхомене двадцатисемилетний Вильгельм Дёрпфельд, в то время архитектор немецкой археологической группы в Олимпии, вскоре ставший незаменимым сотрудником Шлимана).

Пробные раскопки в цитадели не были успешны. Легендарного богатства гомеровского Орхомена Шлиман не нашел и вскоре сдался. Но был один плюс. В погребальной камере толоса Шлиман и София нашли много фрагментов резных сланцевых пластин, которые, похоже, покрывали потолок гробницы и обвалились лишь несколько лет назад. Рельеф был образован красиво переплетающимися спиралями из листьев и розеток, и Шлиманам удалось его реконструировать. Так что теперь посетители Орхомена могут увидеть потолок на законном

¹Предметы искусства (фр.).

месте. Вполне вероятно, что вся камера была первоначально украшена подобным образом.

Через несколько недель Шлиман покинул Орхомен. Но одна загадка осталась неразгаданной. Она, как мы теперь знаем, исключительно важна для поисков Трои. Шлиман откопал большое количество странных одноцветных гончарных изделий, которые он назвал «серой минийской керамикой», по имени обитавшего здесь народа. Он уже находил аналогичную керамику в верхнем слое Трои, намного выше его «гомеровского Илиона». Почему Шлиман не заметил важности этого сходства? Будь иначе, то ответ на загадку Трои был бы у него в руках. Но взор Шлимана был уже устремлен в другую сторону — на Тиринф, город, знакомый ему многие годы.

«Тиринф крепостенный»

Поднимаясь, как корабль, над равниной Аргоса, Тиринф расположен на низком скалистом мысе в девяти милях к югу от Микен. В бронзовом веке море было всего в 100 ярдах от западных стен, и Тиринф был портом. Отсюда, говорит Гомер, царь Диомед отправил к Трое 80 черных кораблей. Положение Тиринфа позволяло ему господствовать над равниной, потому что от ворот идут дороги на юг к Навплии, на юго-восток к Азине, на восток к Касарме и Эпидавру, на северо-восток к Мидее, на север к Микенам и Коринфу и на северо-запад к Аргосу. Сверху видно, что Тиринф со всех сторон окружен горами, у подножия которых стоят мощные крепости Аргос и Мидея. Микены скрываются в долине на севере. Панорама чудесная, как отмечал и Шлиман:

Признаюсь, перспектива с цитадели Тиринфа далеко превосходит все природные красоты, когда-либо мной виденные. Действительно, магия зрелища становится совершенно неотразимой, когда в душу проникают воспоминания о великих деяниях, сценой которых была равнина Аргоса с окружающими ее возвышенностями.

Подобно Микенам, Тиринф превратился еще в античные времена в развалины, следы которых исчезли после раскопок Шлимана. В Средние века, приблизительно с X в. до 1400 г., пониже акрополя лежала нишая деревушка с маленькой византийской церковкой и кладбищем. После того как в XVII в. Морея стала открытой для иностранцев, Тиринф посетило много путешественников. Поскольку он располагался на дороге от важного порта Навплии к Аргосу, то был значительно доступнее, чем Микены. Первым прибывшим сюда путешественником стал в 1668 г. француз де Мусо, давший описание сводчатых галерей и конструкции циклопических стен. За ним последовал венецианец Пацифико, но именно английские путешественники Джелл, Лейк, Кларк и Додвелл заложили фундамент современных археологических исследований, в частности, Додвелл составил первый план крепости и запечатлел ее на гравюре.

До Шлимана попытки провести раскопки в Тиринфе не предпринимались, за исключением однодневной акции немца Тирша в 1831 г. Выбор Шлимана был очевиден: местоположения гомеровских Пилоса и Спарты он определить не мог, а здесь находился большой дворец, упоминаемый в гоме-

ровских сказаниях. Шлиман обследовал место будущих работ в 1868 г., и по его мнению, важная роль города в легенде показывала, что здесь находился центр античной жизни, может быть, «древнейший город Греции». Летом 1876 г. он выкопал пробные шахты (нанесшие большой ущерб), а в 1884 г. занялся раскопками всерьез. К несчастью, Шлиман не фиксировал место, глубину и окружение объекта, поэтому сделанные находки потеряли свое значение. Вполне возможно, что его вели только архитектурные соображения: обнаружив «дворцовые» или «храмовые» строения в Трое, он надеялся сравнить их с постройками микенской цитадели, которые, по его мнению, принадлежали к тому же периоду. К счастью, с ним был Дёрпфельд, иначе, вполне вероятно, Шлиман уничтожил бы микенские дворцовые строения наверху, сразу под византийской церковью. Но благодаря Дёрпфельду обширный комплекс зданий, который сейчас могут видеть посетители, был откопан без повреждений. Тиринф показал, благодаря Дёрпфельду, археологическую зрелость Шлимана, а их книга «Тиринф» — во многом плод совместных усилий.

В то время Шлиман и Дёрпфельд еще поддерживали распространенную точку зрения, что основателями и строителями микенских цитаделей были финикийцы. Содиректор раскопок в Олимпии Адлер в послесловии книги Шлимана отрицал это, утверждая, что ими были греки бронзового века. И хотя Шлимана очень привлекала эта идея, ему, видимо, не хотелось публично выступать против академической «финикийской» теории.

Замечательной особенностью Тиринфа было то, что здесь микенская дворцовая архитектура соот-

ветствовала описаниям Гомера, и удивительно, что Шлиман удержался от развития этой темы (возможно, его просили быть менее поспешным в своих заключениях). Тиринф дает яркое представление о жизни в бронзовом веке: вы поднимаетесь по пандусу к главному входу, справа от вас огромная башня циклопической кладки, а слева выступающие казематы. Массивные привратные сооружения ведут к главным воротам, которые, должно быть, очень напоминали Львиные ворота в Микенах. Затем вы проходите пропилеи и внешний дворцовый двор, из которого попадаете в великолепный внутренний двор с колоннадой, обращенный к царским палатам, мегарону с крыльцом, передним и тронным залами. В центре тронного зала круглый очаг, его стены отделаны алебастром и инкрустированы бордюром из египетской сини (точно, как пишет Гомер). Все это нужно было высвободить из-под фундаментов и обломков, которые лежали лишь на несколько дюймов ниже остатков византийской церкви. Особенно поразили Шлимана фрагменты фресок, изображающих сцены сражений и охоты, а также изображение юноши, скачущего на быке (тема, уже известная по кольцам-печаткам). Планировка дворца, очаг, баня, египетская синь — все казалось отражением гомеровского изображения героической эпохи. «Я извлек на свет великий дворец легендарных правителей Тиринфа, — писал Шлиман, — а потому с этого дня и до конца времен... будет невозможно издать книгу по древнему искусству, не содержащую моего плана дворца в Тиринфе». Типичная шлимановская гипербола! Но на этот раз он не фантазировал: один ученый критик назвал его книгу «важнейшим вкладом в археологическую науку нашего столетия».

«Дворец Миноса» в Кноссе:
«родительский дом микенской цивилизации»?

После заслуженного успеха в Тиринфе Шлиман записал в марте 1885 г.:

Я устал и хочу удалиться от раскопок и спокойно провести остаток жизни. Чувствую, что не могу более вести эту огромную работу. Кроме того, где бы до сих пор я ни вонзил лопату в землю, я всегда открывал новые горизонты для археологии. Троя, Микены, Орхомен, Тиринф — все они подарили миру чудеса. Но фортуна — капризная дама, возможно, теперь она повернется ко мне спиной. Возможно, отныне я буду лишь терпеть фиаско! Я обязан поступить, как Россини, который остановился, написав пусть немного, но чудесных опер, которые никогда не будут превзойдены.

Последние 10 лет жизни не принесли Шлиману столь же сенсационных открытий, как 70-е годы. А могло ли не быть открытий? В основном, правда, это вопрос удачи, как это часто бывает в археологии. Но Шлиман доверялся инстинкту, и тот не подводил его.

В конце 1888 г. Шлиман направляется на южный Пелопоннес, где безуспешно ищет в Пилосе дворец одного из участников Троянской войны — царя Нестора. Он уже бывал в этих местах в 1874 г. в поисках «пещеры Нестора» на крутом холме акрополя Корифазона возле Наваринской бухты. Там, в пещере, впервые на западном побережье он

нашел черепки «так называемого микенского типа». Но Шлиман не обнаружил в Пилосе царских могил. Не удалось ему найти и место, где стоял дворец. Лишь строительство дорог, начавшееся в тех местах в год смерти Шлимана, подскажет, где искать. В 1912 и 1926 гг. будут обнаружены гробницы-толосы, а позднее, в 1939 г., и сам дворец.

Идя по стопам гомеровских героев, Шлиман исследовал долину Эвротаса в Спарте, пытаясь отыскать дворец Менелая и Елены и их гробницу. Вновь испытавший разочарование, он заявил, что здесь нет следов бронзового века. Но всего через несколько месяцев их найдет греческий археолог Цунтас (исследовавший Микены вслед за Шлиманом). Отыщут и остатки дворца всего в ста ярдах от гробницы, а находки 70-х гг. позволят установить, что именно здесь, в главном дворце Лаконии, могла жить и Елена, если она действительно существовала.

Растущая армия советчиков предлагала Шлиману все новые места для раскопок. Возможно, самым интересным в свете будущих открытий было предложение английского ученого Боскоена, изучавшего хеттские надписи — область науки, тогда совершенно новая. Он писал Шлиману в 1881 г.: «Мы часто выражали желание, чтобы однажды Вы бросили свой благосклонный взгляд на доэллинские остатки в Малой Азии, особенно на те, что находятся в Богазкее и [Алача]-уюке на реке Галис». Но взор Шлимана был устремлен на Крит. Там он надеялся сделать свое главное открытие.

Многие ученые того времени считали, что Крит может оказаться связующим звеном между Эгейским миром и великими цивилизациями Ближнего Востока. Для Шлимана попытки получить разре-

шение на раскопки на Крите стали предметом его постоянных усилий в последние 10 лет жизни. «Мои дни сочтены, — писал он еще в 1883 г., — и я страстно желаю исследовать Крит, прежде чем уйду». Его коллега Вирхов соглашался: «Никакое другое место неспособно оказаться пересадочным пунктом на пути между Микенами и Востоком». Поэтому таким волнующим для него самого оказался визит Шлимана в Кносс весной 1886 г. Легенда гласит, что при высадке на берег Шлиман шокировал местных жителей тем, что упал на колени и произнес благодарственную молитву Зевсу Диктейскому!

Раскопки на Кноссе уже проводились в 1878 г. местным энтузиастом по имени Минос Калокеринос. Шлиман знал о его работах, поскольку отчеты о них были опубликованы и вызвали значительный интерес. Калокеринос показал Шлиману свои находки, а затем проводил на место раскопок. Увиденное поразило Шлимана, 22 мая 1886 г. он пишет своему другу Максу Мюллеру:

Мы с д-ром Дёрпфельдом наиболее тщательно изучили площадку в Кноссе, на которой замечены черепки и развалины римских времен. Над поверхностью земли не видно ничего, что можно было бы отнести к так называемому героическому веку — ни одного обломка терракоты — нигде, кроме холмика размером с Пергам Трои, расположенного посреди города и показавшегося нам всем искусственным. Два больших, хорошо отделанных блока твердого известняка, торчащих из земли, побудили г-на Миноса Калокериноса из Ираклиона выкопать здесь пять ям.

И тут обнаружили наружная стена и части стен с антами обширного строения, сходного с доисторическим дворцом в Тиринфе и явно того же возраста, поскольку керамика в нем совершенно идентична найденной в Тиринфе.

Шлиман решил копать здесь:

По своему прекрасному положению рядом с азиатским побережьем, восхитительному климату и обильному плодородию Крит должен быть предметом возжеланий для народов прибрежных стран. Кроме того, самые древние мифы связаны с Критом и в особенности с Кноссом, поэтому я совсем не удивлюсь, если обнаружу на этой целине остатки цивилизации, в сравнении с которой даже Троянская война окажется событием вчерашним.

И вновь Шлиман был близок к цели, потому что это открытие совершил Артур Эванс в 1900 г.

Ответ Макса Мюллера на это письмо указывает на еще одну возможность: «Крит — место невероятного столпотворения народов, и на нем, только на нем, *Вы должны найти первые образцы письменности, адаптированной к западным нуждам.*» (Курсив мой.)

В истории археологии было немного столь блестящих предсказаний — именно в Кноссе открыли линейное письмо Б, письменность позднего Эгейского бронзового века. Вполне возможно, что Шлиман видел у Калокериноса первую найденную

в наше время табличку с надписями, сделанными линейным письмом Б.

Коллекция Калокериноса (уничтоженная при освобождении Крита в 1898 г.) распалила Шлимана: «Хотел бы завершить труд моей жизни великим предприятием в знакомой мне области гомеровской географии, то есть раскопками доисторического дворца в Кноссе». Он вернулся на Крит для переговоров о приобретении участка для раскопок весной 1889 г., еще надеясь откопать «этот дворец, так похожий на тиринфский». Но на следующий год, не сумев согласовать условия, оставил этот проект и вернулся к Трое. Шлиман так и не смог возвратиться на Крит и глубоко сожалел о неудаче: «Именно в Кноссе я надеялся отыскать родительский дом микенской цивилизации».

Возвращение в Трою

В те годы Троя по-прежнему оставались главным объектом раскопок Шлимана. Минуло двадцать лет, как он впервые ступил на землю Трояды, а основная загадка все еще не была решена. Стояла ли гомеровская Троя на Гиссарлыке? Где указания на культурные контакты с миром, который он открыл в Микенах? Где *был* героический век? Чтобы рассмотреть эти вопросы, нам нужно вернуться на десятилетие назад.

Воодушевленный триумфом в Микенах, Шлиман провел в Трое раскопки в 1878 и 1879 гг. Он изучил равнину и решил, будто «разрушил» старую и современную теории, «что во времена Троянской войны на месте Троянской равнины был глу-

бокий залив». Что касается самого города, более тщательное изучение слоев позволило Шлиману распознать еще два «города»: один, шестой, он, не без колебаний посчитал догреческим поселением, основанным лидийцами (это был уровень «серой минийской» керамики, такой же как в Орхомене); другой находился в более старых, доисторических, уровнях, что заставило Шлимана «поднять» свой гомеровский город со второго на третий уровень. Теперь сформировалась базовая стратификация, и Шлиман, похоже, посчитал свою работу на Гиссарлыке выполненной: «Я считаю мою миссию завершенной и, соответственно, через неделю навсегда прекращу раскопки Трои», — писал он 25 мая 1879 г. За кампанией того года последовала книга, справедливо названная шедевром, — «Илион», замечательная не только описаниями находок и подробным обзором литературных источников, но и научными приложениями друзей и коллег Шлимана. Она была, по стандартам того времени, значительным достижением человека, который, по собственному признанию, начал работу как любитель. В предисловии Рудольф Вирхов говорит: «Кладоискатель стал ученым».

С характерным для него порывом Шлиман писал своему американскому издателю: «Нет другой Трои, чтобы ее раскопать... это моя работа останется востребованной, пока в мире будут люди, восхищающиеся Гомером, нет, пока на земном шаре будут жить люди». Но в душе сомнения по-прежнему оставались. Действительно ли он нашел дворец Приама? Если Микены и его Троя — современники, где связь между ними? Теперь, когда он раскопал материковое микенское царское кладбище и знал, как

выглядела эта цивилизация, культурная изоляция и отсталость его Трои казались все более странными. Поэтому, хотя в книге было объявлено о завершенности работ (таково было требование издателя, да и сам Шлиман склонялся к этому), он не мог утаить подспудных сомнений. Факты попросту не стыковались друг с другом. В самом деле, единственно разумным было предположение, что Гомер жил намного позднее событий в Трое и раздул крохотную искорку фактов в великую легенду:

Воображение бардов не имело границ. Маленький Илион стал в их песнях великим... Хотел бы я иметь возможность доказать, что Гомер был свидетелем Троянской войны! Увы, этого я сделать не могу!.. Мои раскопки сократили гомеровский Илион до его истинных размеров.

В ноябре 1879 г. Шлиман писал своему германскому издателю: «Теперь остался только один вопрос: существовала Троя лишь в воображении поэта или в реальности. Если будет принято последнее, то Гиссарлык должен быть всеми признан как место ее нахождения...» (Курсив мой.) Но, конечно, допущение, что вопиющее несоответствие между описаниями Гомера и археологическими фактами являлось следствием поэтической фантазии, было не чем иным, как первым шагом к согласию, что все выводы — фикция.

Я думал, что навсегда решил вопрос с Троей... но мои сомнения росли по мере того, как тянулось время... Если бы Троя была

небольшим укрепленным городком, несколько сотен человек смогли бы взять ее за несколько дней, и вся Троянская война оказалась бы либо вымыслом, либо имела бы под собой лишь скудное основание.

В глубине души таилась мысль, что либо Гиссарлык отказывается открыть свои тайны, либо он выбрал не то место.

По-прежнему не понимающий, почему он не может найти явной связи между микенской культурой и Троей, Шлиман в мае 1881 г. вернулся в Турцию и провел полмесяца в седле, повторно обследуя другие места в Троаде в сопровождении только местного проводника. Если он искал иное возможное местоположение Трои, то умолчал об этом. В следующем году он провел еще один сезон раскопок. На этот раз, как мы знаем, он переманил Вильгельма Дёрпфельда из группы, работавшей в Олимпии. Молодой человек помог разобраться в мешанине, оставленной ранними изысканиями Шлимана. «Я сейчас сожалею, что со мной не было такого архитектора с самого начала, — писал он, — но даже теперь еще не поздно».

Шлиман теперь думал — возвращаясь к своим прежним раскопкам, — что Троя II, сгоревший город, был в итоге «совершенно идентичен гомеровской Трое». Дёрпфельд сумел различить контур стен Трои II, определить местонахождение двух из ее ворот и показать, что она была доисторической укрепленной дворцовой резиденцией со зданиями мегаронного типа и грозными бастиями, часть из которых стоит и сегодня. Шлиман ухватился за эту идею и в конце 1882 г. объявил:

Я доказал, что в далекой древности на троянской равнине был большой город, разрушенный в далекие времена ужасной катастрофой... этот город полностью отвечает гомеровскому описанию священного Илиона... Моя работа в Трое теперь окончательно завершена... Судить о том, как она была выполнена, я оставляю беспристрастным читателям и почтенным студентам...

Прошло более десяти лет, как Шлиман начал «осаду» Трои.

Но не унимались и клеветники. С 1883 г. армейский капитан Эрнст Беттихер издавал памфлеты, в которых заявлялось, что Гиссарлык вообще не город, а некрополь, город мертвых, и что Шлиман и Дёрпфельд вводят публику в заблуждение, утаивая и подделывая находки. Хотя обвинения были нелепыми, Шлиман понимал, что должен оправдать себя раскопками нового участка на Гиссарлыке в присутствии независимых наблюдателей. Еще в январе 1887 г. он пишет Калверту о приготовлениях к своей последней крупной экспедиции, которая продлится с осени 1889 г. по август 1890 г. Тогда-то больным и уставшим Шлиманом и было сделано решающее открытие.

Возле западной окраины холма, в 25 ярдах *снаружи* большого пандуса Трои II, раскопщики обнаружили большое здание, очень напоминающее мегарон (царский зал), найденный в Тиринфе. Здесь помощник Дёрпфельда Брюкнер нашел специфическую «серую минийскую» керамику загадочного шестого города, который Шлиман так никогда и не сможет однозначно идентифицировать. Здесь же он на-

шел гончарные изделия с несомненными микенскими формами и узорами, столь знакомыми по Микенам и Тиринфу. В ретроспективе это открытие было поистине сенсационным и эпохальным. В самом деле, для тех, кто верил в историчность легенды, оно выглядело как долгожданный знак, что Гиссарлык действительно был Троей. Шлимана, должно быть, невероятно взволновало это открытие, даже потрясло, потому что оно заставило пересмотреть все, что он думал и публиковал о городе Гомера. Действительно, открытие ставило под вопрос правомочность всех его заключений о хронологии семи городов и, конечно, идентификацию приамовской Трои. Его «лидийский» город поддерживал связи с микенской Грецией, сгоревшая Троя II, его город Приама, был не просто старше, а на тысячу лет старше!

Каким ужасным ударом было для больного человека столкнуться с крушением всей его мысленной конструкции, построенной ценой тяжелого труда, лишений и огромных затрат на «этой смертоносной равнине»! Но Шлиман стойко перенес это и решил продолжать раскопки. Стремление к славе не оставляло его. 1891 г. должен был стать последней попыткой. Шлиман не дожидаясь исполнения своих планов. На Рождество 1890 г., когда Дёрпфельд записывал последние слова их совместного отчета, Шлиман умер в Неаполе, упав на улице, пораженный ударом. Его, бессловесного, и, видимо, без гроша в кармане, внесли в фойе отеля на Пьяцца Умберто, где, по прихоти судьбы, всю сцену наблюдал польский писатель Сенкевич:

Тем вечером в отель внесли умирающего человека. Его голова упала на грудь, глаза были

закреты, руки безвольно висели, а лицо было пепельного цвета. Его несли четверо... Управляющий отеля подошел ко мне и спросил: «Вы знаете, сэр, кто этот больной мужчина?» — «Нет». — «Это великий Шлиман!» Бедный «великий Шлиман»! Он раскопал Трою и Микены, заслужил себе бессмертие, и вот — он умирает...

Письма из Африки (1901)

Вильгельм Дёрпфельд — гомеровская Троя найдена?

Спустя два года после смерти Шлимана, весной 1893 г., Вильгельм Дёрпфельд вернулся в Трою. Теперь он руководил раскопками, которые оплачивали София Шлиман и кайзер Германии. Раскопки 1893—1894 гг. стали одной из важнейших вех в истории археологии. Исходя из предположения, что дом, найденный в 1890 г., расположен внутри города бронзового века, находившегося далеко за пределами «шлимановского» города, Дёрпфельд вскрыл южную сторону Гиссарлыка по кривой, огибающей холм, и сразу же натолкнулся на стены. За два сезона он расчистил 300 ярдов городской стены, местами погребенной под более чем пятидесятифутовым слоем земли и обломков более поздних поселений. В северо-восточном углу находилась впечатляющая угловая сторожевая башня, до сих пор возвышающаяся на 25 футов над скалой. Первоначально она имела высоту, по крайней мере, 30 футов с вертикальной каменной или кирпичной надстройкой такой же высоты. Торчащая, как нос броненосца, она должна

была доминировать над долиной Дюмрека. Построенный из хорошо отделанных известняковых блоков, этот бастион был поразительно похож на поздние античные постройки, что объясняет, почему Шлиман снес сходные стены на северной стороне. Городская стена была выложена отдельными секциями и каждая оканчивалась отчетливым коленом. Все секции имели четко выраженный откос. Возможно, подумал Дёрпфельд, тот самый «угол», о котором упоминал Гомер, описывая, как Патрокл пытался вскарабкаться на стену... На востоке располагались ворота, защищенные длинной перекрывающей стеной, а рядом — основание большой квадратной башни из известняковых блоков. На юге еще одни ворота с массивной башней, перед фасадом — каменные основания, возможно, предназначенные для статуй богов. На западной стороне, сразу под домом, раскопанным в 1890 г., оказалась секция, возможно, наспех сложенная строителями города. Даже самые циничные критики не порицали Дёрпфельда за упоминание, что, согласно Гомеру, одна секция стены была слабее остальных и здесь «легче всего было ворваться в город».

Внутри города Дёрпфельд обнаружил остатки пяти больших, принадлежавших знати, домов, чью планировку можно было восстановить, и несколько других, поврежденных сильнее. По этим домам он смог заключить, что город поднимался концентрическими террасами, при этом фасады домов были немного шире задних стен, словно для того, чтобы добиться эффекта перспективы. Впечатление усиливалось великолепным домом, чей фасад воспроизводил уступы городской стены. Несомненно, план города создавал умелый архитектор, и

его схеме следовали в постепенном замещении почти всего обвода стены. Последними добавлениями стали большой северо-восточный бастион и башни на юге и юго-востоке, где качество кладки наиболее высоко. Повсюду Дёрпфельд находил микенскую керамику. В конце своего существования этот город, Троя VI, явно имел тесные связи с микенским миром. Это продолжалось, как посчитал Дёрпфельд, приблизительно с 1500 по 1000 г. до н.э., что достаточно близко к традиционному датированию Троянской войны. Конец был насильственным: во многих местах нагромождения обломков, стены обрушились, и был «большой пожар». Конечно же, это и есть город, упоминаемый в эпосе: «славно выстроенный» с широкими улицами, прекрасными стенами и огромными воротами. Даже совпадают слабая стена и «откос». Троя Троянской войны.

Наш учитель Шлиман никогда бы не поверил и даже не посмел бы надеяться, что стены священного Илиона, воспетые Гомером, и жилище Приама сохранятся в такой мере... Долгий спор о существовании Трои и ее местоположении близок к концу. Шлиман оправдан... бесчисленные книги, как древние, так и современные, направленные против Трои, потеряли смысл.

«Троя и Илион», 1902

Академический мир заполнили страстные филэллы и поклонники Гомера. Английский гомерист Уолтер Лиф писал в «Homer and History [Гомер и история]»:

Крепость была найдена на том самом месте, где поместили ее гомеровские предания, крепость, которая была разграблена и почти сровнена с землей... Из этого следует историческая реальность Троянской войны... Поэтому мы, исходя из того, что Троянская война была настоящей войной, происходившей на этом месте, и в целом тем образом, как она описана у Гомера, без колебаний сделаем вывод, что, по крайней мере, некоторые герои, которых поименно называет Гомер, как игравших важную роль в той войне, были реальными людьми, носившими гомеровские имена, и действительно участвовали в той войне.

Конечно, «доказательства», предоставленные археологией, были на самом деле намного более ограниченными, чем пытается уверить нас Лиф. Подобные выводы не следовали и не могли следовать из открытий Дёрпфелда, но, несомненно, эти открытия произвели в то время сенсацию. Лиф был только выразителем общей точки зрения, когда заявлял, что получено долгожданное доказательство, что Гиссарлык — это Троя: «Открытие микенской Трои было... определяющим событием в истории гомеровского вопроса». И действительно, какой бы ни была истина (а были сомневающиеся), за очень короткий промежуток времени произошел переворот в восприятии и понимании истории Эгейского бронзового века. «История Греции» (1846—1856) Джоржа Грота, возможно, и сейчас величайший в своем роде труд, не могла располагать авторитетными источниками для описания бронзового века Греции, «века героев». Историки не могли воспользоваться

его мифами. Еще в 1884 г. английский ученый Сэйс писал, что «лишь десять лет прошло с тех пор, когда непроницаемая завеса, кажется, висела над началом греческой истории». Энергия и настойчивость Шлимана положили начало восстановлению утерянного прошлого.

Герои «Илиады» и «Одиссеи» стали для нас людьми из плоти и крови... Неудивительно, если такое чудесное возрождение прошлого, в которое мы перестали уже верить, пробудит массу дискуссий и произведет тихую революцию в нашем понимании греческой истории». (Выделение мое.)

И Сэйс продолжает:

Неудивительно, если авторы открытий, которые столь грубо... сотрясли установившиеся предрассудки историков, вначале встретились с бурей негодующего сопротивления или скрытых атак... [но] сегодня никто из опытных археологов в Греции или Западной Европе не сомневается в основных фактах, установленных раскопками д-ра Шлимана. Мы никогда не сможем вернуться к идеям десятилетней давности.

И для Уолтера Лифа Шлиман был основоположником новой эпохи в этой отрасли знаний:

...родоначальникам эпохи не доводится увидеть завершения своих идей. Это должно выполняться трудом, по крайней мере, по-

колениа. Человек, который смог поставить перед миром совершенно новую задачу, должен довольствоваться тем, что окончательное ее решение будет дожидаться тех, кто придет за ним.

Действительно, и сегодня работа, начатая Шлиманом, все еще далека от завершения, хотя и сложилась довольно цельная картина.

Троянский вопрос в 1894 г. не был окончательно решен, как думал Дёрпфельд. Еще до того, как были опубликованы результаты его работ на Гиссарлыке, их опередили сенсационные открытия в Кноссе, куда так долго рвался Шлиман.

Глава третья

ПРИХОД ГРЕКОВ

Есть такая страна посреди вино-цветного моря — Крит прекрасный, богатый, волнами отовсюду омытый. В нем городов — девяносто, а людям, так нетуи счета... Кносс — между всех городов величайший на Крите. Царил в нем Десятилетиями мудрый Минос, собеседник Зевеса.

Гомер, «Одиссея»
(пер. В. Вересаева)

Крит — источник Кносса

Крит имел огромное значение на протяжении всей древней истории, являясь связующим звеном между Европой, Малой Азией и Африкой. Он — часть цепи островов, тянущейся на восток, через Карпифос и Родос, к юго-западной Анатолии (минойцы, очевидно, говорили на том же языке, что и народы этого регион). На северо-западе, через Киферу, Крит также имел на протяжении тысячелетий тесные связи с южным Пелопоннесом (Крит был заселен грекоговорящими племенами приблизительно в 1400 г. до н.э. и сейчас остается греческой территорией). Но на юге всего 200 миль отделяют Крит от

Африки, и ловцы губок с Коммоса по-прежнему приплывают на Крит искать покупателей на свой товар. Хотя Кносс и европейский город, он стоит на одной широте с Кайруаном в центральном Тунисе или Джеблой в Сирии. География Крита отразилась на его истории: остров был колонизован поочередно неолитическими племенами, минойцами, ахейскими греками, дорийцами, римлянами, арабами, византийцами, венецианцами и турками.

Над островом длиной 160 миль возвышается горный хребет, с некоторых вершин снег не сходит до самого лета. На этих недоступных высотах еще со времен неолита строились святилища, что придавало минойским и раннегреческим культам черты особой суровости. Тысячелетиями почитались священные пещеры, а в одной из них, на Дикти, как говорили, родился Зевс. Здесь существовала своя форма оргиастического религиозного культа Диониса, археологические находки, сделанные в 1980-е гг., свидетельствуют о человеческих жертвоприношениях и ритуальном каннибализме, продолжавшихся вплоть до XV в. до н.э. Память о тех мрачных обрядах отразилась в античных мифах.

Но Крит был местом действия и более «историчных» мифов. Миф о творце законов Миносе, вероятно, говорит о реальных событиях. Гомер упоминает Миноса как мудрого правителя. Предание, записанное в V в. историком Фукидидом, гласит, что Минос был первым, кто создал военный флот, господствовавший в Эгейском море.

...и первый заселил большую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей. Очевид-

но также, что Минос старался, насколько мог, уничтожить на море пиратство, чтобы тем вернее получать доходы... Как только Минос приобрел себе флот, путешествовать по морю стало легче, и он поставил колонии на большинстве островов.

Именно с этим периодом Фукидид связывает строительство первых защищенных стенами городов в Эгейском мире и, несколько позже, экспедицию против Трои. Труд Фукидида представляет собой классическую греческую интерпретацию множества легенд о Миносе и его правлении в Кноссе (интересно, что сейчас он все больше подкрепляется растущим числом свидетельств о минойских «колониях» на Кикладах и на побережье Малой Азии). Согласно Гомеру, Идомений, который повел к Трое 80 кораблей с Агамемноном из Микен, был внуком Миноса. Но нам, вероятно, следует отнестись к таким генеалогическим связям как к символическим. Древние различали двух царей по имени Минос, одного, жившего в XV в. до н.э., другого — в XIII в. до н.э., и если принять труд Фукидида всерьез, то следует остановиться на Миносе, который правил Критской («Минойской») империей в Эгейском мире в XV в. до н.э., и царе Кносса XIII в. до н.э., возможно, называвшим себя потомком Миноса. Его государство было частью Микенского мира во времена Троянской войны.

Из множества критских легенд, в которых присутствует Минос, только одна заслуживает внимания — самая знаменитая, ее использовала Мари Рено в своем романе «The King Must Die [Король должен умереть]». Согласно преданию, могущество Миноса было столь велико, что даже жители ма-

терика платили ему дань. Каждый год афиняне присылали Минотавр — чудовищный полубык-получеловек, которого держали в лабиринте под дворцом в Кноссе. История о том, как юный принц Тесей убил Минотавра и был спасен любовью к дочери Миноса Ариадне, не нуждается в пересказе. Но этот лабиринт (негреческое слово с корнем *labris* означает «двойной топор») постоянно присутствует в мифах о Кноссе в последующие века. Его изображали на античных монетах города, именно он привлекал путешественников, сходивших на критский берег. Похоже, что и современное неправильное понимание слова «лабиринт» возникло в самом Кноссе.

Крит оставался «знаменитым островом» даже для англо-саксонских путешественников, которые пользовались им для остановки по пути на восток (Крит лишь на сто лет был оккупирован арабами, и затем к власти возвратились византийцы в 962 г.). Они знали, что на полпути в Африку находится *Creto thaet igland* [остров Крит], имели представление о его размерах (*hit is an hund mila long* [он имеет сто миль в длину]) (Орозий, «История»). Но где находился лабиринт, не знали. Кристофоро Буондельмонти, который в 1415 г. провел около 11 недель в путешествиях по Криту, указывает на древние шахты в горах за Гортиной, и этот рассказ повторяется вплоть до XIX в., например спутником лорда Элджина Чарльзом Кокереллом. Однако испанский путешественник Перо Тафур сделал в 1435 г. очаровательное краткое описание Крита, где помещает лабиринт, построенный Дедалом, в Кноссе, за пределы Кандии, «со многими

другими древностями». Проницательные путешественники, пользовавшиеся надежными источниками, с ним соглашались. Ричард Поукок опубликовал свои наблюдения в «A Description of the East [Описания Востока]» в 1745 г., отметив «возвышенность к югу» от античных развалин Кносса, которая может быть холмом Кефала, местом, где находится дворец. Двум английским путешественникам XIX в. удалось составить карту древнего Крита по надежным данным, определив положение большинства пунктов с точностью, в которой никто не усомнился. Первым был Ричард Пэшли, который подготовил в 1834 г. иллюстрированный отчет о своих путешествиях. Когда он определил местоположение Кносса и прибыл туда, то подумал, что путаный рисунок руин по соседству «вызывает воспоминания об известной древней легенде о критском лабиринте... Однако нет достаточных оснований, чтобы верить, что критский лабиринт — вещь более реальная, чем его сказочный обитатель». Военно-морской топограф Томас Спратт в 1865 г. опубликовал «Travels in Crete [Путешествия на Крит]», не потерявшие своей ценности и по сей день. Спратт справедливо заключил, что легендарный доисторический дворец был у реки Керат. В то время в этом районе активно заготавливали камень для строительства Ираклиона и развалины растаскивали.

Память о месте, где стоял Кносс, не исчезла, и скоро пришло время посмотреть, есть ли в легендах о Миносе зерно правды. Раскопки Шлимана в Трое и в Микенах резко изменили взгляд на древнюю историю Эгейской культуры, открыв мир, в существование которого никто не верил.

Прелюдия к Кноссу

Сегодня Кносс — одно из наиболее посещаемых туристами мест в Эгейском регионе. Восстановлены залы дворца, внутренние дворцы и лестницы. Благодаря реконструкциям сэра Артура Эванса вступаешь в мир, который кажется сочетающим чистоту и утонченность. Эванс — важнейшая фигура второй части наших поисков, и как Троя неразрывно связана со Шлиманом, так и рассказ о Кноссе невозможен без рассказа о собственном «мифе» Эванса.

Эванс был первооткрывателем Кносса не более, чем Шлиман первооткрывателем Трои. Он даже не был первым, кто производил там раскопки. Предполагаемое местонахождение города было определено еще к 1860-м гг., в декабре 1878 г., как мы уже говорили, пробные раскопки провел ираклионский торговец Минос Калокеринос. Его находки в свое время широко комментировались. «Самые важные результаты раскопок, проводившихся на Крите», — писал видный немецкий ученый Фабрициус до раскопок Эванса. Калокеринос родился в 1843 г. в зажиточной критской семье. Восстание против турок в 1866 г. (в отличие от Греции, Крит еще оставался под их властью) помешало ему начать раскопки. К новой попытке в 1878 г. его, видимо, побудили успешные работы Шлимана в Микенах двумя годами ранее и явное сходство кносских ваз с найденными в Микенах. Такая керамика была уже известна и свободно продавалась в Ираклионе: ни для кого не было секретом, что ее находят на холме Кефала у Кносса.

Калокеринос прокопал на холме 12 траншей и сразу же натолкнулся на массивное здание. Он по-

Вверху: Равнина Трои. «Могила Аякса» и устье Скамандра с островом Имброс позади. XVIII век. «Достоинейшее местоположение для главы великой империи», — писала леди Уортли Монтейг в 1718 г., восхищаясь «точной географией Гомера».

Внизу: Средневековое изображение Троянского коня.

Внизу: Генрих Шлиман - шарлатан и фантазер, но одновременно и отец археологии.

Слева: София Шлиман в украшениях из «сокровищ Елены».

На предыдущей странице внизу: «Большой пандус» Шлимана в Трое II в 1893 г. «Сокровища Елены» были, вероятно, найдены сразу за стеной (в центре слева), в облицованной камнем гробнице.

Вверху: Львиные ворота в Микенах в 1880-х гг. Слева от ворот стоит Дёрпфельд, справа сидит на валуне София Шлиман (?).

Вверху: Стены Трои VI, построенные около 1300 г. до н.э. Вероятно, это и есть город, сохранившийся в греческих преданиях.

Внизу: Орхомен - потолок могильной камеры.

На следующей странице: Золотые изделия микенской Греции - знаменитая маска из шахтовой гробницы в Микенах (вверху) и «кубок Вафио» (внизу).

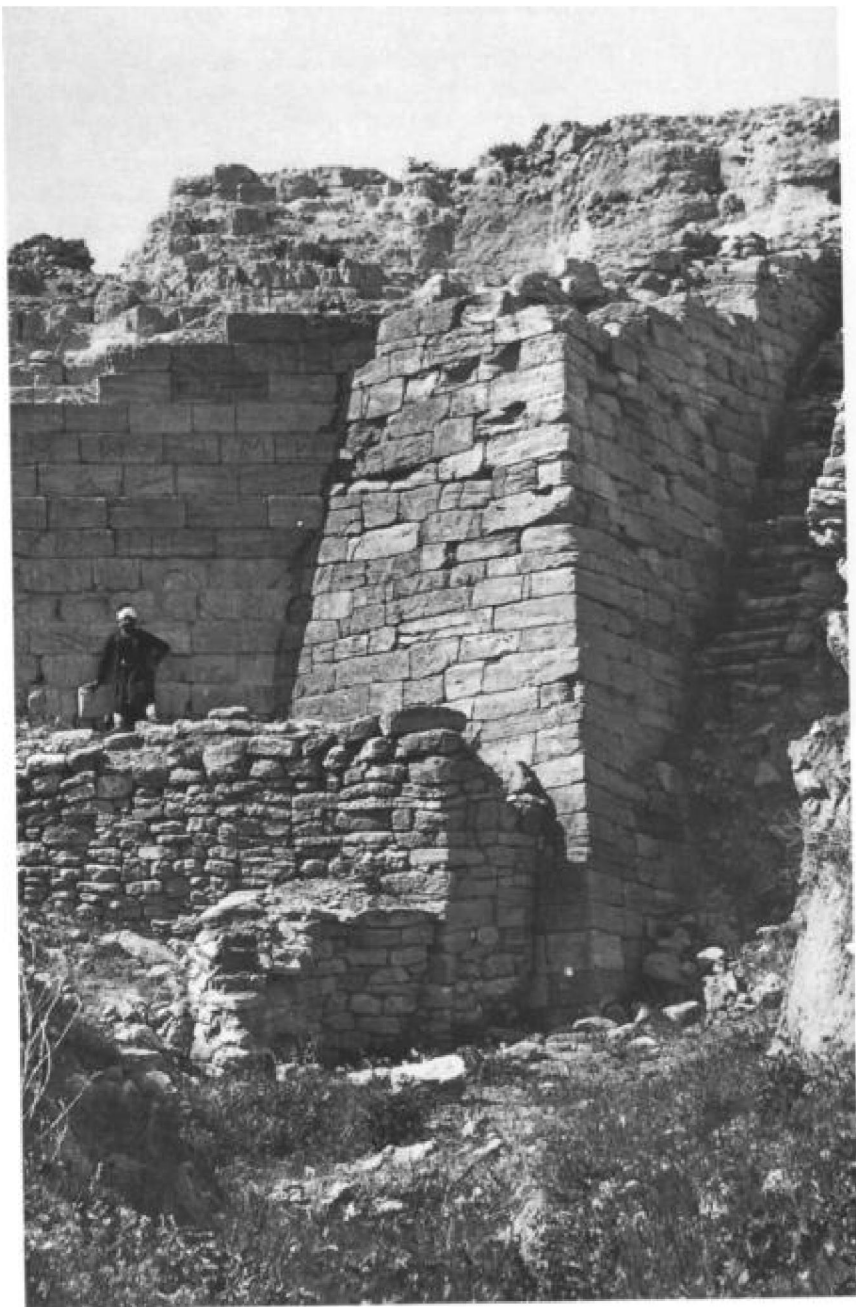
На предыдущей странице: Вид с воздуха на Тиринф сегодня (вверху). Тиринф около 1886 г. во время раскопок Шлимана (внизу).

Вверху: Сидит Шлиман, Дёрпфельд держит руку у него на плече. Фрэнк Калверт, приведший Шлимана к месту раскопок Трои, стоит справа. Фотография сделана во время последнего сезона раскопок под руководством Шлимана.

Внизу: Вид на Гиссарлык с севера в 1894 г. Дёрпфельд откопал восточный бастион. Холм теперь еле виден за огромными кучами породы.

На следующей странице: Большой восточный бастион Трои VI.

ПРИХОД ГРЕКОВ

нял, что это дворцовый комплекс. На самом деле это было только западное крыло дворца, помещения тронного зала. Он вышел на закругленный угол вестибюля перед тронным залом, обнаружив стены, выкрашенные в красный цвет, раскопал часть западного фасада, который сегодня встречает посетителей сразу за билетным киоском (на фасаде видны следы пожара, в итоге уничтожившего дворец). Кроме того, Калокеринос очистил склад с двенадцатью пифосами (кувшинами для хранения припасов), обнаружив в них сохранившиеся горох, ячмень и кормовые бобы. В коридоре рядом со складом, среди обломков, он нашел табличку с линейным письмом Б — первую, ставшую известной в наше время. Проведя довольно обширные пробные раскопки, Калокеринос собрал образцы керамики по всему западному крылу дворца, в том числе стремянные кувшины, амфоры и горшки, возможно, XIII в. до н.э., «бокалы для шампанского» (килики) и расписные кубки с одной ручкой, уже, несомненно, датируемые XIII в.

Успех пробных раскопок стал поражением Калокериноса. В феврале 1879 г. местный критский парламент, опасаясь, что находки могут быть вывезены турками в Имперский музей в Стамбуле, отказал Калокериносу в разрешении на дальнейшие раскопки. Тем не менее отчеты о находках широко публиковались, вызвав огромный интерес в научных кругах. Надеясь заинтересовать археологов и научные учреждения в продолжении исследований, Калокеринос отправил пифосы в Лондон, Париж и Рим (пифос, переданный Британскому музею, можно увидеть в коридоре к Микенскому залу). Среди тех, кому он показывал место рас-

копок, были Шлиман, Дёрпфельд, американский консул Стилман и англичанин Артур Эванс, сильно заинтригованный находками Шлимана на материке. Все соглашались, что дворец весьма похож на тирифский. Керамика, как сказал француз Осуйе, была «так похожа на находки в Микенах, на Родосе и в Спате [в Аттике]».

После того как Эванс в марте 1894 г. осмотрел коллекцию Калокериноса, он быстро составил план раскопок дворца, надеясь получить на то разрешение, и в том же году купил участок, «где стоит дворец Миноса, который я нашел», как записал Калокеринос в своем дневнике. Вернулся Эванс в 1899 г., за несколько дней до пожаров и боев в Ираклионе, предшествовавших освобождению острова. Они прошли вместе на площадку, где «я показал ему двойной топор, выгравированный на камне, и топоры на верхней части лабиринта». К несчастью, коллекция Калокериноса погибла — дом его был сожжен во время боев с турками, пропали и журналы раскопок (восстановленный в 1903 г., этот дом, расположенный возле старой гавани, стал теперь местным Музеем истории Крита). После освобождения острова Эванс смог докупить остальную часть участка, где в 1900 г. и начал раскопки. Потрясающие находки Эванса доставили много радости Калокериносу, бывшему настоящим патриотом Крита: «Эти новые открытия обогатят Музей Ираклиона и сделают его достойным восхищения. Люди со всей Европы и из Америки будут приезжать во дворец и смотреть артефакты».

Хорошо, что Эванс, а не Калокеринос, повел дальнейшие раскопки — грек не был профессиональным археологом: на взгляд Эванса, его раскопки

были бессистемными (Эванс так сказал в одном из своих завистливых упоминаний о предшественнике в книге «Дворец Миноса»).

В 1902 г., когда слава Эванса уже стала всемирной, Калокериносу исполнилось 59 лет, его бизнес рухнул, и он вернулся к юриспруденции, ученую степень в которой он получил будучи молодым. Диссертация называлась: «Юридическая система царя Миноса и ее влияние на римских законодателей»!

По иронии судьбы, скудные записи о раскопках Калокериноса сейчас подтверждают свою ценность для историков, пытающихся восстановить картину дворца. Хорошо это или плохо, но Эванс вынужден был постоянно и непоправимо менять облик площадки. Теперь уже маловероятно, что когда-нибудь будет достигнуто твердое согласие в отношении вида последнего кносского дворца, дворца, из которого, если верен перечень кораблей Гомера, царь Идомея отправился с восьмьюдесятью кораблями помогать Агамемнону Микенскому грабить Троию.

Артур Эванс

Эванс родился в 1851 г., когда Шлиман сколачивал свое первое состояние, скупая в Калифорнии золотой песок у старателей. Едва ли можно представить себе двух более разных людей! Эванс окончил Оксфорд. Его отец был известным антикваром и коллекционером, казначеем Королевского общества. Среди его знакомых был сэр Джон Лаббок, организовавший в Британии новые исследования по антропологии и древней истории, проводимые на научной основе. Эванс вырос среди древних вещей и ве-

ликоленно различал в них мельчайшие детали. Жесткий, настойчивый и непоколебимый до догматизма, он был сильным полевым исследователем (как и Шлиман), обожавшим путешествовать, с юности до средних лет совершавшим длинные походы пешком или верхом по труднопроходимым и диким местам. Его обстоятельное изучение ландшафта восточного и центрального Крита легло в основу всех современных топографических исследований.

В двадцатилетнем возрасте, после каникул на Балканах, у него развился особый интерес к Боснии, которой тогда правили турки. Будучи свидетелем антитурецкого восстания 1875 г., он написал книгу, которую премьер-министр Гладсон цитировал в парламенте. Начиная с 1877 г. Эванс несколько лет провел на Балканах в качестве специального корреспондента «Манчестер Гардиан». Это была жизнь «рыцаря плаща и кинжала», полная приключений и риска. В глазах многих такой карьеры вполне хватило бы для целой жизни одного человека.

При всем том Эванс сохранял интерес к археологии и древностям. В 1878 г. в Англии он посмотрел Кенсингтонскую выставку сокровищ Шлимана, найденных в Трою, и был невероятно взволнован увиденным. В 1883 г. он, вскоре после того как стал хранителем Музея Ашмола в Оксфорде, приехал в Грецию и, посетив Микены и Тиринф, навестил в Афинах Шлимана, несколько часов изучая у него микенские сокровища. Их беседа, к сожалению, не была записана. Непохоже, что у Эванса уже сложилось мнение, будто микенская цивилизация зародилась на Крите, но сама эта идея была не нова. Шлиман уже побывал в Кноссе, а Вирхов и Мюллер вскоре убедят Шлимана обратить внимание на Крит, как

на возможную колыбель цивилизации шахтовых гробниц. *Ex oriente lux* [свет с Востока] долго был указующим афоризмом континентальной науки: другими словами, определяющие черты западной и греческой цивилизации пришли, как «свет с Востока», из Египта и Месопотамии, от несравненно более древних и богатых культур. Шлиман и его последователи руководствовались этим принципом, полагая, что Микены и Тиринф были построены финикийцами, а греки прибыли туда в «темные века» после крушения Микенской цивилизации. У такой точки зрения появлялось все больше противников — книга Рейнаха по этому вопросу, «*The Oriental Mirage* [Восточный мираж]», изданная в 1893 г., произвела особенно сильное впечатление на Эванса.

Весной 1893 г., трагичного для Эванса — в тот год умерла его жена, разглядывая прилавки антикваров на афинском «блошином» рынке, он обнаружил загадочные письмена, вырезанные на множестве трех- и четырехугольных камушков. Нечто похожее Эванс видел, еще учась в Оксфорде. Теперь ему сказали, что камешки привезены с Крита. В то время идея, что иероглифическая система письма могла существовать в какой-то части доисторической Европы, казалась сомнительной, но, похоже, именно она заставила Эванса на следующий год отправиться на Крит. Он встретился с Калокериносом, осмотрел место раскопок Кносса, где ему показали единственную табличку с линейным письмом Б, найденную среди обломков. Эванс, еще даже не копнув землю Кносса, решил без колебаний: «В поэмах Гомера мы видим отражение великих дней Крита — период микенской культуры, к которой мы склонны добавит название «минойская»... Золотой век Крита

лежит за границами исторического периода [т. е. Греции и Рима]. Его культура... практически идентична той, что существовала на Пелопоннесе и в большей части Эгейского мира».

В марте 1900 г. начались работы на том же участке, где двадцать лет назад приступил к своим раскопкам Калокеринос. По случайности здание дворца осталось почти нетронутым с того дня, когда в нем бушевал пожар. А это было более трех тысяч лет назад. На несколько дюймов ниже уровня травы виднелись участки стен с фресками. Пустой зал, выкрашенный в красный цвет, окружали с одной стороны гипсовые скамьи, а с другой — невероятно — стоял закопченный гипсовый трон. По полу были разбросаны алебастровые ритуальные сосуды, которыми, как предположил Эванс, пользовался последний царь Кносса для отчаянного обряда умиротворения перед тем, как на дворец обрушился заключительный удар. Находки были поистине сенсационными, но главным, что сразу привлекло к Кноссу внимание археологов, изучавших Эгейский мир, оказался возраст находок: IV тысячелетие до н.э.! 27 марта 1900 г. Эванс записал в своем дневнике:

Необычайный феномен — ничего греческого — ничего римского — возможно, один-единственный фрагмент черной лаковой посуды среди десятков тысяч. Мы не нашли даже «геометрической» керамики [VII в. до н.э.]... период кносского величия уходит явно в до-микенский период.

Эванс фактически открыл доселе неизвестную цивилизацию.

Раскопки 1900 г. в Кноссе

Давайте проведем немного времени на раскопках Эванса в Кноссе, потому что это были одни из самых знаменитых и значительных раскопок в истории археологии. Мы увидим полную картину структуры и хронологии Эгейского бронзового века. Это имеет смысл еще и потому, что ежегодно сотни тысяч туристов посещают Кносс, и не всегда им попадаются хорошие гиды и хорошие книги. Дополнительные трудности связаны с реконструкциями Эванса, уничтожившими или замаскировавшими многие важные детали. Чтобы быть честным по отношению к Эвансу, отмечу, что он сразу же столкнулся с проблемами консервации. На фотографии 1900 г. видно, что тронный зал с его поврежденными фресками был слишком уязвим. И действительно, он пострадал от дождей той первой зимы. Поэтому Эванс накрыл его крышей. Так же совершенно оправданно была восстановлена многоэтажная лестница, чьи архитектурные элементы были найдены обгоревшими и повалившимися друг на друга. Наверняка любой, кто с трепетом спускался по ее пролетам в настоящие лабиринты нижних коридоров дворца, будет благодарен Эвансу. Реконструкция была произведена в основном верно — главная лестница находилась именно там. Но Эванс пошел намного дальше. Он постепенно, методично восстанавливал части дворца — с 1922 по 1930 г., чтобы показать, как он мог выглядеть. Эта работа была проделана, и комплекс тронного зала принял нынешний вид.

При раскопках 1900 г. Эванс расчистил главную часть западного крыла (там начинал раскопки Калокеринос). Работы велись девять недель. Рабочие

(от 50 до 180 человек) вскрыли немного меньше гектара земли. Честно говоря, на такой сложной площадке сегодня на подобную работу ушли бы годы, так что методы Эванса, при всей его несомненной квалификации и видении деталей, были все же ближе к шлимановским, чем к современным. Кроме того, хотя Эванс и интересовался археологией с юности, это были его первые собственные раскопки. Основную работу выполнили за первые четыре сезона, и важно установить, что Эванс думал о своих находках е то *время*, ибо, как это и случается в археологии, большую часть найденных в Кноссе черепков просто выбросили. Сохранялись только образцы, примерно 1% (счет все равно шел на корзины!). Археология, как ни прискорбно, — это и разрушение.

К счастью, главные находки регистрировались помощником Эванса Макензи в ежедневных журналах, которые, наряду с записными книжками Эванса, фотографиями (некоторые из них использованы в этой книге) и архитектурными планами хранятся в Музее Ашмола в Оксфорде. Из этого сырого материала Эванс создавал годовые отчеты, публиковавшиеся Британской Афинской школой, начиная с 1900 г., и позднее сведенные им в книгу «Дворец Миноса».

Из отчета Эванса за 1900 г. видно, что он разделял точку зрения Шлимана и Дёрпфельда на Кносс. И первое впечатление: «микенский» дворец весьма похож на дворец в Тиринфе. Коричневые и зеленые рельефы с резными розетками у южного входа Эванс сравнивал с мраморными украшениями, найденными Элджином и Шлиманом в Микенах; изменения в планировке дворца приписывал деятельности микенских царей, так как было обнару-

жено много «керамики позднемикенского класса, аналогичной найденной в Микенах, в Ялисе [Родос] и в Тель-эль-Амарне [Египет]». Параллель с Египтом (к примеру, эмалевые диски, прикрепленные к потолку тронного зала) позволила Эвансу датировать тронный зал XIII в. до н.э., что относилось к «позднейшей фазе дворца». К тому времени, полагал он, «микенские повелители Кносса смогли покорить критоговорящее население». В целом, доказывал Эванс, «трудно отодвинуть период разрушения дворца позднее XIII в. до н.э.».

Эванс полагал, что найдена великая и древняя минойская культура, покоренная на последнем этапе своего существования с XIV по XIII в. до н.э. материковыми микенцами, захватившими остров и перестроившими дворец, украсив его в своем «дворцовом стиле» и наполнив микенской керамикой. Интерпретация Эванса полностью согласовывалась с анализом керамики, найденной Калокериносом, которую исследовали, опубликовав затем результаты, Фабрициус, Осуйе, Фуртвенглер и Лешке. Свои комментарии дали также Шлиман и Дёрпфельд. Все эти специалисты пришли к единому мнению в отношении стиля и приблизительной датировки керамики (и были правы): дворец действительно в XIII в. занимала греческая династия, как и говорится в гомеровских преданиях. Ахеец Идоменей действительно мог повести отсюда армию в период Троянской войны.

Однако скоро Эванс расстался со своими первоначальными идеями. В отчете 1901 г. он объявил о новой теории. (Основная работа по дворцу была завершена к 1905 г., хотя дальнейшие раскопки велись вплоть до Первой мировой войны, а затем в

начале 1920-х гг. Последним годом крупномасштабных работ в Кноссе был 1930 г.)

Вот какой была новая теория Эванса. Она появилась в книге «Дворец Миноса» — четырех томах, в которых предпринята попытка серьезно рассмотреть параллельные признаки разных цивилизаций. Если мое повествование кажется слишком критичным по отношению к Эвансу, то лишь потому, что появляется все больше свидетельств, позволяющих полагать, что Эванс совершенно неправильно понимал проблему и его заключительная версия ошибочна. Но многие специалисты и теперь соглашаются со значительной частью его выводов.

Эванс установил, что Кносский холм был населен со времен неолита и что высокоразвитая «дворцовая» цивилизация существовала с 1900 или 1800 г. до н.э., имея не одну, но две формы письменности. Эта цивилизация, несомненно, господствовала над Кикладами и большей частью Эгейского мира до сожжения Кносса, которое Эванс датировал приблизительно 1420 г. до н.э. Империя, очевидно, имела мощный военный и торговый флот — крепостные укрепления в Кноссе отсутствовали. Ясно, считал Эванс, ведь существовало некое подобие *Rax Minoica* [Минойского мира], сохранявшего равновесие во всем регионе. Археологические свидетельства подтверждали рассказ Фукидида о древнегреческой истории:

Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладел большей частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил большую их часть колониями...

Под сильным впечатлением от легенды о Миносе Эванс заявил, что открытая Шлиманом в Микенах и Тиринфе цивилизация — просто побочная варварская ветвь — колония минойцев, нанимавшей минойских художников и ремесленников (как, например, в случае с шедеврами в шахтовых гробницах и фризами «Сокровищницы Атрея»). Эванс был уверен в «абсолютной непрерывности» минойской и микенской цивилизаций и что тот мир не был греческим, хотя и допускал, что грекоговорящее население могло присутствовать в Греции до «нашествия дорийцев» в конце бронзового века как беднейший класс. Гомеровский мир героев он считал послемикенским: «Гомер, хотя и упоминающий деяния ахейских героев, смог изобразить их в окружении, которое, ввиду *абсолютной непрерывности* минойской и микенской истории, мы можем *определенно считать неэллинским*». (Курсив мой.) Другими словами, гомеровские поэмы, хотя и написанные на греческом языке, были, по Эвансу, просто бледным отражением великой минойско-микенской культуры. И сама Троянская война — не более чем подправленный критский миф. Примечательно, что, утверждая это, Эванс имел на руках две тысячи *нерасшифрованных* табличек с линейным письмом Б: «Если рассматривать обитателей позднейшего дворца как «ахейцев», то греческая оккупация Крита должна по этому признаку восходить к временам неолита». То есть Эванс утверждает, что Кносс не располагает археологическими свидетельствами, указывающими на приход новой расы — микенцев. Что и говорить, эти шараянья Эванса, который вплоть до смерти в 1941 г. управлял интерпретацией своих находок в Кноссе

(ему принадлежащих!), представлялись многим авторитетным ученым весьма сомнительными. И особенно мысль о непрерывности расы и культуры: «Я не допускаю споров об этом, — писал Уолтер Лиф в 1915 г., — но многие видные авторитеты считают, что они могут определить совершенно новое влияние, характеризуемое керамикой LM III [т.е. после 1400 г.]». Они были правы: разрушение дворца незадолго перед 1400 г. до н.э. возвещало о завоевателях из материковой Греции, поставивших во главе Крита собственную военную бюрократию. Такая теория в целом принята сейчас. Греческое правление в Кноссе продолжалось до окончательного разрушения дворца около 1200 г. до н.э. или чуть позже. Последний дворец в Кноссе был в итоге греческим. Его искусство и архив, написанный линейным письмом Б, характерны для микенского мира XIII в. до н.э.

Почему Эванс пришел к таким заключениям?

В эволюции современного понимания Эгейского бронзового века было два этапа. Работы Шлимана, с его страстной верой в правдивость гомеровских поэм, привели к тому, что все реликты микенской культуры рассматривались в качестве иллюстрации поэзии Гомера, а сам Гомер — как источник сведений о реальном героическом мире. Открытие Артура Эванса в Кноссе более ранней минойской цивилизации, в свою очередь, привело к убеждению, что культура на материк была привнесена, если вообще не создана, минойцами. Короче гово-

ря, по Эвансу, мир Гомера не существовал. Школы Шлимана и Эванса продолжали доминировать в научном мире, даже когда было доказано, что обе идут в неверном направлении.

На взгляды Эванса ключевое влияние оказало открытие письменности. Множество табличек с линейным письмом Б были обнаружены вначале в кладовых, где вел раскопки Калокеринос, а затем и по всему дворцу. Бронзовый век наконец обрел грамоту. Но одна проблема возникла сразу же. Таблички с надписями были найдены в *последней фазе* дворца, которую Эванс первоначально ассоциировал и с тронным залом и большей частью фресок, так называемых шедевров минойского искусства. Позднее для этой фазы он применит термин «повторная оккупация скваттерами». Но тут возникла неувязка: как такая высокоразвитая цивилизация могла оставаться неграмотной, а захватчики, «скваттеры», — грамотными? Пришлось утверждать, что в последней фазе письменности не было, хотя это шло вразрез с современными идеями исторического прогресса. И Эванс предложил свою периодизацию бронзового века: ранний, средний и поздний (специалисты называют их ранне-, средне- и позднеминойскими для Крита — EM, MM и LM, элладскими — Н — для материка, кикладскими — С — для островов, и в каждом выделены подпериоды, например MM II, LN III B). В основе хронологии Эванса лежит сравнение со Старым, Средним и Новым Царствами Древнего Египта, но, возможно, были и аналогии с идеями конца XIX в. о развитии искусства и цивилизации — все цивилизации проходят периоды начала, расцвета и упадка. Даже в 1935 г., после того как новые раскопки в

Микенах и Тиринфе породили сомнения в его интерпретации позднего бронзового века, восьмидесятичетырехлетний Эванс набросился с критикой на правильную (как мы теперь знаем) датировку Аланом Уэйсом «Сокровищницы Атрея» XIII в. до н.э. (ЛН III В). Как, вопрошал Эванс, Уэйс мог датировать прекраснейший образец микенской архитектуры «концом эпохи упадка»? Многие в трудах Эванса выдержало испытание временем, и никто не отрицает его огромный вклад в анналы археологии, но сейчас мы видим, что в истории со связями между Критом и материком в позднем бронзовом веке он был не прав. Почему? Как возникла теория Эванса?

Что касается отношения к Шлиману, то давайте попробуем поставить себя на место Эванса. Чтобы это сделать, нам нужно немного больше узнать об интеллектуальной атмосфере того времени, когда в 1904 г. Эванс впервые изложил свою теорию трехпериодной хронологии на заседании Антропологической секции Британской ассоциации. Как уже упоминалось, Эванс родился в 1851 г., его отец был известным антикваром, первым британским ученым, принявшим идеи Дарвина и применившим их на практике в исследованиях древней истории. Дарвиновская теория эволюции человека в конце XIX в. оказала сильное воздействие на гуманитарные науки и особенно на археологию и изучение древней истории. Прекрасный ученый, намного превосходивший в научной подготовке Шлимана, Эванс едва ли мог быть лучше оснащен, морально и интеллектуально, для создания системы классификации древней Эгейской истории, и этим-то он и занимался. Имелось уже достаточ-

ное число моделей, таких как изобретение Лаббокком понятий палеолит и неолит. Однако в общих вопросах культурных чередований в искусстве и цивилизации авторитетами считались немецкие ученые. В частности, знаменитый афоризм о фазах древнего искусства — «необходимое, прекрасное и чрезмерное» (Винкельман) — являлся эталоном для гуманитарных наук XIX в. Общие теории, подобные этой, применялись в 1830—1840 гг. к социологии и антропологии. «Primitive Culture [Примитивная культура (1871)]» Тайлора — один из основных трудов по «культурной антропологии» в Англии, подразделял эволюцию культуры на три стадии: от примитивного «анимизма» (слово Тайлора), через высшие монотеистические религии, к триумфу науки.

Подобные теории убеждали Эванса в тесной взаимосвязи между искусством и археологией: «Обе [науки] демонстрируют одну и ту же цель — проиллюстрировать законы эволюции в приложении к человеческим ремеслам», — писал он еще в 1884 г. Хотя, как и в случае с Шлиманом, у нас все еще нет надежной биографии Эванса, представляется возможным связать его собственные идеи об исторических переменах, прогрессе и упадке с идеями, царившими тогда в обществе. Такой биологический подход к человеческой эволюции, к примеру, мог соблазнить Эванса датировать таблички с линейным письмом Б более ранним периодом, чем тот, к которому, как мы теперь знаем, они относились. В глазах Эванса линейное письмо Б должно было являться «значительным достижением в Искусстве письма», как писал он в 1909 г., и «высочайшей ступенью развития минойской системы письмен-

ности...» (1921), «графическим выражением тенденций, созданных прекрасным «дворцовым стилем» в Искусстве». Посему таблички едва ли могли относиться к последнему периоду существования дворца, который он считал временем упадка. Пытаясь оправдать датирование табличек XV в. до н.э., он изменял обстоятельства их находки, записанные в полевых журналах. Вот чем вызваны несовпадения между «Дворцом Миноса» и повседневными записями и отчетами, несовпадения, приведшие к резким научным дискуссиям и даже обвинениям в мошенничестве. На самом деле, линейное письмо Б — письменность чужеземных, греческих завоевателей, и ни один из архивов табличек не мог быть датирован периодом до последней фазы дворца, завершившейся около 1200 г. до н.э. в сильном пожаре, свидетельство которого Эванс обнаружил в первые дни раскопок 1900 г.

Эванс, подобно Шлиману, был первопроходцем, а первопроходцы, как правило, не избегают ошибок. Основная часть трудов Эванса, включая его замечательную сравнительную периодизацию Эгейского бронзового века, триумфально выдержала проверку временем.

Материковая версия

Почему мы были столь робки в Микенах десять лет назад, когда нужно было делать выводы из ваших открытий в купольных гробницах? Мне кажется, мы были слишком напуганы тем, что нашли, и тем, что мы довольно скверно датировали «[Сокровищницу] Атрея». Знаете, эта старая традиционная точка зрения, которую мы все приняли на веру без вопросов и которую «критяне» все время восхваляют, конечно, совершенно неверна — я имею в виду ту точку зрения, что позднеладский период III [1400—1200 гг.] был периодом упадка... [это] была высшая точка микенского величия в богатстве, могуществе и роскоши. И эта величайшая вершина была достигнута в тринадцатом веке.

Карл Блеген,
из письма к Алану Уэйсу, 29 марта 1931 г.

Взгляды Эванса доминировали в науке на протяжении полувека, чему способствовало и то, что он не смог полностью опубликовать тексты табличек с линейным письмом Б. Но исследования Эгейского мира продолжались, и постепенно вырисовывалась цельная картина микенской цивилизации, отвергавшая предлагаемую Эвансом модель бронзового века. Ученые приходили к мнению, что микенская цивилизация была греческой. Такую точку зрения выдвинул еще в 1890-е гг. греческий археолог Цунтас, исследовавший Микены вслед за Шлиманом. Ее разделял и английский гомерист Уолтер Лиф. В период между раскопками в Кноссе и началом Второй мировой войны проводились работы в Орхомене, Тиринфе, Гле, Фивах, Асине, Мидее, Афинах и в других местах. Были найдены фрагменты надписей линейным письмом Б, что позволяло предположить, что язык вовсе не обязательно критский. Определяющими стали раскопки британского

археолога Алана Уэйса в Микенах в 1922—1923 гг. и американца Карла Блегена в Кораку, Зигуриесе и Просимне.

Уэйс и Блеген — важные фигуры в нашей истории, и оба они с самого начала верили, что микенская цивилизация была греческой, что никакого культурного разрыва, вторжения пришлых народов между средним бронзовым веком и «темными веками» греческого мира не существовало. Греки присутствовали здесь с начала II тысячелетия до н.э. Лингвисты, изучающие структуру, происхождение и взаимосвязи индоевропейских языков, пришли к такой же дате. Исследования в области греческой мифологии и религии показали, что все великие классические греческие мифы привязаны к центрам микенской культуры: Аттиды в Микенах, Эдип в Фивах, Ясон в Иолке, Геракл в Тиринфе и т. д., включая такие неприметные места, как Лерна, Немея, Трезен, Сикион, Мидея и другие. Если греческие мифы имеют такую точную привязку к поселениям доисторической эпохи, то почему эта эпоха не должна быть греческой? Эта точка зрения столь активно поддерживалась такими археологами, как Уэйс и Блеген (которые, в отличие от Эванса, были специалистами по материковым объектам), что в 1920-е гг. они уверенно сдвинули дату прибытия греков в Грецию примерно к 1900 г. до н.э. Правда, и сейчас еще остаются те, кто не согласен с выводами Уэйса и Блегена.

Итак, общая схема внутренней хронологии и модель материкового микенского общества были составлены без обращения к спорным свидетельствам из Кносса. Естественным шагом для Блегена, после успешных работ на материке, было вер-

нуться к истоку своих исследований — к Трое. Так много еще вопросов нуждалось в ответах, столь многое было уничтожено или неадекватно описано Шлиманом, что после него осталось почти столько же загадок, сколько фактов. Дёрпфельд прекрасно распутал клубки архитектурных последовательностей на месте раскопок, но исследования микенской керамики находились тогда на ранней стадии, и он не мог предложить точной датировки. Действительно, гончарные изделия всего позднего бронзового века (мы называем их Троя VI, VIIa и VIIb) были при классификации свалены в кучу — в 1890-е гг. большая точность была невозможна, и Дёрпфельд поставил ориентировочный конец Трои бронзового века приблизительно на 1000 г. до н.э. Блеген был намерен вернуться в Трою для проведения серьезных научных раскопок, включая работы на участках, не тронутых Шлиманом и Дёрпфельдом. Но каким бы несомненно серьезным и научным человеком Блеген ни был, в глубине души у него, конечно, таилась и другая цель. Имея в распоряжении более современные стратиграфические методы, чем были у Шлимана и Дёрпфельда, он намеревался определить — так на каком же уровне Гиссарлыка лежит гомеровская Троя? Видимо, для читателя не будет большим сюрпризом узнать, что не в первый раз при поисках Трои археологи нашли именно то, что и надеялись найти.

Раскопки Блегена длились семь сезонов, с 1932 по 1938 г., и были одними из самых мастерски проведенных раскопок того времени. В третий раз принял Гиссарлык неугомонных изыскателей. Четырехтомная «Троя», большое количество фотографий,

киноплёнок — впервые раскопки Эгейского бронзового века документировались так тщательно. Для науки значимость этих раскопок, конечно, не в Троянской войне, а в новых данных о развитии цивилизации в северо-западной Анатолии бронзового века: самыми важными стали ранние слои — Троя I и II. Блеген определил внутри девяти основных «городов», лежащих поверх друг друга на Гиссарлыке, около 50 более тонких слоев, проследив историю заселения вплоть до IV тысячелетия до н.э. (сейчас мы датируем основание Трои I примерно 3600 г. до н. э.). Любопытство археологов достигло апогея при повторном изучении слоя Троя VI, объявленной Дёрпфельдом гомеровской Троей. Блеген пришел к убеждению, что разрушение города не могло быть делом человеческих рук, как считал Дёрпфельд. В одном месте сдвинулось основание стены, в других внутренние стены обрушились целиком, и обломки лежали горой, покрытые более поздними наслоениями. Казалось, иного варианта не было — даже сам Дёрпфельд вынужден был согласиться: Троя VI, город великих стен, был уничтожен землетрясением, а не армией Агамемнона. Но в других местах Блегену удалось исследовать нетронутые слои над руинами Трои VI, и он сделал поистине потрясающее открытие.

Следы осады Трои?

Мы считаем, что Троя VIIa дала реальные свидетельства того, что город подвергся осаде, был взят и разрушен вражескими войсками в какой-то момент общего периода, приписываемого греческими преданиями Троянской войне, и что он может быть спокойно отождествлен с Троей Приама и Гомера.

Карл Блеген, «Троя», т. IV, 1958

Блеген сосредоточил внимание на городе, появившемся вслед за Троей VI, который он назвал Троя VIIa. После землетрясения жители на скорую руку восстановили город. Главный контур стен еще стоял, хотя надстройки были повреждены. Но в жизни города произошли драматические изменения. Широкие улицы оказались вплотную застроены лачугами. В полы домов были врыты кувшины с припасами. Многие внутренние помещения разделили перегородками на двадцать-тридцать каморок площадью всего в несколько квадратных футов. Там, где располагались элегантные дома, которых на всю цитадель было два-три десятка, теперь стояли мрачные хибары. Они теснились у стен, там, где раньше были просторные круглые террасы и широкие проходы. Блеген не стал особо вникать в то, в какой мере эти изменения могли оказаться следствием социальных процессов, а пришел к простому заключению, что намного большее число людей было вынуждено *временно* укрыться за городскими стенами. Археологи были готовы говорить наперебой об ограничениях военного времени и страхе, и — подумать только! — о менталитете осажденных. Некоторые находки представлялись созвучными времени. Сразу за воротами,

внутри крепости, Блеген обнаружил нечто вроде пекарни, с примыкающей к ней харчевней или лавкой, которую он назвал «snack bar»¹ и где продавали хлеб и вино. Блеген усмотрел здесь признаки военной экономики, как в полевых кухнях в Лондоне во время «битвы за Англию», слишком хорошо знакомой картине тех дней. Другие признаки указывали на растущую изоляцию, словно город был отрезан от внешнего мира: не было ввозных предметов роскоши, практически не было черепков от импортной посуды — только местные имитации микенских изделий.

То, чего боялись обитатели города, похоже, их уничтожило, во всяком случае, так думал Блеген. По всему городу были видны следы опустошительного пожара, множество обгорелых сырцовых кирпичей и обломков, обугленного дерева. В дверном проеме одного из домов — части человеческого скелета, заваленные обгоревшими деревяшками и камнями, рухнувшими на жертву. В некоторых местах глубина скоплений золы и обломков достигала пяти футов. Около «закусочной» раздробленный череп, западнее — останки другого черепа. В обгорелом мусоре, покрывающем дом снаружи восточной стены цитадели, лежала человеческая челюстная кость. К западу от главной улицы был найден наконечник стрелы, «возможно, выпущенной ворвавшимися в город ахейцами», посчитал Блеген.

Пожар, человеческие останки, наконечник стрелы — сложите все это с полевой кухней, кувшинами с припасами, и вы получите жуткую картину

осады. Было ли это археологическим доказательством, что Троянская война действительно была? Все теперь зависело от даты. Было очевидно, что в грубом приближении она совпадает, но до или после падения великих дворцов на материке около 1200 г. до н.э. это случилось? Ясно, что Агамемнон не смог бы отправиться грабить Трою *после* того, как был разграблен Микенский дворец и начался упадок микенской культуры. Плюс к тому, и ученые часто об этом забывали, Трою VIIa не могли уничтожить после падения Пилоса, который Блеген начал раскапывать в 1939 г. — *вслед* за раскопками Трои, но до опубликования их результатов. Не мог же старый царь Нестор отбыть в Трою из сожженного дворца! Сознательно или бессознательно, но Блеген учитывал это, пытаясь доказать, что Троянская война — не выдумка.

Изучив микенскую керамику, найденную в руинах Трои VI и Трои VIIa, Блеген пришел к выводу, что город был разграблен вскоре после землетрясения: «...не более чем через полвека, а может быть, даже через одно поколение... скорее в середине, чем в конце [XIII] века». Позже он предпочел дату не позднее 1240 г. до н.э. и даже отодвинул ее ближе к 1270 г., уже довольно близко к традиционной дате Троянской войны. Как раз тогда «микенские дворцы на греческом материке, видимо, находились на вершине процветания и богатства и с наибольшей вероятностью могли объединиться для амбициозной заморской военной экспедиции». Казалось, все совпадает.

Здесь, в самой северо-западной точке Малой Азии, точно там, где греческие предания,

¹ Закусочная (англ.).

народная память и эпические поэмы помещают Илион, мы имеем физические остатки укрепленного поселения. Как показали убедительные археологические свидетельства, его осадили и захватили враги, полностью разграбив и предав огню, именно так, как описывают эллинская поэзия и народные сказания разрушение Трои царя Приама... Тогда настоящей Троей должно быть признано поселение VIIa, злосчастная крепость, чьи осада и гибель овладели воображением трубадуров и бардов того времени... Больше нет сомнений, по состоянию наших сегодняшних знаний, что здесь действительно была настоящая историческая Троянская война, в которой коалиция ахейцев, или микенцев, чей царь был признан предводителем, сражались с народом Трои и ее союзниками.

«Троя и троянцы», 1963
(Выделение мое.)

Аргументы Блегена, по существу, не отличались от аргументов Дёрпфельда и Лифа, и, как и они, Блеген заходит настолько далеко, что с уверенностью утверждает, будто его находки доказывают: «многие герои, упоминающиеся в поэмах, списаны с реальных людей». Реакция большинства исследователей античности была положительной. Как сказал один из них: «Разграбление Трои — исторический факт, осада — событие возможное». И в самом деле, были найдены четкие свидетельства разграбления. Мнение несогласных отвергнуто и названо завистливым брюзжанием, хотя они ука-

зывали, что один наконечник стрелы (к тому же, видимо, не греческий) еще не война, зарытые пифосы находили на Гиссарлыке во всех слоях среднего и позднего бронзового века (их можно видеть в Анатолии и сегодня), «закусочные» у ворот есть и в других древних городах (например, в Помпеях) и что датировка Блегена по керамике сомнительна. И пока Блеген рассматривал Трою VIIa как гомеровский город, самый острый вопрос так никогда и не был задан: действительно ли крушение Трои VI было следствием землетрясения? Впрочем, беспрекословный тон отчета Блегена и отсутствие на Гиссарлыке новых участков для раскопок не оставляли надежды на получение дополнительной информации.

Дворец Нестора в Пилосе

*Путники в Пилос, богато отстроенный город Нелея,
Прибыли. Резали черных быков там у моря пилосцы
Черноволосому богу, Земли Колебателью, в жертву.*

Гомер, «Одиссея»

Несмотря на то что внимание публики было приковано к «свидетельствам» Троянской войны, раскопки Блегена имели большее значение для аناтолийских археологов, чем для изучения Эгейского мира. Если они и подтвердили правдивость поэм Гомера, то на вопросы археологии Эгейского мира так и не смогли ответить: как возникла материковая цивилизация? Как связаны между собой микенская и микенская цивилизации? Когда греки

прибыли на Балканы? Были ли микенцы греками, как предположили Уэйс и Блеген и как до них считал Шлиман?

Блеген был твердо настроен отыскать нетронутый материковый дворец бронзового века. Как и для Шлимана, проводником для него был Гомер. Но на какой из гомеровских дворцов сделать ставку? Тиринф был раскопан прежде, чем разработали научно обоснованные археологические методики. Дворец в Микенах сильно разрушен, а то, что осталось, изучено Цунтасом и Уэйсом. Площадка в Менелаойне не сулила больших надежд отыскать дворец Елены и Менелая. Следы дворцов в Орхомене и Аргосе были стерты последующими постройками. Поверх Иолка стоял современный город. Из великих гомеровских дворцов на материке оставался только дворец старого царя Нестора в «песчаном Пилосе», столице одного из главных союзников Агамемнона, приведшего к Трое «восемьдесят черных кораблей». Никто, однако, не знал, где стоял Пилос бронзового века. В отличие от Микен и Кносса, точное место известно не было — где-то в Мессении на юго-западе Пелопоннеса. Необъяснимым образом даже в преданиях память о великом дворце Нестора исчезла. Исчезла настолько, что его местоположение было загадкой еще в античные времена, когда в ходу была поговорка: «Там Пилос перед Пилосом, а перед ним еще один». И в самом деле, несколько мест носили это название, и кто подтвердит, что современный Пилос — чудесная естественная гавань в Наваринском заливе, где союзный флот разбил турок в 1823 г. — располагается хотя бы примерно там же, где и древний. Вильгельм Дёрпфельд настаивал

вал на более северном расположении. Блеген был в этом не уверен. В 1912 и 1926 г. греческий археолог Куруниотис обнаружил две купольные гробницы в холмистой местности к северу от Наварина. Обе были разграблены в древности, сохранилась лишь микенская керамика. По соседству угадывались другие захоронения. Блеген, впервые исследовавший эти места в 1920-х гг., посчитал гробницы царскими, следовательно, дворец должен находиться поблизости.

В 1939 г. Блеген и Куруниотис с помощью местных жителей, знавших, где сохранились древние остатки, прочесали местность к северо-востоку от залива и определили восемь площадок с черепками микенской керамики на поверхности. Но одна площадка привлекла особое внимание — как позже скажет Блеген, «будь вы микенским царем — построили бы дворец». Она располагалась в 6 милях от песчаных пляжей Наваринского залива, с нее открывался великолепный вид на залив и гряды окрестных холмов. Здесь, на холме Ано-Англианос, самой высокой вершине этих мест, еще в 1890-е гг., при строительстве дороги, были обнаружены остатки древних строений. В оливковой роще на крутом холме торчали из земли два удивительных массивных, твердых, похожих на бетонные, обломка, точно такие, как те, что нашел Калоке-ринос в Кноссе: кальцинированные остатки стен, обожженный гипс, подвергшийся воздействию дождя.

Той весной, когда мир балансировал на грани войны, Блеген начал раскопки среди олив на Ано-Англианосе. Он писал:

Первая траншея была проложена рано утром 4 апреля, а к середине утра результаты превосходили самые смелые ожидания: взору открылись прочные каменные стены толщиной более метра. Были раскрыты фрагменты штукатурки с сохранившимися следами красочных украшений. Мы добрались до цементоподобного известнякового пола и обнаружили в земле пять глиняных табличек с выдавленными знаками линейного письма Б. Они были практически не повреждены, хотя и покрыты известковым налетом, — это первая находка такого рода в материковой Греции, доказывающая, что на холме располагалось дворцовое строение.

Скоро Блеген нашел архивное помещение, где находились 600 табличек и их фрагменты на том же самом языке, что и найденные Эвансом в Кноссе. Исследования показали, что дворец в Ано-Ангианосе имел размеры, сравнимые с размерами известных материковых дворцов, а наличие архива позволяло с большими основаниями предположить, что Ано-Ангианосский дворец был центром этого региона и, весьма вероятно, центром царства Мессения. Сам Блеген в этом не сомневался, опубликовав результаты под заголовком «Дворец царя Нестора в Пилосе».

По своей материальной культуре этот дворец был во всех отношениях сходен с дворцами в Микенах, Тиринфе и последним дворцом в Кноссе. В нем был такой же мегарон (царский зал), как в Тиринфе и Микенах, сохранился центральный очаг с росписью. Были кладовые, заполненные дворцо-

вой посудой бронзового века — тысячами кубков, кувшинов и сосудов; склады с припасами — маслом, вином и зерном. На фресках — изображения колесниц, воинов в шлемах из клыков вепря, командующих горцами в грубых доспехах, певца, играющего на лире. Грифоны в царских покоях, точно как в Кноссе. По всем приметам дворцы выглядели принадлежащими одному миру, а наличие записей линейным письмом Б показывало, что так оно и было, хотя лишь после Второй мировой войны такие таблички были найдены в Микенах, а в 1980-е годы — в Тиринфе. Но был ли Пилос критской колонией, управляемой минойской аристократией, прибывшей с Крита, как это следовало из теорий Эванса? Пользовались ли заморские набобы критским линейным письмом Б? Или Пилос был типичной материковой цивилизацией и, следовательно, управлялся правителями с материка? Эти идеи, как мы видели, уже обсуждались в 20—30-х гг., и Пилос должен был окончательно опровергнуть точку зрения Эванса. В отличие от Кносса, здесь не могло быть споров вокруг хронологии: новые сведения о стилях керамики позволяли доказать, что Пилос был разрушен около 1200 г. до н.э. или несколькими годами позже, то есть через 200 лет после установленной Эвансом даты разрушения Кносса. Не могло оставаться сомнений в том, что Кносс под конец был частью микенского мира, а современные исследования показали, что, вероятно, архив Кносса также датируется примерно 1200 г. до н.э., вопреки взглядам Эванса. Вопросы прояснились, когда в 1952 г. было расшифровано линейное письмо Б. Это научное достижение назвали, с долей преувеличения, «покорением Эвереста в археологии».

Но, прежде чем обратиться к расшифровке табличек, рассмотрим один из аспектов датировки падения Пилоса, имеющий исключительное значение для поисков Трои. Полезно еще раз напомнить, что все эгейские датировки производятся по стилям керамики. Когда Блеген писал свои труды, считалось, что переход от керамики ЛН III В к керамике III С произошел около 1200 г. до н.э. или немного ранее. Поскольку среди обломков в Пилосе не было найдено керамики ЛН III С, то Блеген решил, что дворец был разрушен около 1200 г. Но уже раньше он пришел к заключению, что Троя VIIa — его гомеровская Троя — также пала прежде, чем в городе появилась керамика III С. Но действительно ли Троя VIIa пала раньше Пилоса? Если нет, то возникала проблема с признанием историчности гомеровских поэм, поскольку блегеновская Троянская война случилась бы, когда Пилос старого царя Нестора уже лежал в руинах! По мере того как после Второй мировой войны накапливались знания о стилях керамики, возникли подозрения, что керамика III С в Трое VIIa все-таки была и что она пала после разрушения некоторых материковых греческих дворцов в период около 1200 г. до н.э. Но понадобилось много времени, чтобы эти сомнения материализовались в серьезные возражения: Троя VIIa оставалась общепризнанной гомеровской Троей до конца 1970-х гг., это мнение остается распространенным и сейчас.

Тем временем приближалось самое важное открытие в эгейской археологии — расшифровка линейного письма Б. Менее чем через четыре месяца после окончания первого сезона Блегена в Пилосе началась Вторая мировая война, а в Гре-

ции еще и гражданская, в которой погибли 400 тысяч греков и в которой британская армия сражалась на греческой земле на стороне одних греков против других. Археологические исследования были возобновлены в Пилосе лишь в 1952 г. В том году любимый Эвансом Кносс был передан греческому правительству (сам Эванс умер в 1941 г.). Война задержала публикацию пилосских табличек — по-прежнему оставались неопубликованными большинство кносских табличек Эванса. Но как только в 1951 г. они стали доступны, усилия по расшифровке увенчались успехом.

Расшифровка линейного письма Б

На протяжении последних нескольких недель я пришел к заключению, что таблички из Кносса и Пилоса должны быть все же написаны на греческом языке — на трудном и архаичном греческом, который на 500 лет старше Гомера и записан в довольно аббревиативной форме, но тем не менее на греческом.

Майкл Вентрис,
Из выступления по 3-й программе BBC,
напечатано в «Listener», 10 июля 1952 г.

Майкл Вентрис, молодой человек, раскрывший код линейного письма Б, не был специалистом по истории Древней Греции. Он был архитектором, которого увлекла тайна линейного письма Б, когда еще школьником, в 1936 г. он услышал в Берлингтонхаусе лекцию сэра Артура Эванса. Ему не было и тридцати, когда по радио прозвучало его знаменитое выступление, а спустя четыре года он погиб в автомобильной катастрофе. О расшифровке кода

можно прочесть в книге соратника Вентриса — Джона Чедуика, «Дешифровка линейного письма Б» и в их замечательном совместном труде «Документы на микенском греческом языке».

То, что линейное письмо Б — греческое, шло вразрез с мнением, которого придерживалось большинство лингвистов. Теперь имелось доказательство гипотезы, к которой Шлиман пришел 80 лет назад. Самым удивительным в табличках было то, что мир, который открывался за ними, был вовсе не «героическим», а бюрократическим до мозга костей. Здесь перечислялись численности стад овец, имена пастухов и налоговых инспекторов, содержались подробнейшие перечни снаряжения и военной амуниции. Отдельные троны и колесницы с их принадлежностями и дефектами, включая даже сломанные, кузова колесниц или колеса, честно помечавшиеся как «ненужные» или «обгоревшие с конца». Здесь даже быки назывались по именам: Черныш или Пятнистый. Просматривались черты феодального общественного строя, во главе которого стоял царь — *wanax*, такое же слово Гомер использует для Агамемнона, «царя людей». Здесь были и начальники низших рангов, солдаты со своими панцирями, латами, щитами, шлемами, копьями, луками и стрелами... были записаны военные диспозиции, весьма напоминающие гомеровский перечень кораблей, направляемых в Троию. Перед нами аристократический, иерархический и милитаристский класс, вооруженный до зубов, не останавливавшийся перед огромными расходами на военное снаряжение и украшение дворца. Таблички содержат обширные сведения (до сих пор оцениваемые экономистами и лингвистами) о припасах:

пшенице, вине, оливах, льне и древесине, которые тщательно фиксировались дворцовыми писцами до последнего литра или тюка. Наконец, на самом низу социальной лестницы стояли сотни женщин-рабынь с детьми, обозначавшихся как «пленницы» (то же слово использует Гомер).

Хотя прямых свидетельств об общественном строе и религиозных верованиях нет, зато содержатся богатые данные об экономической и внутренней организации государств бронзового века. Стало известно, что обитатели дворцов бронзового века во времена Троянской войны действительно говорили по-гречески, на языке Гомера. В некоторых случаях в табличках используются те же слова, те же грамматические конструкции. Доказывается потеря некоторых деталей раннегреческого языка, уже установленная лингвистами теоретически (например, потеря *w*, дигаммы, как, скажем, в *Wilios* = *Pios*, Илион). Таблички с линейным письмом Б отодвинули историю греческого языка по крайней мере на 500 лет назад и открыли новые перспективы для изучения Гомера. Нужно ли было теперь устанавливать параллели между характерными чертами бронзового века у Гомера — например, описаниями таких артефактов, как шлемы из клыков вепря, — и лингвистическими данными, чтобы доказать, что гомеровские сказания восходят к бронзовому веку? Был ли, к примеру, огромный, во весь рост, щит Аякса взят из микенского эпоса? Можно ли считать гомеровские «среброгвоздные мечи» аналогами двух мечей «с золотыми гвоздями по обеим сторонам эфеса» из пилосских табличек? Как объяснить появление многих гомеровских личных имен, включая такие как Гектор и Ахилл, в

качестве имен обычных людей в табличках? Не сделан ли гомеровский перечень кораблей на основе реальных списков, подобных найденным на пилосских табличках, или микенского эпоса о Троянском походе? Короче говоря, возможно ли, что песнь о Трое уже пели микенские певцы в царских покоях Пилоса, Микен и Тиринфа, певцы, похожие на музыканта с лирой, изображенного на фреске в Пилосе? Кем *был* «Гомер» и откуда пришло его сказание о Трое?

Глава четвертая

ГОМЕР: ПЕВЕЦ СКАЗАНИЙ

Как мог Гомер узнать об этих вещах?

Когда все это случилось, он был верблюдом в Бактрии!

Лукиан, «Сон»

Они [*греки*] запоздали с изучением алфавита, и урок оказался трудным... весьма противоречивый и спорный вопрос, пользовались ли буквами те, кто принимал участие в Троянской кампании?.. Во всей греческой литературе не найдено не оспариваемых трудов более древних, чем поэзия Гомера. Он жид, однако, явно позже Троянской войны. Но даже и он, как говорят, не оставил свои поэмы записанными. Первоначально передаваемые по памяти разрозненные песни были объединены лишь позже. Этим обстоятельством и обусловлены многочисленные противоречивости этого труда.

Иосиф Флавий, «Против Апиона»

«Илиада» и «Одиссея», по общему убеждению, стоят у истоков европейской литературы. Это необычайный парадокс — уникальный в истории культуры, — что истоками являются непревзойденные шедевры, не «зачаточные» примитивные поделки, а великие поэмы огромной длины и сложности. Здесь

же «высочившие из головы Зевса в полном боевом снаряжении» образы героического века оказались столь яркими и сильными, что и по сей день читатели не в силах противостоять идее, что они в чем-то «правдивые». Считалось, что автором их был поэт, звавшийся Гомером. Никаких сведений о нем не дошло. Даже предполагалось, что Гомер не имя, а псевдоним (*homeros* — заложник). Также считалось, что он сочинял, не прибегая к письму, то есть был поэтом-сказителем.

Не так давно проводились исследования устной эпической поэзии в разных частях света: в Сербии, где она в ухудшенном виде сохранилась до сих пор; в Ирландии, где последний сказитель прозаического эпоса прожил достаточно долго, чтобы его речь в 1940 г. удалось записать; в Албании и Армении, где еще сохранились остатки бардовских традиций; в Заире, где до недавнего времени еще можно было увидеть действо во всей красе. Все эти образцы устной поэзии позволили понять, как часто чрезвычайно длинные и сложные произведения могли передаваться устно из поколения в поколение. Характерные черты таких сказаний — в особенности так называемые «формулы», или повторяющиеся фразы, — показывают, что поэмы Гомера — это, как и полагали Иосиф Флавий и другие древние авторы, типичные устные поэмы. Но как они слагались? Сразу ли или то было постепенное разрастание некоего поэтического предания?

Существовал ли Гомер? Когда впервые записаны его поэмы? И как соотносится текст, дошедший до нас, с той первой записью? Обнаруженные в XIX в. в Египте 600 папирусных фрагментов с текстами

Гомера, по существу, не сдвинули «гомеровский вопрос» с места. «Илиада» «берет свое начало» в X в. н.э. в Константинополе: две лучших и самых ранних рукописи были созданы именно тогда (основные из 200 дошедших до нас рукописей Гомера датируются XIV—XV вв. н.э.).

На латинском Западе греческие труды в основном погибли в «темные века», но гомеровские поэмы изучались в Византии, невзирая на их языческие корни. В 860-е гг. византийскими учеными было подготовлено исправленное издание Гомера, а последующая работа привела к созданию знаменитой книги, известной как Venetus A — наиболее авторитетного издания «Илиады» (хранится в Венеции, в соборе Сан-Марко). Основная часть ранних и редких текстов не дожила до наших дней из-за войн: в этом смысле разграбление Константинополя в 1204 г. сопоставимо с гибелью в огне знаменитой Александрийской библиотеки в I в. до н.э. Перед окончательным падением Константинополя в 1453 г. большое количество рукописей из Византийской империи вывезли на Запад итальянские гуманисты. Позже источниками текстов служили уцелевшие греческие монастырские библиотеки. Сегодня в них практически не осталось классических текстов, но такое ограбление обеспечило выживание греческой литературы.

Поэмы Гомера привлекали к себе внимание еще в середине XIV в.: Петрарка брал уроки греческого для чтения рукописи великих творений Гомера, подаренной ему византийским послом. В 1360-е гг. итальянский ученый Плиато, друг Боккаччо, пытался перевести часть гомеровских сказаний на латынь.

Лишь с изобретением книгопечатания книги, вначале классические латинские, затем — греческие, стали относительно доступны. Произошло как бы повторное открытие Западом Греции. Первое печатное издание Гомера появилось во Флоренции в 1488 г. В Венеции типографией Альдов, основанной Альдом Мануцием специально для печатания греческих текстов, было выпущено в 1504 г. знаменитое печатное издание Гомера. К работе был привлечен грек, критский ученый Мусурус. Семь основных европейских изданий Гомера вышли в свет в XVI в. Сравнивая Гомера с произведениями классической греческой литературы, ученые пришли к заключению, что к его произведениям необходим иной подход, так как это запись устных преданий, и что независимо от возраста рукописей невозможно «собрать» и записать со слуха тексты, сочиненные столетия и столетия назад. Они опирались на свидетельство, встретившееся у Цицерона, что первая запись поэм Гомера относится приблизительно к 550 г. до н.э. и сделана при дворе афинского тирана Писистрата. Итальянский философ Джамбаттиста Вико утверждал, что «Илиада» и «Одиссея» — плод коллективного труда нескольких поколений поэтов-сказителей, лишь записанный при Писистрате. То есть Гомеров было много. Блестящая теория Вико предвосхищала многие современные исследования, но в то время большого влияния не оказала. Зато привлек внимание англо-ирландский путешественник Роберт Вуд, в своем «Эссе о подлинном гении и творениях Гомера» (1769) первым приведшим доводы в пользу устного характера творчества Гомера. «Эссе...» было переведено на многие языки и способствовало появле-

нию на свет книги Ф.А. Вольфа «Пролегомен» — величайшей из книг о Гомере. Он пользовался самой лучшей (опубликованной в 1788 г.) рукописью «Илиады», Venetus A, снабженной комментариями на полях, делавшимися начиная с III в. до н.э. Вольф был убежден, что Гомер создавал свои устные творения около 950 г. до н.э. и что затем его поэмы передавались на слух по памяти, пока, в VI в. до н.э., афинский тиран Писистрат не велел их записать. Однако Вольф готов был поверить и в реального Гомера — гениального поэта, который «начал плести паутину». Вольф писал в своем предисловии к «Илиаде»:

*...протащил нить до определенной точки...
Возможно, никогда мы не сможем указать —
даже с какой-то долей вероятности — точные
места, откуда начались новые нити в этом
плетении: но, если я не ошибся, мы можем
сказать, что Гомеру принадлежит основная
часть песен, остальное доделали гомериды,
следовавшие проложенным им линиям.*

После Вольфа появилась тенденция «дезинтегрировать» текст Гомера на массу коротких устных поэм, привитых к дереву примитивной «изначальной «Илиады» более поздними поэтами и редакторами. Однако кое-кто по-прежнему отстаивал идею «единого поэта»: Гете, например, написал небольшой трактат о единстве гомеровских поэм, сформулировав точку зрения, имеющую поддержку и в настоящее время. Вольф определил проблемы с ясностью и тактичностью, и было бы неверным полагать, что ответы на них уже получены.

За два века, прошедшие после написания трудов Вольфа, в науке произошли три важных события, имевших фундаментальное значение для «гомеровского вопроса». Первое: становление научной археологии — поиски «реального» бронзового века, мира Гомера. Она стала движущей силой шлимановской одержимости Гомером и Троей. И быстро принесла плоды, доказав, что Гомер на самом деле описывал артефакты бронзового века: в Микенах Шлиман вскоре сам увидел изображения шлемов из клыков вепря и «башенных» щитов, подержал в руках «среброгвоздные» мечи. Казалось, «реальная» связь продемонстрирована. Дворец в Тиринфе дал возможность увидеть картину царских покоев бронзового века, имевших отчетливое сходство с гомеровским мегароном. Археология, кроме того, навела на мысль, что поселения, упоминаемые Гомером как важные центры бронзового века, действительно были таковыми, даже если потом и потеряли свое значение. Решающим открытием было обнаружение Дёрпфельдом цитадели микенского периода на Гиссарлыке, поскольку оно впервые предполагало, что центральный сюжет «Илиады» действительно относится к реальному поселению бронзового века, к реальным событиям. На протяжении последнего столетия археология продолжала развивать данные представления, которые то воскрешали строки Гомера, то стремительно уходили в сторону. Но предположение о связи сохраняется, хотя справедливо выглядит и определенная степень скептицизма.

Второе событие: работы Милмана Парри и его последователя Альберта Лорда, доказавших устный характер сказаний, поддержав тем самым ар-

гументы Иосифа Флавия и ученых, предшественников Вольфа. Некоторые из наиболее важных публикаций об особенностях этого вида искусства приведены в библиографии.

Третьим и самым недавним событием в изучении Гомера стало открытие того, что таблички с линейным письмом Б написаны на греческом языке, и, следовательно, существовала культурная и лингвистическая преемственность между бронзовым веком и гомеровской эпохой. Стало возможным изучать преемственность языка в деталях, в изменениях диалектов, увидеть, например, сколько слов греческого линейного письма Б появляется у Гомера, как часто Гомер описывает артефакты бронзового века микенскими словами, или где описание точно, несмотря на то что язык исчез. Но все еще не проведено, к примеру, исследование микенских греческих слов второстепенных текстов Гомера, выброшенных из главного повествования более поздними редакторами. Расшифровка линейного письма Б открыла перспективы, реализация которых еще впереди.

Когда была сочинена «Илиада»?

Сегодня считается, что «Илиада» (и «Одиссея» тоже) не сочинялись устно, а складывались потом из устных преданий с использованием записи. В глазах многих появление письменности в Греции косвенно связано с гением Гомера. Даже выдвигалось предположение, что греческий алфавит был изобретен около 700 г. до н.э. именно для записи поэм Гомера. Против этого есть очевидные

возражения. Во-первых, запись двух огромных поэм в преимущественно устной культуре противоречит всем нашим знаниям о подобных процессах в истории. Здесь нельзя проводить параллели с тем, как внедрение «коммуникационных технологий» влияет на креативное искусство, или с переходом от предграмотной к грамотной культуре, от рукописной к печатной, или (в недавнем прошлом) от печати к электронным системам. Трудно себе представить, что можно было взяться за гигантскую и дорогостоящую задачу записи (на папирусе или пергаменте?) столь длинных поэм, когда общество и, что важнее, аудитория поэта — были во всех отношениях неграмотными. Данная идея базировалась на мысли, что Гомер *предвидел* значение письменности. Однако язык и стиль поэм указывают на их изустное происхождение.

При таком развитии событий самым ранним временем записи был бы примерно 650 г. до н.э., когда в Греции уже получила развитие письменность. Но устные эпические предания процветали еще в V в. до н.э., поэтому устное «сочинение» «Илиады» и «Одиссеи» даже в VI в. до н.э. нельзя считать невозможным.

Существовало предание, что поэмы были собраны в Афинах в правление Писистрата и тогда им была придана их окончательная форма. Реальная история текстов могла быть примерно такой.

Когда-то, давным-давно, жил знаменитый поэт-сказитель по имени Гомер. Он пришел из ионических греческих колоний, может быть, из Хиоса или Смирны. По какой-то причине, может, потому что он был лучшим, его стали рассматривать как олицетворение устной эпической поэзии, и

самые знаменитые группы певцов считали себя его наследниками. Это были так называемые гомериды, «сыны Гомера», с острова Хиос. Во времена Гомера (вероятно, в VIII в. до н.э.) сказание о Трое часто рассказывалось при эгейских дворах, потому что мы находим властителей, называвших себя именами героев — Гектора на Хиосе, Агамемнона из Кимы. Возможно, их дворы располагались там, где Гомера приглашали участвовать в праздниках ионийских городов, особенно в Панионионе на мысе Микале. Последующие поколения относились к большей части старинной эпической поэзии как к его творениям и заботливо старались сохранить слова, «как их пел Гомер». В эпоху экспансии Афин в VI в. до н.э. тиран с политическими амбициями пожелал превратить местный праздник, посвященный богине Афине, в празднество с более «национальным» уклоном. На акрополе был выстроен великолепный храм Афины (предшественник дошедшего до нас Парфенона), стали поощряться общественные праздники с декламацией эпических и исторических поэм, прославляющих Афинское государство, добивавшееся ведущей роли в Греции. Правитель Афин не жалел денег лучшим гомеридам, которые диктовали Гомера дворцовому писцу настолько верно, полно и красиво, насколько возможно.

«Илиада», лежащая в основе текста, который мы знаем, могла быть записана со слов певца именно тогда. Но даже если отвергнуть такой сценарий, мы должны ориентироваться на период после 650 г. до н.э.

Запись древних песен обычно стимулируется внешними обстоятельствами и часто приходится на пе-

риод, когда начинает широко распространяться письменность. Очевидна аналогия со сбором и записью старинного устного народного эпоса франкских и германских племен Карлом Великим, последовавшими за его реформами письменности в VIII в. Сегодня, в начале XXI в., когда в индустриальных странах традиции устного творчества практически умерли, мы сами пытаемся сделать нечто похожее. Гомер в те времена, как мы можем догадываться, был записан «собирателем», хотя и посмертно.

Мы начали с предположения Иосифа Флавия, что поэмы созданы, когда письменности в Греции еще не было. Как уже упоминалось, когда начались современные исследования Гомера, Роберт Вуд и Ф.А. Вольф согласились, что Гомер не умел писать, а Вольф пришел к заключению, что гомеровский оригинал безвозвратно утерян. Устно-формульная теория Милмана Парри и его школы, проводившая параллели с югославскими бардами, была во многих отношениях возвратом к точке зрения Вольфа. Недавно мы вынуждены были соединить «устную» теорию с предположением о том, что именно уникальность Гомера позволила увидеть, что его великое творение можно сохранить с помощью письма, другими словами, он творил в переломный момент развития культуры, когда письменность лишь зарождалась. Таким образом, теория создания литературы «великим человеком» обрела своих адвокатов. Сегодня наша интерпретация представляет собой синтез всех этих теорий: поэмы, возможно, «составили» лишь в VI или VII в. до н.э. — специально для записи, но поэмы, бережно сохранявшие древние слои текста, передавались через устные поэтические предания Ионии. Мы

можем сказать, что, ввиду устной природы этих поэм, имеются тексты, довольно близкие к «оригиналу», то есть поэмы записаны в 650—550 гг. до н.э. Какое отношение они имели к Гомеру, если он вообще существовал, не так легко будет доказать, но похоже, что гомериды в VI в. до н.э. могли довольно точно пересказать истории, составленные в VIII в. до н.э. Подобно всем сказителям, они что-то опускали, вносили свое, исходя из ситуации и личности покровителя. В изменении текста сыграли свою роль и последующие редакторы. Периодом наибольших вмешательств оказался III в. до н.э., когда александрийская школа критиков пыталась создать окончательный текст. В начале Шестой песни, к примеру, слова «между рекой Скамандр и *stomalimne*» были заменены Аристархом: «между берегов Симоиса и пышноструистого Ксанфа», ибо такова была топография Трояды его дней. Некоторые отрывки были признаны негодными просто за их «дурной тон». Многие слова опускались, потому что были теперь непонятны.

Существовала ли микенская эпическая поэзия?

На чьих поэтических традициях сформировался Гомер? Существовал ли в микенские времена устный эпос, унаследованный гомеровским эпосом? Звучала ли песнь о Трое в микенских цитаделях, прежде чем рухнул их мир? Таблички с линейным письмом Б, конечно, являются антитезой поэзии в бюрократическом исполнении. Но в то время, несомненно, были певцы или сказители, потому что на одной из пилосских фресок изображен музыкант

или бард, играющий на лире, а обломки лиры были найдены в купольной гробнице в Мениди. Вполне вероятно, что существовала подлинная эпическая поэзия, прославлявшая деяния микенских правителей, и она дошла к нам не только через Гомера. Так сейчас считают многие ученые, ведь темы, подобные темам «Илиады» и других греческих мифов, встречаются в поэзии многих, современных бронзовому веку, народов. Например, в Угарите, большом торговом городе Северной Сирии, существовал эпос *Krt*, повествующий о похищении царской жены и осаде города.

Но как оценить составляющую творчества Гомера, связанную с бронзовым веком? Во-первых, у него есть описания реальных микенских объектов. Гомеровские «башнеподобные» щиты в полный рост, которые обычно ассоциируются с Аяксом и изображены на фресках Феры, к XIII в. до н.э. уже устарели. На фресках XIII в. до н.э. из Микен, Тиринфа и Кносса можно увидеть щиты в форме восьмерки. «Среброгвоздные мечи» известны по находкам XVI и XV вв. Так же и поножи, о которых пишет Гомер, упоминая «ахеян красивопоножных», находили в могилах только бронзового века, но не последующего железного. Шлем с клыками вепря, может быть, самую знаменитую часть вооружения (он подробно описан в «Илиаде»), находили на большом числе изображений, а весь целиком он был отыскан в Кноссе. Гомер даже отмечает, что клыки торчали попеременными рядами. Кубок Нестора, украшенный голубицами («Илиада») и с двумя ручками¹, напоминает кубок, най-

денный Шлиманом в шахтовой гробнице IV в Микенах. Инкрустацию по металлу, описанную в сцене изготовления щита Ахилла, находим на кинжалах из шахтовых гробниц (на которых изображены и «башенные» щиты). Добавим почти повсеместное упоминание Гомером, что бронза — металл для мечей и инструментов, и вы получите впечатляющую подборку фактов, заставляющую предположить, что здесь сохранены описания давно минувшего (хотя наши знания о наступавших «темных веках» слишком скудны, чтобы с уверенностью утверждать, что какие-то из этих артефактов не использовались после крушения Микенской державы). Единственным надежным способом показать, что гомеровские предания уходят корнями в героическую поэзию микенской эпохи, была бы демонстрация специфических микенских поэтических выражений, использованных Гомером. К сожалению, это трудно сделать. Язык Гомера представляет собой смесь многих диалектов, относящихся к разным периодам, преимущественно ионических (отражая происхождение из региона Смирны самого Гомера и его последователей, хийосских гомеридов?). Но он также содержит большое число слов из более древнего аркадо-кипрского диалекта, на котором говорили в отдельных областях Аркадии и Кипра, и восходящего к микенской эпохе. К сожалению, во всех сочинениях Гомера только одно выражение выглядит несомненно микенским, а именно: *phasganon arguroelon*, «среброгвоздный меч», с вариантом: *ksiphos arguroelon*. *Phasganon* и *ksiphos* («меч») — это микенские слова, как и *arguros* («серебро») и, возможно, *alos* («гвоздь»). Такие мечи не так давно

¹ В русском переводе Гнедича рукояток четыре. — Прим. *перев.*

были найдены, они датируются периодом между микенской эпохой и приблизительно 700 г. до н.э., из чего можно предположить, что эпитет относится к мечам бронзового века. Но столь скудный урожай заставляет полагать, что прямые вербальные наследования, дошедшие к ионийским певцам, большая редкость.

Есть моменты, в которых Гомер полностью расходится с тем, что мы знаем о бронзовом веке. Очевидно, что он понятия не имел о сложном бюрократическом мире дворцов с их бухгалтерией и нормированием, с их дотошным учетом всего добра до последней овцы. Этот мир не вошел в его поэмы. Вместо него дан «героический» идеализированный. Интересным отзвуком этого является представление Гомера об использовании колесниц. В бронзовом веке они действительно применялись в бою — по крайней мере, хеттами и египтянами. Таблички с линейным письмом Б и хеттские таблички позволяют предполагать, что и греки применяли их в военных целях. В «Илиаде», однако, колесницы используются только как транспортное средство, за небольшим исключением, когда того требовало положение дел: как в случае приказов Нестора пилосским войскам — поставить колесницы и кавалерию впереди, пехоту сзади. «Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу, пику вперед уставь... Так поступая, и древние стены, и грады громили». («Илиада», IV, 306). Так что, поэтические предания лишь смутно помнили подлинные детали военного искусства «героев», и очевидно, что очень мало микенских поэтических сведений о жизни на войне и во дворцах попало в более поздние эпические предания.

Следовательно, маловероятно предположение, что это эпическое предание сформировалось вокруг уже существовавшего микенского эпического сказания о Трое — *даже если* повесть о Трое была темой для поэтов бронзового века. Созидательная часть догомеровского эпического предания начала работать именно в «темные века», последовавшие за крушением микенской культуры.

Многие современные исследования Гомера подтвердили: именно народные певцы «темных веков» создавали свои ностальгические повести о великих днях микенского прошлого, и мы можем отметить аналогичное развитие эпических традиций у многих культур — кельтской, германской и африканских.

Такие выводы могут огорчить тех, кто хотел бы видеть в поэмах Гомера точное отражение микенского мира. Однако они не отвергают представление о том, что основная история об осаде Трое и даже некоторые действующие лица все же восходят к бронзовому веку. Но как обстоят дела с реальной историей?

Перечень кораблей

Как нам продемонстрировал Шлиман, города микенской Греции, упоминаемые Гомером в качестве основных в истории Троянской войны, действительно были таковыми. Главная и самая могучая цитадель — Микены. Тиринф, Пилос и Орхомен имели почти такой же ранг. Таблички линейного письма Б подтверждают гомеровские названия: Пилос, Кнос, Амнис, Фест, Кидония — это только несколько из самых известных. Судя по египетской надписи XIV в.

до н.э., Микены и тогда носили имя Микены. Во второй Песне «Илиады» есть примечательный список 164 городов, пославших войска в Троию, так называемый перечень кораблей:

*В Аргосе живших мужей,
населявших Тиринф крепостенный,
Град Гермиону, Азину,
морские пристанища оба,
Грады Трезену, Эйон, Эпидавр,
виноградом обильный,
Живших в Масете, в Эгине,
ахейских юношей храбрых,
Сих предводителем был Диомед,
знаменитый воитель...*

«Илиада», II, 559 (пер. Г. Гнедича)

Перечень первоначально создавался независимо от «Илиады». Общепринято считать, что он старше «Илиады», хотя его язык и не отличается от остальной поэмы. На его самостоятельность указывают не только расхождения между ним и собственно «Илиадой», но и его размещение внутри поэмы, поскольку предназначался он для описания сбора греческих войск в начале войны. Бесплодные споры о том, на каком этапе он получил свое место в «Илиаде», велись долгое время. Тем не менее многие критики видят в нем воплощение микенских преданий в более чистой форме, чем в «Илиаде» в целом. Кое-кто даже считает его реальным списком боевого состава греческих войск, разграбивших историческую Троию. Такая теория действительно получила определенное подтверждение в большом числе пилосских табличек. По-

койный Денис Пейдж в одном из исследований смело заключил, что перечень не только большей частью пришел из микенского периода, но и был подлинным боевым приказом, и его связь с заморским походом «должна быть исторически достоверной». Он считал, что перечень был сохранен независимо от поэтического предания, которое достигает своей кульминации в «Илиаде», и был встроено на поздней стадии, поскольку сильно отличается от «Илиады» по сути дела. Наконец, Пейдж полагал, что список людей и городов «не слишком изменился», хотя числа могли быть придуманы позднее. К этому потрясающему и столь привлекательному заключению, что мы обладаем аутентичным списком состава греческой армии, двинувшейся на Троию, следует относиться с осторожностью. Даже если он пришел из бронзового века, то разве «должен быть» боевым приказом?

Почему древние сообщества создавали такие списки? Что представляет собой перечень?

Что же в списке?

Хотя мы вполне может скептически отнестись к тому, что перечень восходит к *письменным* перечням на табличках с линейным письмом Б, тем не менее перечни такого типа снова и снова обнаруживаются на табличках: списки имен, продуктов, военного снаряжения и воинских частей (ученые заявляли даже о находке аутентичного микенского «перечня кораблей» на пилосских табличках). Линейное письмо Б не было достаточно гибким инструментом для передачи греческого язы-

ка. Это была стилизованная и чисто силлабическая система письма, употребляемая в основном в административных записях, но не в сложной историко-литературной композиции. Те же принципы можно видеть в развитии месопотамской клинописи: три четверти всех дошедших до нас надписей (около 150 тыс.), по сути, — списки. Даже угаритские таблички (XIV—XIII вв. до н.э.), хотя и содержат литературные тексты, в основном (две трети из 500) тоже списки — людей, географических названий. И египетские тексты — учебники для писцов, где вся структура космоса расчленена на огромные списки для заучивания, включают список 96 городов Египта, выражения для описания людей, имена чужеземных жителей и названия мест. Школьники времен XVIII династии также были обязаны перечислять имена и типичную продукцию стран, использовать «как можно больше иностранных слов и имен». Такие списки, если бы содержали описательные эпитеты, могли бы стать аналогами гомеровских перечней, подробно папирусу XIII в. до н.э., где мы читаем: «Ты был в земле хеттов? Ты знаешь, как выглядит Хедем? Ты шагал по дороге к Мегеру, окруженной кипарисами... Библос, Бейрут, Сидон... Незен у реки, Тир с портом, где рыбы больше, чем песка». Египетские послы XIV в. до н.э. с фонетической точностью записывали названия сирийских, ближневосточных и эгейских городов, включая Амнис, Кносс и Микены. (Такая практика, кстати, не завершилась в бронзовом веке: герой Дороти Сайерс лорд Питер Уимси мог «выдать с изрядной точностью страницу, или около того, гомеровского перечня кораблей», когда хотел продеklamировать что-нибудь

торжественное и впечатляющее, а согласно «Таймс» от 12 ноября 1964 г., один пожилой чиновник повторял его вслух по памяти в качестве лекарства от бессонницы!)

Подобные списки рассматривались антропологами как характерная черта общества в период перехода от неграмотности к грамотности (гомеровская эпоха) либо когда грамотность является лишь ограниченным и несовершенным средством общения весьма малого числа людей (как в случае позднемикенской бюрократии). Египетские и другие аналогии позволяют предположить, что списки, подобные перечню, скорее всего предназначались для изучения, как «интересные листы», чем для того, чтобы, начав свою жизнь на глиняных табличках, перейти в устное предание (если такое мыслимо вообще).

Факты таковы, что мы слишком мало знаем о природе и распространении грамотности в Микенском государстве — и, соответственно, ничего не знаем о поэтических произведениях, которые декламировали микенские певцы в царских покоях, — чтобы выдвигать предположения о том, как и почему первоначально появился на свет перечень. Кроме того, нужно быть осторожными с тенденциозностью по части общества, сочиняющего предания: просто потому, что принадлежность к одной эпохе не обязательно означает «одинаковость». Держа это в уме, давайте взглянем, что рассказывает нам перечень.

Многие моменты позволяют предположить, что в нашем перечне отражена жизнь микенской Греции. Самое важное — в нем упомянуты несколько городов, их местоположение; можно определенно гово-

речь об их населенности в микенскую эпоху, даже если они были необитаемыми в VIII в. до н.э., когда, как считается, перечень принял свою нынешнюю форму. Примеры: Эвтрез из Беотии был покинут около 1200 г. до н.э. и не заселялся в течение последующих 600 лет, Криса, чудное место над ушельем ниже Дельф, Пилос и Дорион (Мальфи в Сулимской долине) в Мессении, Гирия (Драмеси) в Беотии. Именно в Гирии была обнаружена стела с изображением корабля, которую Блеген посчитал монументом в честь заморского похода, подобного троянскому. Все это позволяет предположить, что перечень относится, по крайней мере, к микенским преданиям XII в. до н.э. Существенно: нет ни одного из перечисленных в перечне поселений, которое не было бы обитаемым в микенские времена. Из восьмидесяти или девяноста мест, установленных до настоящего времени, три четверти демонстрируют признаки микенского присутствия. Более того, во *всех* городах, где велись раскопки, выявлено микенское присутствие, и примерно в трети из них не удалось обнаружить свидетельств последующего заселения в железном веке. Можно сказать, что эти факты *доказывают* микенское происхождение, по крайней мере, части перечня (хотя, конечно, это вовсе не означает, что он имел отношение к Троянской войне). Единственным аргументом «против» явилось бы то, что какие-то города из перечня в ту пору не существовали, а это, как мы видели, не так. Рассмотрим поподробнее один пример.

«Бурная Эниспа»

Трудно найти эти места сегодня, и вам не стало бы легче, если бы и нашли, потому что там никто не живет.

Страбон, «География»

Я выбрал его, чтобы проиллюстрировать важную вещь: сами греки в классические времена не могли определить местонахождение многих поселений из перечня. Гомер мог знать о Микенах и Тиринфе по развалинам и народным сказаниям. И мог ли он знать о других многочисленных поселениях, которые в исторические времена искали и там и сям, пока с досадой не сдавались: «не можем нигде найти», «не существует», «исчез»? Откуда Гомер вообще знал о них? А их названия? А то, что в Мессе много голубей, а в Эниспе сильные ветра? Как он получил сведения о поселениях, которые, как мы видели, были покинуты в конце микенской эпохи и никогда не заселялись вновь?

По общему мнению «перечневедов», самой безнадёжной для современной идентификации была троица ничем не прославившихся городков в Аркадии: «Рипа, Стратия и бурная Эниспа». Даже Лазенби и Хоуп Симпсон, старослужащие отряда бойцов за Гомера, без боя признали поражение, не зная, куда им рулить в их легендарном помятом «Моррисе» — в западную или центральную Аркадию!

Однако греческий археолог К.Т. Сириопулос, следуя неопубликованным приметам, обнаруженным в 1939 г. при прокладке дороги, обнаружил доисторическое поселение в северо-западной Аркадии вблизи Димитры в Гортинии. В поселении шла интен-

сивная жизнь со времен неолита до XII в. до н.э., когда оно опустело навеки. Расположено поселение на скалистом холме на южном склоне горы Афродизион (туда можно добраться с шоссе Триполис—Олимпия), и возвышается над одним из перекатов у реки Ладон, чья лесистая долина с отвесными стенами — одно из красивейших и самых нетронутых мест Пелопоннеса. В западной части поселения остатки крепостных стен, возможно, XIII в. до н.э. Керамика — «провинциальная», какую здесь и можно было ожидать. Павсаний пишет: «Кое-кто считает, что Эниспа, Стратия и Рипа были когда-то обитаемыми островами на Ладоне... всякий, кто в это верит, должен сознавать, что это — глупость: на Ладоне никогда не было островов размером больше лодки паромщика!» Но если слово, означающее «остров» (*nesos*), перевести (а это возможно) как участок земли между рекой и ее притоком, то Димитру действительно можно назвать «островом на Ладоне». Если принять такое объяснение, то соседняя Стратия тоже может быть «островом на Ладоне», местом, названным «Стратос» историком II в. до н.э. Полибием и, возможно, находившимся (по его свидетельству) в местечке Ставри в трех часах ходьбы от Димитры вдоль Ладона на юго-запад. Что касается «бурной» Эниспы, то ее название едва ли могло быть более подходящим: там, где расположена Димитра, дуют сильные ветры, насквозь пронизывающие долину Ладона. Нынешний зерновой ток, стоящий на доисторическом поселении и использующий постоянно дующий ветер, чтобы веять зерно, подтверждает это.

Если информаторы Павсания правы, то третье утерянное поселение, Рипа, должно располагаться

у слияния Ладона с одним из его притоков. В самом деле, вниз по течению, в полутора часах ходьбы от Стратии, на еще одном «острове на Ладоне», есть местечко под названием Агиос Георгиос, где, как утверждают, имеются захоронения позднемикенского периода.

Получается, что гомеровский перечень правдоподобно описывает три основных поселения в гористой местности на северо-западе Аркадии, и они занимают в нем места точно в соответствии с последовательностью и направлением перечисления всех городов Аркадии.

Обобщенным итогом открытий современной археологии является то, что, при всех странностях перечня, с учетом более поздних добавлений, его первоисточником был подлинный список бронзового века. Гомер рассказывает, что были голубиные стаи в Мессе и Фисбе, ветер в Эниспе, берег в Геллосе (и лошади и ветер в Трое, в ту же копилку), потому что так и было. Как еще- мог оказаться в списке Эвтрес, опустошенный приблизительно с 1200 г. до н.э.?

Однако когда мы обращаемся к политическому устройству государств, описываемых Гомером, то наталкиваемся на серьезные трудности при попытке совместить перечень с тем, что знаем о Греции XIII в. до н.э. Реально можно опираться только на информацию из дворцовых архивов. Таблички с линейным письмом Б при сравнении с гомеровским перечнем дают подробные сведения о двух микенских государствах — Кноссе и Пилосе. С Кноссом, как мы видели, возникают проблемы. Если принять пересмотренную датировку табличек, то архивы относятся ориентировочно к 1200 г.

до н.э., то есть примерно к тому же времени, к какому должен относиться перечень. Однако из семи упоминаемых Гомером критских городов в табличках названы только три (Кносс, Ликтос и Фест), хотя таблички и сходятся с Гомером в том, что царство Идоменея ограничивалось центральной областью, а многие места, названные в табличках, еще ждут объяснения (еще один город из перечня, Милат, дал важный археологический материал позднего бронзового века). С Пилосом еще больше трудностей, потому что, хотя и Гомер, и таблички называют в Мессении девять городов (совпадение, интересное само по себе), лишь Пилос и Кипариссия присутствуют в обоих списках. Но остающиеся семь названий главных пилосских городов на табличках нельзя согласовать с Гомером, и главный авторитет по линейному письму Б сейчас считает, что Гомер «почти бесполезен» при попытках реконструкции географии микенской Греции. Впрочем, похоже, что Гомер говорит в своем перечне о реальных местах, и, хотя расхождения с табличками смущают, стоит задаться вопросом: а не отражает ли политическое деление в перечне (в некоторых случаях довольно причудливое) реальную ситуацию, которая существовала когда-то, *но в другое время*? Например, не могло ли гомеровское описание пилосского царства отражать положение *после* крушения Пилоса? Могли даже существовать отдельные дорийские второстепенные династии, которые объявляли себя наследниками Нестора, подобно тому, как это делали кельты на закате римского владычества в Британии. В любом случае, беглецы из Пилоса, эмигрировавшие в Афины, сохра-

няли память о «песчаном Пилосе». И в других местах в XII в. до н.э. еще оставались опознаваемые признаки микенской культуры так же, как в Микенах, Тиринфе и Афинах. В Лаконии также еще сохранилось некое подобие микенской жизни: гомеровский список городов Лаконии действительно очень хорошо совпадает с археологическими данными.

Перечень полон странных политических делений. Он игнорирует «Илиаду», наделяя главных героев, Ахилла и Одиссея, незначительными царствами. Он отправляет Аякса в крохотный Саламин, делит равнину Аргоса между Агамемноном (то есть Микенами), правящим только севером равнины и областью Истма, и Диомедом из Тиринфа, контролирующим южную часть, Аргос и Асину. Вопреки логике, большинство специалистов считали, что такие деления столь неправдоподобны, что должны отражать реальную ситуацию, которая когда-то сложилась в Греции. Но попытки подладить их под XIII в. до н.э. натолкнулись на трудности. Тем не менее наличие самих городов — сильный аргумент в пользу того, что, так как в своей основе перечень пришел из бронзового века, допустимо, что какие-то из упоминаемых в нем политических делений могли тогда существовать. Разгадка может заключаться в том, что очищенный от позднейших вставок перечень на самом деле восходит к XII—XI вв. до н.э., периоду, последовавшему после заката микенской цивилизации, хотя некоторые ее очаги кое-где еще сохранялись. Для Микен и Тиринфа перечень необъясним как документ XIII в. до н.э. (ЛН III В), когда Микены были центром Арголиды с сетью

расходящихся оттуда дорог, но он правдоподобен, если соотнести его с ситуацией после 1200 г. до н.э., когда росло могущество и население Тиринфа. Факты, известные об Орхомене, предполагают то же самое. Сюда же относится объяснение внимания, уделяемого в перечне беотийцам — доминирующим, но не играющим особой роли в сказании: действительно, во времена Фукидида существовало предание, что они вернулись в Беотию лишь через 60 лет *после* Троянской войны. Выходит, перечень содержит признаки упадка микенской культуры и его происхождение должно датироваться (концом?) XII в. до н.э. То, что он ссылается на города, уничтоженные около 1200 г. до н.э., не является аргументом против такого утверждения: устные традиции микенского мира были, предположительно, достаточно сильны на протяжении последующих трех-четырех поколений, чтобы сохранились их названия и даже отличительные эпитеты. Мы можем подозревать, что перечень был составлен в годы упадка позднемикенской культуры в назидание мелким династиям, правившим в измельчавших Микенах. То, что он имел какое-то отношение к Троянской войне, недоказуемо. Даже если он родился в микенском мире, это не гарантирует, что перечень не является просто списком «интересных мест», связанных с войной, составленным при «создании традиций» того сорта, какие часто возникают вслед ушедшему золотому веку: аудитории из несостоявшихся героев — самые жадные до таких выдумок. Если это так, то перечень, рисующий Грецию, объединившуюся в последнем, великом, заморском походе, — лишь воспоминание о «добрых

старых временах», когда Ахейя была великой и имела сильных и славных правителей — «вождей народа» и «царей многих островов», знавших, что нужно делать.

Действительно ли певцы, воспевавшие имена и деяния героев, принимавших участие в Троянской войне, знали о ее реальных лидерах и армиях или выдумали великий список городов микенской Греции? Выдумывали ли они героев со стандартными именами? Аякса, чей «башенный» щит выдает в нем героя более раннего эпоса? Или Ахилла с матерью — морской царицей и магическими атрибутами? Кроме того, если это действительно микенская эпическая поэма, то сказание о Трое не будет первым песенным описанием осады. Мы видим осаду, изображенную на «осадном ритоне» (вазе) XVI в. до н.э., найденном Шлиманом. Штурм города был запечатлен и на стенной росписи мегарона в Микенах. История похода на Фивы уже была предметом сказаний и песен и могла стать основой поэмы о Троянской войне. И возникает вопрос: а есть ли в сказании о Трое что-либо, позволяющее предположить, что в дошедшей до нас поэме точно воспроизведены детали и эпизоды событий бронзового века?

История Гомера

Я исхожу из того, что некоторые центральные факты в истории Гомера верны, если мы принимаем *правдоподобие* сказания о Трое хотя бы в основных моментах. И если мы не можем доказать, что город под названием Троя был разграблен греками, то, по

крайней мере, можем показать, что в прочих существенных деталях гомеровское предание говорит правду. К примеру, хеттские и египетские находки подсказывают, что Гомер не ошибался в именах людей: ахейцев и данайцев, в случае греков, и дарданцев, в случае троянцев.

Но называлась ли Троя действительно Троей?

Как мы уже видели, на Гиссарлыке не было найдено ничего, что указывало бы на название этого места в бронзовом веке. Если там и существовал дипломатический архив на табличках, то он был давно уничтожен. В надписях на линейном письме **В** есть слово *Toroja* — троянская женщина, но твердой уверенности в этом нет. В одном хеттском документе приблизительно 1420 г. до н.э. появляется западно-анатолийское государство Вилуса (или Вилусия) вместе с поселением под названием Таруиса, которое (такое дразнящее!) лишь единственный раз упоминается в хеттских архивах. Если бы мы могли дать этому названию альтернативную форму — Таруйя, то получили бы сходные формы гомеровским Трое и Вилиосу. Однако современный уровень изученности хеттской географии не позволяет заходить далеко в развитии этой привлекательной гипотезы. Во всяком случае, можно сказать, что с ростом наших знаний о географии позднего бронзового века не появилось доказательств, что Гомер ошибался, а некоторые данные поддерживают его историю. Отправимся на Гиссарлык в надежде получить ответ на вопрос: стал ли Гиссарлык-Троя центром этой истории только в позднем бронзовом веке или он всегда был главной точкой греческого эпоса о Трое?

«Священный Илион»: Гомер о топографии Трои

Как давно Троя фигурирует в этой истории? Другим словами, всегда ли это была история о городе, стоявшем вблизи Дарданелл, в регионе, с тех пор называемом Троядой? Необходимо задать этот вопрос, потому что часто заявлялось, что певцы вводили троянский пейзаж в более старые сюжеты, например, в поэму о разграблении микенцами Фив или о нападении ахейцев на Египет, как это описано в «Одиссее». До известной степени не имеет значения, какую дату мы приписываем поэме, было ли сказание сочинено в Ионии в 730 г. до н.э. или записано со слов хиосских певцов около 550 г. до н.э. Какую бы дату мы ни выбрали, нас интересует период существования колонии эолийских греков, основанной на Гиссарлыке в VIII в. до н.э. Мы видели в сказании о локридских девушках свидетельства того, что это место еще до 70 г. до н.э. было связано с преданием о походе греков на Трою. Даже если предположить, как делают многие, что певец, названный Гомером, действительно посетил эолийскую колонию в Илионе вскоре после ее основания (примерно 750 г. до н.э.), нужно будет объяснить, почему неприметный маленький Илион оказался в центре греческого национального эпоса. Те, кто категорически отрицает историчность Троянской войны, не находят ответа на этот вопрос. Чего мы не знаем точно, так это были ли еще видимы на Гиссарлыке около 730 г. до н.э. остатки строений бронзового века (Трои VI—VII). Но если эпическое предание, которое восходит к концу бронзового века, повествует о штурме реаль-

ной цитадели того времени, почему бы следам этого события не сохранились в описании Гомера?

Как мы видели, первые путешественники, посетившие Троаду, были убеждены, что поэт рассказывал то, что видел сам. Действительно, с вершины Гиссарлыка виден остров Самотраки. «Так указывал Гомер, и так оно и есть», — сказал Александр Кинглейк. Никто не оспаривал общую географию края — острова, Дарданеллы, гора Ида и так далее, но прочие аспекты гомеровской топографии вызвали (и вызывают до сих пор) полемику. Например, двойной источник горячей и холодной воды под западной стеной — возможно, самый точный из топографических ориентиров, упоминаемых Гомером, — разве не был найден и ошибочно не привел такого проникательного исследователя, как Лешевалье, к источнику «Сорок глаз» в Бунарбаши. Шлиман действительно нашел в 200 ярдах от западной стены на Гиссарлыке следы источника, который давным-давно был закупорен землетрясением, хотя вполне возможно, что поэт соединил источник из Бунарбаши с гиссарлыкским для поэтического эффекта. Конечно, дело не в «точности» Гомера как топографа, а в могучем воздействии его поэзии! При виде любых доказательств слишком сильны ожидания того, что все эти эпитеты и подробности совпадут с тем, что есть на земле, но возможно ли, что, как следы бронзового века сохранились в каких-то местах поэмы, так и что-то сохранилось в самой Трое?!

Общие эпитеты, которые Гомер применяет при описании Трои, конечно, не выглядят неуместными — «крепкостенная, высокотвердынная, конями богатая» и так далее. Но ни один из них не явля-

ется лингвистически древним. Слова о разведении коней, например, привлекли внимание археологов, ведь их находки множества лошадиных костей позволяли предположить, что коневодство было в бронзовом веке (как и позднее) характерным занятием населения троянской равнины. Но сама фраза не датируется микенским периодом, хотя воспоминания, по-видимому, давнишние. Хорошо выстроенные стены, прочные башни и широкие улицы, так впечатлившие Дёрпфельда в Трое VI, конечно, можно отнести к Гиссарлыку позднего бронзового века в большей степени, чем к какой-либо другой крепости в Эгейском мире, но Гомер использует эти эпитеты и для других городов. А вот «ветристая» — это интересно. Слово используется для характеристики только еще одного места — Эниспы¹, и оно, несомненно, применимо к Гиссарлыку, как знает любой, кто стоял на холме под напором северного ветра. Но этот эпитет еще не означает, что мы прикоснулись к бронзовому веку. Описание Илиона как «священного» заслуживает внимания и поднимает особую лингвистическую проблему: использованное слово пришло из Эолии, северо-запада Эгейского региона, и вполне может принадлежать древнему лингвистическому слою сказания, хотя, возможно, и не микенской эпохе. Тем не менее находки культовых идолов у ворот Трои VI на Гиссарлыке позволяют предположить, что город мог остаться в памяти потомков как священный.

Жаль, что Гомер не был более точен в описании положения цитадели относительно моря, поскольку

¹ В русском переводе использован эпитет «бурная». — *Прим. перев.*

ку последние открытия показали, что в бронзовом веке Гиссарлык был действительно опоясанным морями мысом. Во времена Трои II пандус, найденный Шлиманом, вел к узкой полосе равнины и к морю, к широкому заливу, врезавшемуся между двух мысов. К временам Трои VI море находилось, вероятно, в миле от холма, и Троя была главным портом в устье Дарданелл, который, подобно Милету и Эфесу, в конце концов заилился. Это определяющее открытие меняет содержание всей истории Трои-Гиссарлыка в направлении, ранее непостижимом (хотя существование залива и предполагалось древними авторами и ранними современными исследователями, такими как Вуд). Топографические указания Гомера несколько расплывчаты, хотя две подробности очевидны — бурлящий Скамандр, сбегаящий к «широкому заливу моря», и корабли, поворачивающие из Геллеспонта, чтобы войти «в Илион». Мы не можем утверждать, что топография Гомера больше похожа на ту, что была в позднем бронзовом веке, чем на топографию его времени, хотя некоторые геоморфологи после изучения новых данных считают, что такое вполне возможно.

Поэтический язык, используемый в описаниях Трои и Илиона, не ограничивается, конечно, фразами с эпитетами вроде «высокостенной Трои». Он содержит некоторые архаические элементы, которые нельзя точно датировать, такие как странный предлог *<proti>* и дигамма (буква W, отсутствующая в более позднем греческом языке) в *Wilios*, первоначальной форме слова *Ilios* [Илион]. По общему впечатлению лингвистов, сказание постепенно сокращалось, а его фразеология совершенствовалась,

чтобы достичь чрезвычайной эффективности при использовании очень маленького словаря — важное доказательство того, что поэма о Трое многократно пересказывалась, прежде чем принять форму нынешней «Илиады». Но что лингвисты не могут сказать, так это сколько поколений певцов перелагало поэму — десять, двадцать?

Обобщим: устная поэзия существовала и в микенскую эпоху, порой ее отголоски слышны в «Илиаде», однако значительная часть гомеровского словаря относится к более позднему времени. Но, конечно, фрагменты гипотетической микенской саги могут существовать в гомеровском эпосе совершенно независимо от словаря и стиля. Самый впечатляющий пример — знаменитый шлем из клыков вепря. Несмотря на то что это явно микенская вещь, в манере его описания у Гомера нет ничего древнего. Это напоминает нам, что архаический стиль мог исчезнуть из текста, передаваемого подобным образом, даже при сохранении точности в описаниях. В завершение просмотрим еще раз три фрагмента гомеровского описания Трои, которые могут восходить к бронзовому веку и о которых певцы времен Гомера, возможно, не знали. Ни в одном из них не содержится каких-либо лингвистических особенностей, которые *наверняка* являются старинными. Во всех имеются детали, которые могли быть извлечены из описаний подлинной осады Гиссарлыка бронзового века.

1. Откосные стены Трои: «Три раза Патрокл влезал на угол высокой стены»¹ («Илиада», XVI, 702).

¹ Трижды Менетиев сын взбегал на высокие стены — в переводе Н. Гнедича. — *Прим. перев.*

Дается ли в этом описании характерная особенность архитектуры Трои? Блеген отмечал в отчете, что в стене имелись секции, где блоки пригнаны не плотно, и его рабочие легко забирались на стену подобным образом. (Только верхние ряды каменной кладки стен Трои VI были видны в VIII в. до н.э., «столь поврежденные ветрами и дождями, что едва ли могли быть опознаны как некогда прекрасное строение», — писал Дёрпфельд.)

2. «К башне пошла илионской великой...» («Илиада», VI, 386). Эта башня стояла сбоку от главных ворот Трои. Из подтекста заключаем, что она могла быть местом примирения — Андромаха идет сюда, а не к храму Афины. Южные ворота Трои VI, если они вообще имелись, были, несомненно, главными воротами города позднего бронзового века, «Скейскими воротами». Сейчас мы знаем, что равнина тогда была заливом, и кажется разумным, чтобы главные ворота смотрели в сторону суши. Археологических свидетельств наличия главных ворот со стороны залива нет. Сбоку южных ворот Трои стояла огромная башня из тщательно соединенных известняковых блоков. Она была выстроена вокруг главного алтаря, снаружи располагались шесть пьедесталов (для культовых идолов?) и место для жертвоприношений. Представляется, что фраза «К башне пошла илионской великой...» хранит память о Трое VI.

3. Возможно, самое точное воспоминание — это часть стены «у смоковницы: там наипаче город

приступен врагам и восход на твердыню удобен» («Илиада», VI, 343). Предание о «слабой» стене (очевидно, на западе) получило археологическое подтверждение. Дёрпфельд нашел, что все стены были обновлены, за исключением короткого участка старой постройки на западной стороне.

Представляется справедливым заключить, что сказание о Трое старше «Илиады», по крайней мере на срок, понадобившийся ионийским певцам для создания широкого и сложного, но утонченного и экономичного набора эпитетов и формулировок, характеризующих Илион, Трою и троянцев. Есть все основания считать, как это сделал Мартин Нильсон в своем классическом исследовании «Гомер и Микены» (1933), что поход на Трою является основополагающим событием мифа и должен восходить к бронзовому веку. Но существовали и негомеровские, материковые, версии возникновения саги, наводившие на мысль, что сказание следует датировать заключительной частью эпохи миграции. С этой точки зрения сюжет отодвигается ко временам до заселения эолийскими греками Трояды и повторного основания греческого Илиона, самой ранней датой чего может быть примерно 750 г. до н.э. Лишь странная история с локридскими девушками предполагает существование какой-либо связи греков с Троядой или хотя бы интерес к ней в «темные века». Нет ни исторических, ни археологических зацепок, объясняющих возможность создания сказания о Трое в период между концом бронзового века и VIII в. до н.э. Это один из аргументов, которые, по-моему, опровергают попытку ряда ученых отрицать связь между сказа-

нием и гиссарлыкскими поселениями. Зброшен-
ные, заросшие руины в малонаселенном районе
северо-западной Анатолии, не имеющем видимых
связей с Грецией, конечно же, не могли быть выб-
раны в качестве места действия греческого нацио-
нального эпоса, если только не были в прошлом
центром военных событий, достаточно памятных,
чтобы прославлять их в песнях. Простейшее
объяснение, отчего сказание о Трое заняло цент-
ральное место в появившемся позднее эпическом
предании, заключается в том, что этот поход был
последним перед распадом микенского мира.

Глава пятая

ЦАРСТВО АГАМЕМНОНА

*.. .восстал Агамемнон,
С царственным скиптром в руках, олимпийца Гефеста созданием:
Скиптр сей Гефест даровал молносному Зевсу Крониду;
Зевс передал возвестителю Гермесу, аргобийце;
Гермес вручил укротителю коней Пелопсу герою;
Конник Пелопс передал властелину народов Атрею;
Сей, умирая, стадами богатому предал Фиесту,
И Фиест, наконец, Агамемнону в роды оставил,
С властью над тьмой островов и над Аргосом, царством пространым.*

Гомер, «Илиада», II, 1001-08
(перевод Н. Гнедича)

В гомеровской версии сказания о Трое, несмотря на все анахронизмы, четко и последовательно присутствует важный для всей истории факт — Агамемнон из Микен был самым могущественным царем в Греции, и независимые правители материковой Греции, Крита и некоторых островов при определенных обстоятельствах подчинялись ему. По Гомеру, материковая Греция и острова являлись единым миром, и нормально для местных властителей было

признавать лидерство «высокого царя», по крайней мере, во время войны. Если принять достоверность рассказа Гомера, то такая ситуация оказывается принципиально важной. Подобное лидерство наблюдалось во многие исторические эпохи. Взять хотя бы «темные века» в Европе, ближневосточные царства бронзового века. Поэтому гомеровская картина Греции, сама по себе, отнюдь не невозможная или невероятная. Но верная ли? Мыслимо ли, что коалиция ахейских греков, возглавляемая микенским предводителем, нападает на северо-западную Малую Азию и подвергает разграблению город?

В предыдущих четырех главах я пытался проследить предпосылки и необходимые предположения для поисков Трои и доказательств Троянской войны. Теперь настало время начать складывать из отдельных кусочков объяснение.

Во-первых, я хочу поделиться общим наблюдением в связи с усилиями первопроходцев в этой области — Шлимана, Цунгаса, Эванса, Уэйса, Бленгена и остальных.

Археология *смогла* показать, что эпохой процветания для материковой Греции — «дворцовым», или «имперским», периодом — были XIV и начало XIII в. до н.э., когда микенская экспансия в Эгейском мире достигла апогея. Другими словами, это период, предшествующий времени (по древним преданиям) «по-имперски» организованного Троянского похода. Также и первые здания с циклопическими стенами появились в Микенах, Тиринфе и Гле не ранее XIV века до н.э., а стены, ворота, гигантские купольные гробницы в Микенах и Орхомене датируются серединой XIII в. до н.э. Время и шкала достижений верные.

Микены, без сомнения, были величайшей дворцовой крепостью в Греции. Тиринф, возможно, был у него в подчинении, хотя находки табличек с линейным письмом Б позволяют предположить некую степень независимости. Пилос, Иолк, Фивы и Орхомен были «региональными» столицами с богато украшенными дворцами. В Лаконии (Спарте) не было обнаружено таких крупных поселений, но Вафио и Менелайон могли являться важными центрами. Последний занимал большую площадь и был перезаселен в середине XIII в. до н.э. Возможно, и Спарта являлась важным династическим центром, что согласуется с эпосом. Предположительно, можно говорить о занятии старого царского города в Лаконии чужеземцем, парем Менелаем, который, согласно легенде, посредством брака вошел в семью и стал царем спартанцев. В Лаконии найдены упоминаемые Гомером культовые (или дворцовые?) постройки в Амиклах — именно там Парис первый раз встретился с Еленой. Археологические находки показывают, что между всеми этими городами существовали тесные связи. Микены, Пилос и Менелайон неразличимы по керамике. Фрески в Микенах, Тиринфе и Пилосе рассказывают об одной и той же царственно величественной цивилизации, одних и тех же художественных традициях и вкусах. Каменные и лепные орнаменты настолько схожи по виду и исполнению, что многие (включая Артура Эванса) предполагали, что художники и скульпторы просто переезжали из государства в государство (как и утверждает Гомер в «Одиссее»). Огромные купольные гробницы в Орхомене и Микенах, столь близкие по размерам и исполнению, могли быть созданы одним архитектором. Из таб-

личек с линейным письмом Б, теперь обнаруженных и в Фивах, и в Тиринфе, стало ясно, что они придерживались и сходных организационно-бюрократических методов управления. Да, существуют сильные аргументы в пользу гомогенности микенской культуры, и спустя 100 лет после раскопок Шлимана в Тиринфе я могу лишь подчеркнуть, насколько же прав был этот необычайный «любитель» в своем главном предчувствии: это действительно был единый мир с общей культурой и (как мы теперь знаем) общим языком. Кажется вполне справедливым предположить, что правители этого мира ощущали свою принадлежность к единой греческой культуре и называли себя, возможно, тем самым словом, известным нам от Гомера, — *Achaiwoi*, «ахейцы».

Визит в Микены во времена Троянской войны

Микены были построены для войны. Вначале они представляли собой то, что турки называют *dervendji*, — то есть замок, стоящий у соединения двух горных перевалов, чтобы взимать дань со всех проходящих. Крепость разбойников, «свернувшаяся в угрожающем изгибе», как описывал ее Генри Миллер. Они далеки от моря и не имеют хороших пахотных земель. Трудно понять, как город мог благоденствовать и зачем ему такие могучие стены, пока вы не обойдете окрестности и не отметите, что тут пересечение древних дорог, уходящих к северу и югу и связывающих Аргосскую и Коринфскую равнины, меньшую равнину Бербати и Контоторейский перевал. К XVI в. до н.э. здесь были

накоплены огромные богатства. С тех пор процветание и величие города создавалось промышленностью и торговлей.

Возможно субъективно, но я думаю, что Микены XIII в. до н.э. обладали признаками *имперского* города. Это относится и к архитектурному стилю, и к культурным и материальным отношениям с другими центрами микенского мира. Такие идеи, естественно, с неохотой воспринимаются профессиональными археологами, так как выходят за пределы анализа осязаемых фактов, извлеченных из земли, но они сразу же приходят на ум политическому журналисту из-за аналогий с другими культурами, особенно ближневосточными «империями» XIII в. до н.э. Позвольте объяснить, что я имею в виду, изобразив визит в столицу Агамемнона на вершине ее величия и архитектурного расцвета, скажем, около 1250 г. до н.э. Представим нашего визитера как посла одной из других великих империй того времени, хеттской или египетской. Полезно напомнить, что микенская Греция поддерживала контакты с крупными государствами Ближнего Востока и находилась под их культурным влиянием. Недавно были обнаружены архивы египетского посольства в Греции, включая Микены, относящиеся приблизительно к 1380 г. до н.э. Мы можем даже указать отличительные особенности людей, прибывавших для такого общения на высоком уровне. Взглянем на Микены глазами человека XIII в. до н.э., а также и своими собственными. Полагаю, мы увидим архитектуру и внешние признаки имперского города, такого же, как хеттская Хаттуса, Аахен «темных веков» или Винчестер. Или даже город, отдаленно напоминающий Лондон конца XIX в.

Используя термин «империя», не будем понимать под ним унитарную природу управления и связей, присущую Британской или Римской империям. Аналогии проводятся с такими «империями», как хеттская: тут контроль над метрополией, окруженной союзными государствами, связанными с правителем договором или клятвой.

По определению, император правил другими царями. Дошедшие до нас хеттские договоры демонстрируют разнообразные обязательства подчиненных: определение и гарантированность границ государства, обещания взаимопомощи при наступательных и оборонительных войнах, условия выдачи беглецов. Такого рода обязательства существовали во всех ранних индоевропейских монархиях, можно найти близкие аналогии в англосаксонских, кельтских и континентальных германских королевствах в европейские «темные века». Затем «империи» быстро развивались или шли к упадку в зависимости от могущества и способностей конкретного правителя. Часто, при вступлении монарха на престол, «империю» приходилось с помощью энергичных мер заново понуждать к выполнению требований. Выигрышем для небольших государств были стабильность, защита от внешних врагов и поддержка их собственной династии в борьбе с конкурентами. Эти мысли подкрепляют правдоподобность интерпретации некоторых имеющихся у нас сведений о Греции. Если так, то обязательство *вести войну*, которое, как утверждает Гомер, Агамемнон получил от других царей, имеет силу. Вот в таком, очень вольном, смысле я использую термин «империя».

Мы подходим к Микенам с моря через Тиринф, вверх по мощеной Микенской дороге, уходящей на

север к ущелью Хавос. Это одна из пяти, по крайней мере, обнаруженных дорог, идущих от Микен. Все они оснащены хорошими мостами и дренажем. На главной дороге от Просимны, например, было пять мостов, и впечатляющие остатки одного из них можно увидеть справа от современной дороги: хотя пролет отсутствует, сохранилась массивная южная оконечность моста с тщательно уложенными рядами каменной кладки. Этот мост переброшен через зимний поток, низвергающийся от цитадели. Мост имел посередине ширину более 14 футов, так что на нем могли разъехаться колесницы. Как он выглядел после постройки, можно увидеть на примере сохранившегося моста в Касарме, к востоку от Тиринфа. Дорожная система четко указывает на централизацию власти в Микенах. Почти наверняка она связывала город с бывшими независимыми городами-государствами Аргосской равнины — Аргосом, Тиринфом, Мидеей и Просимной. Территории, принадлежавшие городам, обозначались на границах сторожевыми вышками.

С моста через Хавос видна цитадель с дворцом. На вершине одной из двух гор стоит сторожевая вышка, она же — маяк. Возможно, новость о нашем прибытии по морю уже сообщена отсюда в цитадель. Тогда, где-то в середине XIII в. до н.э., слева от маяка путник видел первую из гигантских гробниц династии Атридов — так называемую «сокровищницу Атрея». Внутри предвратного двора с низкими стенами, в конце длинного коридора нас встречает фасад высотой более 30 футов, обрамляющий громадные деревянные двери, отделанные бронзой. Фасад украшен полуколоннами из зеленого мрамора с тонкой зигзагообразной резьбой. Полуколонны мень-

шого размера обрамляли изящные линейчатые узоры из красного и зеленого мрамора. Если бы мы были настолько знатны, что нам позволили осмотреть этот впечатляющий памятник внутри, ты мы бы увидели, что нижние ряды кладки облицованы бронзовыми пластинами, последнюю из них снял лорд Абердин в 1803 г. Самая поздняя из гробниц — так называемая «гробница Клитемнестры» (около 1250 г. до н.э.) — отделана синим и белым мрамором, на ней, возможно, находился рельеф с быком, найденный лордом Элджином: изображение быка являлось государственной эмблемой, и можно вполне допустить, что это могила самого Агамемнона. Если бы эти чудесные памятники дошли до нас в лучшем состоянии (полуколонны находились на фасаде «Атрея» еще в 1801 г.), наше представление о «типологии» микенского царства было бы совершенно иным. Здесь находились, бесспорно, самые величественные памятники доисторической Европы.

Подойдем к самой цитадели. Дорога подводит нас к циклопическому бастиону, стоящему на скальном основании. Его стены и сейчас имеют весьма внушительную высоту. Главные ворота помещаются в конце узкого прохода с еще одним бастионом и увенчаны рельефом с мускулистыми львами, сделанным из твердого черноватого известняка и имеющим 10 футов в высоту и чуть больше в ширину. Теперь у львов отсутствуют головы, вытесанные, видимо, из более мягкого материала. Они смотрели на входящего приветливо и пытливо, мерцая глазами из драгоценных камней или металла. В целом рельеф символизирует надежно защищенную львами власть дома Атрея и династии Агамемнона. Альтарь, на который опирается колонна, означает бо-

жественное благословение права сего дома на власть. В те времена скульптура на Львиных воротах представляла собой герб: львы, как и быки, — древнейшие символы царской власти на Ближнем Востоке.

Когда деревянные ворота открывались, был виден поднимающийся пандус (ступеньки внизу сделаны в наши дни). Справа размещался огромный круг из стоящих вертикально плоских камней. Здесь располагались родовые могилы. В XIII в. до н.э., после постройки стены и опорной террасы, круг, находившийся первоначально за стенами цитадели, оказался внутри нее. Тогда же надгробья были подновлены, поставлены могильные камни с надписями, в результате чего место стало объектом культа (возникает интересная аналогия с «археологическими» работами по реставрации царских могил в Египте в середине XIII в. до н.э.). Принадлежали ли цари, найденные Шлиманом в шахтовых гробницах, к той же династии, что и Атриды, мы не знаем. Возможно, здесь лежали тела тех, кого легенда называла персеидами, потомками основателя города Персея. Кем бы они ни были, позднее цари из рода Атридов пожелали воспользоваться их гробницами, возможно, чтобы продемонстрировать свою связь с древними династиями. вполне вероятно, что здесь совершались жертвоприношения.

Поднимаясь по пандусу, мы вспоминаем, что ниже, в упавших с верхней части холма обломках, Шлиман нашел фрагменты красных порфирных фриз, из чего можно сделать предположение, что находившиеся слева от нас дворцовые строения украшали прекрасные каменные рельефы с резьбой в виде спиралей, розеток и пальметт. Пандус ведет к царским апартаментам, из которых открывается

чудесный вид на равнину Аргоса. И хотя они не сравнимы по размерам и величию с египетскими или вавилонскими дворцами, все же они весьма отличаются от хеттского в «великой крепости» в Хаттусе: большой наружный зал оштукатурен, гипсовый пол, портик с колоннами и росписью. В тронном зале «щитовые» фрески и изображения войн и сцен осады. Здесь микенский царь примет послов, которые порадуются песням музыкантов с лирами и певцов, воспевающих великие деяния царя и его предков.

Конечно, наблюдательный визитер мог немало выяснить о микенских контактах. Он мог обнаружить захваченных во время пиратских рейдов азиатских рабынь, работающих в текстильных мастерских в нижнем городе. В домах (купцов?) он увидел бы пряности — «имбирную траву» из Сирии, тмин из Египта, кунжут из Месопотамии, семена сыти с Кипра. Он мог увидеть крашенные материи и приправы из Ханаана. Как в Пилосе или Кноссе, он встретил бы здесь уроженцев Египта, Кипра и Анатолии. Цари, как я подозреваю, не слишком отличаются друг от друга в своем отношении к царскому величию, будь они хеттские или англо-саксонские. Трудно не воспринять увиденные архитектурные достижения как «имперские», требовавшие огромных затрат на «украшательства», на царские гробницы с официальным убранством, на все эти рельефы, колонны и ворота с геральдическими символами, сложнейшие укрепления, мосты и дорожные системы. Это не заштатное королевство, не монархия в маленьком городе-государстве. Богатство этой державы объяснимо только как прямое следствие ее власти над ближайшими соседями. Интересное свидетельство тому дает красный и

зеленый мрамор, использованный в «сокровищнице Атрея». Сейчас известно, что красный мрамор, *rosso antico*, добывался в каменоломнях в Киприаноне на юге полуострова Мани на Пелопоннесе. Зеленый мрамор, похоже, добывали там же, в пяти каменоломнях, примерно в 3 милях от моря, где существовал небольшой микенский порт выше современной деревни Спира. Каменоломни эксплуатировались с XV в. до н.э. вплоть до эпохи Возрождения. Убранство «сокровищницы Атрея» показывает, что микенский царь был способен перевезти тонны камня с Мани в Арголиду — это 125 миль по морю и затем 10 миль по суше, вверх по равнине.

Источник белого мрамора, использованного в «сокровищнице Атрея», не был установлен. В Лаконии нет каменоломен, дающих такой мрамор хорошего качества, но вполне вероятно, что он был доставлен из Пентеликских каменоломен, расположенных в 12 милях к северо-востоку от Афин и, похоже, служивших источником белого мрамора для «сокровищницы Миния»; серый мрамор для нее завозили из Левадии.

В Лаконии мы находим еще один пример могущества Микен и их технического уровня. Здесь, в холмах над долиною Эвроты, возле Крокей, расположены заросшие каменоломни, являющиеся единственным источником необычного крапчатого порфира, цвет которого меняется от темно-зеленого с желтыми крапинами до красноватого. Этот камень, известный как «спартанский», в позднем бронзовом веке шел на изготовление предметов роскоши. Его активно применяли и в римские времена, когда на него существовала имперская монополия, а на месте добычи жил *dispensator* (распорядитель).

Весьма вероятно, что аналогичный порядок существовал и в микенскую эпоху. Как отмечал Павсаний, в классические времена этот камень использовался, в частности, для украшения религиозных сооружений, он высоко ценился в эпоху Возрождения: посетитель Ватикана, например, мог обратить внимание, что площадь Святого Петра вокруг обелиска замощена зеленым «спартанским камнем» и *rosso antico* из Спиры.

Все находки этого камня в микенских поселениях на материке — а это в основном сами Микены — датируются XIV—XIII вв. до н.э. В Кноссе Эванс нашел груды необработанных «спартанских» камней, готовых к использованию. Окружающая обстановка привела его к мысли, что этот участок перестраивался в последний период существования дворца, но в таком случае он должен относиться к XIII в. до н.э., то есть периоду после завоевания греками Крита. Это примечательное свидетельство того, что на вершине микенского могущества греческая династия в Кноссе была способна получать камень, добытый в Лаконии, и транспортировать его на Крит для обработки в царских мастерских. Вывозился камень через порт Агиос Стефанос, где обнаружено множество фрагментов наряду с другими признаками промышленной деятельности. Ныне заросший, залившийся и покинутый, порт еще использовался второразрядными франкскими купцами в XIII в. н.э.: воспоминания — или географическая необходимость — утопают в глубинах истории Средиземноморья.

В табличках с линейным письмом Б нет упоминаний о горных разработках, поэтому нам остается только строить гипотезы на этот счет. Но выглядит правдоподобным, что так же, как хеттские цари мог-

ли контролировать торговлю и владеть монополией на сделки с иностранными купцами, микенские и хеттские правители могли обладать монополией на ввоз меди, так они могли контролировать и добычу драгоценных камней, а управляющий микенскими каменоломнями мог жить возле Спиры. Находки камня с Мани в Микенах и Кноссе, а также небольших изделий в других местах, говорят о способности греческих государств к самоорганизации, об их богатстве, их связях, их стабильности в период расцвета, и, возможно, являются показателем единства их непрочного мира. Может показаться экстравагантным, но почему бы не сравнить данный пример, скажем, с использованием римскими строителями дорогого камня для постройки и украшения храма в Колчестере — красного и зеленого мрамора из тех же каменоломен в Спире, алебастра и черного мрамора из Малой Азии и Северной Африки. Еще раз: это был не крохотный замкнутый мирок.

Доисторическая гонка вооружений?

Какими были связи Микен с другими дворцами? Историков ставит в тупик наличие нескольких мощных крепостей в одном и том же районе — на равнине Аргоса. Подчинялись ли Микены, Тиринф, Аргос и Мидея одному царю или независимым правителям? Почему такие мощные укрепления были построены так близко друг к другу? Трудно поверить, что они были полностью независимы. Следует помнить, что времена были беспокойные, с постоянной угрозой нападения извне, и для защиты населения и сельскохозяйственных земель требо-

вался целый ряд крепостей. Микены, расположенные далеко от моря, едва ли могли обеспечить такую защиту. Правители Арголиты могли иметь царские резиденции в каждом городе, где, возможно, жили члены царской семьи, братья и сыновья царя, как, скажем, это происходит сегодня в Саудовской Аравии. Возможно, что, как и сейчас, разные города выполняли различные функции: Тиринф был портом, Аргос — главным рынком на равнине, Навплия — шикарным приморским городом и так далее. Как равнина, так и ее сложная дренажная система, выявленная благодаря недавней находке дамбы возле Тиринфа, нуждались в надежной защите.

Представляется, что материковая Греция была разделена на «города-государства» — более крупные, чем позднее, в античную эпоху, которые могли доминировать над своими меньшими соседями и признавать лидерство наиболее могущественного правителя во время войны. Большинство их военных технологий было направлено на защиту друг от друга. В известной греческой легенде рассказывается, что Фивы и Орхомен были смертельными врагами, и мы знаем, что Орхомен защищал себя и свои сложнейшие ирригационные сооружения на озере Копайда цепью фортов и сторожевых башен, с главной крепостью в Гле. Фивы тоже имели укрепленные города, включая Эвтрес, чьи стены были едва ли менее протяженными, чем в Гле. Не был ли микенский мир к 1300 г. до н.э. разбит на взаимно враждующие группы? По укреплениям в Арголитиде и Копайде видно, что военное и фортификационное искусство находилось на довольно высоком уровне, вызывающем в памяти войны городов-государств на Ближнем Востоке, с материальным

обеспечением и технологическим умением, позволявшем воздвигать сложные укрепления за очень короткое время. В обществе такого типа было, по видимому, достаточно легко согнать население на подобные работы в периоды между севом и жатвой, хотя как знать, насколько покладистой была эта рабочая сила и не сыграла ли эта массивная гонка вооружений, с ее бросающимися в глаза расходами, свою роль в последующем крахе?

Но если период расцвета микенской цивилизации и характеризовался частыми междоусобными войнами, он тем не менее был временем общих культурных и политических идей. Размышляя об экспорте строительного камня из Лаконии в Микены и Кноссы, об экспорте стремянных кувшинов с Крита в материковые дворцы Фив, Микен, Тиринфа и Элевсина, об идентичных конструкциях и размерах «сокровищниц» в Микенах и Орхомене, одинаковой бюрократии, вплоть до ошибок в «формах», в Пилосе и Кноссе, мы имеем полное право предположить, что правители того времени культивировали одни и те же идеи, нанимали одних и тех же художников, архитекторов и артистов. Вполне возможно, что такие «города-государства» на какое-то время признавали превосходство «первого среди равных». Такие «цари Ахиявы» не обязательно были из одного и того же государства, но предание утверждает, что три поколения Атридов в Микенах обладали подобной властью над Южной Грецией, и это представляется вероятным. Они не могли, конечно, в буквальном смысле «править» Грецией, но мы можем вообразить верховного царя в Арголитиде, возглавляющего большую часть Пелопоннеса во время войны и связанного с другими монархами союзнически-

ми или брачными обязательствами. Вспомним, что, по легенде, царем Спарты был брат Агамемнона, а цари Пилоса состояли в родстве с царской семьей Иолка. Помощи такого царя могли искать и династии, находящиеся за пределами его непосредственного влияния, если они вступали в конфликт с могущественным противником, как, скажем, было в случае Орхомена и Фив. Легенда гласит: Фивы разграбили Орхомен и разрушили его дамбы, а войска из «Аргоса» затем сожгли Фивы.

В этом случае нельзя считать невозможным, что царь Микен провозгласил себя «царем ахейян». Правда, наши познания о межгосударственных отношениях в Греции носят умозрительный характер. Но имеется масса свидетельств об отношениях между вассалами и господами, царями и «царями царей» в Анатолии и на Ближнем Востоке во II тысячелетии до н.э., в частности в хеттских договорах XIV—XIII вв. до н.э. Эти отношения часто именовались «братскими», или «сыновними», и определялись юридическими обязательствами, налагаемыми на вассала. Если вы были «господином» вашего «брата»-царя или «отцом» «сына», то он принимал юридическое обязательство. «Братство», похоже, имело несколько отличный подтекст: в этом случае — в поразительном совпадении с Гомером — вы могли являться членом конфедерации, которая принимала главенство Великого царя в иностранных и военных делах, но вы не находились в полном подчинении у него, в отличие от «сыновей». Это могло послужить моделью для «империи» Агамемнона. В Хеттской империи делалось различие между «ассоциированными» государствами, когда обязательства могли быть частично взаимными — не взима-

лась дань, но требовались подчинение Великому царю во внешней политике и поддержка во время войны, и государствами — чистыми вассалами, платившими дань и сражавшимися в рядах армии Великого царя. Получается, что «сыновья» были обычно подчиненными правителями, «братья» — часто равными. Эти примеры позволяют представить отношения между Микенами и, скажем, Пилосом или Орхоменом. Но если это было во времена «Великого царя» «ахейской земли», то Верховный, по определению, был царем, правившим другими царями.

Героическое царствование?

Каким было это царствование? На что походило правление Агамемнона? Ввиду малого количества надежных фактов в табличках с линейным письмом Б историки были вынуждены обратиться к Гомеру; греческое царствование позднего бронзового века получило название «героического». Что под этим подразумевается?

За последнее столетие ученые провели большую работу по «героическим» царствованиям в «темные века» в Западной Европе (кельтским и германским). Сохранились обильные материалы в виде летописей, законов, проповедей, определяющих роль короля в обществах, которые в некоторых отношениях походят на изображенные Гомером. Аналогии между англо-саксонской поэмой «Беовульф» и гомеровской эпической поэзией вдохновили Г.М. Чедвика на одну из самых первых попыток собрать воедино старинные европейские предания о «героических» царствованиях в своей классической книге

«Heroic Age [Героическая эпоха]» (1911), оказавшей сильное влияние на ученых-гомеровистов в англоговорящем мире. Чедвик был убежден, что идеалы и образ жизни, отображенные в древнегерманском эпосе, имеют много общего с Гомером, да и более поздние норвежские, кельтские и англо-саксонские предания весьма похожи. В некотором смысле это верно: главные социальные и материальные характеристики, да и политические тоже, неизбежно должны совпадать в сходных милитаристских аристократических обществах, где монарх окружал себя воинами, привлеченными его щедростью и военными успехами, где воинственные идеалы королевского клана и его свиты находили свое выражение во внешних атрибутах: оружии, амуниции, хороших лошадях. Такие аналогии мы находим в устных эпосах многих культур, будь то «Беовульф», «Илиада» или древнеиндийский эпос. Историки и антропологи рассматривают эти «героические» черты как литературный вымысел, ностальгическую характеристику периодов упадка. В то же время археология часто делала «героический» век соблазнительно похожим на правду. Находка корабельного погребения в Саттон-Ху через 30 лет после выхода в свет книги Чедвика имела такое же влияние на англо-саксонские исследования истории, как раскопки Шлимана в Микенах на науку о Гомере. Еще раз мир эпической поэзии отразился в реальных артефактах (шлем с гребнем, описанный в «Беовульфе» и найденный в Саттон-Ху, немедленно вызывает в сознании гомеровские параллели).

С предосторожностями мы применяем слово «героический» к обществу с аристократическими милитаристскими идеалами, миру «разорителей городов».

Подъем Микен

Вкратце описать подъем могущества Микен можно так. Считается, что грекоговорящие народы пришли в страну, которая теперь называется Грецией, вскоре после 1900 г. до н.э., хотя некоторые ученые полагают, что они там находились со времен неолита (кое-кто также думает, что они пришли намного позже, но это выглядит маловероятным). Это было время начала великой эры критских дворцов, цивилизации, скопированной с египетско-сирийской модели. В Анатолии под сильным влиянием месопотамско-древнеассирийской культуры развивалась хурритская цивилизация (предшествовавшая хеттской). К 1800 г. до н.э. там уже были основаны ассирийские торговые колонии. В Греции, между 1700 и 1600 гг. до н.э., внезапно расцвела микенская цивилизация, что связано, похоже, с сильным влиянием Крита. Этот расцвет иллюстрируется шахтовыми гробницами, обнаруженными Шлиманом в Микенах и датирующимися XVI в. до н.э. До того материковая цивилизация, по-видимому, не была «дворцовой», хотя «Дом черепицы» в Лерне (III тысячелетие до н.э.) выглядит как ранняя форма материкового мегарона. Допустимо предположить, что крупные материковые царства, подобные Микенам, выростали в XVII—XVI вв. до н.э. из небольших владений, опирающихся на земельные хозяйства, посредством завоевания и ассимиляции мелких местных династий, хотя до сих пор точно не известно, каким образом Микены так разбогатели и когда захватили города Бербасти и Просимна, которые, похоже, являлись центрами независимых территорий. Проблемы представля-

ют и связи Микен с другими крупными дворцовыми городами Арголиты — Аргосом, Тиринфом, Мидеей. По древним преданиям, Микены основаны династией Персеидов, а Атриды (Пелопс, Атрей, Агамемнон) были чужаками, родом из Лидии, где, как мы знаем, присутствие греков наблюдалось с XV в. до н.э. Наши нынешние знания не позволяют нам больше ничего сказать о предполагаемом чужеземном происхождении некоторых греческих династий позднего бронзового века. Если исходить из верности предания, то шахтовые гробницы, найденные Шлиманом, могли принадлежать Персеидам, а, следовательно, огромные богатства гробниц тоже были богатствами этого клана. Атриды придут позднее (вначале поставленные Персеидами править в Мидее). Их могущество придется на конец XIV и XIII вв. до н.э., что хорошо совпадает с приписываемой им легендами принадлежностью огромных купольных гробниц в Микенах (так называемые «сокровищницы» Атрея и Клитемнестры могут быть на самом деле гробницами Атрея и его сына Агамемнона). Опять же, по легендам, восхождение Микен к господству на материке произошло именно при Атридах. Если так, то предшествующие расширения границ владычества Микен на Аргосской равнине на такие города, как Немея, Лерна и даже Тиринф, могли также найти отражение в легендах. Вспомним, Геракл совершал подвиги для Эврисфея, последнего микенского царя из династии Персеидов; после того как сын Геракла убил Эврисфея, народ Микен избрал правителем его двоюродного брата Атрея, поскольку он лучше всех был способен защитить их от враждебных соседей. Сравнив археологические данные с легендой, специалисты

не определили на этом этапе микенского присутствия за пределами Арголиты, общий уровень цивилизации (архитектура, например) был не выше, чем в первые века II тысячелетия до н.э. Другими словами, мы можем наблюдать некоторый подъем материковых государств, особенно Микен, но не можем объяснить их трансформацию в XIV—XIII вв. до н.э. в «императорские» Микены. К тому времени их могущество, влияние и культура явно распространились далеко за пределы Арголиты.

Прямые свидетельства об этом государстве можно найти только в археологических данных. Шахтовые гробницы, архитектура, позднее таблички с линейным письмом B много рассказывают о культуре высших слоев общества. Цари, подобные Агамемнону, тратили огромную часть своих доходов и богатств на царские захоронения и царский культ. Они растрачивали колоссальные средства, силы и умение людей на оружие и военное снаряжение. Достаточно взглянуть на картины охоты и сражений на инкрустированных кинжалах, фресках и монументах, чтобы увидеть типичное времяпрепровождение правящего класса, независимо от того, называется он «героическим» или нет. То была царская сторожевая элита, которую отделяла глубокая пропасть от простого народа. Как и во многих других подобных монархиях, о которых у нас есть подробные сведения, — кельтской, германской и индийской, царю, без сомнения, было необходимо щедро поощрять своих вооруженных сторонников: дарами, пищей и, возможно, землями (хотя таблички не дают уверенных сведений относительно землевладения). «Агамемнон» должен был кормить свой двор и чиновников, оснащать и вознаграждать армию, вкладывая

огромные средства в ее обучение (лошади и колесницы требовали самых больших затрат). Чтобы сохранять армию лояльной, друзей счастливыми, а врагов держать в подчинении, он должен был захватывать земли, рабов, женщин, сокровища и трофеи. Все это требовало регулярных войн, набегов и пиратских экспедиций. Начиная с Фукидида, все комментаторы истории видели ей именно такой. Шлиман пришел к аналогичным выводам в 1876 г.:

Естественно, возникает вопрос, как город получал свое золото в тот далекий период, когда коммерция вообще не существовала. Представляется, что его нельзя было получить каким-либо иным способом, кроме пиратских экспедиций к Азиатскому побережью.

Что касается военного искусства, то можно предположить, что оно было ремеслом всех правителей бронзового века. Регулярные летние созывы войска были в порядке вещей. Летописи конца XIV в. до н.э. времен правления царя Мурсили II упоминают о десяти кампаниях за 26 лет против пограничного племени каска, не считая главных на юге, в Сирии, и на западе, в Ассуде и Арцаве, где в одной-единственной кампании было захвачено 66 000 пленников. Две ассирийские кампании против хеттов вблизи Евфрата дали 28 000 и 14 000 пленников, оставшихся после разграбления множества городов и деревень. Но насколько большими были «национальные» армии времен Троянской войны? Самая большая (по документам) армия того времени — хеттское войско у Кадета (1275—1274 г. до н.э.) насчитывала 2500 колесниц и 37 000 пехотинцев, но это было исклю-

чением, и в ее состав входили дружины шестнадцати союзных государств, а также «феодальные» сборщики налогов хеттского царя и купцы. Армии в Эгейском мире были куда малочисленнее. Можно лишь приблизительно оценить численность населения микенских государств, но в Пилосе она едва ли была меньше 50 000 человек, а в государствах Арголиты (судя по производству продуктов питания на обрабатываемых землях) жило максимум 180 000 человек — в Микенах, 70 000 — в Мидее, 90 000 — в Тиринфе и 60 000 — в Аргосе. Теория, что в доиндустриальном обществе может быть мобилизовано для войны примерно 10% населения, является довольно натянутой, поэтому предположим, что армия в несколько сотен тяжеловооруженных бойцов уже была большой. В одном комплекте табличек из Пилоса упоминаются 400 гребцов и, по крайней мере, 700 бойцов как силы обороны, и вряд ли царь мог призвать больше 2000 хорошо вооруженных и обученных солдат для наступательной операции. Греческий мародер в Ликии около 1420 г. до н.э. представлял собой угрозу для хеттской армии с ее сотней колесниц и примерно тысячей солдат. Богатый город, такой как Угарит, мог укомплектовать командами 150 кораблей (с наемниками) для оборонительных операций — это примерно 7000 бойцов. Примерно такой могла быть численность микенской армии в походе на Трою, если он произошел. Но и всего семь кораблей могли быть смертельной угрозой для Угарита, если собственный флот отсутствовал. Таковы масштабы войн бронзового века. Они сравнимы, скажем, с войнами эпохи викингов в Европе, когда при мобильной королевской армии вероятной численностью, самое большее, в несколько тысяч

человек, гарнизоны 30 укрепленных пунктов в Уэс-сексе насчитывали в общей сложности 2667 человек. Выходит, в XIII в. до н.э. несколько сотен тяжелооруженных «меднобронных» воинов со слугами, лошадьми, повозками, колесницами, запасами, группой поддержки и составляли армию для похода на вражеское государство. Только главные царства Пелопоннеса могли выставить такую армию. Однако цитадель на Гиссарлыке — если это была Троя — едва ли могла сама собрать больше нескольких сотен бойцов. Могло ли случиться, что Микенская «империя» атаковала такой маленький город — и зачем? Существуют ли какое-то свидетельство того, что микенские государства вели военные операции в западной Анатолии?

«Женщины Азии» и «разорители городов»

В табличках с линейным письмом Б масса примечательных фактов, на которые ранее не обращали внимания при поисках следов Троянской войны. В Пилосе, в частности, есть записи о женщинах, выполняющих «черную» работу. Они мололи зерно, обрабатывали лен и пряли. Размеры рациона их питания позволяют предположить, что это сотни работниц. Многие выделены этническими прилагательными, вероятно, указывающими на места, из которых они прибыли, и хотя некоторые из определений пока не понятны, все же ясно, что там были женщины из восточной части Эгейского мира — из Книда, Милета, с Лемноса, из Зефира (то есть Галикарнаса), Хиоса и *Aswija*. Последнее название встречается и в Пилосе, и в Кноссе, и в Микенах и,

похоже, обозначает район, первоначально известный как Азия, то есть Лидия (Ассува по-хеттски). В Пилосе встречается даже загадочное *To-ro-ja* («женщина из Трои?»), «служанки бога». В пилоских табличках названы 700 женщин с детьми — 400 девочками и 300 мальчиками, и еще 300 мужчин и мальчиков, которые «им принадлежали». Некоторые этнические группы весьма немалого размера: «двадцать одна женщина из Книда с двенадцатью девочками и десятью мальчиками». В описаниях часто встречается слово *lawiaiai*, «пленники», и то же самое слово использует Гомер, описывая женщин, захваченных Ахиллом в Лирнессоне во время набега на земли к югу от Трои. Также примечательно, что Гомер называет несколько мест на востоке Эгейского региона в качестве родных для женщин, захваченных в ходе греческих рейдов, включая острова Лесбос, Скирос и Тенедос.

Все это свидетельствует о хищнической природе микенской экспансии на восток Эгейского региона. Женщин либо захватывали во время пиратских рейдов, либо покупали у работорговцев в таких перевалочных пунктах, как Милет. Тот факт, что они обычно упоминаются вместе со своими детьми, но не с мужчинами, указывает на пиратскую практику: мужчин убивают, а женщин уводят. «Илиада» и таблички дополняют друг друга, и следует предположить, что Гомер пользуется подлинными сведениями о бронзовом веке. Женщин называли «пленницами» лишь короткое время, пока не приписывали к определенному месту, хотя, похоже, продолжали держать группами, исходя из их этнической или семейной принадлежности (в отличие, скажем, от Американской Конфедерации, где

семьи рабов насильственно разлучались). Это было выгодно рабовладельцам — может быть, заставляло пленника лучше работать. Существуют точные и совпадающие по времени аналогии в угаритских табличках, где упоминаются «сыновья рабынь из Кт» (то есть Кития на Кипре?). Тогда, даже без одинокого *To-ro-ja*, мы получаем очевиднейшие возможные обстоятельства для троянских событий.

Не было необходимости в большом флоте, чтобы разграбить город, а его жителей увести в рабство: согласно легенде о Геракле, шесть кораблей захватили Трою Лаомедонта. Вооруженные банды появляются во многих местах в ближневосточных текстах XIII в. до н.э. Как часто, когда мы читаем об армиях грабителей, обнаруживаем небольшие банды искателей приключений, пытающихся завладеть новым пристанищем где-нибудь в Восточном Средиземноморье или на Эгейском побережье. Прозвищем, которого они домогались, было, если верить Гомеру, «разорители городов»¹. В гомеровских поэмах, и даже у Эсхила, для вождя оно означало притязания на славу. Агамемнон, Ахилл, Нестор («в моей юности я был таким») и даже сама Афина носят у Гомера звание «разоритель городов».

Мы не должны чересчур усердствовать в поисках «современных» аналогий. В «Илиаде» «разоритель городов» разрушает не для того, чтобы усилить свое политическое влияние, совладать с инфляцией, открыть торговые пути в Черное море или к месторождениям олова в Европе. Он разрушает не для того, чтобы присвоить уловы скумбрии и тун-

¹ В русских переводах «Илиады» Ахилл характеризуется как «градоборец» — правда, в иной эмоциональной окраске. — *Прим. перев.*

ца. Он грабит города, чтобы захватить трофеи, сокровища, лошадей, скот, золото, серебро, дорогие доспехи и оружие, и женщин. Не следует забывать, что, по легенде, похищение женщины явилось поводом для Троянской войны! Снова и снова Гомер говорит о битве за «город и его женщин». Когда Ахилл рассказывает Одиссею про двадцать три города, которые он разграбил, то упоминает только «сокровища и женщин» в качестве добычи. Это то, чем он гордится, что сохранит за ним славу и после его смерти. И чем прекрасней женщины, тем выше ценится подвиг. В этом они удивительно близки к великим африканским «верховным королям» народа занде, описанным в антропологической работе Э.Э. Эванса-Притчарда. Победоносный правитель забирает красивейших женщин себе, а остальных, вместе с детьми, отдает свите. («К этим *akanga vura*, «рабыням войны», относились почти как к женам...» — не кроется ли тут ключ к реальной «Елене?»).

Таковы были цели царей-«героев». Если экономическая необходимость может лишь отчасти объяснить подобные нападения — пополнением числа рабов для «государственной промышленности», то не вызывает сомнений, что чем большая добыча была захвачена, чем больше взято золота и серебра, чем прекрасней кони и красивей женщины, тем большие почести воздавались завоевателю. Именно это обеспечивало победоносному царю массу приверженцев и гарантировало их лояльность. А чем многочисленней становилась шайка, тем более серьезные военные предприятия можно было осуществлять. Возможно, Троянская война и была таким предприятием. В свете сказанного, азиатские женщины, трудившиеся на льняных полях вокруг Пилоса, полу-

чавшие свой месячный рацион и растившие детей как рабов, и есть самая красноречивая характеристика мира Агамемнона и «разорителей городов». Такими были реалии «героического века».

До недавнего времени еще было можно встретить современное воплощение тех женщин. Деревня Кукунара (Ро-усо?) находится возле одного из древних дворцовых региональных центров. В табличках упоминаются женщины, вымачивающие лен в этих краях, и здесь, до 1950-х гг., ту же тяжелую работу выполняли местные жительницы. Искусственные волокна погубили древнюю традицию, но река, где «женщины из Азии» гнули спины в 1200 г. до н.э., по-прежнему называется Линария — «река льна».

Микенцы в Малой Азии

Недавно открылись важные свидетельства микенского присутствия на побережье Малой Азии не просто в качестве пиратов, а в роли поселенцев. Мы уже говорили о рабах из этих краев в микенских материковых дворцах. Археологические находки интереснейшим образом подтверждают это. На турецком побережье, или непосредственно рядом с ним, определены уже 25 мест, где была найдена микенская керамика, что, конечно, прямо не доказывает присутствия греков, хотя гробницы в Колофоне и Питане позволяют его предположить. Но микенцы, несомненно, присутствовали в юго-западной части Анатолии, к югу от реки Меандр. Судя по археологическим находкам, здесь был большой анклав, главные центры которого располагались в Милете, Иасосе и возле Мюсгеби, где обнаружено богатое

кладбище. Все эти города сосредоточены ближе к западному побережью, к островам Родосу, Косу, Самосу и Хиосу, уже колонизованным микенцами. Есть свидетельства микенских контактов на суше, между Иасосом и равниной Миласы, а также использования двух главных речных маршрутов внутрь Анатолии — по верхнему Меандру и по нижнему Герму — для перевозки микенских товаров. В этом есть смысл: местность вокруг нижнего Герма поставляла микенцам рабов. Маршрут по верхнему Меандру вел к Бейчесултану, где несколько микенских предметов обнаружено во дворце позднего бронзового века. Это мог быть один из центров союзников хеттов, Миры, государства, важного для связей с Египтом.

Значение этих находок не следует переоценивать, но их число явно будет расти. Помимо керамики, найденной ранее в Масат-Уюке, в 1983 г. она была обнаружена во внутренних областях Хеттского царства, а затем были открыты поселения бронзового века в Кари и Ликии, чье существование еще недавно отрицалось. Факты присутствия греческого анклава имеют важное значение: Милет, Иасос и Мюсгеби-Галикарнас могли контролировать значительные области на суше, и, по мнению многих ученых, именно об этом говорят хеттские таблички.

Милет: греческая «колония» бронзового века в Малой Азии?

Имеет смысл взглянуть на Милет более пристально, так как интереснейшие находки, обнаруженные там в начале прошлого века, были в основном уничтожены до публикации результатов исследований.

Кроме того, нет и общего отчета о последних открытиях на «микенской» стене.

Из всех поселений на побережье Малой Азии Милет производит наиболее сильное впечатление на современного посетителя. Когда-то называвший себя «первоосновой Ионии», «столицей Азии» и «матерью бесчисленных городов во многих частях света», Милет сейчас расположен в 4 милях от моря, оказавшись на возвышенности и без воды из-за ила, нанесенного рекой Меандр. Можно пройти пешком по занесенному песком и заросшему чахлым кустарником входу в его гавань. Необъятные руины античного города простираются вдоль того, что было когда-то мысом длиной примерно в милю и шириной от 1200 ярдов в самом широком месте до 200 ярдов у северной оконечности. Мыс имел три главных выступа, образуя естественные гавани, смотрящие в сторону Эгейского моря. В самой южной и мелкой, напротив большого театра, немецкие археологи после Второй мировой войны раскопали замечательные остатки времен бронзового века. Похоже, что Милет первоначально был критским поселением, захваченным микенцами в XV в. до н.э. Впоследствии оно было уничтожено сильным пожаром около 1320 г. до н.э. и вновь отстроено и окружено системой укреплений. Длина стены превышала 1100 ярдов, площадь, огороженная стеной, составляла 50 000 кв. ярдов (сравните, к примеру, с 38 500 кв. ярдами в Микенах, 22 000 — в Тиринфе и 20 000 — в Трое VI). Это был уже достаточно большой город. Стена имела одну замечательную особенность — квадратные бастионы шли через каждые 15 ярдов, что не имеет аналогов в хеттской, позднемикенской и кипрской архитекту-

ре, и вполне возможно, что Милет был связующим звеном между анатолийской и эгейской культурами. О внутренней планировке города мы знаем мало, но там были печи для обжига и сушки глиняной посуды, дома, а на невысоком холме что-то вроде жилого комплекса, сконцентрированного вокруг площади — возможно, «дворец». Эти раскопки прерваны, хотя была надежда найти таблички. Керамика, связанная с этими остатками, включает множество микенских изделий, и не было особых сомнений относительно греческого присутствия в городе. Это подтвердилось после открытия в 1907 г. кладбища в миле на юго-запад от города. До сегодняшнего дня сохранилась дюжина высеченных в скале микенских гробниц с характерной круглой камерой и узким входом. К сожалению, их содержимое было уничтожено в Берлине во время Второй мировой войны, но та керамика, которая экспонировалась на выставках, была XIII в. до н.э. Вполне вероятно, что впереди находки других захоронений, относящихся к минойскому поселению.

Оценить общественное положение людей, для которых делали эти гробницы, можно по кладбищу, обнаруженному к югу от Мюсгеби (XIV—XIII вв. до н.э.). Здесь, примерно в 50 камерах, найдено большое число стремянных кувшинов, больших и маленьких ваз, типичных паломнических фляжек, чашек, кувшинов с длинным горлышком — все из материковой Греции. А также веретен, ожерелий, курильниц, браслетов, горшочков для фимиама или мазей и коллекция великолепного качества бронзового оружия — наконечников копий, искривленных лезвий, кинжал с рукояткой и короткий меч. Эти находки, выставленные в Бодрумском музее, создают

ощущение принадлежности зажиточным эмигрантам. К таковым относилась, по крайней мере, часть микенской прослойки в Милете. Среди них, очевидно, были мастера и мастерицы разных ремесел.

Хотя скептическое отношение к тому, чтобы считать Милет микенской «колонией», и справедливо, но все же на всем протяжении поры расцвета микенского могущества на материке этот город был центром греческих контактов с Анатолией. Приблизительно с 1300 г. до н.э. микенцы были заметной составляющей населения Милета. Однако захоронения на богатом кладбище еще не доказывают, что они правили городом. Примерно с этого времени в Милете была могущественная власть, сумевшая возвести мощную стену длиной более тысячи ярдов. Она наладила импорт микенских гончарных изделий и изготовление местных копий, установила связи с другими анатолийскими греческими поселениями, такими как Иасос, осуществляла торговлю с Угаритом в Сирии, а возможно, и с Кипром и Троей. Был найден один предмет, привезенный от хеттов, — паломническая фляжка. Вероятно, что из этих краев происходили рабыни, названные в табличках *Milatiai*, которых мы видели работающими на льняных плантациях на материке. С учетом размеров Милета и богатства его гробниц трудно не прийти к заключению, что это был крупнейший и богатейший центр микенского влияния в Малой Азии, в котором перемешались минойцы, греки, ликийцы и анатолийцы. Правда, на основании одних лишь археологических данных трудно сказать, имел ли он прямые политические сношения с какой-нибудь частью материковой Греции. Но как мы увидим дальше, если судить по хеттским табличкам, то, пожалуй, — имел.

Троя и Микены

Все увеличивается число свидетельств, что греки в XIV—XIII вв. до н.э. участвовали в вооруженных набегах на побережье Малой Азии. Можно говорить, что мы имеем подходящую почву для развития сюжета, описанного в поэмах Гомера и греческом эпосе. Но существовала ли какая-либо связь между Троей и материковой Грецией? Археологические данные вновь дают нам подсказку.

Прежде всего, вспомним гомеровские предания: в героическом веке было *два* разграбления Трои: первое — разграбление города Лаомедонта Гераклом и второе — города Приама войском Агамемнона. В 1930-е гг. раскопки Карла Блегена доказали, что Гиссарлык в позднем бронзовом веке дважды пережил сильные разрушения: город «прекрасных стен», Троя VI, как мы теперь знаем, был разрушен около 1300 г. до н.э., видимо, землетрясением; его преемница, Троя VIIa, город лачуг; разграблен веком позже, это установлено недавно с корректировкой датировки Блегена. Какие признаки связей Трои с Микенами найдены при раскопках? Нужно помнить, что Гиссарлык остается единственным местом на северо-западе Анатолии, где проводились тщательные раскопки, и хотя значение, которое мы придаем находкам, может быть и обманчивым, но большое количество и высокое качество найденной микенской керамики позволило Блегену предположить *прямые* связи между Троей и Микенами.

Ввоз Троей товаров из микенского мира начинается в XVI в. до н.э. (LN II A) и продолжается на протяжении всего XIV и первой половины XIII в. до н.э. (LN III B 1). Он прекращается не позднее

1250 г. до н.э. Известен только один черепок, относящийся к 1250—1200 гг. до н.э. (ЛН III В 2), хотя, конечно, старой посудой продолжали пользоваться. Общее количество находок на ранних раскопках уверенно назвать нельзя, но Блеген оценивал количество керамики, относящейся примерно к 1400—1250 гг. до н.э., как соответствующее 700—800 гончарным изделиям, то есть приблизительно трем четвертям всего импорта микенской керамики в Трою. Следует, однако, помнить, что микенская посуда составляла лишь 1—2% всех гончарных изделий в Трое VI: ничтожно мало, и относилась она в основном к ввозу предметов роскоши (парфюмерных масел?) и экзотическим изделиям, приобретенным, видимо, по прихоти какого-то сноба.

Для такой схемы — активный ввоз керамики примерно с 1400 по 1250 г. до н.э., затем провал, с последующим восстановлением контактов в XII в. до н.э. (ЛН III С) — можно найти аналогии, например, в Милете. Возьмем Милет за основу воссоздания общей картины отношений между Троей и Микенами.

К свидетельствам об импорте керамики мы можем добавить сведения о прочем импорте из микенского мира. Блеген обнаружил, что на последней фазе Троя VI (прибл. 1400—1300 гг. до н.э.) ввозила из Микен ящички из слоновой кости с характерными узорами, возможно, служившие игровыми досками; бусы из сердолика и слоновой кости; украшенные страусиные яйца; булавки из «электрона» или серебра; критские лампы. Другие находки предполагают существование еще более широких контактов: цилиндрические печати, возможно, хеттского происхождения, белая керамика

с поливной глазурью с Кипра (может быть, содержащая опиум), каменные вазы на треножнике, возможно также попавшие в Трою с Кипра. Отметим, что следы кораблекрушения, найденные у мыса Гелидонья, лежали на морском пути с Кипра в Трою, а также в Грецию: кипрскую керамику нашли как среди этих обломков, так и на Крите, Фере, Мелосе, Кеосе, Родосе и Косе, бывших, вероятно, местами остановок кораблей на пути в Трою.

Чем же торговали сами троянцы? Находки множества веретен, отмеченные всеми, кто вел раскопки на Гиссарлыке, позволили предположить, что у них было хорошо развито ткачество. Такое предположение становится еще более правдоподобным, если вспомнить, что соседи Илиона в античные времена, такие как город Скепс, были известны как центры овцеводства. Троянцы также экспортировали собственную керамику — поскольку серую мийскую посуду троянского изготовления находили в Сирии (например, в Угарите), на Кипре и в Палестине. Выдвигалась идея, что источником троянского богатства была рыба, и она становится все более вероятной — теперь мы знаем о существовании большого залива. В более поздние времена сезонные миграции скумбрии и тунца через Дарданеллы собирали здесь рыболовецкие суда со всего Эгейского моря. Это обстоятельство даже выдвигалось в качестве возможной причины Троянской войны: надоевшие микенские рыболовецкие флотилии вызвали нечто вроде «тресковой» войны бронзового века! Археологические исследования Гиссарлыка поддерживают такую теорию — Шлиман обнаружил слои рыбьих костей, среди которых были кости скумбрии и тунца («акульи кости» Шлимана?).

Одна из легендарных составляющих богатства Трои также может быть основана на фактах. Гомер выделяет Трою как имеющую прекрасных лошадей, а ее граждан как коневодов. Археологи обнаружили в Трое VI присутствие множества лошадиных костей, а мы можем также отметить существование в Трое в античные времена коневодства (возле Трои вплоть до Первой мировой войны находился турецкий конный завод). Стада диких лошадей, до сих пор мигрирующие по северо-западной части Лесбоса, могут быть отголоском «конской культуры» Трояды в позднем бронзовом веке. Поэтому кажется вероятным, что коневодство было одним из источников сказочных богатств Трои: любопытно, что разграбление Лаомедонтовой Трои приписывается спору из-за лошадей!

Однако на самый важный вопрос мы так и не можем ответить. Кем были троянцы? Хотя Гиссарлык был заселен приблизительно с 3600 г. до н.э., по общему мнению, Троя VI построена пришельцами, приведшими с собой лошадей. Блеген определяет дату их прибытия приблизительно 1900 г. до н.э., то есть тем же периодом, когда, как считается, грекоговорящие народы пришли в Грецию. На самом деле и Блегена, и других ученых соблазнила (из-за керамики) идея принадлежности греков и троянцев к одному племени. Для Трои характерна серая минийская керамика, весьма напоминающая найденную в Греции и относящуюся к среднему бронзовому веку (так назвал ее Шлиман, впервые отыскавший такую керамику в «минийском» Орхомене). Такая общность привела многих «эгейских» археологов к мысли, что Троя VI и Греция подверглись вторжению захватчиков одного и

того же происхождения (предлагая тем самым захватывающую возможность того, что в XIII в. до н.э. они еще были способны понимать друг друга). Однако это спорные гипотезы. Специалисты отмечают, что такой тип керамики в западной Анатолии распространен намного шире, чем думал Блеген, и, вероятно, появился в III тысячелетии до н.э. Материковая серая минийская керамика, как ясно теперь, уходит корнями в ранний бронзовый век, в период до 2000 г. до н.э., когда, как считает все большее число специалистов, грекоговорящие народы уже жили на территории Греции. Происхождение и язык троянцев остаются загадкой.

Троянская война: взгляд из Микен бронзового века

Мы можем предполагать, что греки и троянцы хорошо знали друг друга и у них были налажены торговые связи. И покажется ли невероятным, что некий греческий царь возжелал богатств Трои? Давайте представим царя Микен середины XIII в. до н.э. Дома — неприятности. Завистливая родня, соперники за право на власть, недовольная дворня. Мастерские в Арголиде работают вполсилы. Огромный оборонный бюджет растет и растет — бронза (как нефть сегодня) не становится дешевле, ее все труднее получать (особенно при растущей угрозе пиратства в Эгейском море). Чтобы сохранить лояльность армии, нужны добыча и рабы, сырье и драгоценные металлы. То есть просто-таки необходима война, и не обязательно один «имперский» поход. Это могло быть множество вооруженных набегов на северо-восточные области Эгейского реги-

она на протяжении многих лет. Троя едва ли была единственной целью, скорее, просто одним из многих поселений, разграбленных ради сокровищ и рабов. Таблички с линейным письмом Б дают общую картину захвата рабов в Малой Азии — более тридцати, упомянутых в этой связи мест, остаются не идентифицированными. И у Гомера сохранилось предание о нападениях на северо-восток Эгейского региона, включая Лесбос, где, что довольно интересно, главный город, Ферми, был разрушен около 1300 г. до н.э. явно во время грабежа.

Получается, что гомеровские сказания хорошо совпадают с тем, что мы узнаем о микенских связях с побережьем Малой Азии. Нападение на Трою было лишь одним из эпизодов в серии агрессивных атак на эти области. Память о нем могла сохраниться в силу того, что это был один из последних удачных походов. Вскоре микенская династия будет расколота междоусобицами.

Наша история правдоподобна, но не более того. Мы не можем заглянуть глубже, пользуясь современными археологическими и литературными данными. Чтобы это сделать, нам необходимы свидетельства тех дней, оригинальные документальные источники. «Как такое возможно? — подумает кто-то. — Документы эгейского позднего бронзового века!» Но, как ни удивительно, похоже, что такие материалы существуют.

Глава шестая

ЗАБЫТАЯ ИМПЕРИЯ: ХЕТТЫ И ГРЕКИ

Уберите мифические элементы из этого сказания, и у вас останется сердцевина в виде повести о походе могущественного царя Микен на город в долине Скамандра вблизи Геллеспонта. Эта сердцевина должна быть исторической, но не похоже, что мы будем способны восстановить реальный ход событий, если у нас не будет летописных записей тех дней.

Эдуард Мейер,
Geschichte des Altertums (1928)

На этом этапе наших поисков мы переходим к исследованию свидетельств, совершенно не похожих на те, что были доступны нам в предыдущих пяти главах. Замечательные открытия в Центральной Турции привели к расшифровке хеттского языка и выявили существование доселе неизвестной великой империи, простиравшейся от Эгейского моря до долины Евфрата именно в то самое время, в которое предание помещает Троянскую войну. В хеттских архивах (впервые за время наших поисков) мы получаем возможность работать с «реальными» историческими текстами: дипломатической перепиской, договорами, летописями и царскими ав-

тобиографиями, в которых ярко оживают характеры хеттских царей и цариц. Волнует мысль, что Троя и Троянская война должны отыскаться в этих папках «хеттского МИДа». И на самом деле это так: у нас есть сохранившиеся письма к самому Агамемнону и договор с реальным Александром из Илиона, которого в легенде называют Парисом, сыном Приама, похитившем Елену и принесшем гибель Трое.

Явление хеттов из почти полного забвения стало одним из крупнейших достижений археологии и филологии за последние сто лет. Это достижение не получило полного признания в англоговорящем мире, вероятно, потому, что основные работы проводились в Германии, а хеттский язык был расшифрован немцами и чехом. Была открыта одна из великих цивилизаций бронзового века, а с ней — индоевропейский язык, древнейший из ныне известных. Это хеттская ветвь дерева, из которого выросли кельтский и германский языки, санскрит и греческий.

Хотя античные греки, похоже, даже не подозревали о существовании Хеттской империи в Малой Азии в героическом веке, хетты не были полностью забыты. В Ветхом Завете они довольно часто упоминаются, хотя и без реальных намеков на значимость этого народа. Лишь в двух местах есть указания на то, что хетты — не просто одно из племен, встреченных израильтянами в Палестине. Соломон берет себе хеттских жен и покупает дорогих египетских коней для подарка хеттскому царю (Паралипоменон, 2, 1:17). В другом месте мы читаем, как царь Израильский повел на врагов своих царей хеттских и царей египетских (Царей, 2, 7:6-7). Эти библейские ссылки относятся к империи, прости-

равшейся до Эгейского моря и уничтоженной вскоре после 1200 г. до н.э., за несколько веков до того, как были написаны эти части Библии.

Археологические данные о хеттах были сильно разбросаны — и понадобилось время, чтобы собрать их вместе.

Знакомство с хеттами

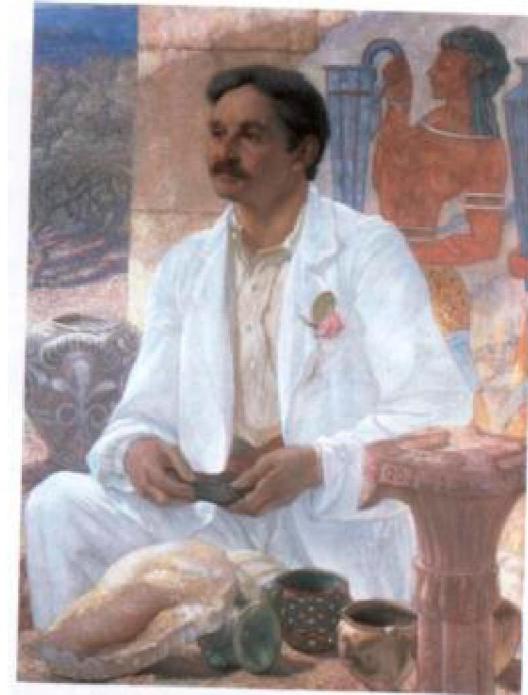
Летом 1834 г. молодой француз Шарль Тексье скакал на север по величественному плато между Йозгатом и Сунгурлу в Центральной Турции. Сейчас это такая же дикая и голая местность с изъеденным эрозией песчаником и редкими деревьями. Тексье искал в центральной Анатолии старинные развалины и, в частности, древний город Тавий, основанный в римские времена вторгшимися сюда кельтами. Но то, что он обнаружил, имело куда большее значение для истории.

В деревне Богазкей Тексье узнал, что неподалеку есть руины, а потому отправился по грязной дороге на юг.

Среди суровых холмов, окружающих деревню, он, к своему удивлению, обнаружил низкие фундаменты больших зданий, дальше — остатки крепостных стен, а за ними — цепочку скал, на которых стояли небольшие укрепления, не похожие по архитектуре на «циклопические», знакомые ученым по Греции. Вершину холма пересекала круговая стена, частично сохранившаяся. Рядом с воротами в камне была высечена фигура выше человеческого роста, в шлеме и с топором в руках, с коротким мечом за поясом. У другого конца уцелевшего уча-

Глава шестая

стка стены Тексье обнаружил вторые ворота, по бокам которых стояли массивные каменные львы. Проводник из местных отвел Тексье по ущелью на север, к древнему памятнику, спрятанному в расщелине скалы у Язиликая. Здесь, с еще большим изумлением, Тексье увидел высеченную в камне процессию богов, напоминающих фигуру у городских ворот, а в святилище, охраняемом крылатыми демонами, находились 12 резных фигур и странные иероглифы на неведомом языке. Тексье измерил длину городской стены шагами: где-то две-три мили — примерно столько, сколько было в античных Афинах в период расцвета. Сначала он подумал, что нашел свой Тавий, но... «позднее я заставил себя отказаться от этого мнения... ни одно строение здесь не подходило под римскую эпоху. Величие и необычность этих развалин привели меня в чрезвычайное недоумение». находка Шарля Тексье близ турецкой деревушки Богазкей поманила сюда и англичанина Уильяма Гамильтона. Он нашел второе поселение в нескольких милях к северу, возле Алача-Уюка, где ворота со сфинксом еще выступали из земли пред курганом, покрывавшим город. Гамильтон опубликовал свои наблюдения в 1842 г., Тексье свои — между 1839 и 1849 г. Но за этими замечательными находками не последовало новых вплоть до 1870-х гг., когда раскопки Генриха Шлимана в Греции и Трое продемонстрировали новые возможности археологии. Тогда, в 1878—1881 гг., британские археологи в Каркемише на Евфрате вскрыли большой дворцовый курган, обнаружив огромные глинобитные стены, множество скульптур и иероглифических надписей, напоминающих находки Шарля Тексье. В полутора тысячах миль к

Вверху: Артур Эванс в 1907 г. Портрет работы сэра Вильяма Ричмонда.

Внизу: Тронный зал в Кноссе после раскопок в апреле 1900 г. Эванс стоит перед палаткой справа.

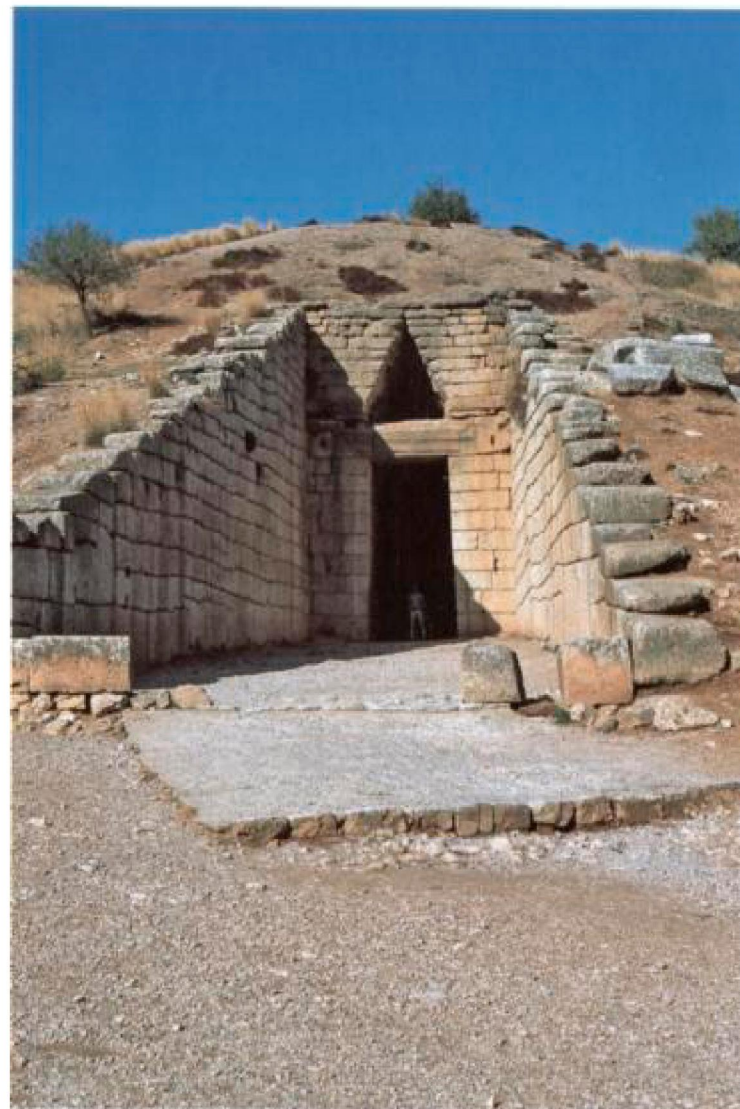

На предыдущей странице: Работы по реконструкции дворца в Кноссе в 1920-х гг. (вверху).

Троя, вид на равнину из города, 1893 г. Снимок дает представление о крутизне холма, на котором стояла цитадель (внизу).

Вверху: Пляшущие по морю корабли на фресках в Фере (около 1500 г. до н.э.). Хотя изображение относится к более раннему периоду, чем Троянская война, оно демонстрирует, какого рода суда могли использоваться в эпоху расцвета Микенской «империи».

Внизу: Табличка с линейным письмом Б из Пилоса. «Так стража обороняет берега» - начало конца династии Нестора, победителя Трои?

На предыдущей странице: Микенская цитадель (вверху).
Мост в Микенах ниже цитадели. У входа в долину расположена гора, на которой стояли маяк и сторожевая башня, и куда, согласно Эсхилу, прибыло через Эгейские земли по цепочке огней известие о падении Трои (внизу).

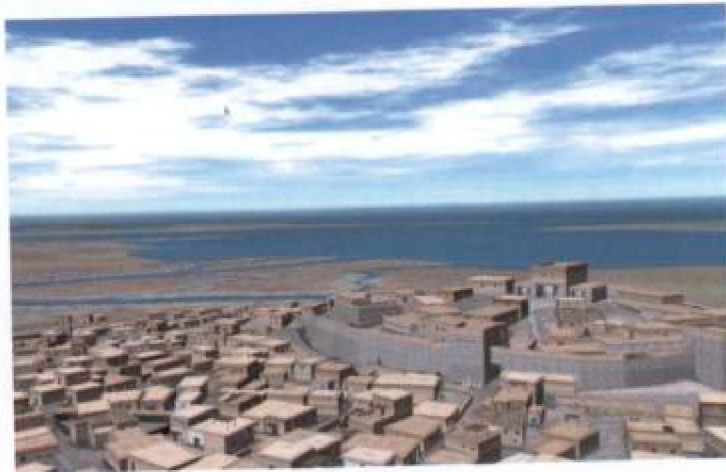
Вверху: Вход в «Сокровищницу Афины», гигантскую купольную гробницу одного из правителей Микен около 1300 г. до н.э.

Вверху: Мидея, третья по значению крепость в Арголиде, сравнимая по размерам с микенской. Позднее здесь, у гробницы, почитался культ Гипподамии, матери Атрея и бабки Агамемнона.

На следующей странице: Богазкей, один из четырех главных фортов в контуре городской стены хеттской столицы Хаттусы (вверху). Южные укрепления Богазкея в начале ноября (внизу).

Воображаемая Троя - последние компьютерные реконструкции легендарного города выглядят поразительно похожими на гомеровскую Трою.

западу в Измире загадочная фигура, высеченная в скале на перевале Карабель, походила на изваяния в Богазкее.

Оксфордский профессор ассириологии, корреспондент Шлимана А.Г. Сэйс в своих «Воспоминаниях», опубликованных в 1923 г., писал:

Внезапное вдохновение пришло ко мне... что не только искусство было одинаковым в Богазкее, в Иеризе и в Каркемише, но что фигуры в Богазкее сопровождались иероглифами, сходными с теми, что были в Иеризе. Было ясно, что в доэллинистические дни в Малой Азии должна была существовать могущественная империя, которая простиралась от Эгейского моря до Галиса, и на юг, в Сирию, до Каркемиша и Хамата. Она обладала собственной специфической художественной культурой и собственной специфической письменностью. Так история хеттской империи была представлена миру...

Сэйс принялся развивать свою теорию благодаря еще одной блистательной догадке. Более полувека ученые знали о египетском описании (сохранившемся на стенах храмов в Карнаке, Луксоре и Абидосе) великой битвы у Кадета в долине Оронта в Сирии. В этом сражении, которое, как мы теперь знаем, произошло в 1275 или 1274 г. до н.э., египетскому фараону Рамзесу II противостоял «великий царь Хатти», «собравший себе все земли до концов моря», включая «шестнадцать народов» и 2500 колесниц. Сэйс предположил, что царь Хатти был не кем иным, как императором Хеттской империи, импе-

Глава шестая

рии достаточно могущественной, чтобы остановить фараона и заключить знаменитый договор, высеченный на стенах храма в Карнаке. Эти идеи нашли волнующее подтверждение, когда в 1887 г. было найдено несколько сотен клинописных табличек из дипломатического архива в египетском дворце в Тель-эль-Амарне. Многочисленные письма от мелких князьков из Сирии и Палестины подтвердили реальность хеттского присутствия в этих местах за век до Кадеша. Здесь было также письмо «великого царя Хатти», самого Суппилулиумы I.

Неизбежно Богазкей должен был оказаться в центре поисков столицы предполагаемой Хеттской империи. В 1881 г. Сэйс убедил Шлимана провести там раскопки. На следующий год Карл Гуман составил план города и сделал слепки рельефов из молельни в Язиликае. В 1893 г. Эрнест Шантр повел пробные раскопки и нашел первые клинописные таблички. Результаты раскопок, проведенных с 1906 по 1908 г. немцем Гуго Винклером, превзошли все ожидания. Хотя они и проводились ужасно с точки зрения регистрации археологических данных, но было обнаружено архивное помещение в царской цитадели. Найдено, в общей сложности, 10 000 глиняных табличек, в основном на хеттском, но многие и на аккадском языке — международном языке дипломатии. А также литературные тексты на старом хурритском и шумерском языках. Восемь языков присутствовало на табличках, что свидетельствовало о многонациональном характере империи, которой правили из Богазкея. Теперь стало очевидно, что он и был «столицей» империи.

Пожалуй, самое невероятное открытие было сделано на ранней стадии раскопок.

...чудесно сохранившаяся табличка выглядела многообещающей. Один взгляд на нее, и все достижения моей жизни показались малозначащими. Это было нечто, что я в шутку называл даром эльфов. Это было ПИСЬМО Рамзеса к Хаттусили об их совместном договоре... подтверждение того, что знаменитый договор, который мы знали по версии, высеченной на стенах храма в Карнаке, может получить освещение с другой стороны. Рамзес поименован царскими титулами, перечислена его родословная, как в карнакском тексте договора. Хаттусили описан таким же образом — содержание слово в слово идентично египетской версии, написано красивой клинописью и на превосходном вавилонском... Что касается истории народа Хатти, то название этого места было полностью забыто. Но народ Хатти явно играл важную роль в эволюции древнего западного мира, и, хотя имя этого города и имя этого народа были столь надолго утеряны, их повторное открытие открывает для нас перспективы, о которых мы и подумать не могли.

Ожидания Винклера полностью оправдались. Хеттский язык был расшифрован в годы Первой мировой войны, и в табличках из Богазкея были обнаружены необычайно интересные материалы, многие из которых позволили увидеть аспекты образа жизни и мыслей хеттов. Там были литературные, юридические и религиозные тексты, административные записи, рассказывающие о хеттском царстве. А самым удивительным открытием было то,

что выявилась существенная роль хеттов в письменном отображении истории. Но находками, вызвавшими наибольший интерес, оказались дипломатические таблички из хранилищ хеттского «МИДа», поскольку они демонстрировали во всех деталях процесс функционирования «империи». Впереди обработка огромного количества материалов. Так, еще не удалось согласовать географию империи с размещением внутри нее примерно двух десятков основных государств, не говоря уже о 40—50 «малых» территориях. Но таблички позволили взглянуть изнутри на многие стороны жизни хеттов, такие, к примеру, как относительно высокий статус, предоставляемый в их обществе женщинам.

Понятно, что ученые принялись искать в хеттских документах упоминания о греках. Здесь были подробные отчеты о связях с государствами западной Анатолии: Арцавой, Мирой, Хапаллой и Вилусой, положение которых на карте мы можем определить лишь приблизительно. Эти государства находились на пике своего развития под властью хеттов в XIV—XIII вв. до н.э., в то самое время, когда, как мы видели, греки расселялись по Эгейскому миру и основывали поселения в западной Анатолии. Известно, что греки вели торговлю в Восточном Средиземноморье, в Египте, Сирии и Палестине, и, конечно же, хетты должны были знать о них. Поэтому была надежда, что удастся найти что-нибудь о греках в архиве из Богазкея. Но когда сообщение об этом пришло, оно все равно вызвало сенсацию. В 1924 г. швейцарский хеттолог Эмиль Форрер объявил, что в таинственной стране под названием Аххиява он нашел земли греков — «Ахейские земли», что здесь была и Троя, и даже сам

Парис — «Александр из Илиона», с братом греческого царя Этеоклом, ставший причиной беспокойств у хеттов в Милете. Эти документы, заявил Форрер, часть 200-летней дипломатической переписки между хеттами и материковой державой ахейских греков, собранной в хеттском архиве. Однако в 1932 г. эти соблазнительные идентификации были высокомерно отвергнуты Фердинандом Зоммером в *Die Ahhijava Urkunden* [«Документы Аххиявы»], одной из важнейших работ по ближневосточной и эгейской филологии. Какими бы острыми ни были замечания Зоммера, они не только не остановили споров, но сделали их еще яростней. В этой главе я докажу, что греки *появляются* в табличках, а также Троя и, может быть, и Троянская война. Я докажу это, не просто исходя из внутреннего содержания табличек и того, что они нам рассказывают о государстве Аххиява, а на основании общей оценки международной дипломатии на Ближнем Востоке и в Анатолийском и Эгейском мире времен Троянской войны. Утверждали, что нет причин, по которым греки и хетты должны были иметь какие-либо контакты или вообще знать друг о друге. Но факты упорно говорят о том, что хетты вели дела с «великим царем» микенской Греции.

Международная дипломатия времен Троянской войны

Переходя от табличек с линейным письмом Б к ближневосточным дипломатическим табличкам, мы вступаем в совершенно иной мир. Перед нами переписка между реальными людьми, чьи мысли и

деяния оживают в строчках. В Египте, Палестине, Сирии и хеттских землях мы можем реконструировать в основных деталях исторические события эпохи верховенства Микен в Эгейском мире. Их правители состояли в дипломатических отношениях и обменивались дарами: для статуса и престижа, ради торговых уступок (например, чтобы селить своих купцов в других странах), для защиты своих границ и так далее. Торговля расширялась (мы можем вспомнить присутствие микенских товаров в Сирии, Палестине и Египте и находки египетских предметов в Греции и на Крите), контакты между правителями были частыми. Хеттские и египетские письма XIV—XIII вв. до н.э. показывают, что существовало настоящее дипломатическое сообщество. Крупнейшие государства, то есть Хатти, Египет, Митанни и Вавилон, поддерживали сношения не только друг с другом, но и с более мелкими, в том числе с некоторыми государствами западной Анатолии (Мира и Арцава), с островами, такими как Кипр, и с массой ближневосточных городов-государств (Пелла, Газор, Дамаск, Тир, Сидон, Библ, Иерусалим, Лахиш, Шехем, Мегиддо и Гезер). Некоторые из них, например Угарит и Алалах, были торговыми городами, обладавшими большими богатствами и влиянием. Все эти города содержали писцов и поддерживали связь с главными правителями тех дней. В письмах рассматривались вопросы, связанные с деятельностью купцов, уступками, военной помощью и брачными союзами. Мы находим в них требования даров, просьбы прислать врачей или ремесленников, а то и просто дружеские приветствия.

Как работали такие контакты на практике, видно из удивительного обмена посланиями между

хеттским царем Суппилулиумом и вдовой знаменитого Тутанхамона в связи с ее просьбой о вступлении в брак с хеттским принцем. Египетское посольство, возглавляемое знатным чиновником по имени Хани, сделало запрос, после чего хеттский двор направил высокопоставленного сановника, Хаттусазити, в Египет, так как Суппилулиум не верил в добрые намерения египтян. Историю излагает сын Суппилулиума, Мурсили II:

Тогда мой отец захотел увидеть табличку с договором [с Египтом], в котором говорилось... как Бог Бури заключил договор между странами Египет и Хатти и как они с тех пор находились в постоянной дружбе друг с другом. И когда они прочитали табличку вслух в присутствии всех, мой отец обратился к ним с такими словами: «Исстари Хатти и Египет пребывали в дружбе друг с другом, и сейчас это тоже было с нашей стороны. Так пусть Хатти и Египет будут в дружбе друг с другом всегда.

Продолжение истории хорошо известно: принц Заннанза был отправлен в Египет, но убит там конкурирующей придворной партией, что спровоцировало крупный дипломатический кризис.

Египетское посольство в Микены

БЫЛИ ЛИ микенцы членами этого клуба избранных, пусть даже периферийными участниками? До последнего времени такая идея воспринималась как

абсурдная. Как я уже говорил, звучали самоуверенные заявления, что у хеттов не было причин даже интересоваться тем, кто такие греки. Однако, как всегда бывает, новые открытия привели к переменам во взглядах. Мы можем, например, по-другому взглянуть на микенские связи с Египтом. Было обнаружено основание статуи в Ком-эль-Хейтане возле египетских Фив со списком эгейских имен. Список начинается двумя характерными словами: «Кефтиу», которое, как мы теперь знаем, означает «Крит», и «Даная», показывающим, что Гомер был прав, называя жителей материка «данайцами». Далее следуют Амнис, Фест (?) и Кидония с Крита, материковые Микены («Мукану»), неустановленное место под названием «Дегаяс», Мессения, Навплия, остров Кифера и «Вилия», которую египтологи, наверняка ошибочно, отождествляют с Илионом. Список заканчивается вновь на Крите Кноссом, Амнисом, Ликтом и названием, которое выглядит как «Сетейя».

Из этого списка следуют важные выводы. Похоже, что описывается путешествие, и наиболее вероятно — путешествие послов Аменхотепа III в Эгейский мир, когда Крит, Мессения и Арголида воспринимались как самостоятельные политические единицы. Фараон претендовал на номинальную гегемонию над Восточным Средиземноморьем и направлял послов во многие «варварские» страны на краю мира, в том числе к «чужестранцам на их острова за Великим Зеленым [морем]». Именно такого путешествия можно ожидать из египетских свидетельств. Надпись 42 г. Тутмоса III (около 1450 г. до н.э.) упоминает дань, присланную из Данайи, включая серебряную вазу «работы Кефтиу» и четыре бронзовых сосуда. Еще один список из Карнака вре-

мен Аменхотепа III упоминает Данайю вместе с Угаритом и Кипром. К более раннему периоду (XV в. до н.э.) относятся сообщения о посольствах Кефтиу в Египте. Кроме того, множество египетских предметов обнаружено при раскопках на материке, например в Микенах и на Крите, периода, следующего за греческим завоеванием: скарабей Аменхотепа III в Кидонии и Кноссе, алебастровая ваза Тутмоса III в Кноссе и несколько позднемикенских алабастров (ритуальных сосудов), найденных в Египте. Все эти находки могут быть с большей вероятностью приписаны дипломатической активности, чем случайной коммерции. Ваза с картушем Тутмоса относится к дарам, которыми обменивались при дипломатических контактах, так же как и недавно найденные в Микенах фаянсовые декоративные тарелки, на которых стоит имя Аменхотепа III.

Перед нами удивительное открытие, имеющее огромное значение для изучающих Эгейский мир. Оно позволяет говорить, что около 1380 г. до н.э. египетские послы приплыли на Крит, посетили материковую Мессению, и, обогнув мысы Тенарон и Малей, высадились в Арголиде, в Навплии и посетили царя Микен. Затем их путь лежал на юг через Киферу с остановкой в Кноссе. Такой визит заставляет вспомнить картину, которую мы видели в египетских школьных учебниках: как ученики заучивают «имена Кефтиу» в разных формах. Он дополняет имеющиеся свидетельства о значительной микенской торговли с Египтом, среди которых — большое количество керамики, найденной в Амарне, датируемой приблизительно 1350 г. до н.э., периодом недолгого существования этого города. Он позволяет немного лучше представить судьбу та-

кого человека, как *ai-ku-pi-ti-jo*, «египтянина» из кноссских табличек: подобные ему эмигранты вполне могли встречаться в Эгейском мире.

О столь же волнующем открытии было объявлено в 1981 г. Оно относится к раскопкам, проводившимся в 1963 г. в микенском дворце в Центральной Греции, который был разрушен около 1220 г. до н.э. Здесь среди других сокровищ найдены 36 гравированных ляпис-лазурных цилиндрических печатей и печатей без гравировки. Они явно хранились в царской сокровищнице. Ляпис-лазурь, которую добывают в северо-восточном Афганистане, особо ценилась за переливчатый синий цвет и часто оказывалась темой для переписки в бронзовом веке. Два письма, направленные правителю Угарита в XIII в. до н.э., показывают, что цари лично беспокоились о том, как заполучить в руки это столь желанное сокровище: «Хеттский царь очень заинтересован в ляпис-лазури, — пишет посол. — Если вы пришлете ее царю, он выкажет вам свое благоволение». Из других писем можно понять, что одна мина ляпис-лазури (около 500 грамм) была приемлемым царским даром для поддержания «хороших отношений». Действительно, среди фиванских печатей есть несколько из Вавилона, они весят в самом деле одну мину, что и позволяет с достаточной точностью определить дату и место их появления. Они находились в хранилище храма Мардука в Вавилоне до того, как он был разграблен ассирийцами около 1225 г. до н.э. Затем, судя по всему, они были отправлены ассирийским царем правителю Фив «для хороших отношений». Сейчас мы знаем, что это случилось в то самое время, когда хетты пытались ввести торговое эмбарго против Асси-

рии, и есть свидетельства, что греки попали под запрет торговли. Если эта гипотеза верна, то ассирийский царь воспользовался вавилонской добычей — драгоценной ляпис-лазурью, для попытки создания союза с одним из народов, который, как и его собственный, враждебно относился к хеттам. Это яркий пример тех способов, которыми греческие государства, и не только Микены, могли вовлекаться в дипломатические интриги.

Теперь, когда мы знаем, что греки поддерживали тесные связи с государствами Ближнего Востока, появление сведений о них в архиве хеттского МИДа не будет неожиданным. В самом деле, было бы удивительно *не* найти их в какой-нибудь представительной хеттской дипломатической переписке, включающей переписку с западноазиатскими государствами, такими как Арцава и Мира, с которыми греки должны были вступать в прямые контакты. Возникает вопрос: можно ли отождествить материковых микенцев с царством, известным хеттам как Аххиява [Ahhiyawa]? Гомер называет греков «ахейцами» [Achaiwoi], из чего следует название Греции — «Аххиява» [Achaiwia], и такая форма встречается в записях, сделанных линейным письмом Б. Хеттское название настолько похоже, что случайное совпадение маловероятно. Трудно представить, где еще могло находиться столь могущественное царство, как не в Греции. Но современные ученые помещали его в самые разные места: в западную Анатолию, в Трояду (с центром в самой Трое) и даже во Фракию. Мы можем уверенно сказать, что часть территории Аххиявы находилась в Малой Азии, поскольку пограничные документы помещают ее западнее Миры, царства в среднем течении Меандра. Эта азиатская

часть Аххиявы контролировалась из прибрежного города, который хетты называли «Милавата» или «Миллаванда», и практически не вызывало сомнений, что такая ситуация соответствует греческому анклаву вокруг Милета (ранняя форма его названия, похоже, была «Милат» или «Милват» на греческом бронзового века). В поддержку этой теории целую сеть названий поселений, упоминаемых на хеттских табличках, можно разместить в окрестностях Милета, так что вполне вероятно, что греческий Милет — это аххиявская Миллаванда из хеттских текстов. Тогда Аххиява, которую хетты часто называли «заморской», должна быть материковой Грецией, и хотя нельзя исключать, что в XIV или XIII вв. до н.э. «царем царей» мог быть правитель Фив или Орхомена, все же наиболее вероятно, что именно Микены были его резиденцией. В этом царе хеттский МИД видел «Великого царя» в соответствии с дипломатической практикой тех времен. «Великого царя» не только материковой Греции, но и многих островов, как говорит Гомер. Такой потрясающий вывод заставляет полностью изменить наши взгляды на Грецию позднего бронзового века, поскольку он означает, что мы обладаем записями о греко-хеттских отношениях на протяжении двух столетий их расцвета. Давайте же посмотрим, что эти письма могут нам поведать.

Микенско-хеттские дипломатические отношения

В представлении хеттов материковые микенцы жили в могучей заморской державе с «Великим царем» во главе. Они были хорошими мореплавателями, их тор-

говые корабли бороздили воды Восточного Средиземноморья. У греков с хеттами сложились дружеские отношения. Они посылали хеттскому царю дары, которые затем раздавались вассалам. Это была одежда, текстильные и медные изделия «в ахейском стиле». Наряду с послами дворы обеих стран могли навещать члены царских фамилий: брат греческого царя, Этеокл, и хеттский царский грум «ехали в одной колеснице». Хеттский царь мог сослать впавшую в немилость жену в Грецию. Отношения регулировались неким подобием договора, какие мы обнаруживаем на всем Ближнем Востоке того времени. Император Мурсили мог воспользоваться статьей об экстрадиции, направить корабль и «вернуть обратно» из Греции принца из Аршавы. Греческие земли вокруг Милета были демаркированы границей, согласованной по договору. Удивительный текст приблизительно 1300 г. до н.э. повествует о том, что культовые идолы из Греции и «Лазпаса» были отправлены пораженному чумой хеттскому царю в надежде на помощь в исцелении. Такого рода вещи случались среди ближневосточных государств. Идолы, предположительно, выглядели как те, что были недавно найдены в Микенах и Тиринфе, а то, что их стремились получить с Лесбоса-Лазпаса, тоже имеет объяснение, поскольку великий догреческий бог Лесбоса, Сминтей, был богом чумы. Его имя встречается на табличках с линейным письмом Б.

В хеттских табличках отражено, как постепенно возрастало влияние греков в западной Анатолии. Начиная от набегов мародерствующего царского флибустьера с сотней колесниц (примерно 1420 г. до н.э.) и до ситуации, сложившейся в начале XIII в. до н.э., когда греки правили территорией, известной

под названием «Ахейские земли» в юго-западной Анатолии, с Милетом в качестве столицы. Хетты признавали Милет греческой территорией, но готовы были при необходимости применить и силу. Около 1315 г. до н.э. полководцы Мурсили разграбили город, после чего в нем были построены мощные укрепления. Туда около 1250 г. до н.э. во время очередного спора вошел Хаттусили III. Чуть позже Милет, похоже, был передан в управление прохеттскому регенту. Именно из Милета, как увидим далее, брат ахейского царя пытался основать царство для союза с хеттами — удивительная параллель с гомеровским рассказом о братьях-царях, сражающихся в Малой Азии под Троей.

Греческое вмешательство в дела западной Анатолии отмечается во многих табличках. Незадолго до 1300 г. до н.э. греческий царь был достаточно могуществен, чтобы вовлечь на свою орбиту важные азиатские государства, включая самое мощное из них, Арцаву, чей царь, Уххазити, в союзе с греками пошел войной на хеттов. После поражения арцавская царская семья бежала в Грецию. У ахейского правителя около 1260 г. до н.э. возникли разногласия с хеттами из-за другого анатолийского государства — Вилусы. Кроме того, в царствование Хаттусили «царь ахейских земель» оказался каким-то образом вовлечен в союз с соседней «землей реки Сеха» против «Великого царя Хатти». Упоминания XIV и XIII вв. до н.э. говорят об ахейцах в связи с событиями в Ассуре — возможно, это область к югу от Троады (см. карту на стр. 8—9, где указано предполагаемое местонахождение этих стран). Так что греческая активность в Малой Азии не ограничивалась только набегами для захвата рабов.

К XIII в. до н.э., времени великого похода на Трою, греки занимали важное место в хеттской дипломатии. Им придавали достаточное значение, чтобы внести в список в хеттском договоре с Амурру в Сирии, запрещающем их кораблям торговать с Ассирией. Грекам отводилась настолько важная роль, что они были упомянуты, хотя потом и вычеркнуты, в черновике договора, перечисляющего правителей, равных по рангу хеттскому царю. Там были названы правители Египта, Вавилона и Ассирии. Приблизительно в 1263 г. до н.э. низложенный хеттский царь просил помощи у греческого царя, перед тем как был изгнан в Сирию. В письме, относящемся примерно к 1260 г. до н.э., император Хаттусили упоминает о сложностях в отношениях с Аххиявой на западе, одновременно извещая о разграблении его города Каркемиша на востоке ассирийцами. Хетты не могли быть довольны втягиванием их в дела западной Анатолии — они предпочитали дипломатию, но нет сомнений во всевозраставшей их вовлеченности в дела этого региона. Как отметил великий хеттолог Гетце: «У хеттских царей и военных должны были иметься причины бояться человека из Аххиявы».

Итак, хетты видели в греках одних из самых могущественных соседей на западе, контролировавших Эгейское море и способных привлекать в союзники такие государства, как Арцава, в те моменты, когда хеттские цари были уязвимы. Похоже, греки особенно успешно действовали в периоды династических кризисов, когда на трон вступал новый хеттский правитель, которому необходимо было подтвердить свой господство над западными вассалами. Учитывая это и добавив сюда археологические данные из главы 5, мы увидим, как хорошо

наша картинка «имперских Микен» согласуется с материалами из богазкейского архива. Если наша идентификация верна — а мне кажется, что нельзя найти другое убедительное местонахождение для столь крупной державы, как Аххиява, значит, цари династии Атридов в Микенах (особенно Атрей и Агамемнон, в соответствии с легендой!) воспринимались как «Великие цари» хеттским МИДом при Хаттусили III (около 1265—1235 гг. до н.э.) и Тудхалии IV (около 1235—1210 гг. до н.э.). О них могли писать, как о «равных», и упоминать их среди «царей, равных по рангу» правителям Хатти, Вавилона и Египта. И все же в 22 ссылках на Аххияву в хеттских табличках она играет побочную роль в хеттской истории — необъяснимо периферийную, если мы поместим ее, как некоторые делают, в Анатолию. Объяснение этому может быть только одно: главная часть греческого государства располагалась за морем, с анклавом на юго-западе вокруг Милета.

Конечно, вполне возможно, что хетты могли в разное время называть «царями Ахейской земли» разных греческих царей. Орхомен, с его обширной системой плотин в Копайде, явно был могучим государством (и имя Этеокл встречается в его легендарных родословных). До разрушения около 1220 г. до н.э. Фивы были также весьма богаты и поддерживали дипломатические контакты со столь далекими странами, как Ассирия. Даже Иолк, город Ясона, направившего, согласно легенде, экспедицию аргонавтов к Черному морю, не остался в стороне. Но археология и эпические традиции уверенно указывают лишь на Микены. Запомнив это, мы можем теперь обратиться к самой важной хеттской табличке периода Троянской войны.

«Письмо Тавагалавы» — император Хаттусили пишет греческому «Великому царю»

Это самое знаменитое хеттское письмо с упоминанием Аххиявы и один из самых удивительных по приводимым подробностям и характеристикам документов древнего Ближнего Востока. Оно представляет для нас интерес не столько из-за описываемой в нем ситуации, сколько благодаря свидетельствам участия греческих правителей в международной дипломатии. Письмо датируется первой половиной XIII в. до н.э., возможно, ближе к 1260 г. до н.э. Хеттским императором тогда, скорее всего, был Хаттусили III, а ахейским царем (по легендарной хронологии) тогда мог быть сам Агамемнон либо его отец Атрей. В общих чертах изложена ситуация: в Миллаванде (Милете) обосновался брат ахейского царя Тавагалава (два случая, когда в Пилосе встречалось образованное от имени отца имя Этевоклевейос, показывают, что это могло быть переложением греческого имени, известного нам как Этеокл). Не все идет хорошо у хеттов на западе, их власть над арцавскими государствами становится все более шаткой; растет недовольство среди союзников, в отношении с которыми все больше вмешиваются греки. И что самое неприятное, могущественный ренегат по имени Пийямарад (вероятно, арцаванин царских кровей) в стоворе с Тавагалавой и греками совершает набеги на Ликию, используя и армию, и флот. Агрессия исходит из Миллаванды (Милета), и в конце концов Хаттусили входит в город, Тавагалава и Пийямарад бегут «за море», и хеттский император, не желая спровоцировать международный конфликт, хотя и требует экстрадиции Пийямарада, но

решает отослать в заложники родственника, чтобы подтвердить отсутствие злого умысла в своих действиях. Он даже извиняется за свою «солдафонскую» фразу, которая была воспринята как агрессивная!

На протяжении всего письма Хаттусили обращается к ахейскому царю «брат мой» — это стандартное обращение между сильнейшими правителями тех дней. Ключевые строки — вызвавшие ужасные споры — те, где Хаттусили намекает, что ахейский царь — равный ему по рангу. Для нас проблема состоит в том, чтобы оценить тон фразы — он иронический или даже саркастический? Сделать это сложнее, чем может показаться: «Если кто-то из моих князей говорит со мной, или даже один из моих братьев, я слушаю его слова. Но сейчас мой брат — Великий царь, равный мне, написал мне, так почему же я не должен слышать слова равного мне?» Если это ирония, то фраза может означать: «Я не слышу слов равного мне». Другими словами: «Ты Великий царь, или претендуешь быть таковым, равным мне, но я не слышу языка, на котором изъясняются между собой равные». (С той же проблемой можно столкнуться на любой странице протоколов нынешних парламентских заседаний: как сказано может оказаться важнее того, что сказано.)

Удивительно, что, пытаясь понять «письмо Тавагалавы», игнорировали его контекст. Как можно оценивать тон письма вне исторического окружения? На самом деле, есть другие хеттские письма того периода, помогающие понять этот текст. Одно из них было написано тем же царем, Хаттусили III. Хаттусили сместил с должности своего племянника, который даже обратился в Аххияву за помощью. На протяжении всего царствования Хаттусили очень

чувствительно относился к упоминаниям о незаконности его власти, и его было легко спровоцировать на споры по поводу его положения. Это важно учитывать при интерпретации психологического контекста «письма Тавагалавы». В письме Рамзеса II к Хаттусили в ответ на письмо хеттского императора, в котором выражалась обида на повелительный тон предыдущего письма от египетского фараона (он подумал, что Рамзес имеет в виду, что Хаттусили ниже него и не является «Великим царем») говорится:

Я только что выслушал все слова, что ты написал мне, брат мой, гласящие: «Почему ты, брат мой, написал мне так, будто я просто подданный твой». Я возмущен тем, что ты написал мне, брат мой, ...ты совершил великие дела во всех землях. Ты действительно Великий царь земель Хатти... Почему я должен писать тебе как подданному? Ты должен помнить, что я твой брат. Тебе надлежит говорить веселящие душу слова: «Да ощутишь ты радость каждый день», а вместо этого ты произносишь эти малоопытные слова, не подходящие для послания.

[Перевод с древнеегипетского Кена Китчена].

Едва ли можно получить лучшую корреляцию с демонстрацией обиды в «письме Тавагалавы»: Хаттусили, возможно, был сварливым большую часть времени, но здесь можно безошибочно увидеть за обоими письмами одно и то же настроение.

Что подразумевалось в письме царю Аххиявы, мы видим в письме Хаттусили или его брата Мува-талли, царю Ассирии, нуворишу среди ближневос-

точных монархов, прибравшему себе долину Евфрата, являющуюся хеттской территорией. Ассириец объявил себя Великим царем и предложил союз. Разгневанный хеттский правитель отвечает:

Ты похваляешься, что... победил моего союзника и стал Великим царем. Но что такое ты говоришь о «братстве»? Ты и я, разве мы рождены одной матерью? Отнюдь нет, равно как мой отец и дед не имели обыкновения писать о «братстве» царю Ассирии [твоему предшественнику], так и ты прекрати писать мне о братстве и Великом царствовании. Я этого не желаю.

[Перевод с древнеегипетского Кена Китчена].

Ты не брат мне! Подобные примеры можно приводить еще и еще. Они делают совершенно ясной картину того, что происходит в аххиявских письмах: между 1265 и 1240 гг. до н.э. «Ахейская земля» рассматривалась хеттской дипломатией *наравне* с Египтом и Вавилоном. Даже Ассирии не было среди равных, хотя вскоре она таковой станет. Хаттусили могло это раздражать и вынуждать прибегнуть к лести, но греки были могучей силой в Восточном Средиземноморье, может быть, более влиятельной и могучей, чем государства, засвидетельствованные в хеттских табличках (такие, как Арцава, Вилуса и Мира). Греки были важнее в глазах хеттов, поскольку представляли реальную «политическую» и военную угрозу для окраин их империи.

У нас здесь есть чудесная возможность посмотреть изнутри на работу дипломатов того времени, и дух захватывает, когда подумаешь, что эти письма

могли читать в мегароне микенского царя. Подобная утонченная дипломатия — именно то, что можно было ожидать от хеттов XIII в., которые к тому времени занимали ведущее положение в формулировании договоров. Они были мастерами, а ахейцы — нуворишами, непривычными к изяществу и нюансам этикета, которые сразу улавливались, скажем, египетским МИДом. Мы видим, как пристальное рассмотрение «письма Тавагалавы» подтверждает наши догадки, что во времена Хаттусили и Тудхалии IV цари ахейцев могли рассматриваться как «Великие», почти равные (с допущением на лесть) великим ближневосточным монархам. Это полностью согласуется с археологическими данными и с греческими преданиями: то было время расцвета династии Атридов.

Грамотность — свидетельства археологические и текстуальные

Такого рода дипломатия предполагает, что ахейский царь имел хеттских писцов на своей территории (хотя то, что ахейцы писали хеттской клинописью, а не на аккадском языке, дипломатическом языке «супердержав», является признаком их окраинного статуса в международной дипломатии). То есть в Микенах и Милете должны были находиться хеттские писцы. С Милетом, очевидно, не было проблем, но есть ли *хотя бы какие-то* факты о присутствии хеттов в материковой Греции? До настоящего времени число археологических находок хеттских материалов было весьма скудным, хотя они и происходили. Но интересны архивы линейного письма Б,

поскольку там встречаются упоминания людей с хеттскими именами, особенно в кносском архиве. Есть они и в Пилосе, где мы находим человека по имени Пийямасо. В общем, мы должны предположить, что ахейский царь нанимал хеттских писцов для своего МИДа, так же как это делали анатолийские правители, например царь Миры, писавший фараону Рамзесу II. В Микенах пока не найдены следы дипломатической переписки, но нет и других документов, не считая несущественных описей. Видно, царский архив Атридов не дожил до наших дней.

Имеющиеся данные о переписке Арцавы и Миры с Египтом позволяют полагать, что западно-анатолийские государства, наряду с ахейцами и хеттами, участвовали в дипломатических контактах.

Возникает вопрос: могла ли и Троя быть членом этого сообщества? Конечно, на Гиссарлыке не было найдено ни табличек, ни их следов, а затем археологические площадки были настолько повреждены, что нет надежды найти что-либо и в будущем. Тем не менее есть вероятность, что город, столь развитый в военном и архитектурном отношении, как Троя VI, город, торговавший с Кипром, Сирией и с микенской Грецией, вполне мог нанять писцов, способных писать по-хеттски «Великому царю». О грамотности в позднем бронзовом веке гомеровский эпос почти не упоминает, но можно осторожно предположить, что царь Приам переписывался с Хаттусили III. А то и с Агамемноном.

Послы наверняка были своими людьми в царском семействе. «Посылаю слугу, — писал Хаттусили ахейскому царю, — который сопровождал меня с юных лет в моей колеснице и который также ездил с твоим братом Тавагалавой... теперь у него

жена из семьи царицы... разве он не так хорош, как мой двоюродный брат?» Слова послов, понятно, особенно ценились ввиду их обширного жизненного опыта. «Эту историю мне рассказал Энлиль-бель-нише, посланник вавилонского царя», — пишет хеттская царица Пудухепа Рамзесу II про какие-то придворные сплетни. Но правители и сами могли наносить визиты. В 1244 г до н.э., после того как хеттская дипломатия на скорую руку заключила мир с Ассирией, Вавилоном и Египтом, принц Хишми-Шарумма, будущий Тудхалия IV, посетил Египет и, видимо, находился там несколько месяцев. Его визит проложил дорогу для приезда самого Хаттусили около 1239—1235 гг. до н.э. Вначале раздраженный («Зачем я приехал? Что мы тут делаем?») и мучимый болями в ногах, Хаттусили все же встретился с Рамзесом, и состоялся «саммит» двух самых могущественных людей древнего мира. Неудивительно, что брат ахейского царя Тавагалава посетил хеттский двор.

Такова подноготная международной дипломатии во времена Троянской войны. Хетты были озабочены положением на востоке, растущей мощью высокочек-ассирийцев в долине Евфрата, сохранением их господства над богатыми сирийскими городами, нормализацией отношений с Египтом на границе с Ханааном, даже удержанием воинственных племен касков в пределах их причерноморского региона. Чего они желали меньше всего — так это еще проблем и на западе. Они хотели создать «санитарный кордон» из государств-союзников в западной Анатолии, связав их договором. Они хотели мира, а не войны. Растущее влияние ахейцев в западной Анатолии представляло угрозу, и, как признают все

хеттологи, в XIII в. до н.э. хеттские цари были вынуждены более активно действовать на западе. Именно с таких позиций нам следует рассматривать хеттские свидетельства о вооруженной интервенции греков в земли западных хеттских союзников. Вполне возможно, здесь мы найдем реальные «политические» предпосылки Троянской войны.

Что написано в табличках о Трое и Троянской войне?

Мы пришли к заключению, что хетты были хорошо осведомлены о мощном морском государстве под названием Аххиява, о вовлеченности греков в дипломатическую и военную активность на побережье Малой Азии. Можем ли мы пойти дальше в своих выводах? Если Троянская война действительно была, даже не совсем такая, как описывает Гомер, то этот факт хорошо согласуется с общим содержанием хеттского архива. Но есть ли в табличках из Богазкея прямые упоминания о войне?

На самом деле здесь два вопроса. Во-первых, был ли город под названием Троя известен хеттам? Если и был, то он встречается только в одном документе, да и тот был недавно передатирован лингвистами. Прежде он датировался XIII в. до н.э., теперь считается, что он пришел из времен Тудхалии I (около 1440—1410 гг. до н.э.), сильного царя, в чьем послужном списке завоевание Арцавы в западной Анатолии. В табличке повествуется о покорении соседней страны под названием Ассува, что, по мнению большинства ученых, является архетипом греческого слова «Азия», области, первоначально ограничен-

ной Лидией и землями к югу от Троады. Ассува у хеттов означала особое место, с «городом Ассува», но в союзе с ней находились еще 22 места, перечисляющиеся, как считают многие специалисты, с юга на север. Перечень заканчивается в северо-западном углу Малой Азии в районе Трои с названием, пишущимся по-хеттски как «Тару[у]иса». Полагают, что это был самый северный участник альянса и, на первый взгляд, названием заманчиво напоминающий гомеровскую Трою. Могла ли это быть Троя? Идентификация названия, к сожалению, проблематична. Очко в ее пользу дает то, что фонетические правила не всегда применимы при переносе из одного языка в другой, но, по первому впечатлению, название не подходит, и единственный способ его подогнуть — постулировать первоначальную форму «Таруйя» и предположить, что форма, приведенная в анналах Тудхалии, произведена от этой формы (анalogии для такого двойного формообразования имеются: например, Каркаса и Каркийя — несомненно, одно и то же место). Но это чересчур спекулятивный переход для большинства ученых.

Однако куда более интригующей является связь названия Таруиса с предыдущим городом в списке — Уйлусия, которое произносится как Вилусия. Мы имеем замечательное совпадение, поскольку эти два названия встречаются вместе, пусть и в документе приблизительно 1420 г., примерно в том же месте, где легенды помещают Трою. Одним из необъяснимых моментов гомеровской поэмы является то, что у Трои два разных имени: Троя (которое, похоже, чаще относится к городу) и Илион (относящееся к стране). Как отмечалось в главе 4, первоначально слово Илион произносилось с дигаммой,

то есть Вилион, и такой вариант, конечно, приемлем как передача хеттского Вилуса или Вилусия (встречаются обе формы). Могло ли так случиться, что в XIII в. до н.э. Троя-Гиссарлык находилась внутри каких-то областей хеттского государства Вилуса?

О хеттской Вилусе мы знаем довольно много, но ее точного расположения не знаем. Вилуса была арцавским государством, а потому входила в группу западно-анатолийских государств, в числе которых были Арцава и Мира. Первое располагалось вокруг долин Герма и Каистра, второе занимало среднюю и верхнюю долины Меандра, включая Бейчесултан. Вилуса, вероятно, лежала к северу и северо-востоку от Арцавы и, как одна из наиболее крупных держав на западе, вероятно, включала в себя и район Трои. О ее отношениях с хеттами и соседями мы хорошо осведомлены из договора, датированного правлением Муваталли (1296—1272 гг. до н.э.), и это дает еще один ключик, царь Вилусы назван в нем «Алаксанд». Имя поразительно напоминает имя гомеровского Александра (Париса) из Вилиона. Мог ли это быть один и тот же человек? Удивительно, но независимое предание, дошедшее до классических времен с юго-запада Турции, гласило, что любовник Елены действительно был союзником Муваталли. Тогда вполне возможно, что Гомер сохранил реальное имя одного из царей Вилусы — *и что Вилуса была Троей*.

В договоре выясняются интересные факты истории Вилусы. Со времен покорения Арцавой в XVII в. до н.э. Вилуса всегда была лояльна хеттам. Будучи арцавским государством (преимущественно в силу этнического родства), Вилуса оставалась верной царям Хатти, даже когда Арцава с ними

воевала. Когда бы на протяжении царствований Тудхалиев I и II, Суппилулиума «Великого» и Мурсили II хеттские армии ни вторгались в Арцаву, они никогда не нападали на Вилусу и даже получали поддержку со стороны этого явно изолированного государства. Это позволяет полагать, что Вилуса располагалась достаточно далеко от столицы арцавских государств Апаса (Эфеса?), чтобы проводить собственную политику.

Условия договора Алаксанда с хеттами содержат обязательство во время войны оказывать поддержку хеттскому царю пешим войском и колесницами («Следующие кампании из Хаттусы обязательны для тебя... с царем египетским... с царем ассирийским»). Египтологи предполагают, что *дрдны*, которые перечислены среди союзников Муваталли в битве при Кадеше в Сирии в 1275 или 1274 г. до н.э., не кто иные, как «дарданцы» (гомеровское название жителей Трояды). Так что юноша, который воевал под Кадешем; где сражались 2500 колесниц Муваталли и «армии шестнадцати народов», вполне возможно, уже стариком защищал «священный Вилион» от ахейцев! Если царь Вилусы был и вправду так могуч, как предполагает договор, то Трояда могла быть одним из тех малых государств, чьи правители были его вассалами. За предыдущие 150 лет многие малые государства, входившие в асуванскую конфедерацию, несомненно, были включены в состав Арцавы или Вилусы, точно так же, как Мидея, Просимна или Бербаши вошли в царство "Микенское".

Следует учитывать вероятность того, что в середине XIII в. до н.э. Троя располагалась в пределах «Великой Вилусы» и что Вилуса действитель-

но стоит за гомеровским Вилионом с его принцем Александром. Но какими бы волнующими ни были подобные размышления, они не более чем игра ума, ведь пока не будут согласованы остро конкурирующие теории о местонахождении хеттского государства, такие идеи не найдут подтверждения. Тем не менее есть все основания полагать, что Трояда могла входить в царство Вилусское, и, таким образом, Вилуса оказывается прототипом гомеровского Вилиона. Тогда становится исключительно интересным, что Аххиява и хетты могли в середине XIII в. до н.э. воевать за Вилусу.

Война греков с хеттами за Вилусу?

ЕСЛИ МЫ отождествим Аххияву с ахейской Грецией, то можем двинуться дальше в нашей реконструкции дипломатии середины XIII в. до н.э. с участием царства Вилусского, в состав которого, возможно, входит Троя. В письме «Тавагалавы» (около 1260 г. до н.э.?) содержатся два намека на то, что хетты и ахейцы действительно сцепились из-за Вилусы. Учитывая 400-летнюю верность вилусцев хеттам, следует предположить, что конфликт явился следствием ахейского вмешательства. В письме Хаттусили ахейскому царю есть места, где он просит греков написать беспокойному Пийямараду: «Скажи ему: царь Хатти и я, в вопросе с Вилусой, из-за которой мы враждовали, он убедил меня, изменил мои мысли, и мы стали друзьями. ...Война нам не нужна». Последующие строчки, возможно, говорят о «насушном вопросе относительно города Вилуса, по поводу которого мы начали войну (и по поводу

которого мы теперь пришли к согласию)». Этот документ был бы важным свидетельством крупного дипломатического и военного кризиса в западной Анатолии, но, к несчастью, табличка слишком повреждена, чтобы гарантировать уверенные выводы.

На ссору из-за Вилусы содержатся также намеки в любопытном письме того времени, адресованном хеттскому царю царем земли на реке Сеха, Маннапой-Даттасом. Эта страна, по-видимому, соседствовала с Арцавой и Вилусой, а Сеха была, вероятно, одной из главных рек, впадающих в Эгейское море. Из письма мы узнаем, что хеттская армия прошла на запад и что некто «вернулся, чтобы напасть на земли Вилусы». Царь земли на реке Сеха был побежден могущественным греческим союзником Пийямарадом, напавшим также и на Лазпас (Лесбос). Увы, и эта табличка слишком отрывочна, чтобы узнать больше, но она, видимо, относится примерно к тому же времени, что и нападение ахейцев на Вилусу. Последнее из упоминаний о проблемах с Вилусой показывает, что вскоре после этих событий (около 1230 г. до н.э.) смещенный правитель Вилусы царь Вальму получил убежище в соседней стране, надеясь, что Тудхалия IV восстановит его на троне — царская семья в изгнании. Еще из одной таблички того периода мы узнаем, что царь ахейцев, возможно, сам побывал на побережье Малой Азии, как это передают греческие сказания.

Троянская война в хеттских текстах?

Для ищущих историческую основу легенды о Трое следующее свидетельство, быть может, самое важ-

ное. Табличка из Богазкея, которую можно твердо приписать Хаттусили III (1265—1235 гг. до н.э.), — единственный хеттский текст, рассказывающий о личном участии ахейского-аххиявского царя в делах Анатолии, возможно, в войне на азиатской земле. Император Хаттусили рассказывает об этом после успешной военной кампании на западе. Приводимая версия взята из немецкого перевода Зоммера; в квадратных скобках даются конъектуры, сделанные им, поскольку текст был поврежден. Я усилил некоторые выражения там, где, по моему, это необходимо для лучшего понимания:

Земля реки Сеха вновь поarana. [Народ земли реки Сеха тогда сказал:] «Дед Его Величества не завоевал нас мечом. Когда [отец Его Величества] завоевал земли Арцавы, он не завоевал нас мечом. У нас [нет обязательств?] перед ним». [Поэтому земля реки Сеха] начала войну. И царь Аххиявы ушел. Теперь, когда он ушел, я, Великий царь, двинулся вперед. [Тогда мои враги отступили в горную страну:] я подчинил горный пик Харана. Затем 500 тачибунов лошадей я привел назад в Хаттусу.

Из этого текста можно сделать два важнейших вывода: во-первых, что царь Аххиявы находился в западной Анатолии и, во-вторых, что он оказывал помощь повстанцам в войне против хеттского царя. К сожалению, этого нельзя утверждать однозначно: ключевое слово, переведенное здесь как «ушел», может иметь несколько значений, в том числе «найти убежище с» или «надеяться на» (то есть он надеялся на поддержку царя Аххиявы).

Из этой истории о войне на земле реки Сеха мы можем сделать еще один вывод. Она рассказывает нам, что примерно в тот же период, каким традиция датирует Троянскую войну, ахейский царь был прямо или косвенно вовлечен в войну на побережье Малой Азии в районе, расположенном рядом с Троадой. Если мы примем перевод с царем ахейцев, «уходящим» из страны реки Сеха, то рассказ приобретет удивительное сходство с гомеровской поэмой, поскольку там певец сообщает о первом, неудачном походе — ахейцы под командованием Ахилла высадились в Тевфрании, ошибочно приняв ее за троянскую территорию, и в долине Каика (современный Бакийчай) получили отпор от Телефа, царя Мизии («Одиссея», XI, 519). Предание о «позорном бегстве» после опустошения Мизии мы находим во многих более поздних греческих источниках, включая Пиндара и Страбона. Если Каик и был Сехой, то такое совпадение заслуживает внимания. К сожалению, мы не знаем, где находилась Сеха, а в хеттском тексте не приведено имя «царя ахейской земли».

Мы взяли из хеттских табличек все, что на сегодня возможно, и почувствовали, что эта богатейшая россыпь дипломатических материалов позволила нам поближе взглянуть на реальную политическую борьбу в западной Анатолии XIII в. до н.э. Они снабдили нас реальным контекстом для войн, подобной изображенной Гомером. За последние полвека данные археологии, хеттских и греческих табличек, а также греческих легенд начали сходиться в одну точку. Теперь имеются ясные свидетельства греческой агрессии и расселения греков на анатолийском побережье, и архив из Богазкея, если

мы правильно его истолковали, подтверждает это. Если мы не можем доказать, что Троянская война происходила так, как пишет Гомер, мы можем, по крайней мере, показать, что нечто подобное *могло произойти*: военное вторжение в Троаду, нападения на города к югу от Трои и в Мизии, опустошение Ахиллом Лесбоса — все согласуется с путаной историей из хеттской переписки. Похоже, что и названия одни и те же. Если в этой легенде есть реалии, то проверить их можно по единственно надежным источникам — археологическим находкам, именам, записанным линейным письмом Б, и хеттским дипломатическим документам. И результаты оказываются на удивление хорошими.

Троянская война: хеттская версия?

Следует, конечно, остерегаться попытки установить знак равенства между фактами, почерпнутыми из хеттских табличек, и сочиненной спустя полтысячи лет эпической поэмой. Однако в табличках мы видим, что в XIII в. до н.э. ахейцы создавали хеттам проблемы и вполне могли совершать военные экспедиции в западную Анатолию, возможно, даже возглавляемые самим «царем Ахейской земли». Не следует слишком усердствовать в толковании таких свидетельств, даже с поправкой на то, что в поэме десятилетия событий могут быть сжаты в одно «героическое» деяние. Возможно ли пойти дальше и предложить на основании хеттских источников хотя бы гипотетическую модель происходившего? Честно говоря, при современном уровне изученности аххиявских табличек этого сделать

нельзя, но, как и в главе 5, я добавлю умозрительный кусочек к и без того гипотетической главе. Подозреваю, что его следует читать только ради развлечения, но он основывается на данных хеттских табличек при условии, конечно, отождествления греческого государства с Аххиявой.

Вечная угроза со стороны касков на северной границе, соперничество с Египтом в Сирии, где хетты владели богатыми торговыми городами, нарастающая военная мощь Ассирии в долине Евфрата заставляли Хаттусили III и Тудхалия IV мобилизовать все ресурсы империи. Каждый новый хеттский царь должен был принуждать к верности группу сильных западно-анатолийских государств, возглавляемых Арцавой. Все эти соперники заставляли часто прибегать к использованию армии: против касков, например, была проведена дюжина кампаний за 20 лет. Ни одна империя того времени не испытывала столь сильного давления, и неудивительно, что в XIII в. до н.э. хеттская дипломатия стала столь изощрена. В такой ситуации растущий интерес ахейцев к западной Анатолии был серьезной дополнительной проблемой. Хетты готовы были признать греческой область вокруг Милета и согласиться с ее границами, но Арцава, Мира, Вилуса и земля реки Сеха входили в сферу хеттских интересов, и любое вмешательство в их дела («дестабилизация», как выразились бы в те дни американцы) должно было пресекаться. А претензии греков все росли. В середине XIII в. до н.э. брат ахейского царя оказал поддержку самому опасному на западе врагу хеттов после войны между ахейцами и хеттами из-за царства Вилуса, чьим царем, возможно, все еще был Алаксанд. «Мы пришли к

условиям соглашения, — заявляет Хаттусили, — по упомянутому вопросу города Вилуса, из-за которого мы вели войну». Лишь десятилетием или двумя позднее члены вилусской царской семьи, оставшиеся в живых, оказались в изгнании в соседней западно-анатолийской стране.

Война проходила на северо-западе Анатолии, где у греков были прочные торговые связи с одной из сильнейших и богатейших крепостей — городом на Гиссарлыке, который мы называем Троя VI. То, что у Гиссарлыка было название, похожее на Трою или Вилион, выглядит вполне вероятным. Нужно принимать в расчет анатолийское название Таруиса в силу его сходства с греческим Троя и его связи с хеттской Вилусой, которая, возможно, является архетипом Вилиона. Ахиява/Аххиява; Алаксанд/Александр; Вилуса/Вилион; Таруиса/Троя: по отдельности каждая пара вызывает вопросы, но *четыре* сходства не позволяют думать о случайном совпадении. Выходит, ахейские войска в конце 1260-х гг. до н.э. напали на земли Вилусы — это и могло лечь в основу гомеровских сказаний, сохранивших даже имя троянского царя. В таком случае, город, подвергшийся нападению, был, скорее всего, Троей VI, а не Троей VIIa Блегена.

Очень может быть, что это был не единственный случай, когда ахейский царь приводил армию на северо-запад Анатолии. Примерно в то же самое время одна из арцавских стран, земля реки Сеха, отстаивала право не соблюдать преданность, которую требовал от нее Великий царь Хатти, и заключила союз с Великим царем ахейцев, как до нее это делали арцаване. При таком раскладе ахейский царь мог высадиться с армией на анатолийском берегу,

однако, когда хетты двинули армию на запад, бросил союзника, «позорно отступив», как скажет предание. Слова Хаттусили указывают на то, что земля реки Сеха была опустошена его армией, царь низложен, править поставлены верные вассалы. Не исключено, что именно тогда был разграблен и сожжен Ферми, главный город Лесбоса и один из крупнейших на Эгейском море. Сравнив археологические данные с хеттским преданием о нападении на Лесбос греческого союзника Пийямарада и рассказом Гомера о разграблении Лесбоса Ахиллом, не следует ли видеть в «Илиаде» сжатую картину многочисленных греческих набегов на Малую Азию? Хеттские таблички, похоже, это подтверждают.

На взгляд Хаттусы, это были серьезные волнения на северо-западной границе империи, и без того находившейся в тяжелом положении. Мы склонны представлять микенских царей грубыми, алчными, коварными пиратами, ищущими наживы и всегда готовыми извлечь выгоду из слабости другого. Но таков был мир разорителей городов. А что касается сварливого старика Хаттусили, солдата-ветерана с большими ногами, или более интеллектуального Тудхалия, их легко представить в храме в Язиликая, в царском зале приемов, в архивной комнате «большого форта» в Богазкее и почувствовать определенную симпатию к бьющимся в тисках проблем императорам бронзового века. Хаттусили, к примеру, был так справедлив по отношению к ахейскому царю:

Мой брат когда-то написал мне: «Ты действовал агрессивно по отношению ко мне». Но в то время, брат мой, я был молод [и неопытен в делах?]. Если в то время я написал что-то

оскорбительное, это не было сделано сознательно... Такие выражения приходят сами собой на ум солдату, полководцу...

В конце длинной центрально-анатолийской зимы он смотрел на кружащийся и падающий снег и почти каждый год планировал новые кампании против многочисленных врагов, проводя долгие часы у горящих жаровен в длительных обсуждениях с дипломатами договорных обязательств Вилусы или новостей в отношениях с Аххиявой. В архивах его МИДа хранились таблички с двухвековой историей дипломатических отношений с Западом. Их знания об Эгейском мире были отрывочными, а интерес к нему еще меньшим, но сейчас этот мир занимал важное место в их политике. Хеттские правители Хаттусили и Тудхалия оставили мемуары, и жаль, что они дошли лишь в отрывках, возможно, у нас появились бы ответы на многие вопросы. А пока, что касается предполагаемого анатолийского контекста в сказании о Трое, мы можем только надеяться, что будущие открытия новых хеттских архивов — может быть, в еще не отысканной южной столице хеттов — прольют новый свет на старые загадки. И все равно приятно представлять, что настоящий Парис, любовник Елены, не был гулякой, как его описывает Гомер, «сводящим с ума женщин» и выделяющимся лишь внешней красотой, источником насмешек для друзей и врагов, а был седым, умелым воином, за плечами которого остались двадцать лет дальних походов от Сирии до Трои.

Глава седьмая

«НАРОДЫ МОРЯ»

Тогда, в старые времена, мировая история состояла, так сказать, из серии несвязанных эпизодов, происхождение и последствия которых были разнесены столь же широко, как и места действия, но с этого момента история становится органичным целым: дела в Италии и Африке связаны с делами в Азии и Греции, и все события имеют взаимосвязь и вносят вклад в общий итог.

Полибий, «Всеобщая история»

Так Полибий, историк конца II в. до н.э., посвятивший свои труды войнам Рима с Карфагеном, оценивал значение подъема Рима. На самом деле, чем больше мы узнаем о позднем бронзовом веке, тем лучше видим, что основы единства стран восточного Средиземноморья были заложены намного раньше, чем думал Полибий. Люди путешествовали по морю со времен неолита, заселяя острова и эксплуатируя их природные ресурсы настолько, насколько позволял технологический уровень. К концу бронзового века между этими областями были проложены сухопутные и морские маршруты, которые продолжали существовать тысячелетиями. Как считает большинство специалистов, в XIV—

XIII вв. до н.э. микенские купцы селились на Кипре, в Угарите и могли проявлять свою активность и в других местах, например, в Тель-абу-Хаваме возле Хайфы, в Сарафенде в Южном Ливане, где найдено поразительное захоронение того периода. Связи между различными регионами Восточного Средиземноморья установились еще в среднем бронзовом веке, а в позднем бронзовом веке их судьбы, до определенной степени, связались воедино. И вполне вероятно, что крах централизованного правления во многих странах Эгейского мира и Анатолии мог быть вызван сходными обстоятельствами, а то и целью общих причин.

Взглянем шире на общую обстановку во времена разрушения Трои и конца Микенской «империи».

Торговые пути и контакты

Организованная торговля на Ближнем Востоке велась и до прихода греков в Эгейский мир и постепенно распространялась в западном направлении. В Канеше, в Анатолии, уже в 1800 г. до н.э. существовали ассирийские купеческие сообщества. Купцы жили в отдельном квартале, заключали между собой договоры, и их караванные пути тянулись к западному побережью. Возможно, «великий город Смирна», как его назвал англо-саксонский путешественник Зевульф, который около 1100 г. путешествовал по Эгейскому морю, — это и есть Ти-Смурна, упоминаемая в табличках, найденных в Канеше. Правители издавна контролировали коммерцию, получая дополнительные доходы и предметы роскоши. Из архивов линейного письма Б в

Кноссе и Пилосе видно, что микенские цари XIII в. до н.э. осуществляли именно такой контроль. Они импортировали слоновую кость, тмин, кориандр и кипрскую медь, все это доставлялось морем. Существовали, возможно, и небольшие иностранные общины в микенском Кноссе — «египтян», «ликийцев», «пийямуну» и других народностей с анатолийскими названиями, упоминаемых в табличках. Такие же сообщества должны были существовать и в Милете, занимающем столь важное место в нашем повествовании.

Если, как я показал, государство Аххиява из хеттских табличек было частью материковой Греции, то можно добавить к нашей картине греческие корабли, плывущие в сирийскую Амурру с товарами, предназначенными для Ассирии, расположенной в долине Евфрата. На них — текстиль и медные сосуды в «аххиявском стиле». Они могут везти в Египет, где мало олив, оливковое масло. Греческие гончарные изделия были так популярны на Ближнем Востоке, что кое-кто подозревает: не считались ли они ценностью у снобов. Или это просто показатель опытности греков в коммерции? Может, находимые повсеместно стремянные кувшины — просто тогдашние бутылки из-под «Коки»?

В Грецию прибывали рабы из Малой Азии (и Африки?). В кносских табличках упоминаются семена сыти с Кипра, кунжут, тмин, золото и пурпурная краска из Сирии — все они известны по семитским названиям. Экономика того времени испытывала острую потребность в меди, приходившей с Кипра (от которого металл и получил свое название), и поэтому на протяжении всего бронзового века (а бронза — это сплав меди с оловом)

Кипр имел огромное значение для Средиземноморья. Он играл роль перевалочного пункта между греками и Эгейским миром, с одной стороны, и Сирией, Угаритом и Ближним Востоком — с другой.

Среди обломков затонувшего корабля XIII в. до н.э., обнаруженного недавно у южного берега Турции, у мыса Гелидонья, было найдено до сотни медных слитков, каждый весом около 23 килограммов, — явно основной груз судна, направлявшегося в Эгейский регион с Кипра. Был найден и большой инструментальный ящик с кирками, лопатами, топорами, клинками, наковальней, двумя ступами, кувшинами для припасов, точильными камнями и так далее. А также вещи, возможно, принадлежавшие купцу: вертел, набор гирь, бронзовая проволока, лампа, тростниковая корзинка, бритва и зеркальце, египетские скарабеи и ближневосточная цилиндрическая печать. Удивительная возможность заглянуть в быт торговцев, бороздивших Эгейское море в позднем бронзовом веке!

Корабль, найденный у Карса на юго-западе Турции в 1982 г., перевозил около ста эгейских пифосов. Возможно, он держал курс на Восток с грузом зерна или масла. Такая торговля отмечается и в более ранние периоды бронзового века: древнейшие из найденных обломков кораблекрушений относятся к XVI в. до н.э. и были обнаружены в 1975 г. у Сейтан-Дереси вблизи Бодрума (Галикарнаса). Судно также было нагружено огромными пифосами, свидетельством того, что торговля процветала, по меньшей мере, 3000 лет, невзирая на подъемы и падения цивилизаций и вечную угрозу пиратства.

Мы уже высказывали предположение, что такую коммерцию могли организовывать на «государ-

ственном» уровне в связи с экспортом строительного камня с Мани в Микены и Кносс, и действительно, в XIII в. до н.э. обнаруживается крупномасштабный экспорт зерна из Угарита в хеттское государство «ввиду голода там». Предположительно, такие сделки организовывались на правительственном уровне посредством дипломатии. Как следствие, могло появиться торговое эмбарго в договоре между Египтом и хеттами либо переписка между хеттами и Аххиявой. Аналогично представляется возможным предположить, что поток микенских гончарных изделий в Восточное Средиземноморье в XIV—XIII вв. до н.э. — с примечательным единообразием стиля — пошел из мастерских в Арголиде под прямым контролем царя Микен.

Доминирующее положение микенцев в эгейской торговле просматривается весьма отчетливо. Но после разрушения старой ассирийской торговой сети в Анатолии минойцы с Крита, видимо, первыми осознали выгоду организованной коммерции в Эгейском мире. Это было тем, что Фукидид назвал минойским господством на Кикладах. Археология подтвердила его правоту. Британские раскопки в Филадельфии на Мелосе обнаружили там следы минойской «колонии», и еще одна колония была найдена на Кифере. Американцы раскопали на Кеосе, в Айя-Ирини, укрепленный город, имевший сильные связи с Критом в XVI в. до н.э. На Кикладах, на Аморгосе, Фере, Сифносе и Делосе обнаружены свидетельства минойских торговых связей, а на Делосе и Кеосе даже минойские технические приемы обработки текстиля. К XVI в. до н.э. критское влияние отчетливо просматривается на материковой микенской керамике и особенно заметно в уровне мастерства, с которым

изготовлены такие микенские шедевры, как найденные в шахтовых гробницах кинжалы и кубки. На западе минойцы добрались до Южной Италии и Сицилии (где, по утверждению одного авторитетного древнего ученого, Минос умер во время одной из экспедиций), а на востоке основали поселения на Родосе, Косе Самосе и даже на побережье Малой Азии и Иасосе и Милете. Последний обеспечивал минойским торговцам доступ в глубь Анатолии. Минойские купцы торговали с Сирией и Египтом, а минойские послы запечатлены в египетской настенной живописи: корабли из Кефтиу (с Крита) были, очевидно, обычным зрелищем в ближневосточных портах, а минойцы выполняли роль посредников в торговле на Западе. Тексты, найденные в Мари, городе на Евфрате, описывают критян как постоянных жителей Угарита, имевших собственных переводчиков и покупавших эламское олово при посредничестве правителя Угарита. Олово поставляли караваны, шедшие в Сирию из долины Евфрата. Обычно в караване было 29 ослов и 44 «бронзовых человека». Удивительно, но правители, желавшие контролировать столь важные потоки сырья, организовывали торговлю на совершенно современный манер: хетты, к примеру, держали в Угарите чиновников для ведения своих дел, а Угарит организовал в Хаттусе «дом документов», некое подобие банка.

В Угарите были найдены прекрасные камерные гробницы, из чего можно заключить, что минойские поселенцы были людьми богатыми и утонченными, чувствовавшими себя свободно в многонациональном, многоязычном городе. Микенцы начали вторгаться в этот мир еще до того, как свергли власть минойцев и оккупировали Кносс около 1420 г. до н.э.

Примерно за столетие до этого посуда их собственного производства достигла Мелоса и Наксоса, небольшое количество дошло и до Кеоса и Делоса. За этими пределами минойская посуда еще доминировала. Но после разграбления Кносса микенская керамика обнаруживается по всем Кикладам. В Филадельфии, в Иасосе, Милете и многих других местах микенские торговцы наступают на пятки критянам, а в минойских поселениях на таких островах, как Кос и Родос, греческие поселенцы, похоже, заняли место минойских, по крайней мере, в качестве правящей или коммерческой элиты. К XIII в. до н.э. (LN III B) микенская керамика расходуется по всему Эгейскому миру и обнаруживается в больших количествах в Сирии, Палестине и Египте. Недавно ее нашли и в центральных областях хеттского государства.

Количество микенской керамики XIV—XIII вв. до н.э., найденной на Ближнем Востоке, позволяет говорить о том, что торговля имела важное значение для правителей Арголиты и их соседей. Более чем на 60 раскопках (в Сирии, Ливане и Палестине) обнаружены подобные материалы, примерно на четверти из них — в заметных количествах. Еще более 20 площадок известно в Египте, на юг они распространены до таких городов, как Луксор и Фивы; основные залежи керамики находятся в Тель-эль-Амарне, археолог Флиндерс Петри ориентировочно оценивал их количеством от 200—300 до 800 сосудов — первая цифра более вероятна. Что бы ни поставлялось в этих кувшинах, благовония или масло, очевидно, что мы имеем дело не с мелкими или разовыми сделками по Эгейскому миру и всему Восточному Средиземноморью, а с коммер-

цией, занимающей центральное место в экономике дворцов позднего бронзового века. Как можно догадаться по дотошным описаниям в архивах линейного письма Б, дворцы зависели от эффективности хозяйствования.

Очевидно, что в силу изолированности государств Арголиты и Мессении из-за малости их собственных территорий они очень сильно зависели от внешних контактов в поставках сырья и предметов роскоши. Огромные потребности великих дворцов в пору расцвета обеспечивались заморской торговлей. При хрупкой экономике, чтобы сохранять общественный и политический строй, был нужен мир, который оставался относительно статичным. Государства нуждались в постоянных поставках бронзы, то есть меди с Кипра и олова для изготовления оружия. Они нуждались в постоянном притоке рабов из Малой Азии, Милета, Книда, Гиликарнаса (Зефира), с Хиоса и Лемноса для работы в поместьях, производства не только продуктов для внутреннего потребления, но и текстиля, масла и других товаров для экспорта. Еще одним источником рабов могли быть отсталые горные племена, обитавшие на окраине их мира в самой Греции. Нужны были постоянные набеги на заморские страны и соседние территории, чтобы захватывать не только рабов, но и сокровища и прочую добычу, для вознаграждения вооруженных сторонников, на чьих плечах держалась власть. Таким был образ жизни всех древних государств. Короче говоря, им была нужна стабильность в Эгейском мире и Восточном Средиземноморье, чтобы функционировали торговые маршруты, а рынки были доступны.

Действительно, XIV в. и большая часть XIII в. до н.э. — стабильный период материковой Греции, ког-

да были накоплены огромные богатства и созданы великолепные архитектурные творения. Но это был и период строительства мощных фортификационных сооружений. Мир нуждался в защите.

Расцвет и падение микенского мира

Микены достигли статуса «столицы» в XIV в. до н.э. С этого времени они оставались главной силой в Греции и, возможно, были известны хеттам как царство Аххиява. Пик их территориального роста и архитектурного развития приходится на XIII в. до н.э. (LN III B). Но еще до окончания подпериода III B, то есть до 1200 г. до н.э., главные центры микенской культуры были преданы огню. Среди них Микены, Тиринф, Пилос, Фивы, Орхомен, Аракс, Криса, Меленейон — фактически все династические центры, где располагались самые знаменитые дворцы греческих легенд. Этой участи из важнейших городов избежала только афинская цитадель. До последнего времени уничтожение городов было принято связывать с тем, что древние авторы называли «дорийским вторжением», а греческая традиция — «прибытием греков». Однако такая точка зрения не подкреплена археологическими находками, и сейчас считается, что дорийцы уже находились в Греции и были грекоговорящим народом (низшим классом?), пришедшим на смену своим хозяевам. Вопрос, что же случилось, остается одним из наиболее дискуссионных в истории Эгейского мира, а с трудностями в отыскании ответа сталкивались историки от Фукидида до Ибн-Хальдуна, Гиббона и Фернана Броделя. Что «случилось» около 1200 г. до н.э.? Одного

ли времени все разрушения? Вызваны ли они одной причиной? Или многими? Это дело рук человека или природной катастрофы? Внешнее вторжение или междоусобные распри? Междинастические раздоры или классовая борьба? Крестьянское восстание против угнетателей? Даже беглый просмотр аргументов показывает, насколько сложна проблема, и читатель должен принять во внимание, что никаких удовлетворительных объяснений специалистами пока не предложено. Возможно, в данном случае нет одного, всеобъемлющего, решения.

Частично проблема состоит в нехватке данных: ни один главный микенский дворец, за исключением пилосского, не был раскопан с применением современных методов. Одни, такие как микенский и тирифский, вскрывались Шлиманом, другие, как в Орхомене и Иолке, исследовались по частям, а данные о найденной в них керамике остаются неопубликованными. Но и Шлиман признавал, что разрушения в Микенах и Тиринфе произошли одновременно и имели огромное значение не только для Арголиты, но и для всей Греции в целом. А наследники Шлимана в Тиринфе стараются показать свою значимость новыми поразительными ответами на эти вопросы.

Хотя, как и Микены, цитадель Тиринфа в конце XIII в. до н.э. была незначительно разрушена (возможно, вследствие слабого землетрясения). Современные археологи, работающие на нетронутой «нижней цитадели» Тиринфа, полагают, что это связано с землетрясением исключительной силы и что оно же разрушило Микены (с чем согласны специалисты, ведущие там раскопки). В Тиринфе обрушились все крупные здания, а сохранившиеся перестроены

под крохотные временные жилища. Лишь в XII в. до н.э. город был реорганизован и появилось хорошо спланированное поселение с кварталами и улицами, идущими с севера на юг. К удивлению археологов, в городе проживало намного больше людей, чем можно было бы ожидать, словно сюда стекались беженцы со стороны (в архитектурном плане ближайшей предложенной аналогией являются новые греческие колонии на Кипре). С 1190-х гг. до н.э. до приблизительно 1150 г. до н.э. город бурно рос. Затем численность населения начала уменьшаться (хотя не так резко, как это произойдет после 1100 г. до н.э.), выпуск гончарных изделий упал, украшения стали беднее. Ориентировочно население этой области сократилось вдвое. Несколько ранее сходная картина наблюдалась в Мессении и Лаконии (с конца XIII в. до н.э.). Видимо, поскольку Арголиты была расположена у моря и имела хорошие торговые связи с Левантом и Италией, ее экономика оказалась живучее, чем у западного Пелопоннеса. Еще более века люди здесь жили прежним укладом и культурными традициями: обнаруживается четкая непрерывность, например, в расположении культовых помещений, которые оставались на том же месте до 1050 г. до н.э. Дорийцы здесь никакой роли не играли, археологически они вообще не присутствуют. Похоже, что разрушения не являются следствием войны. Данные из Тиринфа получены недавно и нуждаются в оценке. Однако они предполагают, что микенское общество, по крайней мере в его центре власти в Арголиты, претерпело весьма сложные изменения. Хотя и документальные и археологические свидетельства, найденные в других местах, указывают на то, что «омерзительный грохот войны», как

выражался Гесиод, мог сыграть роль в процессе упадка.

Середина XIII в. до н.э., эпоха Агамемнона, была эпохой милитаризма. Археология не оставляет сомнений на этот счет. В Микенах и Тиринфе возводятся могучие укрепления и предпринимают сложнейшие инженерные меры, чтобы при осаде гарантировать водоснабжение с помощью туннелей, пробитых в скалах под крепостными стенами. В Афинах, где остатки мощной микенской крепостной стены до сих пор сохранились у входа в Акрополь, раскопана глубоко зарытая цистерна, использовавшаяся всего несколько десятилетий в районе 1200 г. до н.э. В других местах материковой Греции были построены огромные изолированные сооружения. Такие укрепления могли служить лишь как внешние оборонительные постройки, а на береговой линии или на мысах они являлись передовой линией обороны при угрозе с моря. В Араксе, на северо-западной оконечности Пелопоннеса, сохранились огромные стены на крутом утесе, с которого открывается чудесный вид на море в сторону запада. Может быть, это и есть «Мирзин приграничный» из гомеровского списка кораблей, пошедших на Трои. На диком и пустынном мысе полуострова Мани (юг Пелопоннеса) стояла еще одна циклопическая крепость, вознесенная на 15-метровый утес, пристанище морских птиц, позднее смененная франкским замком Майна. Возможно, это была передовая линия обороны Лаконии, гомеровская «стадам голубиным любезная Месса». На северо-востоке Пелопоннеса, на Коринфском перешейке, было начато строительство стены, которая, возможно, должна была перегородить весь перешеек для защи-

ты от нападения с севера. Впечатление такое, что на Пелопоннесе непрерывно ожидали нападений с моря. Египетские тексты (примерно с 1300 г. до н.э.) указывают на то, что морские разбойники причиняли много беспокойства и бед Восточному Средиземноморью. Подтверждение такого рода толкованию мы видим в табличках, найденных в Пилосе, из текста которых некоторые ученые делают выводы о приготовлениях к атаке с моря. Эти драматические документы позволяют нам заглянуть в мир огромного дворца в канун его гибели.

Последние таблички из Пилоса, например, рассказывают о гребцах, которых собирают из пяти мест, чтобы идти к Плеврону на берегу. Во втором, неполном, списке перечислены 443 гребца — команды по меньшей мере 15 судов. Другой список, почти микенский перечень кораблей, — 700 человек, составляющих оборонительный отряд. С учетом пропусков в табличке можно полагать, что всего было перечислено около тысячи человек, чего хватило бы, чтобы укомплектовать 30 кораблей. Если принять численность постоянной армии как 2000 человек или около того, то получается, что выставлены силы, сравнимые с 90 кораблями, отправленными Нестором к Трое, согласно «Илиаде». Не похоже, чтобы в то время Пилос имел какие-либо укрепления: царь жил в роскошном дворце над заливом, уверенный в военной мощи. Однако теперь мы видим, что на длинной береговой линии Пелопоннеса была организована дозорная служба. Одна из наиболее важных табличек озаглавлена: «Так часовые охраняют берега». Она читается, как инструкция английской гражданской обороны в годы Второй мировой войны.

Отряд Шалея в Овитоно... пятьдесят человек из Овитона пойдут в Ойхалию... отряд из Недватаса... двадцать человек из Кипариссии, в Арувоте, десять кипарисцев в Айталеves... отряд из Троса в Ро-о-ва: издольщик Ка-да-си-е, исполняющий феодальную службу... сто десять человек из Ойхалии в А-ра-ту-ва.

Что случилось после — загадка. Сразу после того, как были написаны таблички, дворец был уничтожен сильнейшим пожаром. Человеческих останков не найдено, вероятно, за дворец не сражались. Если катастрофа была делом рук человека, можно предположить, что царские сокровища разграбили, а женщин и детей увели в рабство. Судьба Трои стала судьбой Пилоса. Случилось это в начале года, так как нет следов стрижки овец или сбора винограда; несчастье, возможно, произошло в «месяц мореходов», пловистио (март), когда возобновилась навигация. Последнее, что смог царь Пилоса, — приказал совершить жертвоприношение, возможно, человеческое: «Исполните обряды в храме Зевса и принесите дары: Зевсу — одну золотую чашу, одного мужчину; Гере — одну золотую чашу, одну женщину». Табличка осталась недописанной, текст нацарапан неразборчиво и в спешке... Больше никогда в Пилосе не жили ни мужчины, ни женщины.

Трагический рассказ, если мы прочитали его правильно. Но все же нет уверенности, что документы говорят об исключительной ситуации, обороне на последнем рубеже, или даже о том, что катастрофа была рукотворной. И была ли судьба Пилоса судьбой остального микенского мира? Как ви-

дим, в это время уничтожены многие города, некоторые — Пилос, Менелайон, Криса, Зигуриес, Мидея и Эвтрес — никогда не были восстановлены, другие — Микены, Тиринф и Араке — возродились и дожили до новых разрушений в XII в. до н.э. Какие-то города вообще избежали разрушения, например Афины и, как ни странно, Асина на побережье вблизи Тиринфа. Как нам интерпретировать такие факты? Историки отходят от точки зрения, что на всю материковую Грецию, наводненную захватчиками, обрушилась одна катастрофа, теперь считается, что к упадку привел целый спектр местных условий и многочисленных причин. Кое-где угасание длилось более столетия и даже перемежалось подъемами в экономике и численности населения, как в Тиринфе. И все-таки существовал один внешний фактор, который мог привести к постепенному ухудшению материковой экономики к концу XIII в. до н.э. Фактор, который мог поколебать благополучный и стабильный мир материковых правителей и потребовать тех самых военных приготовлений, что мы наблюдали по всей Южной Греции. Таким фактором явились захватчики, в которых часто видели предвестников насильственного конца Эгейского бронзового века. Это были «народы моря».

«Народы моря»: кем они были?

Современный термин «народы моря» взят напрямую из названия, которое древние египтяне использовали, говоря о племени, совершившем на них два крупных нападения приблизительно в 1210 и 1180 гг. до н.э. Вообще же, «народы моря» встречаются в еги-

петских источниках значительно раньше, но эти два хорошо известных упоминания относятся к наиболее значительным. Примерно в 1210 г. до н.э. фараон Меренпта поведал о победе в западной пустыне над ливийцами, которые привели с собой в качестве союзников «народ Шердена, народ Шеклеша, народ Акайваша из чужих земель Моря... Акайваша — иноземцы с моря». Акайваша — не единственный «народ моря». Были и другие народы, рассматривавшиеся таким же образом. В списке северных врагов Рамзеса III (около 1180 г. до н.э.) вождь шерденов назван «Шердена с моря», перечислены «вождь тьекериу-врагов», «Турша с моря» и «вождь пулисати (филистимлян) врагов». В надписи, увековечивающей победы Рамзеса III над ливийцами на западе и нубийцами на юге, упоминаются «чужие земли, острова, с которых приплыли против его земель», и среди них филистимляне и «Турша из середины моря». (Когда писались все эти тексты, филистимляне еще не осели на своих библейских землях, они входили в состав племен, мигрировавших с севера, с островов, по библейским преданиям, их родиной был Кафтор, то есть Крит.) Наконец, в папирусе Харриса читаем слова Рамзеса III: «Я низверг всех, кто преступил границы Египта, придя со своих земель. Я сразил данунов с их островов, тьеккеру и филистимляне... шердены и вешеси с моря обратились в ничто».

Кем бы ни были эти таинственные агрессоры, египтяне были с ними знакомы. Где-то около 1290 г. до н.э. Рамзес II уже вынужден был сражаться в Дельте с морскими разбойниками, включая шерденов, «которые пришли на военных кораблях из середины моря». Это, видимо, было важное сражение: Дель-

та «теперь пребывает в безопасности, обретая покой», — утверждает источник 1278 г. до н.э., теперь, когда царь «уничтожил воинов Великого Зеленого Моря». И действительно, после этого сражения было взято так много пленных, что Рамзес смог выставить вспомогательные части из шерденов в битве с хеттами при Кадеше в 1274 г. до н.э.

Вполне вероятно, что морские разбойники представляли собой растущую угрозу Восточному Средиземноморью еще за столетие до решающих набегов. Откуда они явились и кем они были? Это вопросы дискуссионные, но общая картина достаточно ясна: если какая-то часть «народов моря» и была мигрантами, то многие были обычными пиратами. Народ лукка, который жил на анатолийском берегу напротив Родоса, совершал пиратские рейды на Кипр, на Финикию, на Северную Африку. Термин «море», или «Великое Зеленое», обозначает Восточное Средиземноморье в целом. Такие народы, как акайваша, филистимляне, шердены и лукка, не имели изначальной связи с Сирией, Палестиной или Египтом: они находились за пределами этого мира, за морями на северо-западе. Похоже, что «острова», с которых они пришли, расположены в Эгейском море, и в этой связи была выдвинута пленительная гипотеза: а вдруг египетские акайваша — это гомеровские ахейцы (пусть и совершавшие обрезание, как рассказывают египтяне, хотя исторические греки такой обычай не практиковали)? Могут ли скрываться гомеровские троянцы, тевкры за названием тьекериу? Или тирсе-ны (лидийцы из западной Анатолии, которые затем якобы перебравшись в Италию) за «турша из Моря»? Короче, не были ли «народы моря» миг-

рирующими народами, которые прошли через Эгейский мир с севера в Египет и поспособствовали крушению мира микенских дворцов? Или это были просто микенские греки — бездомные мигранты, банды разбойников и кондотьеров, сорвавшиеся с места, когда экономические, социальные или какие-то другие явления разрушили хрупкую стабильность их общества? На такие размышления наводит похожесть военного снаряжения и шлемов греков, скажем, на микенской вазе, и оружия «народов моря», изображенных на египетских рельефах и изразцах. Примечательно, что, когда филистимляне (пулиساتи), потерпев поражение, были расселены египтянами в полосе Газы, их керамика и оружие оказались сходными с эгейским. Кроме того, библейские предания связывают филистимлян с Кафтором (Критом) и Эгейдой. Для других народов, упомянутых как «северные агрессоры», несмотря на привлекательное сходство имен, мы не имеем возможности провести надежную идентификацию. Некоторые совершенно загадочны и, вероятно, такими и останутся. Но судьбу шерденов и шеклешей, как и филистимлян, *можно* проследить дальше: этимология названий связывает их с Сардинией и Сицилией. Не исключено, что кто-то мигрировал в западном направлении после потрясений начала XII в. до н.э. На это указывают и греческие предания, и археологические данные. Мы не должны, однако, считать, что это были огромные миграции народов вроде «великого переселения народов» после падения Рима.

Египетские надписи дают нам совершенно точные цифры потерь «народов моря» в битве с Меренптой: убито по меньшей мере 6300 ливийцев, 1213 акайваша, 742 турша и 222 шеклеша. Прочие циф-

ры утеряны. Более 9500 человек (включая женщин) взяты в плен. Стало быть, нападение около 1210 г. до н.э. совершили в основном ливийские войска, пополненные отрядами воинов «народов моря». Всего сражалось около 20 000 человек, из которых примерно четверть составляли «люди моря». Имели «народы моря» организованные поселения в Ливии или они действовали из Эгейского региона? Мы не знаем. Примерно поколением позже Рамзес III столкнулся с нападениями сходного масштаба: более 12 000 человек было убито в ливийском сражении в пятый год его царствования, еще 2000 убито и 2000 взято в плен шестью годами позже. Для нападения «народов моря» в восьмом году (около 1180 г. до н.э.) у нас нет цифр, но вполне правдоподобно предположить, что это была армия в 10 000 человек, к которой нужно добавить женщин, детей и нестроевых (передвигавшихся на бычьих упряжках). По тому времени это были огромные армии. Хеттская армия при Кадеше, со всеми союзниками, насчитывала 35 000 человек, но отдельные монархии не могли обладать столь внушительной военной силой. Даже крупные микенские царства, такие как Пилос или Тиринф, при ориентировочной численности населения более 60 000 человек, снаряжали для наступательных кампаний армии, *самое большее*, в 2000—3000 бойцов.

Что случилось?

Рассказ об этом последнем нападении запечатлен на чудесном рельефе в Великом храме Рамзеса III в египетском Мединет-Абу:

...чужие страны приготовили заговор на своих островах. Внезапно земли пришли в движение, рассеянные войной. Ни одна страна не могла устоять перед их оружием. Хатти, Коде [т. е., Киццуватна, государство в районе Тарса в Южной Турции], Каркемиш, Арцава и Алашия — они были погублены. Лагерь был поставлен в одном месте в Аморе [Амурру — Сирия, предположительно — прибрежная равнина]. Они разорили его народ, а земля его стала такой, словно на ней никогда ничего не существовало. Они двигались на Египет, пока огонь готовился для них... В их союз входили народы пулисет [филистимляне], тбекер, шекелеш, дениен и вешеш, единые земли. Они протянули руки к землям до самого края Земли, их сердца уверены в себе: «Наши планы сбываются» ... Я [Рамзес] организовал мою границу в Джахи [между Египтом и Палестиной]... Я велел устью реки [Нила] приготовиться стать твердой стеной с военными кораблями, транспортами и купцами, с полными командами от кормы до носа и храбрыми бойцами... (Выделение мое.)¹

Последовали два сражения — одно на суше, другое на море. Агрессоры, вероятно, проникли до самой египетской границы, но, возможно, были захвачены врасплох, поскольку рельефные сцены в Мединет-

Абу изображают беспорядочную рукопашную схватку с бычьими упряжками с женщинами и детьми посреди сражающихся. Не обремененные подобным образом египтяне смогли воспользоваться конями и колесницами для наступления, поддержанного наемниками, включающими шерденские отряды. На суше захватчики были полностью разбиты. Развязка наступила после жестокой морской битвы в Дельте с флотом «народов моря». Здесь он был загнан в ловушку и уничтожен.

Что же до тех, кто пришел морем, то сплошное пламя встало перед ними в устье реки, а частокол копий окружил их на берегу. Их вытаскивали на берег, окружали и швыряли наземь, хватали, опрокидывали и убивали на берегу, их корабли свалились в кучу, а их груз...

Были взяты в плен многие народности, каждая схематически отображена на рельефе своим отличительным, специфическим оружием, и среди пленников были «вожди всех стран», которые были казнены: «Как птицы в сетке... их вожди были уведены и убиты». Рядовых пленников расселили в стратегических пунктах на границе, используя примерно так же, как римляне во времена поздней Империи использовали германских федератов. «Я поселил их в крепостях, связав моим именем, — говорит Рамзес. — Они исчислялись сотнями тысяч. Я брал с них плату за одежду и зерно из прибрежных домов и амбаров каждый год». Среди них были филистимляне, которые в XII в. до н.э. появились на «пути Ханаана», линии египетских фортов, идущей вдоль сектора Газы. Найдены их захоронения, де-

¹ Именно «выделение» (неоднократно обыгрываемое далее) в русских работах переводится иначе: «В один момент поражены и рассеяны в сражении страны хеттов...». Цит. по: Д. Г. Редер., Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963. С. 133. — *Прим. перво.*

монстрирующие странную смесь похоронных обычаев: антропoidные гробы в египетском стиле, керамика, похожая на микенскую XII в. до н.э., воинское снаряжение, напоминающее амуницию воинов на микенской вазе. Их древние традиции остались, если они действительно происходили из Эгейского мира, как утверждает Библия: на филистимлянине Голиафе, сражающимся с юным Давидом, хорошо узнаваемое микенское военное снаряжение! Развязку великого похода 1180 г. до н.э. можно реконструировать с достаточной определенностью. Но что ему предшествовало? Откуда явился союз «народов моря» и почему он пришел в движение? Действительно ли он составлял единое целое? Вопросы, на которые у специалистов все еще нет ответов.

Археологические данные, возможно, позволяют нам подтвердить общую картину периода нестабильности и насильственного разрушения. Но Рамзес называет Хатти, Коде, Каркемиш, Арцаву и Алашию «погубленными» «народами моря». Можно ли в это верить? Могло ли случиться, что все эти страны были уничтожены нападением 1180 г. до н.э.? Дата, конечно, хорошо согласуется со временем разрушения хеттской столицы в Богазкее, дворца в Мерси-не в Киликии (Коде), Тарса в Киликии и Каркемиша. В частности, этому есть драматическое подтверждение в последних глиняных табличках, написанных в великом городе Угарите в Северной Сирии:

Царю Алашии [Кипр], моему отцу, я говорю. Соответственно, говорит царь Угарита, твой сын. Пришли корабли врагов, некоторые мои города сожжены, и они делают злые вещи в нашей стране. Мой отец явно не зна-

ет, что все мои войска развернуты на хеттской территории, а все мои корабли удалились от ликийского берега. Они [пока] не вернулись, поэтому страна отдана на милость врага. Пусть мой отец поймет это! И что семь вражеских кораблей появились у побережья и делают ужасные вещи. Сейчас, если есть еще неприятельские корабли на подходе и какого типа, пожалуйста, сообщи мне — я должен знать об этом!

Письмо еще обжигали в печи, когда Угарит был сожжен. Возможно, атакой с моря, хотя археологи приписывают окончательное уничтожение города землетрясению. Разрушения на Кипре, случившиеся в то же время, могли быть связаны с теми же проблемами, которые заставили флот Угарита отправиться на запад.

Эти последние таблички из Угарита указывают на еще один важный фактор: в тот критический момент царь Угарита срочно отправляет зерно из Мукиша в Уру в Киликии (Южная Турция), чтобы «облегчить тамошний голод». Если это было нечто большее, чем местные трудности, то можно предположить, что климатические и экономические условия в Эгеиде и Анатолии способствовали миграции в южном направлении. Это, в свою очередь, позволило бы, например, дать объяснение археологическим свидетельствам массового снижения численности населения в Мессении. Такого рода объяснениями занимались климатологи и получили интересные результаты. Изучение изменений климата по кольцам роста деревьев и осадениям пыльцы, флуктуации фаз роста европейских тор-

фяных болот и уровня воды в озерах позволили специалистам предположить, что около 1200 г. до н.э. в Европе и Эгейском регионе произошел климатический кризис, который мог способствовать перемещению людей с Венгерской равнины во Фракию, а оттуда в Эгейский регион. Депопуляция в Мессении (и центральной Анатолии?) могла тогда быть связана с такой миграцией и, как с дополнительной причиной, с засухой. Стоит вспомнить рассказ Геродота о том, как после Троянской войны Крит был настолько опустошен чумой, что стал фактически необитаемым. Все это сложные вопросы, которые, хотя и имеют большое значение для нашего исследования, не могут быть рассмотрены в рамках настоящей книги, и читателю рекомендуется обратиться к книгам и статьям, указанным в библиографии. Но такой анализ показывает, насколько неверные выводы могут оказаться следствием использования традиционных методов исторического расследования при поиске ответа на вопросы, которые оказались связанными с весьма долгосрочными проблемами упадка.

Итак, свидетельства, полученные из разных мест, включая угаритские указания на голод, позволяют предположить, что не все было ладно в Эгейском мире и в Малой Азии в конце XIII в. до н.э. И это не позволяет нам сказать, что «народы моря» ответственны за падение Хеттской империи, с учетом того, что те, кого египтяне называли «народами моря», были лишь составной частью в крупных перемещениях народов и общего распада в Восточном Средиземноморье. Однако, несмотря на то что большое число крупных хеттских городов, таких как Богазкей и Масат-Уюк, действительно пали

около 1180 г. до н.э., современные исследователи Богазкея склоняются к тому, что пожар, уничтоживший их, связан скорее с внутренними потрясениями, чем с нападением внешних врагов. Допустив небольшую вольность, мы можем проследить путь «народов моря» через Амурру-Сирию, которую, как говорит Рамзес, они опустошили. В то время был разграблен Тель-Сукас на сирийском побережье, а также Хамат, Каркемиш, Асана, Сидон и Тель-абу-Хавам, большой город вблизи Хайфы. В нескольких случаях разрушение привязано к керамике, которую ученые обозначают LH III C 1, датируя ее приблизительно 1180 г. до н.э. Таким образом, разрушение этих городов совпадает по времени с великим сухопутно-морским нападением. На Кипре катастрофа, обрушившаяся на Китион, при которой сгорел Энкоми, также указывает на «народы моря». Достаточно любопытно, что оба эти города были восстановлены греками. При всех тесных контактах с Кипром настоящая иммиграция греков на Кипре начинается только во времена «народов моря».

Находились ли среди «людей моря» эгейские воины? Это представляется вполне вероятным, но те события покрыты мраком неизвестности. Соответствуют ли они истории тех материковых государств, которая уже в подробностях нам известна? Например, с депопуляцией в Мессении после падения Пилоса? Или с ростом численности населения Арголиды вокруг Тиринфа в то же время? И имеют ли египетские тексты какое-либо отношение к более поздним греческим легендам о переселениях в Анатолию, на Сицилию и в Южную Италию после Троянской войны. Легендам, в кото-

рых обнаруживаются любопытные аналогии с нашими откровенно неоднозначными лингвистическими доказательствами миграции «народов моря» в эти же районы? Могут ли в рассказе о набеге воинов Одиссея на дельту Нила содержаться смутные воспоминания об ужасной катастрофе, постигшей акайваша и остальных?

*Дней через пять мы достигли прекрасных течений Египта.
Там, на Египте-реке, с кораблями двухвостыми стал я.
Прочим спутникам верным моим приказал я на берег
Вытащить все корабли и самим возле них оставаться,
А соглядатаев выслал вперед, на дозорные вышки.
Те же в надменности духа, отваге своей отдаваясь,
Ринулись с вышек вперед, прекрасные нивы египтян
Опустошили, с собой увели их супруг и младенцев,
Их же самих перебили. До города крики достигли.
Крики эти услышав, египтяне вдруг появились
С ранней зарею. Заполнилось поле сверканием меди,
Пешими, конными...*

*Многих из нас умертвили они заостренной медью,
Многих живьем увели, чтоб трудились на них подневольно».*

«Одиссея», XIV, 258 (пер. В. Вересаева)

Какими бы привлекательными и правдоподобными ни были эти рассуждения, пока они не больше чем рассуждения. Но есть одно важное событие, связь которого с атакой «народов моря» в 1180 г. до н.э. мы еще не исследовали — могло ли и падение Трои оказаться делом рук «народов моря»?

Троя VIIa — осада Трои теряется опять

Читатель помнит, мы остановились в вопросе о разграблении Трои на заключении Карла Блегена, что город, названный им Троя VIIa, город лачуг и суповых кухонь, и был гомеровской Троей, уничтоженной огнем и мечом. Мы сделали свои оговорки по поводу такой интерпретации, но на время с ним согласились. Но теперь мы больше не можем откладывать установление даты разрушения Трои VIIa, единственного слоя позднего бронзового века на Гиссарлыке, который выглядит так, словно город пал перед наступавшей армией. Прав ли Блеген? Здесь мы не можем обойтись без кое-каких технических подробностей, и, надеюсь, читатели это стерпят. Слой расцвета Трои VI (фазы d-g) содержит кусочки импортной микенской керамики класса, известного под обозначением LH III A. В слое последней фазы, городе высоких башен (VIh), по мнению Блегена, содержались керамики и LH III A, и III B. Но последние исследования дают основания полагать, что в Трое VI нет керамики III B, а, следовательно, гибель города должна была произойти около 1300 г. до н.э. или лет на 10—20 позднее. Поэтому Троя VIh была городом, известным микенцам на пике могущества «мира дворцов» в материковой Греции XIV в. и начала XIII в. до н.э., и микенский импорт это подтверждает. Троя лачуг и суповых кухонь, Троя VIIa — продолжение того же поселения — начинается где-то с 1300—1275 г. до н.э. В ней почти не обнаруживается микенской керамики того периода — только один странный черепок, подавляющее большинство — это троянская имитация микенского стиля. Но как долго существовала Троя VIIa?

Блеген утверждал, что «ни единого кусочка» керамики LH III C не было найдено в Трою VIIa (когда он это писал, началом подпериода III C считались 1230—1200 гг., теперь оно смещено на 1190—1185 гг. или позже). Сейчас ясно, что несколько кусочков LH III C *были* найдены в Трою VIIa, а это позволяет предположить, что она была разрушена около 1180 г. до н.э. Такой вывод подтверждается появлением еще одного типа керамики, так называемого «амбарного класса», в следующей фазе Трои — VIIb I. Эта фаза могла лишь едва начаться до того, как керамика «амбарного класса» широко распространилась по Греции, то есть в 1170—1160 гг. Получается, что Троя VIIa, которую Блеген считал гомеровской, существовала намного позднее Троянской войны, если та велась с экспедиционными войсками во времена микенских дворцов. Соответственно, если Блеген был прав в оценке продолжительности существования поселения VIIa, то падение Трои VI случилось бы невероятно поздно, скажем, между 1250 и 1200 г. до н.э. Итак, Блеген проявил излишнюю смелость в датировке разграбления Трои VIIa 1240 г. до н.э., не говоря уж о 1270 г. до н.э. Это становится очевидным, если мы пойдем по времени назад от момента разграбления Трои VIIa. Блеген определяет продолжительность ее существования в пределах полувека или «даже одного поколения» (ясно, ему неохота была сказать: десяти лет!). Если Троя VIIa пала около 1180 г. до н.э., то падение Трои VIIb должно датироваться примерно 1200 г. до н.э.

Однако была ли жизнь Трои VIIa такой короткой? Непохоже. Ранняя оценка Блегена «в пределах столетия» более близка к истине. В двух до-

мах были два настила полов, а в одном — три. Не перекладки (которые еще встречаются в деревнях Анатолии), а слои до метра в глубину, собиравшиеся на продолжении длительного времени. Это отбрасывает Трою VIIa далеко в XIII в. до н.э., но оставляет достаточный промежуток для появления керамики III C — 40—50 лет кажутся правдоподобной нижней оценкой. Получается, что Блеген укоротил жизнь Трои VIIa, ее лачуги и кувшины с припасами появились не из-за одного события, они были атрибутами жизни на протяжении длительного времени, а не краткосрочной, экстренной мерой. Они представляют собой архитектурный облик всей фазы поселения, и любопытно, что это не было замечено критиками того времени. Действительно, археология Трои VIIa хорошо соответствует беспокойному периоду 1210—1180 гг., периоду вторжений «народов моря», потрясений на «островах Великого Зеленого», описанных в египетских текстах, когда города Восточного Средиземноморья были весьма уязвимы, поскольку центральная власть повсюду ослабела. Если мы желаем привязать жестокое разграбление, открытое Блегеном, к одному частному событию (а я бы подчеркнул, что нет необходимости так делать), было бы неправильно игнорировать рейд «народов моря» в 1180 г. до н.э., погубивший города в западной Анатолии, как раз в районе Трои. Тогда нападавшие опустошили Арцаву и Хеттское государство прежде, чем повернули на юг. Трою VIIa, как и другие города Анатолии и Сирии, *могли* уничтожить «народы моря», кем бы они ни были.

Как видим, увлеченный желанием не «отстать» от Гомера, Блеген отвел жизни Трои VIIa всего 30 лет —

1270—1240 гг. до н.э. Троя VIIa пала около 1180 г. до н.э., уже после того, как на материке были разрушены великие дворцы. Становится ясно, что Троя VIIa *не могла* быть гомеровской Троей — ей *могла* быть Троя VIIh. Но если Троя VIIh погибла от землетрясения, как быть с Троянской войной? Неужели мечте Шлимана не суждено сбыться? Но я не считаю, что эти последние открытия, связанные с датировкой падения Трои VIIa, однозначно исключают ее присутствие в модели Троянской войны.

Еще одна Троянская война? «Народы на островах пришли в движение»

Не могли ли микенцы разграбить Трою VIIa? Не великая коалиция, возглавляемая микенским верховным вождем, а микенские «викинги», рассылавшие своих корсаров по всему Эгейскому миру в первой половине XII в. до н.э., во времена потрясений? Название «народы моря» не должно вызывать ошибочного впечатления, будто это был единый организованный союз. Мы можем провести аналогию с викингами: дети микенских правителей с дружинами, эти цари без царств, ренегаты и пираты могли воспользоваться всеобщей смутой, чтобы грабить города Эгейского мира. Разорители городов, должно быть, отправлялись на судах из Тиринфа еще в XII в. до н.э. Разве мыслимо, чтобы Троя VIIa пала перед бывшими микенцами? И что предание о Трое относится к годам упадка, то есть к XII в. до н.э.? В такой интерпретации нет ни славной Трои, ни Микенской «империи», зато в ней есть осада города, подтвержденная археологическими данными. Аль-

тернатива — Троянская война происходила во времена расцвета Микенской «империи», во времена высоких стен Трои VI, что соответствует эпическим преданиям. Но, согласно археологическим данным, тогда не было осады. Можно ли примирить эти факты между собой? Давайте вернемся к разрушению Трои VI. Современная археология датирует разрушение города примерно 1275 г. до н.э., и способов определить его точнее нет. Свидетельства землетрясения представляются убедительными, но Блеген обследовал лишь небольшую часть города.

Разрушение Трои VI землетрясением

Расположенный на стыке так называемых африканской и евразийской плит, Эгейский регион подвержен землетрясениям. Сама Троя стоит вблизи стыка одного из местных промежуточных «блоков» земной коры и края главного анатолийского разлома. Здесь проявляется сильная сейсмическая активность: с 1912 г. зарегистрировано 27 землетрясений, некоторые (в 1912, 1935, 1953, 1968 гг.) — до 6—7 баллов по шкале Рихтера («...общая паника. Плохие строения разрушаются, хорошие — получают серьезные повреждения. Фундаменты, как правило, получают повреждения. Здания смещаются с фундаментов»). Такой силы землетрясение предполагается и для Трои VI. Но в этом районе регистрировалось и 8,9 баллов, когда повреждение рукотворных конструкций было тотальным. Период между 1939 и 1968 г. был, похоже, особенно плохим. Представляется, что периоды сильных толчков сменяются относительным затишьем, которое

может длиться до 150 лет, прерываемым примерно каждые 20 лет слабыми землетрясениями в регионе Трои. Землетрясение силой 6—7 баллов можно ожидать в Троеде в среднем раз в 300 лет. Как уже говорилось, «регион Трои» велик, землетрясение такой силы в 60 милях от города (что относится к большинству перечисленных выше) не затронет Трои, для сильных разрушений эпицентр должен располагаться непосредственно под городом.

История землетрясений в Трое была определена по разрезам Шлимана. Блеген и его команда показали, что Трои III, IV и V получили повреждения именно в результате сильных землетрясений и что повреждения Трои VI, самой прославленной, — самые сильные. Предположительно, глинобитные надстройки главной стены рухнули вниз, аналогичным образом пострадали и дома. Археологи пришли к мнению, что разрушения повлекли за собой экономические проблемы, которые в конечном счете и определили облик Трои VIIa.

Было выяснено, что главная стена Трои VI установлена на земляной подушке на скальном основании (предположительно, для защиты от землетрясений). В то же время башня города VIIh стояла прямо на скальном основании, на ней видны большие трещины. Большой участок стены на юге, первоначально вертикальный, частично сместился и слегка наклонился к северу. Смещение, похоже, сопровождалось падением массы камней с надстроек на стене и произошло прежде, чем было основано последующее поселение. Дом VIg рухнул вследствие катастрофы: у его северной оконечности обвалилась восточная стена. Множество прямоугольных камней упало внутрь цитадели с верхней час-

ти башни VIIh. Обрушилась восточная стена дома VIe. Повсюду на участках, исследованных американцами, находился толстый слой обломков, датированных последней фазой шестого поселения, глубиной до четырех с половиной футов.

Блеген был убежден в ошибке Дёрпфельда, полагавшего, что разрушения Трои VI были делом вражеской армии. Давайте пока придерживаться версии землетрясения. Сейсмологи различают «сплошные разрушения» и менее катастрофические, а последствия мощного землетрясения, предположенного Блегеном, подходят, скорее, под категорию «сплошных разрушений». Тем не менее насколько верны выводы Блегена об экономических и социальных последствиях таких разрушений? В конце концов, главная городская стена осталась стоять по всему периметру даже сегодня, после повреждений, нанесенных строителями классической эпохи, стены и башни выглядят впечатляющей преградой для врагов. Значит, ущерб был значительным, но не таким катастрофическим, каким его объявили: много больших зданий обратилось в руины и надстройки с главной стеной обрушились. Нельзя согласиться с заявлениями, что «ничто не осталось неповрежденным, даже контур великой стены и башни» (Денис Пейдж). Но что последовало затем? Подобные катастрофы не редкость в Восточном Средиземноморье, они случались и до Трои. Обычно люди собираются с силами и отстраивают город лучше прежнего. Но почему не восстановлены превосходные здания Трои VI, а выстроены мрачные многоквартирные дома и хибиры на месте широких улиц? Нет археологических подтверждений, что *хотя бы один* дом в Трое VI

использовался по прежнему назначению. Если исходить из того, что большие здания в Трое VI — храмы и дома царского клана и его ближайшего окружения, то картина получается невеселая. С чего бы просторные особняки были оставлены лежать в руинах или поделены на множество лачуг, почему «широкие стогны» были застроены домишками, некоторые из которых имели размеры 15 на 12 футов и даже меньше и в одном из них в пол было врыто не менее 22 пифосов? Облик всего поселения меняется настолько радикально, что мы вправе спросить: только ли землетрясение виновато? Но никакое землетрясение не способно убить «всю королевскую рать». Выходит — либо троянцы утратили силы и волю к восстановлению города, либо правящий клан города VIIh более не существовал. Мы знаем, что троянцы *могли* и имели желание реконструировать улицу, ведущую к южному входу, проложили новый дренаж, мы знаем, что оборонительные сооружения были залатаны, а у юго-восточных ворот возведены новые. Но во многих местах обломки остались не убранными, и похоже, что большие дома перестали выполнять свою первоначальную функцию — служить прибежищем царскому окружению.

Такой вывод, конечно, умозрительен — вполне *возможно*, что при сильном землетрясении, если оно произошло, например, ночью или во время молитвы, как это случилось в наше время на Ближнем Востоке, все люди погибли. Но была ли Троя VI, ослабленная и искалеченная землетрясением, атакована и разграблена? Если да, то есть объяснение необычной трансформации общества после землетрясения. Если такого нападения не было, значит, не осталось археологических свидетельств Троян-

кой войны, и, пожелай мы сохранить веру в эпическое предание, нам пришлось бы прийти к заключению, что греки, атаковав Трою, взять ее не смогли. Как и подозревали многие, начиная с Лешевалье.

Удалось ли археологам найти на Гиссарлыке хоть какие-то свидетельства микенского нападения на Трою VI? Объединив данные, полученные Блегеном, Дёрпфельдом и Шлиманом (который, конечно, понятия не имел, что его шестой или «Лидийский» город был современником Микен), становится возможным найти определенную поддержку такой идее.

Во-первых, есть надежные доказательства, что Троя VI полностью выгорела. Блеген в своем итоговом отчете сказал об этом мимоходом, но отчет Дёрпфельда не оставляет никаких сомнений: «Цитадель была полностью уничтожена действиями противника, — писал он в 1902 г. — Мы различили *во многих местах следы сильного пожара*». (Курсив мой.) И добавляет, что обрушение *верхних* частей стен и ворот едва ли можно объяснить действием только огня или землетрясения. Вначале Блеген пренебрег этими пожарищами в своем отчете, хотя и отметил толстые черные обугленные отложения по всей глубине слоя «землетрясения», но в интервью, опубликованном в 1963 г., он подтвердил: «Троя VI была сожжена, в этом нет никаких сомнений». Люди были убиты: на улице, к западу от «дома с колоннами», Блеген нашел человеческий череп.

Более интересным, чем эти туманные намеки, является присутствие большого количества микенского оружия в слое последней фазы Трои VI. Вспоминая, какое внимание уделил единственному «Эгейскому» наконечнику стрелы Блеген в своей версии падения Трои VIIa, стоит ознакомиться с настоя-

шим арсеналом, найденным в Трое VI (при этом часть оружия определенно принадлежит слою «землетрясения»). В слое VIIh Блеген нашел наконечник стрелы с хвостовиком, который посчитал микенским по аналогии с наконечниками, найденными им в Просимне, вблизи Микен. Похожий наконечник обнаружил Шлиман в своем шестом городе. Зазубренный наконечник стрелы, найденный Блегеном между домом VIg и главной стеной, аналогичен найденным Шлиманом и Дёрпфельдом. И опять Блеген смог предложить сходный материковый образец из его раскопок в Просимне. Также Блеген нашел клепаный микенский нож с ребристой рукояткой. И снова в шестом городе — но мы не знаем, в какой фазе, — Шлиман нашел микенский наконечник копья. Он обратил внимание на гомеровские параллели, упомянув, что находил много таких же в Микенах (Дёрпфельд нашел еще один в Трое VI). Кроме того, в шестом городе Шлиман откопал четыре двусторонних бронзовых топора, «совершенно идентичных» микенским. Дёрпфельду посчастливилось отыскать такой же, вместе с большим количеством терракотовых шаров для пращи, тремя серпообразными лезвиями, ножами и зубилами, все — с хорошими материковыми аналогиями. Сейчас мы не можем уверенно датировать большинство этих находок последней фазой Трои VI. Совершенно точно, не все предметы — греческие, хотя и выглядят похоже.

Мы вполне можем спросить: неужели все оружие появилось здесь в результате мирной торговли?

Отдельно от очевидных свидетельств пожара эти находки мало что дают, но они приводят нас к вопросу, который не возник ни у одного из коммента-

торов: *была ли Троя VI разрушена землетрясением?* Доказательства казались настолько непроверяемыми, что все были в них уверены. Не могло ли разрушение оказаться делом рук человеческих, как и посчитал Дёрпфельд после раскопок в 1893 г.? Он «различил во многих местах следы сильного пожара», но обрушение надстроек на стенах и башен «не могло быть объяснено полностью только большим пожаром или землетрясением». *(Курсив мой.)* Факт пожара неоспорим: «...не столь всеохватывающий или бросающийся в глаза, как в Трое II, но лишь потому, что в Трое VI применялись менее горючие строительные материалы». Блеген, как мы знаем, согласился: у него «не было сомнений», что город горел, несмотря на то что он не сказал об этом в своих отчетах. Тогда возможно ли, что Троя VI намеренно снесена, «ликвидирована» после осады? Примеры имеются — ассирийцы опустошали и сносили города, особенно при сильном сопротивлении. Интересно, что Блеген всерьез рассматривал такую возможность. В «Трое III» (1953) он пишет:

Армия решительно настроенных людей, вооруженных ломами и прочим инструментом, могла за раз снести почти любую стену, построенную человеческими руками. Но если бы они принялись целенаправленно уничтожать Трою, они, конечно же, вначале сровняли бы с землей стены цитадели. Далее, мстительное уничтожение города после его взятия почти наверняка сопровождалось бы большим пожаром. Здесь, однако, лишь верхние части стен опрокинуты, и мы не обнаружили никаких свидетельств серьезного пожара.

(Выделение мое.) *Это правда, что в изобилии встречались обугленные предметы, но... протяженный слой, связанный с пожаром, не распознается. Соответственно, представляется более надежным исключить дело рук человеческих... ужасное землетрясение объяснит обрушение городской стены более убедительно, чем любые возможные человеческие действия.*

В аргументах Блегена есть слабые места. Ясно, что при любом намеренном сносе стен захватчики удовлетворились бы разрушением надстроек на стенах и домов внутри крепости. Массивные основания стен не так-то легко разобрать, и данные археологов не подтверждают повреждений того времени, за исключением нескольких трещин и некоторого наклона части стены. Но самые серьезные доводы против версии землетрясения содержатся в полевых журналах раскопщиков, работавших на Гиссарлыке ранее: следы мощного землетрясения в Трое VI, видимо, ограничиваются юго-восточным сектором города, где в ранних поселениях отмечена тенденция к образованию оползней. По мнению специалистов по землетрясениям, свидетельства Блегена сомнительны, а его выводы неубедительны. С точки зрения сейсмологов, невозможно обнаружить разницу между повреждениями вследствие землетрясения и повреждениями, нанесенными человеком. С этим соглашаются многие археологи.

Кроме того, следует вернуться к вопросу датировки керамики. Блеген, по-видимому, пришел к заключениям о датировке Трои VIIa, а следовательно, и к идее о ее вероятной тождественности гомеровской Трое, прежде чем увидел Тройю VI, слой,

расположенный ниже. Теперь-то мы понимаем, что его датировка Трои VIIa была неверна, что керамика относится к XII в. до н.э., а не к середине XIII в. до н.э. Что касается «землетрясения», то Блеген предпочитал дату вскоре после 1300 г. до н.э., точки перехода стилей керамики от LH III A к LH III B. Здесь в целом он был прав. За исключением одной важной оговорки. Сейчас представляется, что ни один предмет LH III B не может быть надежно отнесен к Трое VI, и город, видимо, был разрушен приблизительно в 1320—1275 гг. до н.э. И вновь мы видим, как общая картина, которую хотел показать археолог, направляла его в оценке данных.

Поэтому представляется возможным допустить к участию в дискуссии легенду. Греческая традиция настаивает, что ахейцы намеренно снесли стены Трои, перед тем как ее покинуть. Упоминание об этом есть в *Iliou Persis*, утерянном эпосе, продолжении гомеровской «Илиады». Снос стен стал впоследствии постоянным сюжетным ходом в «тройских» историях, вплоть до знаменитой финальной сцены в «Троянках» Еврипида, где плененные женщины слышат грохот ударов, разрушающих башни, столь страшный и неистовый, что Гекуба сравнивает его с землетрясением. И у Эсхила стены Трои «срыты» и «обрушены». Пусть это и запоздалые свидетельства, но они являются частью традиции, и археология *смогла*, как ни удивительно, подтвердить ее во всех ужасных подробностях.

От возможности такого замечательного слияния археологии с легендой захватывает дух, но оно еще не доказано. Руины Трои — это предание, а Троя VI — город, с которым Микены поддерживали отношения, город, соответствующий указаниям пре-

даний. «Обращение города в курган и руины» часто было итогом ассирийских осад. Можно предположить, что это именно то, что аргивяне сделали с городом Приама, как, согласно преданию, они сделали это и с Фивами. (Павсаний подтверждал, что стертая с лица земли фиванская Кадмея оставалась запретной зоной еще и в его дни.) Предание, того и гляди, окажется подтвержденным открытиями современной науки.

Рассмотрим последний вопрос, связанный с судьбой Трои VI. Мог ли деревянный конь быть микенским осадным орудием? Во всяком случае, так думал Павсаний: «Всякий, кто не считает троянцев полными глупцами, поймет, что конь был на самом деле инженерным приспособлением для проламывания стен». И сказание подчеркивает, что стена оказалась проломленной, когда коня втащили в город. Могло ли это быть искаженным воспоминанием об осадной машине? Такие машины использовали в ближневосточных войнах того времени. Могучие «деревянные кони», в которых сидели вооруженные воины, были таранами — ими вышибали ворота городов. Наиболее эффективные образцы изготавливались в Ассирии, начиная с XII в. до н.э., но у нас нет никаких доказательств, что подобные устройства применялись в Эгейском мире в XIII в. до н.э. Очень привлекательно и опять недоказуемо.

Так что тема Трои VI куда более открыта для обсуждений, чем казалось Карлу Блегену. Возможно, при детальном изучении журналов раскопок всех трех исследователей Гиссарлыка удастся выявить новые данные. А до тех пор следует остерегаться проблем, окружающих датировку и обстоятельства гибели величайшего города на Гиссарлыке.

Дата Троянской войны

Анализ керамики позволяет ориентировочно установить дату падения Трои VI. Следом за этим событием почти полностью прекратился ее импорт: только один черепок микенской керамики XIII в. до н.э. можно надежно приписать городу VIIa (площадка была так перекопана, что, как подозревал Блеген, остальные образцы могли быть выворочены из слоя Трои VI). Если отнести падение города к 1275—1260 гг. до н.э., то это хорошо совпадает с хронологией хеттских писем. Это годы царствования Хаттусили III, при котором отношения хеттов с царством Аххиява были особенно враждебны. В это же время, как мы видим из табличек с линейным письмом Б, сохранившихся в Пилосе (около 1220 г. до н.э.), греки совершали разбойничьи набеги на северо-восток Эгейского мира, будь то остров Лемнос (атакованный, согласно Гомеру, армией Агамемнона) или материк в Асвии, область к югу от Трояды, куда Гомер отправил воевать Ахилла. Если отнести падение Трои на указанные выше годы, то оно приходится на годы жизни Алаксанда из Вилусы, которого есть основания считать Александром из (В)илиона. В любом случае, мы можем отметить вероятность того, что во времена Хаттусили у греков (Аххиява) и хеттов было столкновение по «вопросу Вилусы». Это все примечательные совпадения, позволяющие предположить, что память, хотя и смутная, об этих событиях лежит в основе сохраненного Гомером предания. Как мы уже видели, греческий эпос очень специфичен там, где дело касается Трои. Предание, очевидно, обрело форму к VIII в. до н.э., включив в себя элементы, восходящие к бронзовому веку. Если мы до-

бавим к перечисленному возможность того, что великий город Троя VI был разграблен и намеренно опустошен, то придем к подтверждению главных моментов предания, а именно: что Троя действительно стояла на Гиссарлыке, что она была городом Гомера и что, как и говорил Гомер, греки бронзового века атаковали и разграбили ее. Очень заманчиво отнести это событие к 1260 г. до н.э., времени кризиса на западе государства Хаттусили.

Посещение Трои героического века

Итак, мы можем почувствовать некоторую долю уверенности, определяя, на какую Трою ссылается Гомер. Троя, прославленная в эпической поэзии, возможно, еще до окончания микенской эры, — это Троя VI последней, великой фазы своей жизни приблизительно с 1375 г. по 1275—1260 гг. до н.э. Как мы видели в главе о Гомере, хотя некоторые эпитеты, прилагаемые к городу, просто шаблонные определения, многие из них настолько специфичны, что должны относиться к поселению на Гиссарлыке. Эти эпитеты заметно подкрепляют предположение, что гомеровской Троей должна быть поздняя Троя VI, так как сейчас, когда мы знаем, что падение Трои VIIa произошло слишком поздно для Троянской войны, такой вывод становится еще логичнее. Последние фазы Трои VI, с кульминацией в Трое VIh, были временем архитектурного, экономического и торгового расцвета города, а микенские контакты с ним были наиболее интенсивными.

Что увидел бы путешественник бронзового века, направляясь в Трою в середине XIII в. до н.э.? Со-

берем воедино свидетельства, обнаруженные Шлиманом (хотя и невольно), Дёрпфельдом и Блегеном, добавим к ним подробности о Трое VI, уничтоженные Шлиманом, но восстановимые по его журналам. Мы совершим путешествие, подобное совершенному по Микенам в период расцвета, но на этот раз мы приблизимся к городу издали, по одному из торговых маршрутов, который напомним нам, что, по данным археологов, Троя-Гиссарлык была важным пунктом, независимо от ее роли в греческой легенде, и что ее жизнь зависела от контактов города с внешним миром — с Анатолией, с Эгейским миром и дальними странами.

Наше воображаемое путешествие начинается на греческом торговом корабле, доставляющем груз медных слитков с Кипра. Может быть, здесь и необработанная слоновая кость, купленная в Энкоми, и несколько корзин кипрской керамики, столь любимой троянцами, с характерной росписью «лесенкой» или заштрихованными ромбами. В горшках опиум, тмин и кориандр. Корабль идет вдоль берега, прижимаясь к нему, «как ребенок к колену матери», как сказал об этом Александер Кинглейк: от острова к острову, от мыса к мысу, заходя в крохотные порты на немногих населенных участках, где с трудом сводят концы с концами люди бронзового века. Именно такую торговлю наблюдали много позже ангосакс Зевульф, испанец Клавихо, Эдвард Кларк. Они останавливались в таких же безопасных гаванях, торговали такими же товарами и готовили на камбузе такую же еду. На нашем судне это рыбные кебабы на вертеле, поджаренные над огнем, разведенном в камнях, которые служили судну балластом. Эти подробности могут подтвердить археологи.

Путешествие от Кипра до Трои занимало месяца два, а то и больше — никакого отличия от VIII в., когда англосакс Виллибальд находился в море с 30 ноября до следующей Пасхи (724—725 гг.), или XIX в., когда Александер Кинглейк в 1834 г. затратил 40 дней на переход от Смирны до Кипра. Лишь появление пароходов и телеграфа изменило неподвластные времени реалии эгейского судоходства. Наш корабль будет заходить на Родос, Кос и в Милет с его микенскими поселениями, в Книд и Зефир, в Иасос с его булыжными мостовыми и рыбными лавками. Хотя и малонаселенные, эти острова не были теми бесплодными землями, что мы видим сейчас. Еще в XV в. путешественники рассказывали об их исключительном плодородии.

Из Милета капитан возьмет курс на Самос, пройдет бурными и ветреными проливами мимо Икарии. Затем мы проплывем вдоль Хиоса, самого богатого из всех островов Малой Азии, и ветер донесет ароматы фруктовых садов и оливковых рощ. С Хиоса, согласно пилосским табличкам, азиатских рабов отправляли трудиться в материковые дворцы, и «Хиосом» писцы бронзового века, вне всякого сомнения, называли естественную гавань Эмборио на южной оконечности острова, где на крутом мысе с чудным видом через пролив на холмы Малой Азии, над укрытой от ветров бухтой, стояло микенское поселение. В табличках линейного письма Б остров называется *Ки-си-ви-я*. Предполагается, что это финикийское слово, название мастики, смолистых выделений мастиковой фисташки, которые высоко ценились в древности.

Следующим важным портом был Ферми на Лесбосе, расположенном у самых берегов Трояды. Ост-

ров принадлежал к той же культуре, что и Троя VI, и был разграблен в то же время, около 1250 г. до н.э., Ахиллом, согласно Гомеру; Пийямарадом, по данным хеттского МИДа! Порт находился посреди не восточной стороны острова и был защищен двойной стеной, за которой грудились дома, стоявшие на улочках, замощенных береговой галькой. Ферми был одним из самых больших городов Эгейского мира. Жители Ферми добывали медь, ткали текстиль, изготавливали красную и серую керамику, ловили рыбу на крючки из рыбных костей и любили устриц и морских ежей. Еще один город бронзового века, закончивший существование в огне пожаров. В центре острова располагался храм бога бронзового века Сминтея, насылавшего великие беды и отводившего чуму. Именно его изображения были отправлены больному Мурсили II, и ему, согласно Гомеру, греки под Троей возносили молитвы о помощи («Илиада», I, 456)¹. Позднее Сминтею поклонялись на Тенедосе и в Трояде, где ему был посвящен храм в Гамаксите, и именно в его честь моряки бросали в море пищу у мыса Лектон, на котором стоял его храм (обычай, дошедший до нас, но трансформировавшийся в принесение даров мусульманскому святому).

Чувства моряка бронзового века, достигшего Трои и устья Дарданелл, были, без сомнения, такими же, как у Эдварда Кларка в 1801 г.: «Не может быть зрелища более величественного, чем этот угол Эгейского моря... Тенедос на западе и эти маленькие островки, образующие группу напротив Сигейского мыса. Ничто, за исключением весел нашей лодки,

¹ В русском переводе использовано более известное имя этого бога — Аполлон. — *Прим. перев.*

не тревожит спокойной поверхности воды, не слышно никаких других звуков. Далекие острова Эгейского моря появились, словно помещенные на поверхность огромного зеркала... [впереди] гористый остров Имброс, а за ним высокие снежные вершины Самофракии...» [«Путешествия».] В Дарданеллах трудно плыть против ветра — вот почему лорд Байрон в 1810 г. провел здесь столь много времени в ожидании. В бронзовом веке Троянская бухта, как магнит, притягивала мореплавателей, здесь они, свернув «внутрь Илиона», обретали надежную гавань. Вход в бухту имел 1,5 мили в ширину. Внутри, перед Троей, было до трех миль мелководья, окаймленного речными отмелями, соляными болотами, лагунами и песчаными дюнами, продуваемыми ветрами.

Город стоял на гряде, уходящей от залива на восток. От ее подножия, примерно на милю до морского берега, простиралась равнина, зимой заболоченная и просыхавшая летом. Этим она напоминала равнину Аргоса, хорошо увлажненную и зеленую весной и красновато-коричневую, за исключением болотистых участков, в разгар лета. Настоящей гавани не было, лишь торговая пристань, где суда привязывались к столбам или бросали каменный якорь у песчаного берега. Можно представить, как среди небольших местных суденышек проплывают рыбацкие суда, особенно в период осеннего лова скумбрии и тунца. Возможно, у троянцев, как позже и у турок, стояли на проливах деревянные сторожевые вышки, предупреждающие о начале путины. Бухта, надо полагать, была богата моллюсками, устрицами и морскими ежами.

Одновременно там стояло немного кораблей, и среди них, согласно археологическим данным, мог

оказаться какой-нибудь греческий «морской бродяга» из Тиринфа или Асины с грузом гончарных изделий — стремянных кувшинов, полных благовонных масел, алебастровых кубков и чаш для знатных домов Трои. Но это была мелочная торговля, если оценивать ее по количеству местных изделий. Троя была и оставалась анатолийским городом. Тем не менее микенским капитанам было что предложить интендантам троянского царя — сердоликовые бусы, шкатулки и игровые доски с фишками из слоновой кости, серебряные булавки, может быть, даже украшенные страусиные яйца. Такими были предметы роскоши бронзового века.

Троянский царь, видимо, имел свои корабли не только для защиты от нескончаемых пиратских набегов, но и для собственных разбойных налетов, захвата рабов и добычи, ведения широкой торговли с заморскими странами. Возможно, он вывозил шерсть, пряжу и готовый текстиль, поскольку, как и Кносс, Троя была центром овцеводства, имевшим (как мы можем догадываться) «государственные» кустарные мастерские в окрестных деревнях. Местная троянская серая керамика попадала в небольших количествах на Кипр и даже в Сирию и Палестину, хотя подобные процессы нельзя назвать громким словом «экспорт». Наконец, коневодство могло быть важной составляющей троянской экономики, экспортировались не только жеребята, но и взрослые боевые кони. Представим себе табуны, пасущиеся на равнине, и загоны, сооруженные рядом с городом и служащие для дрессировки лошадей.

От моря до города примерно с милю по аллювиальной равнине. Троя стояла на северной оконечности плато, круто обрывавшегося к болотистой

долине реки Дюмрек (античный Симоис). Существовал ли внешний город вокруг цитадели на Гиссарлыке, до сих пор неизвестно. Блеген обнаружил следы поселений на юге и западе и нашел кремационное кладбище Трои VI в 500 ярдах к югу от городской стены. Но пробные раскопы, сделанные Шлиманом и Блегеном на плато, не обнаружили остатков бронзового века. Возможно, их уничтожили при последующем строительстве Нового Илиона, и существует вероятность, что Троя VI была окружена достаточно большим внешним городом, сравнимым по площади, скажем, с Эвтрезом (500 кв. ярдов, окруженных внешней стеной, застроенный центр 200 на 150 ярдов, аналогичный цитадели Трои VI). Царская цитадель стояла на возвышенной западной части плато и поднималась тремя концентрическими террасами, верхняя располагалась на высоте около 130 футов над уровнем моря, а нижняя — примерно на 100. Цитадель занимала участок 200 на 120 ярдов — как и в «столичных» городах Греции. Подача воды обеспечивалась глубоким колодцем в восточном бастионе (кроме того, за стенами, на юго-западе, был источник). Стены дважды перестраивались, вариант с башнями — итог трудов трех или четырех поколений царей, правивших здесь после 1400 г. до н.э. Подход с суши, где в город вели дороги из внутренней и западной Анатолии, был защищен лучше всего: здесь были самые высокие стены, самые мощные ворота и башни.

Прибывший в город оказывался у южных ворот, оставив в стороне расположенные за пределами крепости дома. Эти ворота были главным входом в Трою, от них мощеная улица поднима-

лась по террасам ко входу в царский дворец. Слева от ворот возвышалась огромная квадратная башня из известняковых блоков, высотой около 50 футов и на 10 ярдов выступающая за ворота. В башне находился один из главных алтарей города, а перед ней на шести каменных пьедесталах стояли статуи троянских богов. В длинном здании, справа от ворот, совершались жертвоприношения. Мы можем представить троянцев, приносящих здесь жертвы перед путешествием или войной, и чужеземцев, обращающихся к богам, прежде чем войти в город. Эти культовые зоны, возможно, послужили основанием называть город «священным Илионом». Справа от ворот были установлены, как считал Дёрпфельд, два высоких флагштока, возвышающихся над стеной. В город вело еще трое главных ворот: на юге, востоке и западе. Перед каждым, вероятно, стояли идолы. Еще одни ворота, потайные, были у большого восточного бастиона. По технике кладки Троя отличалась и от цитаделей Эгейского мира, и от хеттских строений. Первые 12—15 футов выкладывали из тщательно подогнанных известняковых блоков с характерным скосом наружной каменной кладки, выше ставили вертикальную каменную надстройку. Зубцы, увенчивающие стену, делали из известняковых блоков разных форм и размеров с чередующимися от ряда к ряду стыками кладки, а прорези в зубцах заканчивали на верху стены. Все это свойственно стилю северо-западной Анатолии, который использовался в строительстве на Гиссарлыке в течение многих веков и который позднее был обнаружен в окрестностях фригийского города Гордиона.

От этих великих стен до нашего времени в достаточно хорошем состоянии сохранилась южная часть, особенно рядом с выступающей башней на юго-востоке, с прекрасно выполненной кладкой, хотя известковый раствор и не использовался. Кроме того, уцелел участок шириной 60 футов у восточного бастиона, где высота стены до сих пор составляет около 30 футов, имевший, видимо, сторожевую башню, возвышавшуюся над долиной Симоиса и восточным подходом по плато. От этого бастиона участок стены длиной 200 ярдов шел вдоль северного гребня холма — «великолепная стена из больших тесаных известняковых блоков», как описывал ее Шлиман. И без того сильно поврежденная строителями классической эпохи, она была снесена им между 1871 и 1873 г. Насколько крупным было это сооружение, выяснил в 1930-х гг. Карл Блеген, исследовавший северо-западный угол цитадели. Здесь стена делает резкий поворот вокруг холма, опускаясь на восемь ярдов. В этом месте Блеген нашел ступенчатые фундаменты, которые были утоплены не менее чем на 23 фута ниже уровня земли Трои VI, чтобы обеспечить опору для бастиона, имевшего высоту более 60 футов. Видны нижние ряды кладки этого сооружения, скрытого, очевидно, строителями Нового Илиона.

Таковыми были стены Трои — «крепко сплоченные», «прекраснобашенные» и «высоковоротные», как позднее их описывало греческое предание. Лишь на западной стороне оставался небольшой сегмент старого контура стен, еще не замененный. Эта древняя стена была вдвое меньшей толщины, чем новая, построена из камней меньшего размера и хуже обработанных, имела не такой глубокий фундамент.

Здесь укрепления города были самыми слабыми и уязвимыми.

Внутри Трои все дороги, похоже, вели к небольшому холму, где, как можно предположить, стоял дворец. На террасах ниже дворца располагалось около двух с половиной десятков больших домов, в которых проживали приближенные родственники царской семьи. Братья и сыновья царя, возможно, имели отдельные дома. Самыми большими были впечатляющие двухэтажные здания длиной почти в 30 ярдов, напоминающие мегароны Тиринфа и Микен, хотя и имеющие входы через боковые двери. Одно из них, так называемый «дом с колоннами», имело 28 ярдов в длину и 13 в ширину. В нем были главный зал и кухонная зона, потолок подпирали большие внутренние каменные колонны, одна из которых сохранилась до наших дней. Верхний этаж, предположительно, имел деревянный каркас, был глинобитным и оштукатуренным, освещался через окна либо, возможно, через фонарь верхнего света (такой архитектурный стиль еще можно увидеть в северо-западной Анатолии). Блеген считал, что это здание в последней фазе Трои VI было превращено в арсенал или казарму, поскольку внутри было найдено множество шаров для пращи и свидетельств потребления там больших количеств пищи. И, кроме того, как мы помним, на улице, к западу от дома, Блеген нашел — «необъяснимый» — человеческий череп.

А что же сам дворец? Со времен Дёрпфельда бытовала точка зрения, что от верхушки Гиссарлыка не осталось и следа, так как ее срезали при строительстве общественного центра Нового Илиона. Но последние исследования показали, что, когда

Шлиман в 1870 г. начал раскопки, часть вершины холма еще существовала, поскольку там он натолкнулся на основание древнего храма, который когда-то посетил Александр Македонский, и фрагменты строений Трои VI. Вероятно, греческие колонисты, основавшие Илион около 730 г. до н.э., построили храм на развалинах «дворца Приама». Ярдах в десяти на юго-восток, почти в центре Гиссарлыка, исследуя «островок», не тронутый Шлиманом и Дёрпфельдом, Карл Блеген обнаружил небольшие участки двух параллельных стен. Они находились под основаниями римской колоннады торгового зала. Этот фрагмент поздней Трои VI располагался вплотную к тому месту, где, как ожидалось, находился вход в дворец, у верхней точки дороги, поднимающейся, извиваясь, от южных ворот. Жалкие остатки, быть может, единственный сохранившийся фрагмент дворца Трои бронзового века.

О его внешнем виде мы ничего не знаем, но он должен был напоминать типичные мегароны Трои VI (стиль, восходящий к крупным зданиям Трои II — на Гиссарлыке наблюдалась замечательная преемственность архитектурных традиций). Вероятно, как и на Пилосе, рядом с дворцом располагались кладовые и жилье прислуги. Подобно всем правителям бронзового века, троянский царь держал там магазины и мастерские, хранилища для сотен кувшинов с маслом, зерном, фидами и вином. Возможно, как и в Пилосе, там была колесничная мастерская, со складом осей, кузовов и колес. Там же должна была находиться кузница, где изготавливали бронзовое оружие, по стилю и формам напоминавшее эгейское и хеттское. Здесь работали гончары, изготавливавшие и местную посуду, и имитации

греческой. Печи для обжига и сушки, предположительно, стояли за стенами цитадели. Как и подобает текстильному городу, в нем были мастерские, в развалинах которых за годы раскопок найдены тысячи веретен. Можно представить себе царскую кладовую тканей и шерсти с готовыми плащами, подобную тем, что были на Пилосе: обычные «плащи для приближенных», царские одеяния и «плащи, предназначенные в подарок гостям». Если есть желание пойти дальше в своих фантазиях, то можно предположить, что помимо кузнецов по бронзе царь Трои содержал золотых дел мастера. Он мог иметь ремесленника, делавшего прекрасные эфесы для мечей из алебаstra или белого мрамора, явно высоко ценившихся в Трое позднего бронзового века. У царя были красильщики, красившие лен и шерсть. Красили ткани, пряли, ткали, а также мололи зерно женщины. Помимо гончаров, царь должен был держать сукновала, ножовщика, мазеваров, пекарей, охотников, лесорубов, жрецов, прислуживающих в царском храме, прорицателя, может быть, даже врача (такого, как *и-я-те* в табличке линейного письма Б). Подобно царям Микен, он мог иметь певца, прославлявшего деяния предков царя. У него, конечно, были глашатаи и герольды, а может быть, даже писец, знавший хеттский язык и писавший на табличках из глины или дерева. Все эти предположения вполне правдоподобны, но нам нечем их подтвердить. По сохранившимся домам можно предположить, что население Трои VI внутри городских стен едва ли превышало 1000 человек. Сколько жило в нижнем городе и на равнине, мы не знаем, но 5000 человек кажется достаточно верной оценкой. Однако результаты архео-

логических исследований позволяют полагать, что общую с Троей VI культуру имела обширная область, включая, к примеру, поселения на Галлиполи. Наверняка существовали какие-то связи с Ферми на Лесбосе. Так что Троя VI была более могущественной силой на северо-востоке Эгейского мира, чем предполагалось ранее. Но едва ли царь Трои был способен созвать больше нескольких сотен тяжелооруженных воинов. Была ли у него возможность обращаться в моменты кризисов за помощью к соседям из Арпавы или даже к самому Великому царю Хатти, мы не знаем. Столь многое в истории Гиссарлыка остается загадкой, что захватывает дух, когда думаешь, сколько новых открытий впереди, особенно если будут найдены (а это может не случиться) архивы кого-либо из западноазиатских соседей Трои.

Итак, Троя-Гиссарлык принадлежали к анатолийской культуре и находились в контакте с Эгейским миром. Троя VI и Троя VIIa были лишь двумя из многих поселений этого региона, разрушенных в конце бронзового века. Если мы хотим связать их падение с более поздними греческими сказаниями о «Трое», то не должны забывать, что их история увязана с общими историческими проблемами гибели городов Средиземноморья того времени. В каком-то смысле Трои было много и Троянских войн тоже, и такую, более широкую, картину я покажу в заключительной главе.

Глава восьмая

К О Н Е Ц Б Р О Н З О В О Г О В Е К А

После упорного исследования я смог разглядеть четыре основные причины крушения Римской империи, которые продолжали действовать на протяжении более чем тысячи лет. I. Ущерб от времени и природы. II. Нашествия варваров... III. Неправильное использование материалов [т. е. сырья, товаров и торговли ими]. И IV. Внутренние распри римлян.

Гиббон,

«История упадка и разрушения Римской империи», VI, гл. LXXI (1787)

В последние годы династий голод и моровые поветрия становятся частым явлением. Что касается голода, то его причина заключена в том, что большинство людей в такое время воздерживается от обработки земли. Потому что в последние годы династий происходят посягательства на собственность и доходы от налогов, а через таможенные пошлины и на торговлю. Или же беспорядки случаются в результате волнений подданных и великого числа поощряемых дряхлостью династии к восстанию. Мало зерна запасается. Зерновая и уборочная ситуация не всегда стабильна от года к году. Количество осадков в мире различается от природы. Осадков может быть слишком мало или слишком много. Соответственно меняется количество зерна и фруктов. Кроме того, в своих требованиях к пище люди доверяют тому, что возможно запастись. Если ничего нет в запасах, они должны ждать голода. Цены на зерно растут. Нуждающиеся не способны ничего купить и погибают. Если в течение нескольких лет ничего не запасается, голод будет всеобщим. Огромное число моровых повет-

рий вызываются таким голодом или многими беспорядками, которые являются следствием распада династии... Там происходит много волнений и кровопролития, и чума туда приходит... поскольку там в данное время перенаселение.

Ибн-Хальдун, «Введение», III, 49 (1377)

Страдания, которые повлекла за собой революция в городах, были многими и ужасными, как это происходило раньше и будет происходить всегда, пока натура человеческая не изменится. Пусть в более суровой или более мягкой форме и с меняющимися симптомами согласно разнообразию конкретных случаев. В мире и процветании государства и отдельные личности обладают добрыми чувствами, потому что они не оказываются внезапно столкнувшимися с насущными необходимостями. Но война отбирает легкое удовлетворение повседневных желаний и тем самым становится грубым хозяином, который ставит большинство качеств людей на уровень их судьбы.

Фукидид,

«История Пелопоннесской войны», III, 82 (около 400 г. до н.э.)

Почему цивилизации приходят к упадку? Что при этом происходит? Эти вопросы всегда находились в центре внимания исторической науки, как показывают цитаты, приведенные выше. Пытаясь выделить причины крушения греческого мира в конце бронзового века, мы выяснили, что для разных областей предлагаются разные объяснения: землетрясения, болезни, голод, изменение климата, война, засуха, нападение извне. Для многих районов археология предполагает сложную взаимосвязь факторов, а не какой-либо один. Такой подход согласуется со взглядами на прошлое таких современных историков, как, например, Бродель: ¹ «В историческом анализе... большие длительности¹ все-

¹ Большая длительность (la longue durée — Фр.) — историко-филологическое понятие, введенное Ф. Броделем. — *Прим. перев.*

гда побеждают в конце... уничтожая бесчисленные события — все те, которые не укладываются в главный непрерывный поток». Такого же взгляда в целом придерживались великие историки, процитированные выше, даже если бы они не согласились с Броделем, что события относятся к «преходящим делам истории», а личность — «пленница» судьбы, над которой она не властна. Но Полибий и Фукидид скорее всего согласились бы с нынешним акцентом на взаимосвязь климата, географии, погоды и агрономических схем, на которых вырастает цивилизация. Замечательный «антропологический» рассказ Фукидида о доисторической Греции показывает, насколько экономические факторы определяют подъем и падение минойской и микенской цивилизаций. В «Большой истории» великого средневекового арабского мыслителя Ибн-Хальдуна раскрыта связь политического упадка с болезнями, перенаселением, климатом, количеством осадков и неурожаем. В прошлом, однако, не было средств научной количественной оценки подобных факторов. Лишь в последние десятилетия совершенствование археологических методов позволило историкам по-настоящему измерить такие факторы, как падение численности населения в Мессении, и оценить, к примеру, соотношение населения Арголиды с площадями обрабатываемых земель и собираемым урожаем. Эффект подобного подхода сказывается на усилении при анализе роли долгосрочных факторов по сравнению с отдельными событиями, в уменьшении роли гекторов и агамемнонов в мире бронзового века, где важнее оценивать роль таких вроде бы незаметных людей, как женщины на льняных плантациях Пилоса, и молчаливые мас-

сы, на которых держались подобные общества. Этой линии будут придерживаться в ближайшее столетие ученые, исследующие Эгейский мир. С такой точки зрения Троянская война — даже если она была — не имеет особого значения: просто пала одна из сотен «Трой», один из множества городов позднего бронзового века, чьи судьбы нам нужно понять в целом, прежде чем мы сможем сделать обобщающие выводы об этом этапе истории человечества. Возможно, даже будет доказываться, что нужно уяснить произошедшее в каждом из этих городов, прежде чем мы сможем понять судьбу Трои. Могло ли разрушение Трои произойти только таким образом, а сказание о Трое следует игнорировать? Подобные идеи обыгрываются в последних работах, посвященных упадку Эгейской культуры бронзового века. Были ли разрушения городов и нападения захватчиков вроде «народов моря» лишь симптомами, а не причинами? Находилась ли экономика в упадке еще до того, как начался «славный» период Микен XIII в. до н.э.? Археология редко дает однозначные ответы на подобные вопросы, а историки склонны смотреть на другие цивилизации, как на модели. В этом случае самая интересная модель была предложена американскими археологами, изучавшими загадку упадка цивилизации майя в Центральной Америке, для которой, похоже, вообще невозможно предложить теорию внешнего воздействия. Они пришли к заключению, что ранние общества любого уровня сложности приходят в упадок из-за того, что системы, созданные ими для работы социальных структур, в итоге просто не справляются с разнообразием естественных факторов, определяющих их средства производства.

Как отмечал Ибн-Хальдун, процесс может быть запущен многими причинами — чередой неурожая, засухой, чумой, алчными правителями: перед лицом таких факторов основные структуры общества оказываются бессильным и рушатся, их сопротивляемость падает, как у живого организма, потерявшего иммунитет.

Крушение системы

Американские археологи перечислили факторы, по их мнению, имеющие отношение к упадку майя и которые могут быть также применены к объяснению процесса упадка микенской Греции (и конца Римской империи в Британии «темных веков», кстати, тоже). Признаки следующие (читатель сразу же отметит, что они представляют собой то, что мы назвали бы симптомами, а не причинами):

1. Центральная власть слабеет. Ее место пребывания («столица») приходит в упадок. Ответственные здания перестают функционировать, прекращаются общественные работы. Распадается военная организация. Дворцы и магазины стоят заброшенными. Храмы и культовые места теряют блеск и сохраняются лишь как молельни. Утрачивается грамотность. Все это мы видим в Микенах XIII—XII вв. до н.э.
2. Традиционная правящая элита, высший класс, деградирует. Монархи, как в Греции, исчезают, и их место занимают значительные местные персоны, в данном случае *korete* («градоначальник»)

и *basileus* («вождь»). Прекращаются богатые погребения царей. Их резиденции часто самовольно заселяются или используются под кустарное производство. Иссякают источники предметов роскоши. Это не применимо для многих центров микенской культуры, но очень точно подходит для перехода от Трои VI к Трое VIIa, вопреки предложенной гипотетической интерпретации.

3. Рушится централизованная экономика. Насколько централизованной она была в Греции, видно из кносских и пилосских табличек. Сворачивается крупномасштабная торговля. Исчезают ремесленники и специализированные промыслы. Приходит конец организованному сельскому хозяйству. Люди возвращаются к натуральному хозяйству и простому обмену товарами — бартеру.

4. В массовом порядке люди покидают свои поселения, из-за чего сокращается численность населения. Города и поселки пустеют. Учащаются случаи бегства в горы, в изолированные, пригодные для обороны районы, как, например, Карфи на Крите или Бунарбаши вблизи Трои.

5. Любопытное обстоятельство: все заметнее проявляет себя ностальгия по «славному» прошлому. В «темные века», которые следуют после такого краха, создаются романтические мифы об ушедшем «веке героев». Новые властители (в Греции «базилевс» теперь то же, что царь) стремятся «узаконить» себя, сочиняя родословные, связывающие их с могущественными монархами

прошлого. Так, ионийские князьки времен Гомера, вроде Гектора из Кимы или Агамемнона с Хиоса, брали себе имена героев и объявляли себя их потомками. (Точно так же в Британии «темных веков» кельтские короли составляли себе родословные с римскими именами, а англо-саксонские пришельцы фабриковали связь с мифическими правителями их германской истории.) Древние летописцы и поэты, будь то дорийцы в Греции или саксы в Британии, рассказывая красивыми словами о крушении старого мира, прославляли героическую борьбу с чужеземными захватчиками. При этом рассказ персонализировался в плане деяний, героев и сражений. В итоге в «Беовульфе», в той же мере, как и у Гомера, возникает неразбериха между «золотым» веком героев и новым веком героев. Задача барда, если уж на то пошло, их уравнять.

К этому нам следует, видимо, добавить заключительное замечание, связанное с некоторыми нашими прежними размышлениями о природе археологии как науки. Отголоски мифов «темных веков» и «века героев» можно проследить в трудах современных исследователей, считающих историчными эти романтические сказания, передававшиеся устно и записанные только спустя несколько веков после крушения цивилизации. Как мы видели, медленное развитие научной археологии привело к тому, что она формировалась под влиянием мифов и концентрировалась на изучении крупных и понятных центров исчезнувших государств, таких как Микены, Тиринф или Троя, за счет сотен не упомянутых в мифе «несущественных» поселений.

В Британии так же обстояло дело с заявлениями об историчности сказаний о короле Артуре и раскопками в Тинтагеле, Гластонбери и «Кэдбери-Камелоте». Но подобно легенде об Артуре, сказание о Трое — это не просто миф золотого века, оно несет в себе историческую правду.

Троянская война: неудавшийся синтез

Поэтому, когда я думаю об отдельном человеке, го всегда вижу его пленником судьбы, над которой он не властен, заключенным в ландшафт, образованный бесконечными линиями больших длительностей, протянутыми позади него и перед ним... Как мне представляется, не знаю — верно или нет, но большие длительности в итоге всегда побеждают.

Фернан Бродель,
«Средиземноморье», с. 1244 (1973)

Подобные высказывания о роли личности в истории вряд ли понравятся тем, кого интересуют великие события и битвы, кто желает верить в настоящих Агамемнона и Гектора, настоящую Троянскую войну. Действительно, с такой «структуралистской» точки зрения бесполезно писать историческую работу об «исторической» Троянской войне (конфликт терминов). Даже если бы мы смогли неопровержимо доказать, что она действительно происходила, то по сравнению с глубинными структурами больших длительностей, затронутыми в этой главе, это имело бы крайне малое значение. И без этого при столь сомнительных доказательствах, имеющих в нашем распоряжении, легко согласиться со строгой критикой сэра Мозеса Финли, отрицающего не только сам факт войны, но и

настаивавшего в книге «The World of Odysseus [Мир Одиссея]», что «Троянскую войну Гомера... следует вычеркнуть из истории греческого бронзового века». Следует признать, что Троянская война долгое время находилась вне строгого анализа истории бронзового века, вплоть до того, что труды Шлимана, Дёрпфельда, Блегена и сотен комментаторов, независимо от уровня научности их методов, в определенном смысле воспринимались таким же толкованием мифа, как и работы Берлиоза, Вергилия или Эсхила, упомянутые в главе 1. В каждом случае свидетельства интерпретировались через миф. Причина в том, что для большинства людей справедливо замечание лорда Байрона: «Мы заботимся об аутентичности сказания о Трое... Я благоговею перед великим оригиналом, как перед правдой истории... и места. В противном случае он не доставил бы мне никакого наслаждения». Столкнувшись с подобным парадоксом, историк должен согласиться с Чарльзом Ньютоном, который в рецензии на книгу Шлимана «Микены» писал в «Эдинбург Ревью» в 1878 г.:

Сколь многое в этой истории может быть действительно принято как факт и с помощью какого теста мы сможем отделить просто достоверную выдумку от того сухого осадка истинной истории, который можно определить под мифическими покровами... — это проблемы еще не решенные, несмотря на затраченное с этой целью огромное количество эрудиции и острого критицизма.

Но было бы нечестно с моей стороны завершить книгу на такой ноте. Я надеюсь, что в этих поисках

мы нашли много косвенных доказательств, позволяющих предположить, что в своей основе сказание о Трое восходит к реальному событию бронзового века. В какой мере — уверенно сказать мы не можем, но это не мешает нам закончить поиски правдоподобной реконструкцией: образчик политической журналистики с щепоткой (или стремянным кувшином) соли, по вкусу. Итак, вот моя версия предполагаемой «исторической» Троянской войны и событий вокруг нее.

XIII и XIV вв. до н.э. были временем расцвета микенской цивилизации. Из Микен, где была сосредоточена основная власть, династия распространила влияние на весь Пелопоннес с помощью завоеваний или династических альянсов, обычных для Ближнего Востока в то время. Расширение влияния Микен подтверждается археологическими данными о перестройках Пилоса (около 1300 г. до н.э.) и Менелайона (около 1300—1250 гг. до н.э.) и о первом разрушении Фив, основного конкурента Микен в Центральной Греции (около 1300 г. до н.э.?). Результаты раскопок также показывают, что для дворцов в Микенах, Пилосе, Тиринфе и Менелайоне характерны одна и та же материальная культура, одни и те же художественные традиции и одинаковая до мельчайших деталей бюрократия. Тиринф, как и Пилос, владел своего рода архивом и, возможно, был независим от Микен, но более вероятно, что, признавая главенство Микен, он служил для них портом. Орхомен, враг Фив, возможно, также был частью этого мира, там трудились те же художники и архитекторы. В Кноссе, видимо, в то время правила греческая династия, поддерживавшая тесные контакты с Микенами и материком;

камень вывозился из одних и тех же спартанских каменоломен, искусство, в том числе и скульптура, было одинаково, а бюрократия полностью идентична. То есть это был один мир: его полисы имели собственные традиции, собственных правителей, но в какой-то момент они признавали «Великого царя» точно так же, как это происходило в других царствах на Ближнем Востоке. Анализ различных свидетельств позволяет предположить, что греки, ахейцы Гомера, были народом, известным хеттам на протяжении XIV—XIII вв. до н.э. как народ Аххиявы, и что в XIII в. до н.э. в какие-то периоды хеттский МИД признавал их царя «Великим» так же, как правителей Египта, Вавилона и, позднее, Ассирии. Беру на себя смелость предположить, что местопребыванием царя Аххиявы в то время были Микены и что он принадлежал к династии, сохранившейся в греческой традиции как Атриды. В то время греки распространили свое влияние на все острова Эгейского моря. Их торговые пути вели к Сицилии на западе и к Сирии, через Кипр, в восточном направлении. Они контролировали поселения на побережье Малой Азии в таких местах, как Иасос и Милет, и эти области признавались хеттами греческой территорией с согласованными границами. До определенной степени греки были вовлечены в дипломатию того времени и обменивались дарами и послами с хеттами, отправляя культовых идолов к хеттскому двору и принимая у себя родственников хеттского царя. О том, что они были известны египтянам и имели с ними прямые дипломатические контакты, говорят надписи, повествующие о визите египтян в Микены и на Крит около 1380 г. до н.э.

Для материковых дворцов период приблизительно с 1300 по 1250 г. до н.э. был периодом великого строительства, а также периодом либо сверхсамонадеянности, либо сверхоборонительного поведения. В это время было завершено строительство гигантских укреплений в Гле, Тиринфе, Микенах, Афинах и множестве меньших городов, таких как Эвтрес, Аракс, Криса и Тигани. То, что величайшие памятники цивилизации появляются незадолго до наблюдаемого упадка, — вещь обычная, как отмечал Ибн-Хальдун:

В конце династии часто появляется некое проявление мощи, которое создает впечатление, что династия избавилась от дряхлости. Она ярко сияет как раз перед тем, как потухнуть, словно горящий фитилек, ярко вспыхивающий на мгновение, прежде чем погаснуть, создавая впечатление, что он собирается разгореться, когда на самом деле он угасает.

Здесь мы вправе принять во внимание традиции, надежно хранимые в греческих легендах, которые, как известно, уходят корнями в бронзовый век. Существовало единое мнение, что дворцы, подобные микенскому, были местами обитания кровожадных, жестоких правителей, жертв междоусобной борьбы, находившихся в состоянии непрерывной войны. Археологические исследования дворцов типа микенского и сведения из табличек линейного письма Б подтверждают, что действительно это был милитаристский и агрессивный мир. Большое число подчиненных людей, в том числе, видимо, множество

рабов, было привязано к земле, производя пищу для своих хозяев и достаточное количество масла, гончарных изделий, зерна, текстиля и льна для экспорта. Одновременно следует отметить, какое внимание на табличках уделено военному снаряжению. В Кноссе и Пилосе сосредоточились большие запасы дорогих материалов — меди, олова и золота, — которые можно было получить, только или воюя, или торгуя. Другими словами, и рабочая сила, и средства принуждения могли поддерживаться только торговлей или насилием. Порочный круг, и, без сомнения, правители типа Агамемнона были жестокими и безжалостными, какими и должны быть цари в обществах такого рода. Это тоже самооборона, ведь только насилием правящая элита могла сохранить свое существование. Как писал Ибн-Хальдун:

Любая королевская власть должна строиться на двух фундаментах. Первый — сила и групповое чувство, которое находит свое выражение в солдатах. Второй — деньги, которые поддерживают солдат и обеспечивают всю конструкцию, необходимую королевской власти. Распад начинается у династий с этих двух фундаментов.

Итак, таким монархам, как Агамемнон, для снаряжения его воинства и вознаграждения его была нужна добыча — сокровища, сырье, драгоценные металлы, скот и женщины. Такова правда жизни всех так называемых героических обществ. У Гомера, как мы видели, величайшей честью было называться «разорителем городов». Власть в бронзовом веке опиралась на существующие структуру и

идеалы общества. Это подтверждают таблички с линейным письмом Б из Пилоса. Присутствие на них имен рабов с Лемноса, Хиоса, из «Азии», Милета, Галикарнаса и Книда, работающих на отлично организованных «государственных предприятиях», показывает, что миру Агамемнона необходимо было постоянно захватывать рабов либо покупать их на невольничьих рынках. Это было общество, где дополнительные расходы — накопление сокровищ, культ монарха, царские погребения, военные расходы — были настолько непомерны, что гигантскую трудовую пирамиду нужно было постоянно подпитывать. Рабочая сила нуждалась в непрерывном обновлении, несмотря на то что рабыни приносили потомство, поскольку продолжительность жизни в неволе наверняка была очень низкой. Показателен контраст между длинными описаниями дворцовых запасов богато украшенной мебели в пилосских табличках и короткими списками чужеземных рабов и их рационов. Только представьте, какие средства и сколько труда вложено в «одно кресло пружинное, инкрустированной египетской синью, и серебром и золотом на спинке, которая украшена человеческими фигурами из золота, и с парой золотых фиалов, и с золочеными грифонами и грифонами из египетской сини». Это всего лишь одна позиция из множества дошедших до нас (как и следовало ожидать, такое же внимание к деталям проявляется в описаниях военного снаряжения, например, кузовов колесниц, «инкрустированных слоновой костью, выкрашенных в темно-красный цвет, с поводьями с кожаными щечными ремнями и мундштуком из рога»).

А теперь перед нами «двадцать одна книдская женщина, двенадцать девочек, десять мальчиков...

В Эвдейвеле: восемь женщин, две девочки и три мальчика; 336 литров пшеницы, 336 литров фиг...». Специалисты высчитали, что каждый из этих людей получал паек в 24 литра в месяц, немногим меньше классического солдатского пайка. Если добавлялись фиги, то уменьшалось количество пшеницы: римский агроном Катон рекомендовал сокращать в рационе количество хлеба рабам, «когда они начинают есть фиги». Таким был мир Агамемнона.

Взяв это за основу, мы должны учесть особые условия XIII в. до н.э. Вскоре после 1300 г. до н.э. в Средиземноморье участились пиратские набеги и стала распространяться нестабильность, позднее поглотившая его. Вероятно, были и экономические проблемы, перенаселение, неурожай, засухи и голод — это ученым еще предстоит выяснить. Точно так же нет ответа на вопрос об изменениях климата. А не снизился ли объем микенской торговли с Ближним Востоком к концу столетия и не прекратился ли он вовсе? Все эти факторы могли сыграть свою роль. Нельзя исключать вероятность междоусобиц внутри родовых групп династий и войн между соперничающими городами-государствами, подобно описанному в легенде о разграблении Фив аргивянами за поколение до Троянской войны. Могли сыграть свою роль и события на побережье Малой Азии: как раз в это время хетты, похоже, захватили Милет, один из крупнейших городов Эгейского мира, и, возможно, греки были вытеснены из юго-западной Анатолии, что заставило их двинуться в поисках рабов и сырья на север — в сторону Трои.

Возможно, это и гипотезы, но какая-то комбинация некоторых или всех этих факторов *должна* быть верной. Мы обязаны как-то учитывать изме-

нение экономической ситуации на Пелопоннесе, и следует предположить, что Агамемнон и его товарищи-цари и элита делали все возможное, чтобы исправить положение. Их царства нуждались в добыче, рабах и сокровищах, и частые хищнические набеги были всего лишь способом поддержания власти: фактически такие вылазки осуществлялись ежегодно. Наиболее вероятно, что набеги производились в северном и восточном направлениях, особенно на побережье Малой Азии, где, как сообщают хеттские таблички, активность греков увеличилась в первые десятилетия XIII в. до н.э. С учетом вышесказанного нападение на цитадель, контролировавшую Дарданеллы, представляется столь очевидным, что, если бы и не было легенды о Трое, мы должны были бы принять его как постулат. Незачем было беспокоиться о поводе для нападения — такого рода войны были заложены в самой природе микенского общества и монархии.

Здесь можно попытаться использовать в качестве доказательства хеттские таблички. Как мы уже видели, цари Аххиявы, упомянутые, но не названные в хеттских текстах, это, возможно, те, кого греческие предания запомнили как династию Атридов и Агамемнона. Но в Анатолии мы оказываемся на более твердой исторической почве. В те времена, что нас интересуют, правили хеттские цари Муваталли (1296—1272 г. до н.э.), Урхи-Тешуб (1272—1265 г. до н.э.) или брат Муваталли, Хаттусили (1265—1235 г. до н.э.)¹. Кое-что нам известно и о династии, правившей в Вилусе-Трое. Царем Вилусы во вре-

мена правления Муваталли (а возможно, и долгое время после него) был Алаксанд, несомненно, ставший прототипом гомеровского Александра-Париса (анатолийский Пария). Похоже, он правил в то время, когда началась война, и хеттские архивы предоставляют обширные сведения о ситуации, приведшей к ней, рисуя нарастающее влияние микенских правителей в западной Анатолии.

На протяжении двух предшествующих поколений росли мощь и влияние греков. Около 1320 г. до н.э. Милет был разграблен хеттами, но в правление Хаттусили (1260-е гг. до н.э.) признан аххиявской территорией с границами, согласованными по договору. Греческое влияние на хеттскую правящую семью было принято хеттами как реальность, при их дворе жил брат греческого царя. И Муваталли, и Хаттусили, вынужденным вести войны на нескольких фронтах, был необходим мир на западе. Им приходилось бороться с растущей мощью Ассирии там, где теперь расположен северный Ирак, сдерживая ее стремление прорваться на запад к богатым торговым городам Верхнего Евфрата и Сирии. Египтяне продолжали продвигаться на север в Сирии. В 1275 г. до н.э. Муваталли с армией из 18 подвластных ему народов, вассальных государств и союзников вступил в закончившееся с неясным исходом сражение с Рамзесом II при Кадете. Очевидно, что в рядах хеттской армии была элита ряда арцавских государств, поскольку в ней находились дарданы (вилусийцы), предположительно — под командованием царя Алаксанда. В 1275 г. до н.э. сама Вилуса еще не подверглась нападению.

Передвинемся на десять лет вперед: в 1262—1261 г. до н.э. хеттскую территорию вплоть до Кар-

¹ Даты правлений несколько отличаются от русских источников. — *Прим. перев.*

кемиша захватили ассирийцы, что стало настоящей катастрофой для Хаттусили. В то же время с юга ему угрожал Рамзес, а на западе он вел борьбу с царем Аххиявы и его союзником, арцавским предателем Пийямарадом, сеявшим раздоры и распри на Эгейском побережье. Союз, создававшийся хеттской дипломатией на протяжении двух столетий, оказался в опасности. Возможно, именно в этот период началась Троянская война. Это было непростое время, когда, как показывают хеттские таблички, в западной Анатолии свержали царей, на трон всходили претенденты, а земли разорялись. Политические эмигранты искали убежища «за морем», в Аххияве, Милете и более далеких странах (изгнанный «Великий царь Хатти», Урхи-Тешуб, все еще строил планы при египетском дворе).

Для политолога бронзового века это должно было выглядеть так, словно в западной Анатолии началась цепная реакция. И всегда за кулисами ощущалось присутствие царя Аххиявы, с которым хеттам теперь, впервые, понадобилось искать примирения. Свидетельства из хеттских архивов ясно указывают на хищническую природу ахейского присутствия в западной Анатолии, как позднее об этом и рассказывалось в легендах.

Война, соответственно, могла происходить между 1274 и 1263 г. до н.э., после Кадета, но до кампании Хаттусили в нижней долине Меандра против ренегата Пийямарада. Затем, после того как Хаттусили прошел до Эгейского моря у Милета, преследуя предателя, после примирения с царем Аххиявы, он заговорил о неприятностях последних нескольких лет. В частности, в почти извиняющемся тоне он говорит о прошлой ссоре с царем Аххиявы

и о «войне с Вилусой, в которой мы ныне заключили мир». Таким образом, война велась либо в самом начале его царствования (около 1265 г. до н.э.), либо когда он был генералом в армии стареющего Муваталли (1275—1272 гг. до н.э.; у своего брата, Урхи-Тешуба, он был не в фаворе).

Пойдем в своих домыслах немного дальше. Конфликт возник на нескольких фронтах. Греческий царь поддерживал в арцавской царской семье фракцию, враждебную Хатти. Он состоял в союзе с набобами Милета на берегу Малой Азии, признававшими его главенство и снабжавшими его сырьем и рабами. Помогал он и другим западно-анатолийским правителям, отвергавшим власть Хатти. Правитель земли реки Сеха, например, «связался с царем Аххиявы» и спровоцировал столкновение с Хаттусили. В происходящее оказался втянут царь Трои-Вилусы. Хотя его древняя цитадель и находилась на северо-восточной окраине Эгейского мира, она была хорошо известна грекам. Возможно, там нашла прибежище колония микенских купцов, пари могли обмениваться посольствами. Троя была самой сильной крепостью на севере Эгейского мира. Она занимала господствующее положение на пересечении древних торговых сухопутных и морских путей. Это была древняя династическая столица, где хранились царские сокровища, скопленные многими поколениями. Роскошный приз для разорителей городов.

Не исключено, что появился предлог, произошел дипломатический инцидент, спровоцировавший нападение (Гомер говорит о похищении жены царя), но предлог не столь серьезный, чтобы не позволить Хаттусили и грекам впоследствии уладить

вопрос. Кто был за кого, мы точно не знаем, но греческий «Великий царь» отправил в Трояду морскую экспедицию, несомненно, поддержанный союзниками и сторонниками. Важно, что, нападая на Вилусу, греки неизбежно втягивали в конфликт хеттского царя либо его полководцев. Потому что, как только вилусийцев обязали снабжать войска «Великого царя» Хатти во время походов (как они делали это при Кадете в 1275 г. до н.э.), «Великий царь» Хатти, по договору с Муваталли, обязался помогать им в случае нападения на Вилусу. Это был долг господина. Возможно, у Гомера сохранились отзвуки этих событий в «Троянском перечне», где перечисляются значительные силы западно-анатолийских союзников, пришедших на помощь Приаму и Парису-Александру в трудный час.

Организовать микенский поход на северо-восток Эгейского мира было нетрудно. Имелось достаточно кораблей, даже если Гомер и преувеличивает их число. Фрески на Фере демонстрируют, как могла выглядеть микенская заморская экспедиция к ливийскому побережью, с длинновесельными, парусными судами, на борту которых находились тяжеловооруженные воины в шлемах с клыками вепря, длинными копьями и удлинненными «башенными» щитами. В пилосских табличках до мелочей расписано все снаряжение. Для заморских походов набирались элитные войска: цари важнейших государств со своей свитой и дружинами их основных баронов, самое большее — несколько сотен человек от каждого царства. Троя, очевидно, не была единственной, или даже главной, целью. И действительно, гомеровское предание утверждает, что Троя была лишь эпизодом в серии набегов на Тефранию

и Мизию, нападений на Лемнос, Лесбос, Педассон, Лирнессон и другие селения, и везде города подвергались разграблению, скот и женщин уводили. Археологические данные о разрушении Ферми на Лесбосе, одного из крупнейших городов в Эгейском море, произошедшем как раз в то время, хорошо согласуются с гомеровским рассказом о разграблении Ахиллом Лесбоса.

Выходит, троянская история повествует о продолжительном периоде микенской агрессии на берегах и островах северо-западной Анатолии. Троя не единственный захваченный город, но она лучше всех была известна грекам, лучше всех построена и ожесточенней всех сопротивлялась. Возможно даже, что, как и подозревал Лешевалье и как позволяют предположить хеттские тексты, в целом поход был неудачным, его события приукрашили по возвращении домой певцы, поскольку их мир становился все более непрочным. Но город, несомненно, был разрушен. Правдоподобна версия, что, как в Филадельфии и Кноссе, греки нагрянули в золотую Трою после естественной катастрофы, сильного землетрясения, которое, как считал Блеген, разрушило Трою VIh. Но, как мы уже видели, однозначных доказательств землетрясения нет, и может быть, все-таки права легенда, утверждающая, что Трою намеренно снесли после тяжелой осады. Город был разграблен, а его женщины увезены на плантации, находившиеся вокруг Микен и Пилоса. Не исключено даже, что рядом с пленницами с Лемноса и азиатками мы через поколение или позже видим представительницу того народа, названную в табличке из Пилоса «слуга божья, *то-ро-я*» (троянка?).

А что же с конкретными деталями? Существовал ли Агамемнон? Возможно. Из германских и кельтских эпосов мы знаем, что имена и родословные царей древности часто сохранялись. Так, мерсийский правитель Оффа мог назвать своих предков вплоть до королей, правивших еще до того, как англичане пришли в Британию. Поэтому нет, в сущности, ничего невероятного в том, что имена последних великих царей Микен, Атрея и Агамемнона, сохранились в преданиях.

А существовала ли Елена и стало ли ее похищение причиной войны? Есть аналогия: похищение королевской жены послужило предлогом для вторжения норманнов в Ирландию в XII в. Но с другой стороны, нападение на замок или город с целью вернуть плененную принцессу — старинная тема эпических произведений, популярный сюжет в средневековой Ирландии, Древней Индии и даже в Угарите XIII в. до н.э. Поэтому здесь нет смысла настаивать на каких-то заключениях. Тем не менее наше исследование показало, что захват женщин во время набегов был обычным делом, и чем красивей оказывались пленницы, тем лучше. О Елене мы, по крайней мере, можем сказать, что у нее шансы были!

Можно добавить пару слов еще об одной знаменитой женщине сказания. Это юная Ифигения (или Ифианассе у Гомера), принесение которой в жертву в Авлиде стало прелюдией к походу и темой многих художественных, литературных и музыкальных произведений. Нет оснований считать, что она реально существовала, но одна из самых замечательных археологических находок последних лет подтверждает человеческие жертвоприношения и даже ритуальный каннибализм в бронзовом веке.

Открытие в Кноссе останков двух детей в возрасте восьми и одиннадцати (возраст Ифигении в сказании) лет, похоже, ритуально умерщвленных и частично съеденных перед катастрофой, обрушившейся на дворец и его пригороды около 1420 г. до н.э., дает основания для предположений, что принесение детей в жертву могло происходить в то время в различных местах Эгейского мира. О том, что жертвоприношения предшествовали также падению Пилоса, можно судить по последним табличкам с линейным письмом Б, написанным в дворце, но это отнюдь нельзя утверждать однозначно. И все же кносская находка предлагает по-новому взглянуть на такие знаменитые сюжеты, как поедание детей Фиеста (дяди Агамемнона) и жертвоприношение самой Ифигении.

Что касается троянских героев, то любопытно, что из имен, встречающихся и в табличках линейного письма Б, и у Гомера, двадцать (одна треть) используются для троянцев. Другими словами, для троянских героев были изобретены греческие имена, среди них — Гектор. Но два имени не подходят под это правило, и они имеют важное значение. Имя Приам выглядит как анатолийское имя Париаму, которое мы находим в хеттских текстах. А Александр из Вилиона, похоже, имеет связь с Алаксандом из Вилусы, упоминаемым в хеттских табличках начала XIII в. до н.э.; его альтернативное имя Парис очень похоже на анатолийское Пария. Больше мы ничего не можем сказать. Очевидно, что греческая традиция в «темные века» имела весьма смутное понятие о Малой Азии века героев.

А как обстояло дело с деревянным конем? Его считали сказочным приемом, а также, как мы ви-

дели, предполагали, что это был деревянный таран в виде коня. Однако недавно было предложено любопытное объяснение, которое заслуживает обсуждения, прежде чем быть отброшенным. По этой версии, рассказ о коне связан с богом Посейдоном, который, как мы знаем, входил в микенский пантеон. В Аркадии Посейдон почитался в облике коня, в других областях — как всадник или колесничий. В народном фольклоре его называли «Гиппос», «конь». Но Посейдон, даже в исторические времена, рассматривался также как единственный повелитель *землетрясений*. Вспомним о предполагаемом разрушении Трои VI землетрясением и о том, как, согласно преданию, Лаомедонт обманул Посейдона и был за это наказан разрушением прекрасных стен. А что, если позднее певцы придумали коня, как захватывающий сюжетный ход, держа в уме его связь с Посейдоном и увязывая новое предание со старым мифом о разграблении Трои Гераклом? Мне такое объяснение кажется надуманным и откровенно нереальным. Но если греки действительно разграбили Трою лишь после землетрясения, то все-таки есть вероятность, что они оставили там культовый идол Посейдона в виде деревянного коня в качестве благодарственного приношения. Конечно, лучше всего признать, что в истории с деревянным конем есть нечто неизмеримо таинственное. Она существовала задолго до гомеровских времен, о чем мы знаем по художественным изображениям, но это, пожалуй, и все, что мы можем сказать.

Наши поиски почти завершены. Разграбление Трои сохранилось в памяти, потому что это было последнее потрясение микенского мира. Как в средневековой Ирландии барды пели о последнем вели-

ком событии, так и здесь будут петь о Трое. Больше ни один царь Микен не будет провозглашен «Великим». Примерно через поколение их мир будет расколот. Не все города ожидала одинаковая судьба. Микены и Тиринф были разрушены землетрясениями. Пилос, видимо, захвачен местными бунтовщиками. Мессения пострадала от широкомасштабной депопуляции, как, возможно, и Лакония. Арготида пережила новый наплыв людей, прибывали мигранты из-за моря. Не было единого большого кризиса, но прогрессирующий упадок, ослабление власти выражались в том, что все меньше зданий восстанавливалось (хотя в отдельных местах, например в Тиринфе, справедливо обратное). Многие города были покинуты жителями, искавшими лучшей доли, а вокруг них селились грекоговорящие крестьяне из отдаленных областей, которые занимали покинутые сельские районы, словно нищие иммигранты из «третьего мира» или старатели времен «золотой лихорадки», и традиция запомнила это как приход нового народа, «дорийцев». Кое-где распознаваемый микенский образ жизни сохранялся на протяжении всего XII в. до н.э., Микены были покинуты около 1100 г. до н.э. Крестьянство и местные вожди остались жить, как жили, но сложная серия событий привела к краху развитой дворцовой цивилизации позднего бронзового века. Для обслуживания государственной системы была разработана столь специализированная письменность, что и она сгинула вместе с дворцами и немногочисленной грамотной элитой. У нового общества не возникало необходимости что-либо писать.

Суммируя все эти факторы, не забудем и о легендах. Они сообщают нам о постоянных распрях

внутри царских кланов века героев: Атрей и Фиест, Агамемнон и Эгисф и так далее, и можно, без сомнения, сказать, что междоусобицы были характерны для такого рода обществ во все времена. Возможно, легенды об эпигонах и Геракле также хранят отзвуки войн между городами-государствами микенского мира и враждующими кланами важнейших царствующих семейств. Историки и антропологи, изучающие западные «темные века», могут указать на такие же конфликты в королевских кланах Каролингов, Меровингов, в Оттонской династии и англо-саксонском обществе: одной из главных функций королевской власти было разрешение внутренних конфликтов, бывших нормой. Положение в греческих монархиях бронзового века не могло быть другим. Эпос рассказывает, как по возвращении из Трои «Великий царь» Агамемнон был убит родичем-соперником, а другие правители столкнулись с бунтами либо оказались свергнутыми с престола. Легенды создавались в конце бронзового века и правдоподобны, хоть мы и не можем их проверить: изучение истории ближневосточных монархий дает много аналогий и позволяет полагать, что большие родственные группировки в царских кланах бронзового века постоянно выдвигали соперников-претендентов. Там, где значение царствующей персоны столь велико, многое зависит от ее устойчивости. Если власть шаталась, начинались внутренние распри — «политическое» могущество приходит и уходит быстро. Потому можно согласиться с Фукидидом.

Длительная война с Троей и «позднее возвращение эллинов из Илиона вызвали множество революций, а раздоры последовали почти повсюду...

и именно граждане, таким образом оказавшиеся в изгнании, основали [затем] города [за морем]». Фукидид считает, что вторжение «дорийцев» на Пелопоннес произошло через 80 лет после падения Трои. Лишь после этого началась основная миграция в Ионию, на острова, в Италию и на Сицилию: «все эти поселения были основаны как следствие войны с Троей». Эти главные, пусть и упрощенные, положения были подтверждены археологами.

Как сказание сохранилось в «темные века»? Его вполне могли исполнять певцы при дворах Микен и Тиринфа на протяжении XII в. до н.э. «Перечень кораблей» был, вероятно, составлен в XII в. до н.э. из подлинного списка известных городов микенских государств Греции. Он замышлялся как произведение, обращенное в прошлое, вспоминающее золотой век героев. Аудитория 1100-х гг. до н.э. знала, что таких городов, как Пилос, больше не существует: Нестор олицетворял золотой век старомодного царствования, отеческого и «строного, но справедливого». Это было то, с чем был сходен великий *gana* (это слово, в форме *ana*, сохранилось у Гомера). То были цари, сохранявшие единство «империи», — можно сказать, эквивалент «викторианских ценностей» XII в. до н.э. Память о местах, где стояли основные города, осталась в преданиях тех краев, поэтому к VIII в. до н.э. сказания надежно хранились в пышной и подробной устной традиции, взлелеянной эмигрантским сообществом в Ионии. В Лаконии и Арголиде, бывших опорой микенского могущества, развился культ героев, центром которого стали микенские гробницы. Сохранилась память о героях в Минелайоне, чему помогли многочисленные паломники с приношениями

Елене и Менелаю. В Амиклах, еще одном дворцовом городе Лаконии, культ, похоже, сохранялся непрерывно вплоть до классических времен. Удивительно, но в Спарте, как и в Микенах, мы обнаруживаем культ Агамемнона. В Орхомене гигантская сокровищница стала гробницей «царя Миния». То же повторилось с менее знаменитыми бесчисленными микенскими купольными гробницами, особенно там, где они могли быть отождествлены с городами из перечня кораблей. Гомер — кульминация этого процесса, высшая точка — хотя ни в коем случае не конец — долгой устной традиции. Если мы скажем, что он творил около 730 г. до н.э., то будем недалеко от истины, но как скоро после этого была записана «Илиада» — неясно. Мы уже видели, что наиболее реальной датой является VII в. до н.э. Но задолго до этого сказание сложилось на самом Гиссарлыке, куда, возможно, еще до 700 г. до н.э. народ Локриды посылал своих девушек служить Афине Троянской. К тому времени факты, какими бы они ни были, стали легендой, и наоборот, легенды стали фактами, которыми мы и занимались.

Дальнейшая судьба Илиона. Новый Илион

Способность к упорному выживанию на земле предков — одна из самых удивительных черт народа, процветавшего в троянском акрополе в бронзовом веке.

Карл Блеген, «Троя и троянцы»

Мы не можем оставить Трою, не взглянув на ее последующую историю. Все же этот город занимает центральное место в нашем рассказе и, как было

сказано, просуществовал более 4000 лет. Разрушения, причиненные микенцами в XIII в. до н.э. (если они были), — это всего лишь эпизод среди многих других. Жители вернулись в город, лежащий в развалинах, и восстановили его. Но обитателям Трои VIIa выпало жить в жестокое и нестабильное время. Короткая жизнь этой фазы города закончилась ужасным насилием. Город был взят штурмом и сожжен, многие жители убиты. Но когда захватчики ушли, оставшиеся в живых поставили лачуги на пепелище и принялись восстанавливать город. То, что мы называем Трой VIIb 1, — все еще было домом потомков основателей Трои VI, впервые поселившихся на Гиссарлыке около 1900 г. до н.э. Очевидно, что стены крепости были еще достаточно высокими и крепкими, чтобы обеспечивать защиту. Главными воротами города оставались южные. Жители по-прежнему изготавливали серую минийскую посуду. Даже контакты с микенским миром еще сохранялись: найдено несколько образчиков посуды XII в. до н.э. (LN III C). Но Эгейский мир претерпел огромные изменения. Спустя полвека новые люди пришли на Гиссарлыкский холм. Их прибытие не отмечено признаками насилия, вероятно, обнищавшие обитатели Трои VIIb 1 не оказывали сопротивления. С приходом новых поселенцев резко изменился стиль керамики — они вручную изготавливали грубую посуду, названную «рогатой» за декоративные выпуклости-рожки. «Странный феномен для поселения, где гончарный круг был известен много столетий», — писал Карл Блеген. Посуда выглядит примитивно, и, видимо, старожилы Трои считали так же. «Рогатая посуда» характерна для позднего бронзового века в Венгрии и

Дунайской культуры и, вероятно, попала в Троаду через Дарданеллы из Фракии. Пришельцы принесли с собой чеканы, клевцы, долота (плоские и под рукоятку) — изделия хорошо известных венгерских типов, найденные при раскопках Шлиманом.

Но, похоже, в городе VIIb остались и старожилы: по-прежнему изготавливалось и использовалось какое-то количество серой минийской керамики. Мы можем лишь предположить, что фракийцы пришли сюда в поисках убежища в беспокойные времена «народов моря» и массовых миграций и без борьбы взяли город. Возможно, их вождь был признан троянцами, не имевшими собственного царя.

Троя VIII 2 получила от микенского мира избыток горшков, но в остальном дела были плохи. К 1100 г. до н.э. она перестала существовать. Следы пожара в нескольких домах позволяют полагать, что и это поселение было уничтожено огнем, скорее всего, его разграбили и подожгли. Таким был конец древней Трои, хотя нет, пожалуй, конца троянцев. Есть основания полагать, что даже после этого пожара сохранилось крохотное поселение, теснившееся у гробниц ниже западной стены. Кроме того, в это время многие троянцы нашли убежище на вершине Бунарбаши, возвышающейся над ущельем, через которое Скамандр прорывается на равнину Трои. Это место удалено от моря и избавлено от бесконечных нападений морских разбойников. Люди, поселившиеся здесь, наверное, надеялись, что их минуют ужасы того времени. Напомню, что эти годы Бунарбаши Лешевалье посчитал местом, где стояла Троя. Кем бы ни были эти люди, они принесли с собой традиции изготовления се-

рой минийской керамики и хранили их вплоть до конца VIII в. до н.э., то есть около 300 лет. Затем Бунарбаши, в свою очередь, был покинут. Удивительный факт, который подметил Карл Блеген: в то время, когда был покинут Бунарбаши, Гиссарлык внезапно вновь заселяется, причем людьми, умеющими делать серую минийскую керамику. Вернулся ли в город кто-либо из потомков прежних его обитателей? Мысль увлекательная, но археологические данные Блегена скудны до крайности. В сущности, Новая Троя — Илион — была греческой колонией, обращенной к западу, и на протяжении более 1000 лет она будет частью ойкумены (ойкумены) — единого мира классической эллинской цивилизации.

Греческая колония была основана не позже 700 г. до н.э. пришельцами с эолийского Лесбоса. Вполне возможно, что ее посещал и Гомер. Знали ли жители нового города что-нибудь о Троянской войне? В таком предположении нет ничего невозможного. Примерно с 700 г. до н.э. в Трое появляется странный обычай служения локридских девушек в храме, сохранявшийся до прихода христианства. Алтарь и очаг для жертвоприношений, найденные Блегеном в западной части города, могли относиться к их святилищу. Новая Троя была захолустьем — лишь небольшой рыночный городок, где торговали тем, что производилось на равнине. Но так единодушна была вера в то, будто именно здесь стоял легендарный город, что многие знаменитые паломники прибывали поклониться этим местам, и маленькое непривлекательное поселение пережило недолгий период расцвета в конце IV в. до н.э. Это время можно считать рождением эллинского Или-

она. Потом его полюбили богатые покровители. Главной достопримечательностью города был дорический храм Афины на старом акрополе, там, где когда-то стояла Троя VI. Полководец Александра Македонского Лисимах построил вокруг города мощные стены, охватывавшие территорию 1200 на 800 ярдов. В нижнем городе располагалось несколько красивых зданий, агора и базилика, театр на 6000 зрителей (хотя население города никогда не достигало такой численности). Но без огромной бухты, теперь залившейся, город не имел перспектив: опять начался упадок, пока не дошло до «такой разрухи, что там даже не было черепицы на крышах» (около 190 г. до н.э.). Опустошенный во время войны с Митридатом в 83—82 гг. до н.э., город какое-то время лежал в руинах — рассказ о приезде Цезаря в 48 г. до н.э., несомненно, намекает на это. А затем он превратился в бедный провинциальный городок с несколькими сотнями жителей, прозябающий в тени богатой Александрии Троадской, расположенной на берегу, с ее огромной базиликой, роскошными банями и населением около 40 000 человек. Никто не помог Илиону, когда в 259 г. он был вновь разграблен, на этот раз готами. Ко времени поздней Римской империи он стал захолустным городишком, с которым не пожелал бы связываться ни один уважающий себя будущий оратор или наместник. Теперь там жил христианский епископ и стояла небольшая византийская церквушка. Скорее всего, это было кирпичное беленое строение, какие можно видеть сегодня по всей Греции. Но сохранились кое-где и признаки язычества, как обнаружил Юлиан, обходя в 354 г. городок вместе с епископом.

Когда жизнь окончательно покинула Гиссарлык? Ясно, что старый город во времена Юлиана находился в упадке (так и видятся гуси на улицах, облупленные стены посреди помоек и множество заброшенных домов). Шлиман считал, что жители ушли в V в. Он основывался на находках монет — ими перестали пользоваться в это время. Попытка, достойная похвалы: последующие раскопки в целом подтвердили его теорию, дав основания полагать, что, возможно, город существовал еще и в VI в. Не исключено, что последние жители классического Илиона увидели апофеоз обновленной Эллинской империи Юстиниана. Но о том, как жили эти обитатели последней фазы Трои, мы не знаем ничего. Вообще, V и VI вв. были периодом процветания Троады, особенно в деревнях, и поэтому наблюдался отток жителей в сельскую местность. Этот последний всплеск благополучия, видимо, затронул город, о чем можно судить по находкам в Илионе монет Феодосия I и Феодосия II: у людей еще были деньги, чтобы тратить, и вещи, чтобы покупать. Но начиная со времен Юстиниана такие находки пропадают. За объяснением не надо далеко ходить. В 542 г. империю опустошила чудовищная эпидемия чумы, и в Анатолии вымерли целые города и деревни. Мы не можем доказать, что среди них был Илион, но с тех пор упоминания о нем не встречаются.

Предположительно с VI в. здесь были лишь необитаемые, заросшие развалины. Но не исключено, что могла остаться и какая-то деревушка. Мы видим свидетельства этого в труде византийского императора и администратора Константина Багрянородного, который пишет, что в Илионе в 930-е гг.,

во времена англо-саксонской империи в Британии, была епархия. Находилась ли епархия на Гиссарлыке? Если да, то это указывало бы, что там сохранилась церковь IV в. (или ее преемница).

В большой траншее за южными воротами Блеген обнаружил еще одно свидетельство того, что в поселении находилось византийское здание. Это может означать, что здесь была небольшая деревня с трудоспособным населением, церковь и, возможно, некое подобие стены.

То были грозные времена. Византию осаждали со всех сторон — сарацины с юга, славяне с севера и запада, турки с востока. С VII в. все более жестокими становились нападения арабов, проникавших в Эгейский регион и в начале X в. опустошивших Лесбос и разграбивших Салонику. В этот период во многих деревнях Малой Азии селили мелких фермеров, чтобы снабжать новобранцами византийские силы обороны. Возможно, это отразилось и на маленьком Илионе. В X в. растущее давление славян заставило Константинополь стягивать к северным границам население южных и восточных районов, лишая мелких фермеров собственности. Турецкая оккупация Троады в XI в. вызвала дальнейшее падение численности населения. Упадок предвиделся длительный. На Гиссарлыке осталась лишь крохотная обнищавшая община — возможно, несколько семей и священник, — просуществовавшая до последних десятилетий XIII в. Затем жизнь, бурлившая с IV тысячелетия до н.э., покинула эти места.

Последняя фаза истории Троады — турецкая. Эта область была захвачена турками-сельджуками еще в 1070-е гг., византийцы вернули ее только

через четверть века. Монеты и керамика, найденные в Илионе, показывают, что место оставалось населенным еще 200 лет, жителей было мало, пропитание им давали, как и прежде, аллювиальные почвы равнины и сезонная рыбная ловля, но, по данным раскопок, жители больше не могли позволить себе предметов роскоши. В 1306 г. Троаду заняли турки-османы, и с тех пор это турецкая территория. Первое описание равнины, которым мы располагаем, — это фискальные обзоры XV и XVI вв. Они пестрят названиями деревень, в основном — крохотные, с населением по несколько семей. Илион был окончательно покинут.

Что случилось с греками, жившими в Троаде до турецкого завоевания? Их историю еще предстоит изучать: упоминания о них удивительным образом отсутствуют в обзорах, но вполне вероятно, что греки сумели сохранить свою веру, к которой турки, в отличие от римских католиков, относились лояльно. Западные путешественники XVI—XVII вв. часто встречали греков в Троаде, как, например, Белон и Литгоу в Александрии Троадской. В XVIII—XIX вв. на равнине еще жили люди, говорившие по-гречески, в основном это были ремесленники-одиночки, коммивояжеры и владельцы *ханов* (постоялых дворов). Удивительно большой поток греков хлынул в Малую Азию после обретения Грецией независимости, что отмечал Александер Кинглейк. А во времена Шлимана там жила лишь горстка греков — домо- и землевладельцев и торговцев маслом. Главной греческой деревней в ту пору была Калифатли, всего в миле к юго-западу от Илиона. Современная деревня с тем же названием расположена на несколько сотен метров

ближе к реке Мендерес, чем старая, покинутая после войны 1922 г. Новую деревню основали турки из Болгарии. В 1574 г. Калифатли была крохотным селением, где лишь шестеро взрослых платили подати. Гелл пишет, что в его время (1801 г.) она была большой и процветающей, возможно, за счет иммигрантов. Но чума 1816 г. унесла жизни двухсот человек, после нее в деревне остался лишь десяток домов. Она слегка восстановилась во времена Шлимана, и он нанимал рабочих из числа одной-двух сотен ее жителей. Тем удалось утащить из Илиона много мрамора, и старое кладбище изобилует каменными резными памятниками. В сущности, Калифатли — последнее живое звено, связывающее нас с Илионом, хотя не исключено, что где-нибудь в материковой Греции есть деревни, основанные семьями, бежавшими отсюда в 1922 г. Учитывая цепкость, с которой древние троянцы держались за жизнь, почему бы не предположить, что в ком-то еще течет кровь троянских предков, пусть даже и капелька.

Сегодняшний Гиссарлык — это, конечно, лишь археологический объект, с которого мы и начали свои поиски. Большинство секретов он открыл, хотя и остались небольшие нераскопанные участки. Остальная, еще не изученная часть плато Нового Илиона, — это обрабатываемые поля, усыпанные булыжниками, и дубравы, где живут только белки. И, может быть, призраки?

ПОСТСКРИПТУМ: Троянская война открыта еще раз?

В первом издании этой книги рассказывалась история трех великих археологов, искавших Трою, — Шлимана, Дёрпфельда и Блегена. Казалось, что уже нечего надеяться на получение новой информации на столь опустошенном археологами и, в частности Шлиманом, Гиссарлыке. Оставался неисследованным лишь обширный нижний город римского поселения, там раскопки могли подтвердить, имела ли Троя бронзового века город за стенами цитадели.

В 1988 г. через пять лет после того, как я пришел к такому заключению, на этой площадке были начаты новые раскопки под руководством Манфреда Корфмана, чье имя теперь займет место рядом с великими исследователями прошлого. Площадка была очищена от подлеска и сделана более понятной для посетителей. Восточные укрепления освободили от перепутанных фиговых деревьев, траншею Шлимана очистили, осыпающиеся стены восстановили, а основные достопримечательности —

шлимановский «большой пандус», восточные ворота и северо-восточный бастион Дёрпфельда — демонтировали, укрепили и установили заново. В нижнем городе исследованы эллинский и римский театры, составлены их планы; отмечена прямоугольная планировка римских улиц. Кроме того, было предпринято широкомасштабное геофизическое обследование плато и Троянской равнины.

Важная находка была сделана уже при предварительных раскопках в Бешик-тепе, в пяти милях к юго-западу от Гиссарлыка. Этот конический могильный курган — один из старейших и самых приметных на равнине. Высотой примерно 50 футов, он стоит на естественном основании над морем в виду Тенедоса у северного края широкой бухты Бешик. Курган исследовал Шлиман в 1879 г., а затем в 1924 г. Дёрпфельд, который показал, что стоявший здесь древний курган приобрел свою нынешнюю форму в позднем бронзовом веке. Другими словами, курган стал монументальным конусом прежде, чем греческие поселенцы в гомеровские времена (VIII в. до н.э.) прибыли в Троаду. Быть может, это и есть большой курган у моря, упоминаемый Гомером.

Современные исследования показали, что Бешик-тепе — почти наверняка тот самый курган, который античные греки считали могилой Ахилла и позже посещали Ксеркс и Александр Македонский. Корфман сумел проследить береговую линию времен Троянской войны, когда бухта была куда глубже и курган стоял на мысе, выдававшемся в море примерно на милю. В нескольких метрах от древнего берега была сделана находка, имеющая огромное значение: более 50 захоронений, в том числе кремационных с микенскими греческими погребальными принадлеж-

ностями и керамикой, датируемой началом XIII в. до н.э. (поздняя Троя VI). В одной из могил, облицованной камнем, находились погребальные приношения, включая чудесную вазу с подножкой, и останки мужчины, кремированного вместе со своим мечом. В захоронении обнаружены пять каменных печатей, две из которых, несомненно, греческого материкового происхождения. Считается, такие печати микенские аристократы использовали как личные печати. Неужели Корфман нашел следы греческого лагеря и даже мертвого грека? Или здесь было кладбище микенской купеческой колонии? (Пожалуй, скорее так, поскольку найдены также женские и детские останки.) «Я могу выразить лишь интуитивное ощущение, — писал Корфман, — что кладбище, лежавшее вскрытым перед нами в гавани Трои, принадлежит тому самому времени, когда шла Троянская война».

Наличие на троянском берегу кремаций героического века рядом с курганом, считавшимся могилой Ахилла, ставит вопрос о живучести в Троаде преданий, касающихся микенского присутствия. Имеет ли, к примеру, эта находка хоть какое-то отношение к рассказу Гомера о кладбище на морском берегу возле греческого лагеря? Как мы увидим, новейшие открытия на Гиссарлыке указывают на непрерывность его заселения с XIII по VIII в. до н.э. — со времени Троянской войны до Гомера, — то есть сказание могло передаваться от поколения поколению.

Находки в Бешик-тепе существенно поддержали гипотезу, что греческий флот стоял на якоре именно в бухте Бешика, а не Трои, как полагали Шлиман и большинство современных ученых. Ши-

рокая и мелкая бухта Бешика, расположенная как раз напротив острова Тенедос на побережье, известном в классические времена как «Ахайон» («Ахейский берег»), являлась хорошо защищенной якорной стоянкой. Могла ли она служить гаванью Трое?

В конце 1980-х гг. команда Корфмана попыталась определить ее топографию в позднем бронзовом веке, взяв более 70 кернов в прибрежной зоне, и доказала, что во времена Троянской войны бухта намного глубже врезалась в сушу (старая полоса дюн отмечена в наше время небольшим лесистым краем, огибающем берег). Анализ кернов показал, что перед береговой отмелью располагалась большая пресноводная лагуна и, хотя она давно заилилась, в сырые зимы в ней еще собирается вода. Это, возможно, объясняет одно из загадочных слов гомеровской поэмы, которое никогда не было удовлетворительно истолковано: «*stomalimne*» [пруд в устье]. Так называли лагуну, располагавшуюся между греческими кораблями и рекой Скамандр. Согласно пометкам на полях знаменитой венецианской рукописи «Илиады», такое прочтение использовалось в некоторых более древних рукописях поэмы, но было исключено Аристархом, так как противоречило его теории относительно топографии равнины и местоположения греческого лагеря. И вновь археология показала, что гомеровский текст основан на детальном знании местности.

Наличие лагуны говорит о том, что, в отличие от Троянской равнины, бухта Бешика даже в разгар лета в изобилии имела пресную воду. Здесь действительно на протяжении веков, если не тысячелетий, существовала якорная стоянка. Навигационные книги и судовые журналы, начиная со Средних

веков, указывают, что суда, идущие в Дарданеллы, были вынуждены переждать здесь, на последней якорной стоянке перед проливами, встречные течения и ветры. Так в XIX в. несколько раз поступали британский и французский флота, в 1810 г. лорд Байрон задержался в бухте Бешика на 17 дней, а в черноморской лоции за 1908 г. записано, что в Тенедосском проливе и на близлежащих якорных стоянках обычно можно видеть две-три сотни судов, ожидающих благоприятного ветра.

В доисторические времена, когда суда ходили под веслами и примитивными парусами, многие из тех, кто направлялся в Дарданеллы и Мраморное море, разгружались в бухте Бешика и переправляли грузы по суше мимо Трои. (Шлиман, например, упоминает, что его припасы и инструменты всегда выгружали в бухте Бешика.) Их везли на повозках или на вьючных животных по старой дороге, ведущей от бухты, через возвышенность, на которой сейчас стоит башня Еркешик. Отсюда видны и бухта Бешика, и Троя, хотя они не находятся в пределах прямой видимости друг от друга. Быть может, это и есть тот *throsmos*, «подъем на равнине», трижды упоминаемый Гомером, описывающем, как троянцы развертывали армию для атаки лагеря греков. С подъема дорога идет вниз, к броду через Мендерес (Скамандр), там, где в XIX в. проложили мощеную дорогу, затем поднимается от реки в северо-восточном направлении к Троянскому плато и Гиссарлыку: это наиболее вероятная ось сражений, описанных в «Илиаде».

Археологические исследования Манфреда Корфмана показали, что местность вблизи бухты Бешика непрерывно заселялась на протяжении дли-

тельного времени. Здесь обнаружены византийские укрепления и склады, эллинские портовые сооружения, материалы из Трои VI и большое поселение, относящееся еще к III в. до н.э. Отсюда почти наверняка следует, что именно бухта Бешика, а не болотистая, малярийная низина возле Гиссарлыка была гаванью Трои бронзового века и, возможно, местом, где разбили лагерь греки. Это точно соответствует описанию Гомера:

*Их корабли от равнины, где бились, далеко стояли
Берегом моря седого: они извлекли их на сушу
Первые; стену ж при них совокупно с другими воздвигли.
Берег, как ни был обширен, не мог обоюдувесельных
Всех кораблей их принять; стеснены ополчения были:
Лествицей их извлекли на песок и наполнили целый
Берег залива широкого, все между мысов пространство.*

«Илиада», XIV, 30-36 (перевод Н. Гнедича)

Когда-то глубокий и широкий залив между двумя острыми мысами, бухта Бешика идеально подходит под описание Гомера. Обнаружение микенского кладбища на ее берегу, пожалуй, окончательно решает вопрос о месте стоянки греков.

Затем команда Корфмана вернулась на основную площадку. На плато к югу от Гиссарлыка они приступили к изучению римского города, пытаясь отыскать под ним объекты бронзового века. К сожалению, в этом месте слой почвы над скальным основанием невелик, римские строители любили ставить здания на скалу, счищая большую часть почвенного слоя. Но к югу от цитадели, между фундаментами римских зданий и улиц, везде находи-

лись следы бронзового века. Вплотную к южной стене стояли хорошо построенные дома из камня и дерева, некоторые довольно большие. В двухстах метрах от южных ворот Трои VI вскрыты основания шести домов с таким огромным количеством микенской посуды, что археологи засомневались — не нашли ли они следы небольшой торговой колонии микенских купцов. Итак, в Трое VI, несомненно, цитадель была окружена городом.

Корфман очень хотел определить его границы, и проведенные для этого геомагнитные замеры установили существование толстой глинобитной стены, тянувшейся, окружая большую зону, к южному краю плато. Ведя раскопки в этом направлении, в 400 метрах к югу от стен Трои VI его команда обнаружила высеченную в скале траншею шириной три метра, за которой, вероятно, располагались глинобитные укрепления. Имелись указания на то, что в южной части контура было двое ворот. Кроме того, посередине плато найдена длинная траншея, прорубленная в скальном основании, и вдоль нее — ямы под столбы. Здесь, видимо, располагался деревянный палисад с галереей вдоль него, стоявшей на столбах. Он мог являться частью восточных укреплений нижнего города Трои VI. Последующие геомагнитные измерения показали наличие еще двух ворот, до сих пор не раскопанных.

Троя VI была не просто крепостью. Внешний город имел форму эллипса, вытянувшегося на юг от цитадели до конца плато, и занимал большую часть западной трети римского города. По площади (200 гектаров) он был сравним с микенскими городами в Арголиде и, если вся эта территория была заселена, мог иметь население в 5000—6000 человек.

Серьезным пробелом в наших знаниях о Трое VI всегда было отсутствие сведений о религиозных культах. Дёрпфельд полагал, что нашел один из храмов в доме с колоннами в пределах цитадели, а главный городской храм снесли римляне при выравнивании вершины холма под постройку храма Афины и общественного центра. Однако последние находки ниже стен Трои VI на западной стороне предлагают другие варианты. Здесь была обнаружена микенская культовая статуэтка — первая подобная находка на Гиссарлыке. Но откуда она? Из храма иноземного сообщества в Трое? Или это был иноземный божок в троянском храме? Возможно и то и другое: приблизительно в это время большой хеттский царь Мурсили просил, чтобы ему прислали идолов с Лазпы (Лесбоса) и из самой Аххиявы.

Вместе с микенским идолом найден и традиционный анатолийский культовый предмет — часть бронзового вола, известного также по находкам в центральной Анатолии, в Алача-Уюке. Самое поразительное, что оба предмета с площадки, где в эллинистические времена была культовая зона и где разворачивалась самая мистическая из всех троянских историй: странный обычай искупления локридскими девушками через тысячу лет после войны вины их предка. Если святилище бронзового века было в этой части города, то возникает аналогия с Микенами, где главные культовые сооружения располагались под горой и за пределами дворцовой зоны.

Наконец, именно здесь команда Корфмана нашла свидетельства того, что не было разрыва в поселениях на Гиссарлыке между концом бронзового века и ионийским греческим поселением VIII в. до н.э. В районе святилищ вскрыли следы нового слоя,

промежуточного между Троей VIIb 2 и Троей VIII, из чего можно заключить: обнищавшее население упорно оставалось как минимум в этой части нижнего города. Если это место не превратилось в безжизненные руины ко времени поселения здесь ионийских греков в VIII в. до н.э., то Гомер вполне мог иметь доступ к местным преданиям, передававшимся из уст в уста.

Поэтому теперь мы видим, что Троя, которую раскапывали Шлиман, Дёрпфельд и Блеген, была цитаделью немаленького города, который сам по себе был основан, возможно, еще в 1500 г. до н.э. Это означает, что Троя VI была царским замком, местом пребывания правящего клана. В этой связи следует помнить, что ни одно другое поселение в западной Анатолии не может сравниться с Гиссарлыком. Там расположено более сорока культурных слоев и почти 70 футов наслоений, а возле него находилось уникально долго существовавшее и сильно укрепленное поселение. Нигде к северу от Микен в позднем бронзовом веке не было таких укреплений. Учитывая все это, можно уверенно говорить о том, что Троя VI была столицей важного анатолийского царства, вполне возможно, одной из региональных столиц, упоминаемых в хеттских архивах. Это становится очевидным, если вспомнить, что Троя-Гиссарлык была также одним из наиболее древних поселений в западной Анатолии, с впечатляющей непрерывностью местных традиций, особенно в архитектуре. Можно считать, что здесь была столица долго существовавшей династии могучих троянских царей. О том же гласило греческое предание.

Если Гиссарлык-Троя действительно главная региональная столица между греческим и хеттским

мирами, то можно предвидеть ее появление в хеттских табличках. К такому выводу давно пришел Эмиль Форрер. И все же мы до сих пор не можем распознать ее в них наверняка, поскольку интерпретация хеттской географии этого региона противоречива. Но одно место, упоминаемое в хеттских архивах, представляется как наиболее вероятный кандидат называться Троей — Вилуса. Сейчас достаточно много известно об этом государстве, и сведения эти указывают на Троаду, как на его местоположение. Мы уже видели, что Вилуса была царством, длительное время существовавшим в западной Анатолии и когда-то независимым от хеттов, но примерно с 1600 г. до н.э. ставшим лояльным к ним (хоть и удаленным). По договору, заключенному около 1280 г. до н.э., возможно, незадолго до Троянской войны, Вилуса обязалась снабжать войска хеттского царя в походах, и не исключено, что так она и сделала в кадешской кампании. Вилуса была арцавским государством и, предположительно, располагалась на северо-западе Анатолии, на побережье или рядом с ним. Недавняя расшифровка странного, то ли поэтического, то ли ритуального, текста XIII в. до н.э. из Богазкея предоставила интересное толкование данного вопроса. Написанный на лувийском языке, на котором разговаривали в западной Анатолии (а может быть, и в Трое?), этот текст содержит строку, открывающую некий, не сохранившийся, труд: «Когда они пришли из крутой Вилусы...» То есть один и тот же эпитет используется для хеттской Вилусы и для гомеровского (В)илиона (*Ilios ophruoessa, Ilion aipi*).

Кроме того, дополнительные сведения о Вилусе предлагает договор с Алаксандом, поскольку в его

завершающей части даются имена вилусских богов. Первым идет анатолийский бог бури (как и греческий небожитель, неодолимый со своими молниями в руках). Далее следует не сохранившееся имя (возможно, женское), затем — Аппалиун, который едва ли может быть кем-то, кроме Аполлона (Апейлон у греков-киприотов). Табличка заканчивается «мужскими и женскими богами, горами, реками, источниками и подземным потоком Вилусы».

Можно сделать вывод, что Аполлон был одним из главных богов вилусийцев. Тогда становится важным, что у Гомера Аполлон — не бог греков, а главное божество троянцев, которому поставлен храм в цитадели. В самом начале «Илиады» именно он — тот бог, которого Гомер считает ответственным за десять лет страданий, выпавших на долю греков, «бесчисленные потери» ахейцев под Троей:

*Кто ж из бессмертных богов возбудил
эту ссору меж ними?*

Сын Лето и Зевса...

Так что тема «Илиады» изложена в самом начале. В ней может быть заключен не просто отзвук факта бронзового века. Сейчас считается, что культ Аполлона был по происхождению не греческим, а анатолийским или кипрским (Гомер называет его «в Ликии рожденным»). Довольно интересно, что ни в одной из обнаруженных к настоящему времени табличек линейного письма Б его имя не появляется. В классические времена его культ был особенно силен в Троаде: согласно географу Страбону, «его почитали по всему этому берегу». Помимо островных храмов Аполлона на Лесбосе и Тенедосе, имелось несколько важных культовых центров, самым

знаменитым из которых был храм Сминтея в Гамаксите/Хрисе, где обнаружены следы поселения еще III в. до н.э. Можно предположить, что прото-Аполлон действительно в позднем бронзовом веке был богом Трояды и что Гомер сохранил подлинные воспоминания о троянской религии.

Прежде чем закончить обсуждение вопроса об идентичности Трои и Вилусы, обратимся еще к одному важному фрагменту договора с Алаксандом: если Вилуса в самом деле находилась в Трояде, то где находилось святилище «подземного потока Вилусы», выделяемое в перечне? Один подземный источник был глубоко под Троей, еще один — бил из-под земли за пределами стен. Но если священный подземный поток находился в Трояде, то едва ли это могло быть что-либо, кроме знаменитой Аязмы, в двух милях ниже вершины горы Ида, трона троянских богов. Из него берет начало Скамандр, на чью святость по сравнению с другими реками постоянно указывает Гомер («божественный», «богорожденный», «порожденье Зевса»). Он также говорит, что почитание реки подразумевало жертвоприношения, что ей подносились быки и кони. Гомер упоминает, что троянцами был поставлен специальный жрец для исполнения обрядов поклонения реке.

В Аязме река вытекает из красочного бассейна под известняковой скалой по естественному подземному туннелю, протянувшемуся на 220 ярдов внутри горы и в начальной своей части имеющему высоту 4—5 футов. Это одна из самых знаменитых природных достопримечательностей Трояды. Как писал о ней лорд Абердин в 1803 г., «один из грандиознейших и самых красочных видов... вода поднимается в обширной пещере и извергается стремитель-

ным потоком, создавая величественное зрелище». Чарльз Макларен, приехавший сюда в 1847 г., приписал святость реки у древних тому, что источник расположен у самого подножья трона Зевса:

Вместо того, чтобы, подобно другим рекам, собирать свою воду из неясных, слабых, разбросанных источников, она вырывается на свет божий великолепным каскадом, чистая, как хрусталь, изливающаяся таинственно и величественно из глубокой каверны в недоступных недрах горы, в раскатах громового эха, окруженная необычайной красотой и величием.

Это место и сегодня посещают паломники. В начале XX в., до того как греки были изгнаны из Трояды, источник считался местными жителями исцеляющим от лихорадки (что важно в малярийной долине Скамандра), здесь греки совершали службу во время праздника Эгиос Илиос. В эти дни деревья вокруг бассейна были увешаны тряпочками, которые привязывали во исполнение желаний, горели масляные лампы и жегся ладан. В далеком прошлом слава о святости этого места распространялась далеко за пределы Трояды. В 1803 г. лорд Абердин встретил здесь паломников аж из Константинополя и даже из Кулы в центральной Анатолии, совершивших тринадцатидневное путешествие, чтобы окунуться и испить целебной воды. Удивительным образом здесь совпадают топографические и этнографические свидетельства Гомера и хеттских табличек. В Средиземноморском мире святость подобных мест часто переживала все перемены в народах и верах, и, хотя прошло три тысячи лет с тех пор,

когда в договоре Муватали упоминались священные места царства Алаксанда, не так уж невероятно, что «священный подземный поток Вилусы» остался местом поклонения вплоть до наших дней.

Отождествление Вилусы с Троей стало бы еще вероятнее, будь мы уверены, что беспокойный царь Аххиявы из хеттских текстов действительно был микенским греком (как я доказывал десять лет назад). Теперь доводы стали весомее. В начале 1980-х гг. некоторые ученые помещали Аххияву во Фракию или в Болгарию. С этим мало кто соглашался, а сейчас, по-видимому, такой вариант полностью отбрасывается надписями, открытыми в Ксанфе, которые подтверждают схему западно-анатолийской географии, принятую в главе 6. В любом случае, «фракийская» теория имела важный недостаток — она оставляла неприятный пробел при реконструкции истории этого периода: почему на пике могущества и влияния микенцы оставались неизвестными хеттам?

Действительно, у хеттов обнаружены удивительные пробелы в информации о державах, с которыми они должны были считаться. Это предполагает, что Аххиява располагалась за морем, хотя и имела плацдарм в западной Анатолии, судя по пограничным договорам и письмам. Имеются ясные указания, что добираться до нее нужно было морем. В одном тексте упоминается изгнанный арцавский принц, союзник Аххиявы, отправившийся «на острова» перед изгнанием явно в саму Аххияву. Новый перевод важного хеттского письма упоминает аххиявского царя, захватившего острова, находившиеся в хеттской сфере влияния. Большинство ученых сейчас соглашается, что эти острова располагались в Эгейском море у берегов западной

Анатолии (как мы увидим, это были, вероятно, Лесбос и соседние меньшие острова).

Велика вероятность, что прав был Форрер и что аххиявцы и гомеровские ахейцы — одно и то же. Хеттские таблички дают основания считать, что около 1300 г. до н.э. греки распространили свою власть на острова вблизи анатолийского побережья, а также вернули Милет (хеттскую Миллаванду) и его окрестности. Их набеги стали реальной угрозой для системы хеттских зависимых государств в западной Анатолии, угрозой, которую хеттский МИД признавал и пытался устранить. Последующие письма перечисляют случаи вмешательства Аххиявы в дела хеттских сателлитов в Арцаве, подстрекательства к заключению союзов, направленных против хеттского царя, и оказания поддержки предателями-бунтовщиками вроде Пийямарада. Наконец, на одной табличке идет речь о войне с «Великим царем» Хатти. В общем, трудно придумать, кто еще мог стать причиной всех этих беспокойств, кроме микенских греков.

Именно в это время мы обнаруживаем в хеттском архиве обращение к царю Аххиявы как к «Великому царю». Мог ли микенский *wanax*, правивший Арголидой и несколькими Эгейскими островами, именоваться «Великим царем» правителями центральной Анатолии? Многие в этом сомневались, но теперь стало ясно, что мог. Его нет в перечне договора по Вилусу времен Муватали, но он появляется в документах Хаттусили и более поздних. Это согласуется с другими свидетельствами того, что греки расширили влияние в Эгейском регионе в начале XIII в. до н.э. Теперь можно воспользоваться аналогиями с другими случаями использования ти-

тула «Великий царь», например, в недавно найденной в Богазкее табличке, а также в других материалах, показывающих, что на протяжении XIII в. до н.э. титул «великих» даровался правителям и меньших государств (таких, как Тархунтасса и Каркемиш). Это были цари, прямо признававшие хеттскую гегемонию, в одном из случаев — внутри Анатолии. Примиренческая и льстивая дипломатия Хаттусили в отношении «моего брата, великого царя Аххиявы» является, скорее всего, признаком необходимости контролировать окраины империи с помощью переговоров, а не войны: азартная игра в зыбучих песках западно-анатолийской политики.

Приблизились ли мы к установлению точной даты Троянской войны? В первом издании этой книги отмечалось, что хеттские таблички описывают прямое или косвенное вторжение правителя Аххиявы на берега западной Анатолии как минимум дважды: в земли реки Сеха и в Вилусу. В последнем случае хеттский царь пишет: «мы вели войну» или «мы были во вражде». Теперь ученые должны отнестись к этому серьезно. Тут существенно следующее. В начале XIII в. до н.э. хеттской гегемонии в западной Анатолии также по меньшей мере дважды наносился урон: в начале правления Муватали в 1296 г. до н.э. и в начале правления Хаттусили (около 1263—1261 гг. до н.э.). Значит, отмечал, проблемы хеттов в западных областях могли совпадать с крупным наступлением ассирийцев на Верхнем Евфрате, позволившим им продвинуться до Каркемиша. Это случилось около 1262—1261 гг. до н.э. и, возможно, нашло свое отражение в частично сохранившемся тексте, где упоминаются Египет, Каркемиш, Аххиява и Пийяма-

рад (текст, возможно, относится ко времени похода Хаттусили к Милету).

К настоящему времени в палеографии и орфографии хеттских табличек остается много неясного, а ввиду фрагментарности части табличек их авторство до сих пор оспаривается. Например, у самого важного документа, «письма Тавагалавы», отсутствует верхняя часть, поэтому мы не можем быть уверены в его датировке. Если царь, упоминаемый в письме, действительно Хаттусили, и *если* Вилуса — это Троя, то мы можем предполагать, что Троянская война происходила в период с 1275 по 1260 г. до н.э. Если же это письмо от Муватали, то нам следует сдвинуть дату падения Трои VI, видимо, к 1280-м гг. до н.э. и наверняка к периоду до 1272 г. до н.э. (что по-прежнему приемлемо по более ранней дате, ныне предложенной для начала периода керамики LH III B, то есть до 1300 г. до н.э.).

Есть несколько доводов в пользу именно последней версии. Они содержатся в письме Манапы-Тархандаса, царя земли реки Сеха, которая располагалась на юге Трояды в долине Каика. Письмо датируется царствованием Муватали, но, вероятно, второй его половиной, то есть периодом между 1285 и 1272 г. до н.э. Табличка сильно повреждена, царь Аххиявы там не упоминается, но основные действующие лица «письма Тавагалавы» появляются и здесь, в связи с чем можно предполагать, что в письме речь идет о тех же событиях. Главную роль в письме играет остров Лазпа (Лесбос), на который претендуют обе спорящие стороны — хетты и Пийямарад, возможно, один из островов, «дарованных Богом Бури» аххиявскому царю. Согласно письму, с Лазпы в Миллаванду/Милет от-

правили, вероятно, на аххиявских кораблях семь тысяч пленников. Одновременно была атакована земля реки Сеха, явно соседствовавшая с Лазпой. В начале письма царь пишет, что высокопоставленный хеттский военачальник прибыл в его страну с хеттской армией:

Гасс прибыл и привел с собой хеттские войска, а когда они отправились вновь в страну Вилусы, чтобы атаковать его [или «атаковать его вновь», или «контратаковать»], я, однако, заболел, я серьезно болен, не могу ходить... Когда Пийямарад унизил меня, он поставил Атпаса против меня: он [Пийямарад] напал на земли Лазпы.

Далее упоминаются «наступления и контрнаступления», но текст слишком отрывочен, чтобы уяснить результат. А вот Гасс появляется еще в одном письме того времени, касающемся военных дел. Он — высокопоставленный военачальник — рапортует об инспекции крепостей и подробно описывает нападения на вражеские укрепления. Фигурируя в компании царей, он, возможно, был главнокомандующим хеттской армии. Совершенно ясно, что генерал Гасс двинулся на запад по приказу хеттского царя, стареющего Муваталли. Он прибыл на землю реки Сеха, чтобы атаковать Вилусу, либо (если принять, что Вилуса была верным вассалом Хатти по тогдашнему договору с Алаксандом), чтобы атаковать претендента на вилусский престол, либо чтобы сразиться с врагом, владевшим Вилусой (например, Пийямарадом и его союзниками, среди которых был царь Аххиявы).

Вполне возможно, что в этом письме описываются те же события, что и в «письме Тавагалавы», даже если оно было написано несколько позже. (Похождения Пийямарада, например, вполне могли продолжаться много лет, а проблемы, связанные с Вилусой, — на протяжении царствований не одного вилусского правителя.) Но приведенные здесь факты о походе Гасса поддерживают гипотезу о том, что военные действия в Вилусе, упоминаемые в «письме Тавагалавы», могли быть и позднее, в правление Муваталли. В первом издании я предложил в качестве рабочей гипотезы дату 1275—1260 гг. с участием Хаттусили, прямым или косвенным, либо в качестве Великого царя Хатти, либо юношей, в качестве главнокомандующего армией брата вскоре после битвы при Кадеше. Такой вариант по-прежнему возможен, но письмо Манапы-Тархандаса предлагает дату не позднее 1272 г. и, вероятно, лет на десять раньше. Такая альтернатива согласуется с археологическими данными, с деталями «письма Тавагалавы» и даже со странной карийской традицией, согласно которой «Мотилос», то есть Муваталли, был союзником Париса-Александра. Дальнейшие исследования, несомненно, прояснят эти вопросы.

Гипотеза об историчности Трои и Троянской войны более укрепилась. С учетом всех этих данных можно говорить, что Гиссарлык был городом, длительное время существовавшим в устье Дарданелл. Он стоял на великом оловянном пути между Балканами и Анатолией, пересекающим Геллеспонт. Город контролировал богатую сельскохозяйственную равнину и доминировал над морским путем в Мраморное море, обладая большой бухтой, которая слу-

жила естественным местом сбора судов, совершающих свое медленное путешествие по проливам против ветра и течения. Наконец, он мог контролировать бухту Бешика — последнюю якорную стоянку перед Дарданеллами и место разгрузки товаров, транспортируемых к Мраморному морю по суше.

Этим древним и сильно укрепленным городом на протяжении всего позднего бронзового века, очевидно, правила одна династия. Он находился вне сфер влияния хеттов и Эгейского мира, достаточно удаленный и от тех, и от других. Из хеттских архивов видно, что императоры в Богазкее время от времени заявляли сюзеренные права на эти западные земли и, случалось, лично прибывали к Эгейскому морю. Временами, однако, их гегемония слабела, и самое большее, что они могли делать, — это править через союзы с дружественными государствами, заключая договоры и обмениваясь послами. Это была не империя в нашем понимании, а сегментарное государство, где связи быстро слабели по мере удаления от центра.

Как показывают хеттские записи, влияние царя Аххиявы ощущалось именно на окраинах: в прибрежных государствах, на архипелагах и полуостровах восточной части Эгейского моря; в таких городах, как Миллаванда и Вилуса; на таких островах, как Лесбос; в плодородных долинах западно-анатолийских рек — Меандра, Каистра, Герма, Кайка и Скамандра. Потихоньку расширяя свое влияние, забирая «ваши острова, которые Бог Бури отдал мне», царь Аххиявы стал силой, которой боялись в Хатти, и начал напрямую вмешиваться в дела хеттских зависимых государств на эгейском побережье. Согласно хеттским дипломатическим архи-

вам, хетты и аххиявцы вступили в столкновение из-за Вилусы в первой половине XIII в. до н.э., в период расцвета микенского могущества. Точно в то же время в греческих табличках линейного письма Б появляются записи об азиатских женщинах, захваченных в ходе разбойничьих налетов. Как мы уже видели, необходимость пополнения рабских трудовых ресурсов и вознаграждение тяжеловооруженных дружин царя и князьков отчасти могли стать причинами войны. Но и нападение на Трою организовывалось не ради захвата пленников в сельской местности, а было частью крупной кампании против древней и сильной цитадели могущественной династии. О прочих мотивах мы ничего не знаем и, вероятно, никогда не узнаем.

Однако, видя прогресс раскопок в Троаде, следует сказать, что поиски доказательств историчности Трои и Троянской войны далеки от завершения. Впереди, без сомнения, новые волнующие открытия. В частности, новые исследования места раскопок могут дать возможность идентифицировать город. Нам известно, что хеттские правители вели переписку с Аххиявой и Вилусой. Мы знаем также, что купцы в Хатти и в Греции пользовались письменными архивами. находка в 1986 г. в Богазкее хорошо сохранившегося бронзового экземпляра договора еще раз указывает на возможность обнаружения текстов, которые расскажут о событиях XIII в. до н.э. И ничего невероятного, если такие таблички отыщутся в нижнем городе у самого Гиссарлыка, что позволит хотя бы установить название поселения, первым раскопанного Шлиманом. Похоже, мы уже близко подошли к тому моменту, когда сможем сказать, где же пересекаются миф и история.

БИБЛИОГРАФИЯ

Данный перечень не претендует на то, чтобы считаться всеобъемлющим, поскольку литература по этому вопросу весьма обширна. Я считал нижеприведенные книги полезными и надеюсь, что они помогут читателям, интересующимся столь увлекательной проблемой.

Сведения о первых путешественниках в Трою можно найти в обзоре J. M. Cook *The Troad: an archaeological and topographical study* (Clarendon Press, 1973). Следует упомянуть важную статью T. J. B. Spencer о путешественниках XVIII века «Robert Wood and the problem of Troy», *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*, vol. 20, 1957, pp. 75–105.

Информацию о Генрихе Шлимане, помимо его книг, упоминаемых в тексте, можно почерпнуть в избранных письмах (многие из которых на английском), собранных в «Переписке», изданной E. Meyer (2 тома, Berlin: E. Gebr Mann, 1953-8), а также в «Schliemann's letters to Max Muller in Oxford», *Journal of Hellenic Studies*, vol. 82, 1962, pp. 75–105. Его исторический отчет 1890 г. есть в книге Carl Schuchhardt, *Schliemann's excavations: an archaeological and historical study...* (Macmillan, 1891). Назову две недавние важные статьи: «Schliemann's discovery of «Priam's treasure»: two enigmas» Donald F. Easton и David A. Traill, появившиеся, соответственно, в *Antiquity*, vol. LV, 215, November 1981, pp. 179–183, и vol. LVII, 221, November 1983, pp. 181–6. Этот журнал есть в большинстве крупных библиотек. В биографии Шлимана все укутано мифами, но та, которая написана Emil Ludwig, *Schliemann of Troy* (Putnam, 1931), по-прежнему читается с интересом. Лучшей является подборка Leo Deuel, *Memoirs of Heinrich Schliemann: a documentary portrait drawn from his autobiographical writings, letters and excavation reports* (Hutchinson, 1978).

Великая работа Вильгельма Дёрпфельда *Troja und Ithon* (Athens, 1902) не переведена на английский, но хороший ее конспект с картами и фотографиями дал Walter Leaf в *Troy: a study in Homeric geography* (Macmillan, 1912).

Наряду с работами сэра Артура Эванса *The Palace of Minos: a comparative account of the successive stages of the early Cretan civilisation ...* (Macmillan, 1921-36), полезно ознакомиться с *Annual of the British School at Athens*, vol. 6, 1900, и статьёй в *Monthly Review*, March 1901. В книгах Joan Evans *Type and chance: the story of Arthur Evans and his forebears* (Longmans, 1947) и Sylvia L. Horwitz, *The find of a lifetime* (Weidenfeld and Nicolson, 1981) обобщена, на данный момент, биография Эванса. Две полезные книги в мягкой обложке можно найти в музее Ашмола в Оксфорде:

БИБЛИОГРАФИЯ

D. B. Harden, *Sir Arthur Evans 1851–1941, a memoir* (1983) и Ann C. Brown, *Arthur Evans and the Palace of Minos* (1983). Любителям острых ощущений, желающим последить за дискуссией о Кноссе, рекомендую: L. R. Palmer and J. Boardman, *On the Knossos tablets, two studies* (OUP, 1963); Mervyn R. Popham, *The last days of the Palace of Knossos: complete vases of the Late Minoan III B period* (*Studies in Mediterranean Archaeology*, vol. 5, Lund, 1964) и *The destruction of the Palace at Knossos: pottery of the Late Minoan III A period* (*Studies in Mediterranean Archaeology*, vol. 12, Gothenburg, 1970); L. R. Palmer, *A new guide to the Palace of Knossos* (Faber, 1969) и Erik Hallager, *The Mycenaean Palace at Knossos: evidence for the final destruction in the III B period* (Stockholm: Medelhavsmuseet, 1977). Две статьи, которые я нашел особенно полезными, это: L. R. Palmer, «The First fortnight at Knossos», *Studi Micenei*, vol. XXI, 1980, pp. 273–301, и W.-D. Niemeier, «Mycenaean Knossos and the age of Linear B», *Studi Micenei*, vol. XXIII, 1982, pp. 219–287. Мне кажется, что они не оставляют аргументов для ревизионистов, но предупреждаю вас — дискуссия ведется по очень специальным вопросам!

По Микенам есть замечательные, вводного толка, книги: Chrestos Tsountas and J. I. Manatt, *The Mycenaean age: a study of the monuments and culture of pre-Homeric Greece* (Macmillan, 1897); A. J. B. Wace, *Mycenae: an archaeological history and guide* (Princeton University Press, 1949) и G. E. Mylonas, *Mycenae's last century of greatness* (Methuen, 1968). Сможете понаслаждаться полными влюбленности в Микены описаниями Уэйса. Ключевой статьёй Уэйса и Блегена является «Pottery as evidence for trade and colonisation in the Aegean bronze age», *Klio*, vol. 32, 1939, pp. 131–147. Карл Блеген написал, кроме того, научно-популярную *Troy and the Trojans* (Thames and Hudson, 1963). Его годовые отчеты приведены в *American Journal of Archaeology* (1928-38). Монография-приложение, 4, G. Rapp and J. A. Gifford, *Troy: the archaeological geology* (Princeton University Press, 1982) содержит сведения о существовании бухты перед Троей.

О спорах вокруг «Троянской войны» Блегена рассказывает в замечательной дискуссии в *Journal of Hellenic Studies*, vol. 84, 1964, pp. 1–20. «Инакомыслящий» сэр Мозес Финли изложил свои взгляды в *Schliemann's Troy — one hundred years after* (British Academy, изд. в мягкой обложке, 1975) в *The World of Odysseus* (Chatto, 2nd rev. edn, 1977; Penguin Books, 1972) и в «Lost: the Trojan Wars» в *Aspects of antiquity: discoveries and controversies* (Penguin Books, 1972).

БИБЛИОГРАФИЯ

По линейному письму Б, помимо Michael Ventris and John Chadwick, *Documents in Mycenaean Greek: 300 selected tablets from Knossos, Pylos and Mycenae with commentary and vocabulary* (Cambridge University Press, 1956), есть очень интересная научно-популярная книга John Chadwick, *The Mycenaean world* (Cambridge University Press, 1976).

Лучшей популярной книгой о Гомере остается G. S. Kirk, *The songs of Homer* (Cambridge University Press, 1962) (есть сокращенная версия того же издательства, *Homer and the epic*, 1965). Можно также посоветовать издания в мягкой обложке J. Griffin, *Homer* (OUP, 1980) и J. B. Hainsworth, *Homer* (Clarendon Press, 1969). Я нашел особенно полезной книгу Minna Skafte Jensen, *The Homeric question and the oral-formulaic theory* (Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1980).

О перечне кораблей см. R. Hope Simpson's and J. F. Lazenby, *The catalogue of the ships in Homer's "Iliad"* (Clarendon Press, 1970).

О последних достижениях археологии в Микенах и на Крите рассказывается в прекрасных обзорах Sinclair Hood, George Cadogan, Lord William Taylour и O. T. P. K. Dickinson и в интересной работе с географическим уклоном John L. Bintliff, *Natural environment and human settlement in prehistoric Greece* (Oxford: British Archaeological Reports, 1977). Великолепный синтез результатов дан в J. V. Luce, *Homer and the heroic age* (Thames and Hudson, 1975). Поистине бесценной остается *A companion to Homer*, под ред. A. J. B. Wace и F. H. Stubbings (Macmillan, 1962). Очень полезной, хотя и слишком толстой, если вы собираетесь ходить с ней по раскопкам, является книга R. Hope Simpson, *Mycenaean Greece* (Park Ridge, NJ: Noyes Press, 1981).

Что касается хеттов и греков, то труд Denys Page, *History and the Homeric Iliad* (Cambridge University Press, 1959) уже устарел из-за датировки текстов — см. об этом в исправленном издании Oliver Gurney, *The Hittites* (Penguin Books, 2nd edn. revised 1981). Важные новые результаты приведены в статьях Itamar Singer в *Anatolian Studies*, vol. XXXIII, 1983, pp. 205—217, «Western Anatolia in the thirteenth century BC according to the Hittite sources*», и H. G. Guterbock, «The Hittites and the Aegean world I. The Ahhiyawa problem reconsidered*», *American Journal of Archaeology*, vol. 87, 1983, pp. 133—138. Возражения по вопросу идентификации Аххиявы можно найти в J. MacQueen, *The Hittites and their Contemporaries in Asia Minor* (Thames and Hudson, 1975); J. D. Muhly, "Hittites and Achaeans: Ahhiyawa redomitus", *Historia*, vol. XXIII, no. 2, 1974, pp. 129—145, и во многих статьях James

БИБЛИОГРАФИЯ

Mellaart в *Anatolian Studies*, 1961-70, наряду с его материалом в сборнике статей, который должен выйти по случаю юбилея Георгиоса Милонаса. Позиции греческой теории, похоже, все больше укрепляются.

О греках в Анатолии см. С. Мее, «Aegean trade and settlement in Anatolia in the second millennium BC», *Anatolian Studies*, vol. XXVIII, 1978, pp. 121—155. Nancy K. Sandars, *The Sea Peoples: warriors of the ancient Mediterranean, 1250-1150 BC* (Thames and Hudson, 1978) — единственное общедоступное издание по этому темному вопросу. Кое-что должно проясниться, когда выйдут в свет труды Sheffield Sea Peoples' Colloquium под ред. R. A. Crossland. Есть несколько любопытных материалов в трудах Первого международного коллоквиума по древнеэгейской истории, проводившегося в Шеффилде в 1970 г., *Bronze Age migrations in the Aegean: archaeological and linguistic problems in Greek prehistory*, под ред. R. A. Crossland и A. Birchall (Duckworth, 1974). В следующий том будут включены материалы конференции по Трое. К. А. Kitchen, *Pharaoh triumphant* (Aris and Phillips, 1982) — исключительно информативное и интересное описание жизни и нравов эпохи Рамзеса II, картина Египта XIII века до н.э.

Туристические путеводители — конечно, исторические места приятней смотреть самому, но некоторые из них дают полезную общую информацию: *The Blue Guide to Greece*, под ред. Stuart Rossiter, включая Крит (Benn, в мягкой обложке, 1981); он же редактировал *The Blue Guide to Crete* (Benn, 1980). Путеводители George Bean по Малой Азии также выпущены издательством Benn — *Aegean Turkey: an archaeological guide* (1979), *Lycian Turkey* (1978) и *Turkey Beyond the Maeander* (1980) — необходимы для знакомства с более поздними следами древних поселений, хотя они и не касаются бронзового века. Ekrem Akurgal, *Ancient civilizations and ruins of Turkey* (Istanbul: Haset Kitabevi, n.e. 1983) — исключительно полезная книга, с массой планов поселений. Чудесная работа J. M. Cook, *The Troad: an archaeological and topographical study* (Clarendon Press, 1973), абсолютно необходима для внимательного осмотра Трои, но, к сожалению, в ней нет хорошей карты. Хорошими гидами могут послужить Блеген для Пилоса, Милонас для Микен и Курт Биттель для Богазкея.

Артефакты, описанные в книге, в основном размещаются в больших музейных коллекциях в Афинах, Ираклеоне и Анкаре, но имеются и великолепные местные музеи, которыми не следует пренебрегать, особенно в Фивах и Хоре, близ Пилоса. Есть небольшие музеи раскопок в Трое и Милете. В Великобри-

тании, в Британском музее, есть небольшой Анатолийский раздел и кое-какие интересные микенские материалы, в том числе, конечно, утащенные Элджином из Микен и пифосы Миноса Калокериноса. В Оксфорде, в Музее Ашмола, находится лучшая критская коллекция за пределами Крита. Там, кстати, также хранятся археологические зарисовки Томаса Бергона, купца из Смирны, который занялся этим делом в 1809 г. и который похоронен в церкви Св. Жилия, в двух шагах от музея.

Последний по порядку, но не по значению, — сам Гомер. Есть прекрасные переводы «Илиады» в прозе Walter Leaf (2 тома, 1886-8) и Andrew Lang, W. Leaf и E. Myers (1883-9). Есть «Компактный Гомер» в переводе A. Lang (Barren's Education Series, US, мягкая обложка, 1981). Прекрасный стихотворный перевод сделал Richmond Lattimore (Routledge and Kegan Paul, 1951). Перевод E.V. Rieu, изданный Penguin Books в 1951 г. в серии «Классики» и проданный к 1984 г. в количестве 1 млн экземпляров, читать можно, но это непоэтичная проза. Christopher Logue соорудил жуткую адаптацию Гомера *War music: an account of Books 16 to 19 of Homer's Iliad* (Cape, 1981).

О Гомере я оставляю последнее слово Александру Кинглейку, который в 1834 г., стоя посреди Троянской равнины, вспоминал, как его учили в детстве, «что в конечном счете «Илиада» была для человечества его историей — поэзией — откровением, что дела рук человеческих нелепы и суетны и пройдут, как сон ребенка, а Царство Гомера будет жить вечно», *Eothen, or traces of travel... brought home from the East*, 1844, (Century, 1982; OUP, мягкая обложка, 1982).

Дополнительная библиография

Обязательный источник по последним раскопкам — *Studia Troica*, vols. 1-14 (Mainz, 1991—2004). Это ежегодные отчеты с красивыми новыми картами города плюс масса планов раскопок и фотографий. Важные результаты исследований бухты Бешик, проведенных Ilhan Kauan, с детальными реконструкциями, даны в томе 1. В том же томе см. Donald Easton, «Troy before Schliemann». Сайт проекта: www.uni-tuebingen.de/troia

Troy and the Trojan War, ed. M. Mellink (Bryn Mawr College, PA, 1986) усиленно выступает за реальную основу гомеровских сказаний. В книге обобщены на английском результаты раскопок кладбища в Бешик-тепе Манфредом Корфманом, а более полная до-

кументация (на немецком) дана в *Archaeologischer Anzeiger* за 1984-86 и 1989 гг. *The Trojan War*, ed. L. Foxhall and J. K. Davies (Bristol, 1984) содержит различные мнения относительно историчности Троянской войны, но ряд авторов пересмотрел свои взгляды со времени опубликования материалов симпозиума, например, D. Easton в своей рецензии на мою книгу (*Antiquity*, vol. LIX, 1985, pp. 188-96) и James Melaart в отношении реконструкции хеттской географии («Hatti Arzawa and Ahhiyawa» в юбилейном сборнике Георгиоса Милонаса, *Philia Epe*, vol. 1, Athens, 1986, 74-84).

О проблеме гибели Трои VI, помимо рецензии Истона, см. статью S. Hiller, *Studia Troica*, 1, 1991, pp. 150-54.

Об эгейской археологии в целом см. *The Greek Bronze Age*, ed. E. French and K. Wardle (ценные материалы, включая статью С. Мее по микенским находкам в западной Анатолии и обновленную подборку данных по микенскому Милету). По Трое прекрасно иллюстрированная выборка новых материалов (на немецком) дана в Michael Siebler, Trowt (Mainz, 1994).

Полную историю «сокровищ Елены» теперь можно прочитать в D. Easton, *Anatolian Studies*, vol. XLIV, 1994 (приведена обширная библиография с 1984 г.). Д-р Истон готовит также научно-популярную книгу о Трое в издательстве Thames & Hudson.

О Фрэнке Калверте: неопубликованные материалы в первом издании этой книги вновь разожгли интерес к Калверту, см. Marcelle Robinson (*Anatolian Studies*, vol. XLIV, 1994) и Susan Neuck Alien, *Finding the Walls of Troy* (1999) (там множество очаровательных семейных материалов и фотографий).

О Гомере и эпосе: появились отличные новые переводы «Илиады», стихотворный — Robert Fagles, и прозаический — Martin Hammond (Penguin). Недавно опубликован G. S. Kirk, *The Iliad: a commentary*, первые крупномасштабные комментарии к «Илиаде» за почти сто лет (Cambridge, 6 томов, 1985-93). В нем много интересных археологических и исторических материалов. Комментарии Керка по историчности войны (vol. II, 1990, pp. 36—50) — лучшее на сегодня обобщение имеющихся данных. Также представляет огромный интерес его детальный анализ перечня кораблей в томе 1, с. 168—263. О Гомере, как о художнике, рекомендую, среди прочих, яркую книгу Oliver Taplin, *Homeric Soundings* (OUP, 1992). О происхождении традиции см. M. L. West, «The Rise of the Greek Epic» в *Journal of Hellenic Studies*, vol. CVIII, 1988, p. 151ff. и отклики J. Chadwick, vol. CX, 1990, p. 174ff. и W. F. Wyatt, vol. CXII, 1992, p. 167ff. Wyatt постулирует прямое восхождение к микенскому эпосу.

Указатель

О возможном анатолийском влиянии на греческий эпос см. J. Puhvel, *Homer and Hittite* (Innsbruck, 1991). Книга Walter Burkert, *Greek Religion* (Blackwell, Oxford, 1987, мягкая обложка) позволяет глубже понять микенские (и анатолийские) корни древнегреческой религии.

О хеттах: количество источников растет с каждым годом. По общим проблемам отношений с греками см. увлекательный материал Н. Guterbock на симпозиуме Меллинка. По отдельным вопросам: подробное обсуждение ряда важнейших документов приведено в Р. Н. J. Houwink ten Cate, "Sidelights on the Ahhiyawa questions" в *Jaarbericht Ex Oriente Lux*, 28, 1983-4, pp. 33—79. Новая бронзовая табличка опубликована в Н. Often, *Die Bronzetafel aus Bogazkoy* (Wiesbaden, 1988), и ее оценка дана (на английском) Р. Н. J. Houwink ten Cate в *Zeitschrift für Assyriologie*, 82, 1992, 233-70.

О «Великих царях» в Каркемише и других местах см. J. D. Hawkins в *Anatolian Studies*, vol. XXXVIII, 1988. См. также о хеттских договорах статьи R. N. Beal и O. Gurney в vol. XLIII, 1993. О греках в хеттских табличках, в целом принимаемая линия этой книги, пишет Т. R. Bryce в *Historia*, vol. XXXVIII, 1989, p. If. О возможном хеттском торговом эмбарго против греков см. E. Cline в *Historia*, XL, 1991, p. If.

Самые последние обзоры по данному вопросу см. в Т. Bryce, *The Hittites* (Oxford, 1999) и Joachim Latacz, *Troy and Homer: Towards a Solution of an Old Mystery* (Oxford, 2004), хотя отождествление у Latacz царства Аххива с Фивами базируется на очень сомнительном прочтении одного из писем.

Благодарности за иллюстрации

Все фотографии — Майкла Вуда, за исключением:

Вкладка 1

Стр. 1 (внизу) — С разрешения Британской библиотеки.

Стр. 2 (вверху слева) — Библиотека Science Photo.

Вкладка 2

Стр. 1 (вверху) — Музей Ашмола, Оксфордский университет, Великобритания

Стр. 8 — Проект «Троя», университет Тюбингена.

"Antiquity" 12
Hion Persis 315
Pium Novum, см. «Новый Илион (Новая Троя)»

Абердин, лорд 206, 379
Августин из Трипона, святой 48-49
Агамемнон Хиосский 337
Агамемнон, царь Микен 11, 24, 91, 132, 151, 160, 187, 199, 356; существование 352; и героическое царствование 215-216, 225, 226; и хетты 237-238, 255, 256, 262; и гомеровская история Трои 29-34, 32-33, 35-36, 200; и подъем Микен 217; и шахтовые гробницы в Микенах 95-101; и военное дело 343, 344, 346; сл. также «Микены»
Агиос Стефанос 210
Авья-Ирнии 281
Акчакей 89
Алача-Удж 240
Александр из Илиона, см. «Парис» (Александр из Илиона)
Александр Македонский 23, 24, 45, 60, 67, 80, 328, 362, 368
Александрия 165
Александрия Троадская 45, 47, 56, 61, 362, 365
Аль Мануцин 166
Альфред Великий, король 50
Аменхотеп III, фараон 248, 249
Амниан Марцелин 51
Анаксагор 38
англо-саксы: и Троянская война 50, 55-56
Аполлон (бог) 28, 377-378
Араке 285, 288, 291, 342
Аргос 154, 187, 205, 211, 218, 322
Аристарх 173, 370
Арктин Милетский 36
армии, размер 220-221, 295
Арнольд Мэтью 74
Артур, легенда 338
археология: и упадок цивилизаций 332-335, 336-338; теория эволюции Эванса и А. 141-144; и героическое царствование 216; и поэмы Гомера 167-169; и Шллама 75-78, 79, 89-90, 240
Ариав 260, 262, 264, 266, 267, 273
Асиа 291
ассирийцы: и хетты 346-348, 384; и осадные орудия 313, 316
Асува 264
Атрей 91, 218, 256, 257, 346
Афины 145, 285, 291; Укрепления 288, 342; и «Илиада» 170-173; микенский зал Афинского музея 73
Афродита, богиня любви 31
ахейцы 24, 25, 30, 35, 55, 56, 174, 200-202; и хетты 244, 245, 253-255, 257-264, 267-269, 272-276; и Гомер 189, 190
Ахилл 24, 25, 32, 34, 35, 44, 187, 321; и хеттские тексты 271-272, 275; разграбление Лесбоса 351; щит 174; могилы 45, 47, 48, 61, 64, 368; и пленницы 223
Аххива 244, 245, 251, 252, 253, 254, 255, 264, 268, 273, 276, 285, 341, 348-349, 379, 381, 382; и «письмо Тавагалавы» 257-260
Аяк 32, 34, 99, 161, 187
Аяк Локридский 37
Байрон Джордж Гордон 17, 55, 63-65, 78, 322, 339, 371; «Дон Жуан» 64
Баринг Морие 53
Бентли Ричард 53
Бенуа де Сен-Мор, «Roman de Troie» 51
«Беовульф» 337
Бербати 217, 267
Бергон Томас 93
Берноз Томас 79-80, 339
Беттихер Эрнст 115
Бешик, бухта 370-372, 386

Бешик-тепе, раскопки 368-370
Биддалф Уильям 61
Блеген Карл 145, 146, 182, 200, 307, 339, 359; и разрушение Трои VI 307-310, 311, 312, 313, 316, 317, 351; раскопки в Пилое 146, 153-159; раскопки в Трое-Гиссарлык 9-11, 21-24, 147-153, 195-197, 231-232, 234, 324, 325, 326, 327, 328; и Новый Илион 361, 363; «дворец царя Нестора в Пилое» 156; «Троя и троянцы» 358; и Троя VIIa 303, 304, 305, 306
Богазкей 108, 239-240, 241, 275, 298, 300, 386; бронзовый экземпляр договора 387-388; таблички 242-243, 244-245, 256, 264, 270, 271, 377, 381
Борлейс Уильям 74, 86
Бравант Джейкоб 63-64
Британия: легенды об Артуре 338; «темные века» 336; мрамор с острова Парос 42; путешествия в Трою 56-57, 60-61; троянская тема 51-56
Британская империя и Гомер 52-56
Британский музей 66, 87
Бродель Фернан 285, 332, 338
бронзовый век 37, 44, 108; упадок 332-334; и греческий язык 56; и Гиссарлык 11, 67, 147, 191-197; и Гомер 168, 173-177; и Хиос 134, 140; и Тиринф 102-106; торговые пути и контакты 277-285; см. также «таблички с линейным письмом Б»
Брук Руперт 54
Брут, легендарный основатель Британии 51
Бунарбаш 336, 360-361; германские раскопки 67; и местоположение Трои 66, 82-84, 88-89, 93-94, 192-193
Буондельмонти Кристофоро 126
Бюрнуф, французский архитектор 84
Василий, христианский отец 48
Вафо 201
Венеция, печатный текст «Илиады» Гомера 165, 166
Вентрис Майкл 159-160
Вергилий 24, 46, 49, 51, 339
Вергилий Полидор 52
«Взятие Илиона» 27-28
Византия: и эллинизм 48-49, 58; и Новый Илион 363-364; исследования Гомера 162-165
Виллибальд, англо-саксонский путешественник 320
Вилуса (Вилусия) 190, 244, 254, 260, 265-269, 273, 274, 276, 317, 346, 347, 349, 350, 376-380, 385-387
Вильсон Даннел, «Prehistoric Annals [Доисторические анналы]» 76, 77
Винкельман 143
Винклер Гуго 242-243
Вирхов Рудольф 76, 78, 109, 112, 132
война с Митридатом 362
Вольф Ф. А., «Пролегомены» 166, 167, 168, 169, 172
Вторая мировая война 159, 229
Вуд Роберт 27, 67, 166, 172, 194
Галикарнас 222, 227, 279, 284
Галлиполи 17, 53-55
Гамильтон Уильям 240
Гассе, военачальник 384-385
Гектор 9, 24-25, 29-30, 34-35, 36, 44, 46, 54, 162, 353; склеп Гектора 48
Гектор из Ким 337
географические факторы, в упадке цивилизаций 331-338
Герака (Геркулес) 28, 218, 231, 354, 356
Геродот 24-25, 38, 41, 44-45, 300
героический век 37, 43, 336-337; и Микены 93-95; и Орхомен 101; и Тиринф 106
героическое царствование 215-216
Геснод 37, 288
Гете Иоганн Вольфганг фон 167
Гиббон Эдуард 285, 329

УКАЗАТЕЛЬ

- Гирня (Драмес) 182
Гиссарлык 9-11, 20-24; Армия 221; храм Афины 45, 48, 67, 80, 361; раскопки Благена 10-11, 21-23, 147-153, 195-197, 231-232, 234, 324, 326, 327, 328; пробные раскопки Калверта 67; раскопки Дёрффельда 117-122, 147, 148, 152, 193, 197-198, 328, 367-368; и Фрэнк Калверт 66-67, 81, 82, 83, 84, 88, 115; и хетты 262, 263-268; и Гомер 189-198; раскопки Корффана 10, 367-375; и Микены 231-235; Шлиман на Гиссарлык 9, 10, 22, 69-72, 79-90, 110-117, 147, 194, 233, 367; и «народы моря» 305, 306; Троя 22-23; Троя I 148; Троя II 86, 114-117, 146, 194, 313; Троя VIIb 359-360, 375; стена Лисимаха 81, 83; *см. также «Новый Илест (Новая Троя)», «Троя VI», «Троя VIIa»*
Гладстон Уильям Ю. 132
Голиаф 298
голлиудские фильмы 24-25
Гомер 163-197; и Александр Македонский 45; и христианские ученые 48-49; и датировка Троянской войны 305-306, 317-318; и раскопки Дёрффельда в Трое-Гиссарлык 117-122; и английской культуре 52-55; и эпическая поэзия 163-165, 169-177; и миф о золотом веке 337; и героическое царствование 215-216; и хеттские тексты 264-265, 266, 271, 272, 275, 350; и гомериды («сыны Гомера») 171, 173; и Кносс 125, 139; язык Гомера 175; и таблички линейного письма Б 159-162; и местоположение Трои 61-62; и Микены 90-91, 93, 94, 96-97, 166, 173-177, 178, 180, 181, 182, 187, 199, 201, 203, 204, 205, 235, 247-248; и Новый Илнос 261; и Орхомен 102; и Пилос 154, 289; и раскопки Шлимана в Трое-Гиссарлык 87, 88, 89, 90, 112-114; и научная археология 168; и сказание о Трое 10, 24, 27-38, и Тиринф 103-106, 168, 177, 183, 187; о топографии Трои 190-198; и Троянская война как факт 12, 38, 39, 41-42, 190; *см. также «Илиада», «Одиссей»*
Гораций, «Оды» 46
горное дело и Микены 209-211
гражданская война в Тренин (1940-х гг.) 159
грамотность, *см. «письменность»*
греческая война за независимость 78
греческая мифология, и микенская цивилизация 146
греческий язык 56; и таблички линейного письма Б 161, 169
Грот Джордж, «История Тренин» 41, 120
Гуман Карл 242
Давид и Голиаф 298
Даллам Томас 61
Дарвин Чарльз 142; «Происхождение видов» 76
Дардан, древний город 18
Дарданеллы 11, 26, 45, 47, 54, 62, 70, 191, 192, 321, 346, 386; движение судов 371
Дело 281
Дёрффельд Вильгельм 10, 21, 22, 23, 25, 339; и разрушение Трои VI 307-310, 311-312, 319; раскопки в Трое-Гиссарлык 117-122, 147, 148, 152-153, 193, 328, 367, 368; и гомеровский вопрос 168-169; и Кносс 128, 130, 136, 137; и Шлиман 76, 102, 105, 113, 115, 117, 121-122
Джелл Уильям 102, 104
Джерер, «Всеобщая история» 72, 73
Джонсон Самюэль 53
Джозеф Моммусский 51-52
Дикти, гора 124
Диодор Сицилийский 41
Диомед, царь Тиринфа 103, 187
Додвелл Эдвард 92, 94, 104
«Доктор Кто» 25
дорийцы 37, 41, 139, 285, 287, 355, 357
Дурис Самосский 42
Дюмрек, долина 18, 324
Евдоксия, императрица, «Жизнь Иисуса» 49
Еврипида, «Троянки» 315
Египет; и хронология Эванса 141; и хетты 241-242, 244, 245, 246-247, 255, 257, 262-263, 292-293, 347; и Кносс 133, 136; и Микены 202-203, 247-252, 283, 341; писцовые списки 178; и «народы моря» 291-303; и морские разбойники 289
Елена Троянская 24, 25, 37, 201, 238; существование 352; гомеровский рассказ 31-32, 35; и «сокровища Елены» 9, 23, 74, 86, 87; и Спарта 108
Елизавета I, королева Англии 52
женщины: хеттские 244; локрыдские девушки 37, 191, 197, 358, 361, 374; рабыни и пленницы 37-38, 161, 222-226, 343, 344-345, 352, 382; в сказании о Трое 352-353
Жироду Жан 54
Занназа, принц 247
«Звездный путь» 25
Зевс (греческий бог) 124
Зевульф, англо-саксонский пилигрим 56-57, 319
землетрясения и разрушение Трои 303, 305, 306-316, 351, 354
земля реки Сеха 254, 269, 270-271, 274, 275, 349, 382, 283, 384
Зигурисе 291
Зоммер Фердинанд 245, 270
Насос 227, 230, 282, 283
Иби-Халдуи 285, 332, 333, 335, 342-343
Ида, гора 26, 31, 64, 124, 192, 378
Идомей, царь 131, 137
«Илиада» 9, 27, 32, 34, 45, 52, 53, 54, 55, 58, 62, 99, 103, 119, 163, 165; и Агамемнон 199; и Аполлон 377-378; и Бешик-тепе/бухта Бешика 368-372; перечень кораблей 160, 162, 177-189, 288, 357; и хеттские тексты 275; время сочинения 169-173, 358; и «разорители городов» 224, 343; и Сминтей 321; и применение колесниц 176; издание Venetus A 165, 167; предисловие Вольфа 167; о «пленницах» 223; *см. также «Гомер»*
Илнос 29-30
Имброс, остров 20, 28, 54, 58
Иоак 201, 256
Иосиф Флавий 38, 43, 163, 164, 168-169, 172
Истон Дональд 12
Ифигения (Ифитаясса) 352-353
Кавафис Константинус, «Итака» 25-26
Калеш, битва 241-242, 267, 293, 295, 347, 376, 385
Канк 271
Какстон Вильям, «Rescuell of the Histories of Troye» 51, 52, 60
Калверт Джеймс 65
Калверт Фредерик 65, 87
Калверт Фрэнк 65-66, 73, 81-85, 88, 115
Калифатли 365-366
Калокеринос Минос, раскопки в Кноссе 109-111, 129-131, 133, 135, 141, 155, 159
Калхас, прорицатель 33
Канеш 278
Карл Великий 172
Каре, обломки корабля бронзового века 280
Каснодот, «История готов» 51
Катон 345
Кеос 281
керамика: «амбарный класс» 304; серая минойская 103, 112, 115, 233, 234, 359, 360, 361; рогатая посуда 359; микенская 119, 201-202,

УКАЗАТЕЛЬ

- 226, 230, 232, 281, 283, 303; и Пилос 157-159; и Троя VI 314, 328, 373; и Троя VIIb 359-360
Килкия 298-299
Кинглейк Александер 58, 192
Кири 230, 233, 278, 279, 287, 299, 301; путешествие в Трое с Кипра
«Киприя» 27
Кирик Анконский 57, 58-59, 76, 79, 102
Клавихо Руй Гонсалес де 56, 319
Кларк Эдвард 20, 80, 92, 104, 319, 321
клинописное письмо 180; хеттское 261
Клитменстра из Спарты 31, 208, 218
Книд 222
Кносс 122, 123, 126-140, 343; и Эгейская торговля 279-281, 282, 283; раскопки Эванса 131-141, 210; гегемония в Эгейском мире 41; и Гомер 32, 174, 185-186; и человеческие жертвоприношения 352-353; раскопки Калокериноса 109-111, 126-131, 133, 135, 137, 141, 155, 158-59; легенда о Минотавре и лабиринте 125-126, 127; минойская цивилизация в Кноссе 124-125, 126-127, 138, 140, 144; дворец Миноса 131, 134, 135; и Пилос 154, 156, 157, 158; оселение Шлимана 109-111; описания путешественников 127
кносскетаблички 111, 129, 133, 139, 141, 143, 145, 159-186, 250, 278, 279; и упадок цивилизации Кокерелл Чарльз 75, 92, 126
колесницы, и «Илиаде» 176
коноводство в Трое 30, 192-193, 234, 323
Константин Багрянородный 363
Константин Великий, римский император 46-47, 61
Константинополь 47, 58, 59, 60, 165, 379
корабли, гомеровский перечень 160, 162, 177-189, 288, 357
Коррейт Томас 61
Корффан Манфред 10, 12, 367-375
Кос 233, 282, 283, 320
Криса 182, 285, 291, 342
Крит 32, 108, 123-127, 210, 300; и Эгейская торговля 278, 281-283; и египетские посылы 248; Карфи336; освобождение (1898) 111; Музей местной истории 130; описания путешественников 126; *см. также «Кносс»*
Крибулодос Имбросский 59-60
Ксеркс, персидский царь 17, 24, 44, 368
Кукунара, деревня 226
«культурная антропология» 143
Куруниотис, греческий археолог 155
Курниус Эрнст 8, 74
Лаббок Джон 131-132, 143; «The Origin of Civilization [Происхождение цивилизации]»; «Prehistoric Times [Доисторические времена]»
Ладон, река 184, 185
Лакония (Спарта) 108, 187, 201, 209, 213, 287, 288, 355, 357
Лагг Эндри, «Илиада» 53
Лаомедонт 28, 224, 231, 234, 354
Лейк Уильям 102, 104; «Travels in the Morea [Путешествия в Морей]» 92, 93
Лемнос 222, 284
Лерна, «Дом черепицы» 217
Лесбос 223, 236, 253, 269, 272, 275, 364, 387
Летсвальд Жан-Батист 62-63, 192, 311, 351, 360
Ливан 278, 283
ливийцы и «народы моря» 293-295
Лисимах, военачальник 67, 362
Литгоу Уильям 61
Лиф Уолтер 140, 145, 152; «Notes and History [Гомер и история]» 119-122
локрыдские девушки 37, 191, 197, 258, 361, 374
Лондон 23, 52, 203
Лорд Альберт 168
Лукаи, «Фарсалия» 46
Лукиан, «Сон» 162
Лука (морские разбойники) 292-294
маяя пивидания, улаок 334
Макларен Чарльз 17, 66, 81, 379
Макробий, «Сатурналии» 49
Макхейл Джон 55
Масат-Уюк 300
Меднет-Абу, великий храм Рамзеса III 295
медь, торговля 279, 284
Мейер, Эдуард 237
Мелос 281, 283
Мендерес, *см. «Скамандер, река»*
Менелай 31, 32, 35, 36, 108, 201, 358
Менелайон 201, 285, 291, 340, 357
Месопотамская клинопись 180
Мессениа 287, 299, 300, 301, 355
Мехмет II, турецкий султан 59-60, 78
Мехмет Турецкий 24
Мизия 32, 271
микенская цивилизация 23, 42, 44; и Малой Азии 226-234; в Тренин 145-146, 188, 195-197; и филистимляне 298; подъем и падение 285-291, 333, 334, 335, 345-346, 355; и «народы моря» 293-295, 305-307; обшество и царская власть 340-346; и торговля 277-279
Микены 56, 66, 200-222; и Эгейская торговля 281, 282; гробница Агамемнона 81, 94, 95, 206; династия Атридов 205, 207, 218, 256, 261, 262; «темные века» 357; разрушение Микен 285, 287; и Египет 247-252; укрепления 288, 342; и хетты 203, 214-215, 252-256, 252-264, 381-382; и Гомер 90, 94, 97, 99, 168, 173-177, 178, 180, 181, 187-186, 199, 201-202, 204, 236, 248; «имперские» черты 39, 40, 203-212, 219; и Кносс 108, 110, 128, 129, 132, 136, 137, 138, 139, 140, 157, 210, 211, 213; и таблички линейного письма Б 161-162; Львиные ворота 91, 92, 94, 95, 100, 106, 206-207; и горное дело 209-211; и династия Персеидов 218; керамика 119, 201, 224, 231-233, 281, 283, 303; и Пилос 154, 155, 156, 157, 158; восстановление 291; отношения с другими государствами 211-215, 340-341; религиозные культы 374; подъем 217-222; «Шлиман и «сокровища Микен» 74-75, 132, 142; раскопки Шлимана 79, 90-101, 286; шахтовые гробницы 95-96-101, 133, 139, 175, 207, 217, 218, 219; и Тиринф 103-106, 200, 204, 205, 211, 218, 219; «Сокровища Атрея» 91, 92, 94, 95, 100, 102, 139, 205, 209; и Троянская война 235-236; и Троя 231-235, 310-311, 312, 313, 315-316; и Троя-Гиссарлык 111, 112, 116, 119, 120, 150-152; *см. также «Агамемнон, царь Микен», «Аххиява»*
Мидет 194, 226, 227-230, 320, 341; и Эгейская торговля 281, 282, 283, 284; и хетты 244-245, 252, 253, 254, 255, 261, 347, 348, 349, 381; рабыни из Мидета 222-223; и «письмо Тавгалавы» 257
Миллер Генри 202
минойская цивилизация 124-125, 126, 127, 139, 140, 141, 143-144, 333; и Эгейская торговля 281, 282
Минос, царь 124, 125, 127, 139, 282
Мира 227, 244, 251-252, 260, 266, 273
миф о золотом веке 337-338, 357
Моррис Уильям, «Одиссей» 53
Моррит из Ружби, Джон 91, 102
Мраморное море 386
Муватаали, хеттский царь 266-267, 346-347, «349, 350, 382-383, 384-385»
Муридил II, хеттский царь 220, 247, 253, 374
Мусо, де 104
Мюллер, Макс 76, 84, 99, 109, 132
Наксос 283
«народы моря» 291-302, 305, 306
Нестор, царь Пилоса 32, 37, 151, 176, 186, 224, 289; дворец Нестора 153-158
Нильсон Мартин, «Гомер и Микены» 195

УКАЗАТЕЛЬ

Новый Иллион (Новая Троя) 19, 22, 56, 61, 66, 326, 327, 358-366; и Шлиман 69, 79, 80, 81, 83, 89; *см. также «Гиссарлык»*
 Ньютон Чарльз 66-67, 68, 88, 93-94, 339
 обломки корабля, бронзового века 280
 Одиссей (Улисс) 32, 35, 36, 187, 225
 «Одиссея» 27, 122, 153, 163, 169, 170, 191, 201, 271; и «народы моря» 302
 Оксфорд, музей Ашмола 132-136
 Олимпия, раскопки 79, 102, 105, 114
 Орхомен 112, 145, 154, 358; разрушение Орхомена 285; и Гомер 177; и Микены 200, 201, 202, 213, 214, 215, 340; раскопки Шлимана 101, 103
 Османская империя, завоевание Греции 78-79
 Осуе 130, 137
 Оффа, мерсийский правитель 352
 Павсаний 91, 94, 95-96, 101-102, 182, 210, 316
 Парне (Александр из Иллиона) 29, 30, 31, 32, 35, 36, 276, 353; и хетты 238, 244, 245, 266, 267-268, 317, 347, 350, 385
 Паросский мрамор и датировка Троянской войны 41, 43
 Парри Мильман 168-172
 Пейлаж Денис 178-179, 309
 Первая мировая война 53-55
 Персей 207
 Петрарка 165
 Пивьямара 257, 268, 275, 321, 348, 381, 383, 384-385
 Пилос 32, 107, 151, 357; армия 221, 225; Блеген в Пилосе 146, 153-158; разрушение 286, 289-290, 301, 353, 355; и Гомер 174, 186; и Микены 201, 213-215, 340; перестройка 340
 пилосские таблички 156-158, 161-162, 178, 221, 222, 223, 185-186, 261-262; и упадок цивилизации 336; и рабы 344
 Писистрат 167
 письменность: и конец «дворцовой» цивилизации 355; и гомеровские поэмы 169-170
 «письмо Тавагалавы» 257-260, 268, 383-385
 Плиато, итальянский ученый 165
 Подибий 184, 277
 Посейдон 20, 28, 45, 58, 354
 Поукот Ричард 127
 Приам, царь Трои 9, 29-30, 35-36, 353; и хетты 262; дворец Приама 30, 87; Шлиман и «сокровища Приама» 74, 85-88
 Просинна 146, 217, 267, 312
 Песел, Михаил 59
 Пудухена, хеттская царица 263
 Пэмми Ричард 127
 рабы 279, 284, 320, 344-345
 Рамзес II, египетский фараон 241, 243, 259, 263, 292, 347-348;
 Рамзес III, египетский фараон 292, 295;
 Рейнах, «Восточный мараж» 133
 религиозные культы в Трое 374
 ремесленники, в Трое героического века 328-329
 Рено, Мари, «The King Must Die (Король должен умереть)» 125
 Римская империя 22, 45-48, 51, 58, 211, 331, 335, 362-364; *см. также «Новый Иллион (Новая Троя)»*
 Родос 233, 282, 283, 293, 320
 романтизм и Шлиман 78-80
 рыба и рыболовство 233, 322
 Рэгг Ричард 61
 Самос 282
 Самофракия (Самотракия) 28, 57-58, 79, 84, 192
 Сандерсон Джон 61
 Сандис Джордж 61
 Сарафенд 278
 Саттон-Ху 216
 Сейтан-Дереси, обломки корабля бронзового века 280
 Селден Джон 42
 Сенека 20
 Сенкевич, «Письма из Африки» 116-117
 Сириополос, К. Т. 183
 Сифнос 281
 Скамандр (Мендерес), река 28, 61, 63, 80, 194, 360, 370, 371, 378-379, 381
 Скирос 223
 Сминтей, бог бронзового века 321
 Смирна, город в Ионии 30
 «сокровища Елены» 9, 23, 44, 45, 74, 86, 87
 Соломон 238
 Спарта: культ Агамемнона 358; Шлиман и долина Эвротаса 107; *см. также «Лаколия (Спарта)»*
 Спратт Томас, «Travels in Crete [Путешествия на Крит]» 127
 Стирман, американский консул 130
 Страбон 58, 68, 183, 271, 377
 Суллилуума, хеттский император 242, 247, 267
 Сэйс А. Г. 76, 121, 241, 242
 таблички линейного письма Б: и Аполлон 377; и колесницы 176; и Хиос 320; и ремесленники в Трое 328-329; расшифровка 159-162; и теории Эванса 143-144, 145; и хетты 261; и Гомер 168-169, 173, 175, 177, 185-186; списки на табличках 179; и Микены 219; и имена троянских героев 353; и рабы из Малой Азии 223, 236, 387; Тирриф 200, 201, 202; и торговые пути 278-279; и военное дело 342-343; *см. также «Кносские таблички», «Пилосские таблички»*
 Тейлор, «Primitive Culture [Примитивная культура]» 141
 Тафур Перо 57, 126-127
 Тевфикийе, деревня 19
 Тексье Шарль 239-240
 телевидение 25
 Телеф, царь Мизии 32, 271
 Тель-аву-Хавам 278, 301
 Тель-эль-Амарна 283
 «темные века» в Греции 37, 133, 197-198, 336; и Гомер 174, 175, 177; и сказание о Трое 357-358
 «темные века» в Европе 200, 203, 204, 337, 356
 Тенедос 20, 28, 33, 47, 56, 223, 321, 368
 Тесея 126
 Тирриф 133, 139, 142, 145; Армия 295; «темные века» 357; разрушение Тиррифа 285, 286, 355; укрепления 288, 342; и хетты 253; и Гомер 103, 105-106, 167-169, 177, 183, 187, 188; и Миллет 227-229; и Микены 103, 104, 106, 167-169, 177, 183, 187, 188; и Пилос 156-157, 158; восстановление 291; раскопки Шлимана 102-106, 115, 129-130, 202, 286
 торговля: в бронзовом веке 277-285, 340-341; и международная дипломатия 246-247; микенская торговля с Египтом 249; и Троя 323
 Трояда, турецкая оккупация и греки 364-366
 Троя VI 262, 274; и анатольская культура 330; раскопки Блегена 147, 148, 152-153, 231-232; и упадок цивилизации 336; ремесленники 328-329; кремационное кладбище 324; культурные зоны 325; и датировка Троянской войны 119, 317-318; разрушение землетрясением 306, 307-311, 351, 354; и Фрэнк Калверт 65; ворота 30, 325, 373; и Гомер 191, 192, 193, 195, 197; и раскопки Корфмана 368-373; и Микены 232, 235; дворец 327-328; «дом с колоннами» 327; население 329; и датировка по керамике 314-315, 317; религиозные культы 374; и Ферми 320-321; и торговля 323; поселение в героическом веке 318-330; стены 324-327, 373-375
 Троя VIIa 149-153, 158, 231, 274, 303-306, 359; и упадок цивилизации 336; и датировка Троянской войны 314-315, 317, 318; разрушение 330
 Троя VIIb 359-360, 375

УКАЗАТЕЛЬ

Троя: Гомер о топографии Трои 190-197; гомеровская история Трои 27-38; местоположение 61-63, 65-68, 69-70, 190, 386; *см. также «Гиссарлык»*
 Троянская война 338-358; и Бешик-тепе и бухта Бешик 368-372; датировка 11, 39-44, 84, 100, 119, 151, 305-307, 317-318; как история или выдумка 12, 38-44, 63-64, 65, 338-339, 358, 385; и хетты 269-276, 317, 376, 380-387; гомеровская история Троянской войны 11, 24, 27-28; и международная дипломатия 246-247; и Кносс 138, 139; и Микены и микенская цивилизация 100, 235-236, 340-346, 354-355; скептики 12, 338-339; и «народы моря» 300-302; и Спарта 108; и Троя VII 306; и Троя VIIa 23, 149-153, 305, 306; и деревянный конь 25, 35, 316, 353-354
 троянский деревянный конь 25, 35, 316, 353-354
 Туахалия I, хеттский царь 264, 267
 Туахалия IV, хеттский царь 261, 263, 269, 273, 275, 276
 турецкая оккупация Трояды 364-365
 Тутанхамон Египетский 247
 Тузмос III, правитель Египта 248
 тьладровский миф 51-52
 Угарит 174, 221, 230, 246; и эгейская торговля 277, 282; разрушение 298-299
 Урхи-Тешуб, хеттский царь 346, 348, 349
 Урхи-Эвротас, хеттский царь 346, 348, 349
 Устная эпическая поэзия и Гомер 164, 170-171
 Уэйс Алан 142, 146, 154, 200
 Фабрициус, немецкий ученый 126, 137
 Фенгари, город 20
 Фера 281, 350
 Ферми 320-321, 339, 351
 Фивы 101, 145, 201, 202, 212, 213, 214; разрушение Фив 285, 316, 340, 345; находки печатей из лаяне-лазури 250
 Филакопи 281, 283
 Филегистинде 292, 293, 294, 297, 298
 Фил октет 37
 Финля, сэр Мозес 12, 338
 Фюрер Эммиль 244-245, 376, 381
 Франк Троянский 51
 франко-прусская война (1870—1871 гг.) 79
 Фукияд 37, 39, 40, 41, 43-44, 58, 90, 220, 285, 356-357; и беотийцы 188; о Крите 124-125, 126, 281; «История Пелопонесской войны» 330

Хаттусса 202, 208
 Хаттусили III, хеттский царь 254, 255, 262, 263, 270, 273, 275-276, 317, 318, 346-350; и «письмо Тавагалавы» 257-261, 268
 хеттские таблички 176, 227, 346-348, 376
 хетты 11, 204, 237-276; и Эгейская торговля 282; армия 219, 220, 295; дипломатия 244, 245-256; открытие хеттов; и египтяне 241-242, 246, 247, 254, 255, 259-260, 263-264, 292-293; и греки 244-245, 248, 251, 252-256, 259-261; Хаттусса 203, 208; и Гомер 200; язык 237, 238, 243; и Миллет 230; и Микены 204, 205, 213, 214, 215, 252, 253-264, 381; названия местностей 252, 274; и «народы моря» 299-301; и «письмо Тавагалавы» 257-261; и Троянская война 268-276, 317, 376, 381, 388; и Троя VI 329-330; и Вилдуса 190, 244, 254, 260, 264-270, 272, 273, 274, 276, 317, 346-350, 376-380, 384-387; и Вилдуса (Вилдусия) 190, 244, 273, 274, 276; *см. также «Аххиава», «Боазкей», «Хаттусили III, хеттский царь»*

Хиос 222, 284, 320
 христианство и Троя 47-49
 хурритская цивилизация 217

цивилизация: географический подход к упадку цивилизации 331-338; концепция XIX века 76-77; *сд. также «Минийская цивилизация», «Микенская цивилизация»*
 Цицерон 166

Шунтас, греческий археолог 108, 158, 200

Чанаккале 17, 81
 Чедвик Г. М., «Heroic Age [Героическая эпоха]» 215-216
 Чедвик Джон 160
 человеческие жертвоприношения 352-353
 Чиллак, деревня II-III
 Шантр Эрнест 242
 Шекспир Уильям 24, 25; «Генрих V» 52; «Троил и Крессида» 51, 52, 60
 шерден (морские разбойники) 292-293
 Шлиман Генрих 8, 21, 25, 68-122, 220, 339, 365; «Внешность 69; и археология 75-78, 79, 100, 105, 240; в Чиллаке 18-20; в бухте Бешик 371; подробности биографии 70-75; характер 75; смерть 116; и разрушение Трои VI 307-312, 319; и находки Дёрриффелда на Гиссарлыке 120; и Эванс 131, 132, 133, 142; раскопки в Трое-Гиссарлыке 9, 10, 11, 22, 80-90, 108-109, 111-117, 147, 194, 233, 308, 367, 388; раскопки Микенах 79, 100-101, 286; и Фрэнк Калверт 65-68, 73, 81-82, 83, 84, 88, 115; и серая минийская керамика 234; и источник на Гиссарлыке 192; и Гомер 168; «дом» в Тевфикийе 9; «Иллион» 71, 112; и «сокровища Елены» 9, 23, 74, 86, 87; и Кносс 109-111, 127, 128, 130, 135, 136, 137, 138; «Микены» 71, 99, 339; и Микены 79, 90, 100, 101, 202-203, 207-208, 219-220; и Новый Иллион 363; раскопки в Орхомене 101-103; и романтизм 78-80; «Тирриф» 71; и Тирриф 103-106, 115-116, 130, 201, 286; и «сокровища Приама» 74, 85-88
 Шлиман София 74, 86, 90, 102, 117
 Шо-Стюарт Патрик 54-55
 Штакецберг фон (художник) 95

Эванс Джон 76
 Эванс, сэр Артур ПО, 128-134, 157, 159, 200, 201; периодизация истории Эгейского мира 141-143; раскопки в Кноссе 132-140, 210; «Дворец Миноса» 131, 138, 144
 Эванс-Притчард Э. Э. 225
 Эврисей, царь Микен 218
 Эвтрес 185, 212, 291, 324, 342
 Эдвин Томас Брос, лорд 91, 102, 126, 136, 206
 Элевсин 213
 эллинизм 48-49, 58-59, 65; Шлиман и романтический филоэллизм 76-80
 Эниспа 183, 184, 185, 193
 эпическая поэзия, гомеровская 163-164, 170-177
 Эратосфен, Александрийский библиотечник 42
 Эсхил 315, 339; «Агамемнон» 24, 33, 36
 Этеокл 245, 253, 257
 Эфес 194

Юлиан, римский император 47-49, 362-363
 Юлий Цезарь 45-46, 362
 Юстиниан, римский император 363

Ясон 256

Майкл Вуд
ТРОЯ. В ПОИСКАХ ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

Главный редактор И. Новиков
Выпускающий редактор Е. Шагина
Художественный редактор Л. Меркулова
Корректор А. Максимова
Компьютерная верстка Е. Шагиной

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 29.03.07 г. Формат 84 х 108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура «JornalCTT».

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 21,0. Тираж 3000 экз.

Заказ № 1840.

ООО «Издательство СТОЛИЦА-ПРИНТ»
125252 Москва, 2-я Песчаная ул., д. 4. Тел. (495) 411-51-57
E-mail: stolitsa-print@yandex.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

По вопросам приобретения книг издательства
«СТОЛИЦА-ПРИНТ»
обращаться в книготорговую фирму
«СТОЛИЦА-СЕРВИС»
по тел.: (495) 375-36-73, 375-24-33, 375-32-11;
E-mail: info@stolitsa-books.ru
<http://www.stolitsa-books.ru>